

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

- Ань Энжуй.* Социальные последствия пандемии COVID-19 в Китае 5
- Мяо Цзин.* Социологический подход как методология научных исследований 11

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Котелевская А.С.* Отличительные особенности образовательной системы Сингапура 17
- Васильева В.А., Шабавва А.А.* Плагиат глазами студентов: мошенничество или норма 20
- Савельев Д.Л.* Региональный музей как коммуникативное пространство в условиях цифровизации: на примере Тюменской области 30
- Скороходов С.Н.* Трансформация ESG-факторов устойчивого развития спортивной индустрии в условиях цифровой экономики 36
- Чернышев В.П., Андрущенко Ю.В., Рязанов В.Н., Закарян Г.З.* Исследование возможных трендов в образовании по физической культуре в вузе на современном этапе 40

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Бурняшева Л.А., Романов Е.Н.* Влияние индустрии туризма на социально-экономическое развитие российских регионов 43
- Демененко И.А., Дивиченко О.И.* Формирование патриотизма и гражданской ответственности студенческой молодежи в условиях современного времени 46
- Крутько Е.А., Безматерных Н.А., Комкова А.С.* Исследование формирования и развития экзистенциальных навыков в русле деятельности студенческих сообществ 50
- Лурье А.А.* Социологические инструменты реализации стратегий трудоустройства выпускников вузов 55
- Тринадцатко О.А.* Социальные аспекты лесных пожаров (на примере Хабаровского края) 59
- Пустарнакова А.А., Помогаева О.В.* Социологическое исследование причин переезда трудовых мигрантов: на примере Самарской области 65

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Симонян Э.Г.* Обман как социальное явление: структурно-функциональный подход 70

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.03.2023 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Антрушина К.Т. «Мрачный» период творчества Франсиско Гойи.....	74
Попов В.В., Забровский В.А. Специфика исследования субъективного времени индивида с ограниченными возможностями в пространстве инклюзивного социума: опыт концептуализации темпоральных референтов	78
Шафигуллин В.А. Цифровизация и сетевизация как угроза духовным ценностям общества	81

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Гусейнов Ф.И. Что значит «быть»? Габриэль Марсель об онтологическом таинстве в докладе 1933 года	85
Нартова М.А. Трансформация клинических исследований, вызванная COVID-19: биоэтические и методологические аспекты	91
Полозова И.В. Возвращение «политической теологии»: старая или новая наука.....	95
Хандогин Р.В. Онтологическое картографирование в объектно-ориентированной парадигме	98

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Разноформенные проявления политических отношений в сетевом обществе (материалы круглого стола)	101
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Палилов Д.Е. Политико-экономические особенности эксплуатации северного морского пути в условиях геополитического противостояния	114
---	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Хадыров Р.Ю. О роли Таджикистана в создании и функционировании институтов Шанхайской организации сотрудничества	118
Гребнев Р.Д. Стратегические направления внешней политики России в многополярном мире: геополитический подход.....	124
Игнатьева И.В. Роль лингвистической компетентности в реализации международных коммуникаций.....	129
Манукян А.Р. Роль образования в «мягкой силе» современного государства	133
Раджабова З.К., Хидирова С.З., Гюльмагомедова Г.А. Внешнеэкономическая политика России и основные этапы ее развития	138
Чжан Лэй. Роль китайско-российских дипломатических отношений в мировой политике в XXI веке.....	142
Аторин Р.Ю., Бесчастнов Н.Н. Вызовы современных технологий (на примере концепции «метавселенной»).....	145
Маммаева М.А., Бигаева З.С., Лобачева З.Н. Вклад деятелей искусства Дагестана в борьбе против фашизма	149
Тетюхин В.В. Оценка эффективности мер Российской Федерации по нейтрализации угроз транснациональной преступности	152

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

An E. The social impact of the Covid-19 pandemic in China.....	5
Miao J. Sociological approach as a methodology for scientific research.....	11

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Kotelevskaya A.S. Distinctive features of Singapore's educational system.....	17
Vasilyeva V.A., Shabaeva A.A. Plagiarism through the eyes of students: dishonesty or the norm.....	20
Saveliev D.L. Regional museum as a communication space in conditions of digitalization: on the example of the Tyumen region ...	30
Skorokhodov S.N. Transformation of ESG factors of sustainable development sports industry in the digital economy	36
Chernyshev V.P., Andryushchenko Yu.V., Ryazanov V.N., Zakaryan G.Z. Research of possible trends in physical education education at the university at the present stage	40

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Burnyasheva L.A., Romanov E.N. The impact of the tourism industry on the socio-economic development of Russian regions ...	43
Demenenko I.A., Divichenko O.I. Formation of patriotism and citizenship student youth in modern times.....	46
Krutko E.A., Bezmaternykh N.A., Komkova A.S. Self-skills in the line of the activities of student communities.....	50
Lurye A.A. Sociological tools for implementing employment strategies for university graduates.....	55
Trinadtsatko O.A. Social aspects of forest fires (on the example of the Khabarovsk Territory).....	59
Pustarnakova A.A., Pomogaeva O.V. Sociological study of the reasons for the relocation of labor migrants: on the example of the Samara region	65

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

Simonyan E.G. Deception as social phenomenon: structural-functional analysis.....	70
Antrushina K.T. The «Black Paintings» period of the work of Francisco Goya	74
Popov V.V., Zabrovskiy V.A. The specificity of studying the subjective time of an individual with limited possibilities in the space of an inclusive society: the experience of conceptualizing temporal referents.....	78
Shafigullin V.A. Digitalization and networking as a threat to the spiritual values of society	81

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Huseynov F.I. What does «to be» mean? Gabriel Marcel on the ontological sacrament in a 1933 talk	85
Nartova M.A. Transformation of clinical trials caused by COVID-19: bioethical and methodological aspects	91

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), proroctor of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.03.2023. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Polozova I.V. The return of «political theology»: old or new science..... 95

Khandogin R.V. Ontological mapping in the object-oriented paradigm..... 98

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Diverse manifestations of political relations in a network society (materials of the round table) 101

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Palilov D.E. Political and economic features of operation of the northern sea route under the conditions of geopolitical standoff..... 114

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Khadyrov R. Yu. On the role of Tajikistan in the creation and functioning of the institutions of the Shanghai Cooperation Organization..... 118

Grebnev R.D. Strategic directions of Russia's foreign policy in a multipolar world: geopolitical approach 124

Ignatyeva I.V. The role of linguistic competence in the implementation of international communications..... 129

Manukyan A.R. The role of education in the «soft power» of the modern state..... 133

Radzhabova Z.K., Hidirova S.Z., Gulmagomedova G.A. Foreign Economic policy of Russia and the main stages of its development 138

Zhang Lei. The Role of Sino-Russian Diplomatic Relations in World Politics in the 21st Century 142

Atorin R. Yu., Beschastnov N.N. Challenges of modern technologies (on the example of the concept of the «metaverse»)..... 145

Mamayeva M.A., Bigaeva Z.S., Lobacheva Z.N. Contribution of Dagestan artists in the fight against fascism 149

Tetyukhin V.V. Evaluation of the efficiency of measures of the Russian Federation to neutralize the threats of transnational crime 152

Социальные последствия пандемии COVID-19 в Китае

Ань Эньжуй,

аспирант кафедры социальных технологий социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: enrui8585@gmail.com

В статье рассматриваются последствия пандемии COVID-19, обнажившей социально-экономическое неравенство людей во всем мире. Данное исследование направлено на изучение влияния пандемии COVID-19 на множество аспектов социального благополучия, таких как занятость, бедность, положение мигрантов, продовольственная безопасность и мировая торговля на примере Китая. Предпринята попытка исследования перспектив развития социальной сферы Китая на фоне негативных последствий пандемии. Сделан вывод о том, что изучение социальных последствий ограничений, связанных с COVID-19, служат ориентиром в процессах восстановления экономически уязвимых слоев населения. Понимание изменений общественных настроений китайского общества может быть использовано для разработки соответствующей социальной политики, направленной на снижение негативного воздействия пандемии на жителей Китая. Очевиден тот факт, что вспышка COVID-19 оказала негативное влияние на общественные настроения, поэтому так важно изучать изменения в общественных настроениях именно на этапе восстановления после пандемии.

Ключевые слова: пандемия, социальная изоляция, социальные последствия, COVID-19, Китай, социальное дистанцирование.

Пандемия COVID-19 внесла значительные коррективы в социальную жизнь Китая в начале 2020 г. Официальная статистика сообщала о снижении валового внутреннего продукта на 6,8% в первом квартале года, тогда как уровень безработицы в городах вырос с 5,3% в январе до 6,2% в феврале, а 6% работников по всей стране были вынуждены покинуть рынок труда. Мигранты стали одними из наиболее уязвимых социальных групп во время пандемии. Поскольку вспышка в Китае произошла во время праздника Весны, когда большинство мигрантов вернулись домой, строгие меры ограничения, принятые в городах с конца февраля 2020 г., значительно ограничили мобильность этих мигрантов [15]. Их неспособность вернуться на свое рабочее место в городе, усугубляемая высоким предполагаемым риском для здоровья, привела к тому, что значительная часть из них потеряла работу. Исследования показали, что более 90% сельских рабочих-мигрантов оказались в затруднительном положении после того, как они вернулись домой и не смогли найти работу по состоянию на конец февраля 2020 г. [6].

Кроме того, внезапное снижение спроса на группы товаров привело к огромному давлению на экономику Китая, ориентированную на экспорт. Многие трудоемкие отрасли испытали на себе основную тяжесть экономических трудностей пандемии, и увольнения стали неизбежными. Только за январь и февраль 2020 г. было закрыто 247 тыс. предприятий. Ожидалось, что страхование по безработице обеспечит чрезвычайную помощь, но в масштабах страны программа охватывала только 17% мигрантов. Среди общей массы лишь 8% лиц, уволенных к ноябрю 2020 г., были защищены страхованием по безработице, а 86% уволенных работников не получали никакой социальной помощи [15]. При этом нужно отметить, что во время пандемии были приняты необходимые программы социальной защиты в Китае, охватывающие широкий спектр областей политики, таких как медицинское страхование, страхование по безработице и страхование от несчастных случаев.

Несмотря на то, что китайское правительство проявляло гибкость, предлагая разовые денежные выплаты уволенным мигрантам, которые не были включены в программу страхования от безработицы, в действительности такое предоставление материальной помощи было ограничено небольшим количеством городов.

Кроме того, даже когда пособия предоставлялись, только безработные мигранты, работающие в формальном секторе, имели право на их получение. К сожалению, обширный неформальный сектор недостаточно охвачен национальными мерами социальной защиты. Это подтверждает версию о том, что разделение между местным населением и мигрантами стало основным источником социального неравенства во время пандемии.

В данной работе рассматриваются различные методы борьбы по сдерживанию роста заболеваемости в период пандемии, а также постковидная ситуация в Китае,

где хорошо прослеживается грамотность в принятии решений, что касается организации мероприятий по недопущению распространения COVID-19. Очевидно, что в то время, как другие страны все еще боролись с разрастающейся пандемией, Китаю в значительной степени удалось ее укротить. Общенациональный подход, подкрепленный высоким мобилизационным потенциалом государства, создал особый стиль кризисного управления, который способствовал борьбе с пандемией.

На сегодняшний день социальное обеспечение Китая в основном сосредоточено на смягчении неблагоприятного воздействия, вызванного потрясениями на рынке труда и рисками на индивидуальном уровне. Однако, сама эта политика часто структурирована по профессиональным, этническим, возрастным и гендерным признакам, что может ограничивать необходимый доступ к социальной защите для уязвимых групп населения во время крупномасштабных кризисов, таких как пандемия коронавируса.

Многочисленные исследования говорят о том, что внешние потрясения, такие как пандемии, стимулируют потребность людей в социальной защите и побуждают их отдавать предпочтение краткосрочному социальному потреблению долгосрочным инвестициям. Изучение общественного мнения о реакции социальной политики на пандемию коронавируса в Китае показало значительные экономические трудности среди респондентов, выразивших явное желание модернизации существующего рынка труда и социальной помощи. Несмотря на это, будущий первой страной, охваченной пандемией COVID-19, Китай показал отличную способность управлять процессом адаптации более эффективно, чем большинство стран [14, с. 262].

В рамках исследования социальных последствий эпидемии коронавируса представляется важным изучить динамику появления эмоциональных состояний, психосоциальных факторов и стратегий выживания медицинского персонала во время пандемии COVID-19, чтобы впоследствии эти знания способствовали разработке грамотных инструментов психологической помощи и других видов поддержки, так как стресс для данной социальной группы, как правило, негативно влияет на общий эмоциональный фон и способность справляться с трудностями.

В то время как пациенты нуждались в психологической поддержке во время прохождения лечения, медицинский персонал нуждался в ней еще сильнее. Во время эпидемии атипичной пневмонии тревога и страх были обычным явлением для простых граждан. Как стало известно, во время эпидемии лихорадки Эбола, отсутствие систем психического надзора и психосоциальной поддержки увеличивало риск психологического стресса и прогрессирования психопатологии у медицинского персонала. Среди медицинских работников во время пандемии COVID-19 была обнаружена более высокая распространенность психологических симптомов, чем в предыдущие пандемии и эпидемии. Согласно многочисленным исследованиям, у значительной части медицинских работников были симптомы депрессии (50,4%), тревоги (44,6%), бессонницы (34,0%) и дистресса (71,5%) [10, с. 24].

На данный момент не вызывает сомнения тот факт, что медицинские работники подвергаются высокому риску психических расстройств во время пандемии. Исследования, ориентированные на эту социальную группу населения, представляет собой удобный способ обобщить знания об их нуждах и проблемах и может служить отправной точкой для дальнейших более грамотных политико-социальных решений [1, с. 6]. Важно от-

метить, что пандемия COVID-19 стала началом кардинальных изменений в сфере улучшения систем психического здоровья и психосоциальной поддержки в Китае, например, таких, как предоставление психологических услуг онлайн. В данный момент мы можем наблюдать трансформацию психологической помощи в медицинской сфере Китая [5, с. 250–251].

Благодаря многочисленным исследованиям, выяснилось, что межличностное общение, затрудненное из-за медицинских масок и защитных костюмов, часто провоцирует плохое настроение или эмоциональное истощение. В этой связи грамотная социальная поддержка и эффективные стратегии реагирования необходимы для временного снижения стресса, а также для снижения риска психологических проблем в долгосрочной перспективе.

Таким образом, применение позитивных стратегий преодоления трудностей в такое непростое время, как пандемия, локдаун принципиально важно. Необходимо планирование времени и места отдыха для медицинского персонала, также нужно организовывать и другие сопутствующие формы государственной финансовой поддержки и психологической помощи.

Говоря о Китае, мы имеем возможность наблюдать в данный момент времени то, что существовавшее ранее неравенство людей в сфере получения социальных пособий привело к тому, что коренные жители и мигранты имеют явные различия в получении социальной поддержки от государства. Эта разнородность ярко иллюстрирует неравенство в китайской системе социального обеспечения, а также показывает динамику рынка труда, возникшую в результате массовой внутренней миграции и неформализации рабочей силы.

Нужно признать, что экономический спад, вызванный пандемией COVID-19, усугубил существующее социальное неравенство в большинстве стран. Внезапное и серьезное нарушение экономической деятельности, вызванное эпидемией, привело к массовой безработице, повсеместному сокращению заработной платы и резкому росту бедственного положения обычных граждан.

Как и предполагалось ранее, люди, наиболее сильно пострадавшие от пандемии, часто относились к социальным группам, которые уже были уязвимы до этого, что доказывает ранее существовавшее неравенство. Социальная политика Китая в данный момент является неотъемлемой частью скоординированных политических мер реагирования на кризис и ее модернизация необходима для поддержания достойного уровня жизни отдельных лиц и категорий граждан.

Нужно отметить, что большинство стран во время пандемии вводили краткосрочные меры социальной поддержки, часто используемые инструменты такой помощи включали в себя субсидирование заработной платы, оплачиваемые отпуска, программы сохранения рабочих мест; и тут важно подчеркнуть, что, как показала практика, уже существующие программы, такие как пособия по безработице и минимальная заработная плата нуждаются в дальнейшем повышении во многих странах, в том числе и в Китае.

Не секрет, что китайская система социального обеспечения давно известна как фрагментарная, дихотомия между городом и деревней и разрыв между формальным и неформальным секторами создали неравную систему благосостояния, несмотря на усилия правительства в последние годы по сокращению такого неравенства.

Анализируя пандемию во всем мире, мы видим, как вспышка COVID-19 застала большинство стран врасплох, китайское же правительство одним из первых сфо-

кусировалось на социальной защите, были изданы две директивы от 21 февраля и 6 марта 2020 г. соответственно, объявляющие о пакете социальной помощи [2].

Примечательно, что первоочередное внимание уделялось стабилизации занятости, а ключевым инструментом было существенное облегчение бремени предприятий по уплате взносов на социальное страхование. Только в феврале 2020 г. было отменено в общей сложности 123,8 млрд юаней взносов на социальное страхование. Малые и средние предприятия, которые воздерживались от массовых увольнений сотрудников, были вознаграждены максимальной компенсацией страховых взносов, которые они уплатили в систему страхования по безработице в 2019 г. [9].

Кроме того, нужно отметить, что повсеместно велась активная политика на рынке труда, направленная на создание дополнительных рабочих мест за счет привлечения к общественным работам, а центральные власти призвали местные органы власти ускорить возобновление финансируемых государством проектов в области инфраструктуры, энергетики, энергетики и ИТ-сетей [16].

Таким образом, Китай гораздо меньше использовал прямые субсидии в отношении политики центрального правительства, чем другие страны Восточной Азии. Вместо этого местные органы власти выступали с различными финансовыми предложениями, такими как увеличение денежных пособий, продление периода выплаты пособий по безработице и выдача потребительских ваучеров. Например, в городе Сяньмень местным жителям, не имеющим права на получение пособия по безработице, предлагалось ежемесячное пособие в размере до 1000 юаней [16, р. 155].

В целом пакет ответных мер социальной политики китайского правительства был предпринят путем введения программ экстренного вмешательства, расширения существующих программ и ослабления критериев приемлемости для отдельных лиц. В то время как политики пытались использовать оба типа традиционных мер социальной защиты – краткосрочное социальное потребление и долгосрочные инвестиции, особенно посредством денежных переводов и активной политики на рынке труда, – последней уделялось особое внимание. Этот акцент частично отражает давнюю логику развития социальной политики в Китае [11, с. 44].

Учитывая вышесказанное, мы можем отметить тот факт, что текущая система социального обеспечения в городах Китая состоит из накопительных программ социального страхования и программ социальной помощи, финансируемых за счет налогов. Программы накопительного страхования в основном включают пенсионное страхование (пенсии по старости), медицинское страхование, страхование по безработице и страхование от несчастных случаев на производстве. Большинство городских программ социального страхования основаны на специфике рода занятий, работодатели и работники вносят совместные взносы по фиксированной ставке [6].

Также согласно новому закону трудового кодекса, принятому после начала эпидемии коронавируса, работодатели должны обеспечивать участие трудящихся-мигрантов в городских программах социального страхования при условии подписания официального трудового договора. Поэтому, местные органы власти мотивированы включать мигрантов в свои программы социального страхования, так как мигранты вносят весомый вклад в городскую систему социального страхования и, в конечном итоге, субсидируют местных жителей.

Таким образом, можно отметить, что значимые изменения в Китае за последнее время происходят в резуль-

тате того, что местные органы из-за растущей нехватки рабочей силы в прибрежных регионах, стали выделять социальные пособия квалифицированным рабочим-мигрантам, с целью усиления экономического роста государства.

Однако такая инклюзивная политика, не всегда приносит ожидаемый результат, поскольку уровень участия среди мигрантов остается намного ниже, чем ожидалось. Во-первых, многие работодатели обходят трудовое законодательство, предлагая работникам-мигрантам неофициальные контракты, не требующие отчислений на социальное страхование. Кроме того, многие трудящиеся-мигранты, по-видимому, соглашаются или даже поддерживают неучастие, потому что тогда они могут сэкономить зачастую значительную сумму своего страхового взноса. Во-вторых, мобильность социального страхования в Китае остается по-прежнему ограниченной.

Пандемия показала, что восприимчивость к главным социально-экономическим рискам и рискам для здоровья стимулирует потребность людей в социальной защите и увеличении расходов на социальное обеспечение, к таким рискам обычно относятся безработица, серьезные заболевания и инвалидность. Данные проблемы, с нашей точки зрения, рассматриваются зачастую в индивидуальном порядке, тогда как крупномасштабные кризисы, такие как пандемия COVID-19 влияет на все сферы жизни общества.

Как было сказано ранее, масштабные потрясения или угрозы побуждают людей отдавать предпочтение немедленной, краткосрочной социальной защите за счет долгосрочных социальных инвестиций, таких, как программы образования и профессиональной подготовки. Это легко объяснимо, так как более сильные потрясения заставляют людей сосредоточиться на немедленной денежной компенсации [4, с. 78].

Пандемия COVID-19 в Китае вызвала огромную турбулентность на рынке труда, на ее фоне стал заметен значительный разрыв между растущими требованиями социального обеспечения и ограниченными мерами защиты в условиях масштабного кризиса.

Политика Китая по борьбе с COVID-19 была отмечена постоянными блокировками городов, непрерывными требованиями о массовом тестировании в пострадавших районах и круглосуточным отслеживанием перемещений жителей и статуса тестов с помощью приложения для смартфонов Health Code. Не вызывает сомнения тот факт, что нынешняя политика нулевого распространения COVID (Zero-Covid) имеет тенденцию усугублять существующие социальные проблемы.

В данный момент Китай придерживается политики нулевого распространения COVID-19, пытаясь ликвидировать болезнь практически любой ценой. Крупный город в Китае Шанхай в марте 2022 г. был полностью заблокирован в течение полумесяца из-за вспышки высококонтагиозного вируса Omicron [3].

Логично было предположить, что Китай мог бы использовать эту вспышку как возможность пересмотреть свою политику нулевого распространения COVID-19, но вместо этого решил придерживаться массового тестирования и изоляции, несмотря на огромные социальные и экономические издержки. Нужно отметить, что смертность от COVID-19 была достаточно низкой, но драконовские меры изоляции привели к увеличению числа смертей, не связанных с COVID-19, включая серию инцидентов, когда тяжелобольные умирали после того, как им было отказано в неотложной стационарной помощи. Вследствии чего правительство Шанхая столкнулось не только с серьезным кризисом общественного

здравоохранения за последние десятилетия, но и с беспрецедентным кризисом доверия [3].

Китай приходит в себя после пандемии коронавируса, правительство провозглашает цели «всеобщего процветания», избавления от абсолютной бедности и построения благополучного общества. Большой прогресс уже был достигнут в содействии зеленому развитию, охране окружающей среды. Тем временем политика Zero-Covid повлекла за собой высокие экономические, социальные и политические издержки за удивительно короткий период.

Широко распространенное народное недовольство, наиболее заметное в Шанхае, вылилось в открытые публичные протесты и повторяющиеся вспышки в социальных сетях по поводу жесткости контроля и ограничений для получения достаточного количества еды, предметов первой необходимости и доступа к систематическим медицинским услугам [3].

Zero-Covid нарушил производство, цепочки поставок и потребительские расходы. Китай является неотъемлемой частью мировой экономики, поэтому подобные меры и ограничения напрямую влияют на глобальный экономический спад во всем мире, а грамотные решения по борьбе с Covid-19 могут повысить глобальную экономическую стабильность и снизить риски для жизни миллионов людей.

Наконец, жесткие меры сдерживания коронавируса усилили общественное недоверие к властям, что привело к тщательному пересмотру отношений между государством и его гражданами. Те исследователи, которые изучают общественные настроения в Китае, часто упоминают большое количество статей и видеороликов, доказывающих негативное отношение общества к власти в связи с явно излишними ограничениями свободы, даже не смотря на социальную помощь и различные субсидии, получаемые от государства. Хотя, безусловно, правительство Китая, приняв ряд ключевых решений в области социального обеспечения, избавило пациентов, инфицированных Covid-19, и их семьи от финансового бремени медицинского лечения, а также полностью мобилизовало социальные ресурсы [7, с. 54].

Хочется отметить, что социальные кризисы часто изменяют «нормальное» состояние общества, усугубляя проблемы и пропасть между богатыми и бедными в обществе, провоцируя социальные протесты и социальные беспорядки, бросая вызов существующему общественно-политическому порядку и ставя под угрозу легитимность правительства.

На этом фоне многие государственные органы Китая были склонны к увеличению государственных доходов и государственных социальных инвестиций, чтобы тем самым исключить общественные беспорядки и резко обострившиеся социальные и экономические проблемы [13, с. 84].

Пандемию Covid-19 можно рассматривать как особый тип социальных конфликтов. В момент любого кризиса обостряются межличностные конфликты, возникают общественные недовольства, обостряется борьба между различными социальными классами за средства к существованию и ресурсы. Все это чрезвычайно подрывает социальную сплоченность; таким образом, социальные и политические меры необходимы для выживания государства. Если власть не будет действовать вовремя, социальное недовольство может перерасти в деструктивный протест.

Другими словами, возникающие проблемы в период пандемии должны быть преобразованы в положительные активы для увеличения всеобщего благосостояния государства и комфортного существования социума [8, с. 248].

В свою очередь, государство должно постоянно выделять значительные ресурсы обществу в виде субсидий и льгот, в противном случае, широко распространенное недовольство и разорение многих малых и средних предприятий, скорее всего, поставят под угрозу базовое функционирование государства, вызвав огромные потери человеческих ресурсов и финансовые потери.

Пандемия Covid-19 в Китае вынудила правительство взять на себя роль главного гаранта общественных благ для своих граждан. При этом очевидно, что система социального обеспечения в Китае подверглась серьезным испытаниям, были выявлены серьезные проблемы системы социальной помощи, требующие дальнейшей ее модернизации [8, с. 249].

Представляется важным обозначить тот факт, что во время пандемии социальная помощь не должна быть ограничена пособиями и услугами, также должна оказываться помощь в трудоустройстве, а при правильном использовании технологий и цифровизации государственность и ответственность социального обеспечения [7, с. 55].

На сегодняшний день можно констатировать тот факт, что усилия по продвижению онлайн-деятельности не только повысили эффективность услуг, но и снизили риск распространения пандемии. Часть бизнеса была переведена в онлайн, а эффективность и качество таких услуг также были усовершенствованы. К примеру, в настоящий момент онлайн-обучение и рабочие конференции переживают настоящий подъем, доставка товаров вместо посещения магазинов превратилась в мейнстрим, экономика сделала еще один шаг к модернизации [4, с. 78].

Тем не менее, оглядываясь назад на улучшение работы системы социального обеспечения, можно обнаружить некоторые неотложные и необходимые корректировки. Чем масштабнее и шире воздействие чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, тем больше субъектов вовлечено в реагирование и требуется более эффективное сотрудничество между различными сторонами [9].

Среди них наиболее важной можно отметить совместную деятельность между правительством и благотворительными организациями. В качестве третьего сектора благотворительные организации могут предоставлять более точные, дифференцированные и качественные услуги. Необходимо усилить роль благотворительных организаций и использовать их в качестве связующего звена для координации социальных ресурсов в период общенационального кризиса [6, с. 290].

В частности, важна прозрачность в сфере информирования населения о сборе средств и распределении ресурсов по различным каналам. Только так общественность сможет сохранить доверие к благотворительным организациям.

В настоящий момент в Китае мы можем наблюдать новые разработки социальных услуг для пожилых людей в домах престарелых и социальных учреждениях, которые составляют одну из наиболее уязвимых групп, подвергающихся воздействию вируса; существенное снижение налогового бремени и предоставление кредитов малым и средним предприятиям, которые сталкиваются с проблемами из-за приостановления экономической и коммерческой деятельности [12, с. 35].

Таким образом, беспрецедентный кризис Covid-19 в Китае стимулировал государственные расходы и узаконил общенациональную политику вмешательства, с целью уменьшения напряженности нарастающих социальных проблем и эскалации социальных конфликтов. Безусловно, остались и нерешенными многие про-

блемы, например, вопрос о лечении китайцев, живущих за границей, и иностранцев, возвращающихся на территорию Китая.

Очевиден тот факт, что за обеспечение материальной и социальной безопасности отвечает не только область социальной политики и в дальнейшем потребуются гораздо более скоординированного политического вмешательства из различных областей государственного управления.

Пандемия COVID-19 коснулась системы образования во всем мире, массовое закрытие школ и университетов привело к ухудшению качества образования в Китае. Одним из основных социальных последствий COVID-19 можно обозначить его влияние на здравоохранение и оказание медицинской помощи. Увеличение стресса, усугубляемого социальной изоляцией из-за карантина и правил социального дистанцирования, страха, безработицы и финансовых факторов повлекло за собой ухудшение психологического состояния большого количества людей во всем мире. В особенности травматичным опытом пандемии стал для низкоресурсных групп – для жителей и малообеспеченных граждан Китая [1, с. 6].

Подводя итоги, следует отметить, что исследования, подобные этому, показывают значительные изменения социального общества после пандемии COVID-19, и то, насколько важен тщательный анализ ошибок, допущенных в процессах организации социальной помощи. В этой связи очень важно быстро реагировать на возникающие вызовы и на государственном уровне применять различные меры социальной поддержки; действия правительства Китая показывают, что принятие конкретного комплекса многоуровневых мер позволяет остановить распространение эпидемии COVID-19 и обеспечить достойный уровень жизни населения в постковидный период.

Литература

1. Анализ психического состояния населения Китая и России в период пандемии COVID-19 / Ц. Фан, В. Ли, Ц. У [и др.] // Коллекция гуманитарных исследований. 2020. № 4 (25). – С. 6–13.
2. Власти Китая выпустили директиву об усовершенствовании системы социального обеспечения 26.09.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/236389508> (дата обращения: 27.11.2022).
3. Власти Китая заблокировали Шанхай из-за вспышки коронавируса / Российская газета [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vlasti-kitaia-zablokirovali-shanhaj-iz-za-vspyshki-koronavirusa.html> (дата обращения: 27.11.2022).
4. Ерофеева И.В., Толстокулакова Ю.В., Муравьев А.В. Пандемия коронавируса в концептуальной сфере медиадискурса России и Китая: стратегия выживания // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. – С. 78–93.
5. Каракетова, Л.Т. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 // Вестник Казахского национального медицинского университета. 2021. № 2. – С. 290–294.
6. Китай усиливает финансовую поддержку предприятий путем снижения налогов и сборов 18 июня 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://finance.rambler.ru/markets/44365877-kitay-usilivaet-finansovuyu-podderzhku-predpriyatij-putem-snizheniya-nalogo-i-sborov/> (дата обращения: 25.11.2022).
7. Кумылганова И.А., Ма К. Особенности формирования повестки дня в социальных сетях России и Китая в период пандемии COVID-19 // Медиальманах. 2022. № 2(109). – С. 50–60.
8. Ли Ц. Роль Китая в преодолении бедности и социально-экономическом развитии Африки во время пандемии COVID-19 // Вопросы истории. 2022. № 5–1. – С. 248–255.
9. Политические меры реагирования на COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: 1 (дата обращения: 23.11.2022).
10. Табеева Г.Р. Тревожные и депрессивные расстройства в период эпидемии // Поведенческая неврология. 2021. № 2. – С. 24–32.
11. Талаквандзе Г. Социальные, экономические и мировоззренческие последствия пандемии COVID-19 // Sciences of Europe. 2020. № 60–3 (60). – С. 44–50.
12. Федосенко Е.В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. № 1. – С. 34–47.
13. Хаустова Н.А. Социально-политические проблемы и последствия глобальной пандемии COVID-19 // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2021. № 1. – С. 81–84.
14. Щербакова А.С., Босов М.С., Борисова О.В. Социально-психологические последствия социальной изоляции населения в период пандемии (COVID-19) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 3. № 9. – С. 262–265.
15. Экономика Китая сократилась на 6,8% в первом квартале. 17.04.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.finversia.ru/publication/ekonomika-kitaya-sokratilas-na-6-8-v-pervom-kvartale-73749> (дата обращения: 25.11.2022).
16. Chen Z., Xu X. COVID-19 News Reporting and Engaging in the Age of Social Media: Comparing Xinhua News Agency and The Paper. Global Media and China № 6 (2). 2021. – P. 152–170.

THE SOCIAL IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC IN CHINA

An E.

Lomonosov Moscow State University

The article discusses the consequences of the COVID-19 pandemic, which exposed the socio-economic inequality of people around the world. This study aims to explore the impact of the COVID-19 pandemic on many aspects of social well-being, such as employment, poverty, migrant status, food security and global trade, using the example of China. An attempt was made to study the prospects for the development of China's social sphere against the backdrop of the negative consequences of the pandemic. It is concluded that the study of the social consequences of the restrictions associated with COVID-19 serve as a guide in the process of restoring the economically vulnerable segments of the population. Understanding the changing public sentiments of Chinese society can be used to develop appropriate social policies aimed at reducing the negative impact of the pandemic on Chinese people. It is clear that the COVID-19 outbreak has had a negative impact on public sentiment, which is why it is so important to study changes in public sentiment during the post-pandemic recovery phase.

Keywords: pandemic, social isolation, social impact, COVID-19, China, social distancing.

References

1. Analysis of the mental state of the population of China and Russia during the COVID-19 pandemic / C. Fang, V. Li, C. Wu

- [et al.] // Collection of Humanitarian Research. 2020. № 4 (25). pp. 6–13.
2. The Chinese authorities issued a directive on the improvement of the social security system on 26.09.2020 g. [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/236389508> (date of access: 27.11.2022).
 3. The Chinese authorities blocked Shanghai because of the outbreak of coronavirus / Rossiyskaya Gazeta [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vlasti-kitaia-zablokirovali-shanhaj-iz-za-vspyshki-koronavirusa.html> (date of access: 27.11.2022).
 4. Erofeeva I.V., Tolstokulakova Yu.V., Murav'ev A.V. Coronavirus pandemic in the conceptual sphere of media discourse of Russia and China: survival strategy // Voprosy teorii i praktika zhurnalistii. 2021. T. 10. № 1. – S. 78–93.
 5. Karaketova, L.T. Socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic // Bulletin of the Kazakh National Medical University. 2021. № 2. – S. 290–294.
 6. China strengthens financial support for enterprises by reducing taxes and fees 18 June 2020 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://finance.rambler.ru/markets/44365877-kitay-usilivaet-finansovuyu-podderzhku-predpriyatij-putem-snizheniya-nalogov-i-sborov/> (date of access: 2022.11.25).
 7. Kumylganova I.A., Ma K. Features of the formation of the agenda in social networks of Russia and China during the COVID-19 pandemic // Medialmanakh. 2022. № 2(109). – S. 50–60.
 8. Li Ts. The Role of China in Overcoming Poverty and Socio-Economic Development of Africa during the COVID-19 Pandemic // Questions of History. 2022. № 5–1. – S. 248–255.
 9. Political measures of response to COVID-19 [Electronic resource]. – Access mode: URL: 1 (date of access: 2022.11.23).
 10. Tabeeva G.R. Anxiety and depressive disorders during the epidemic // Behavioral neurology. 2021. № 2. – S. 24–32.
 11. Talakvadze G. Social, economic and ideological consequences of the COVID-19 pandemic // Sciences of Europe. 2020. № 60–3 (60). – S. 44–50.
 12. Fedosenko E.V. Life after quarantine: psychology of meanings and coronavirus COVID-19 // Psychological problems of the meaning of life and acme. 2020. № 1. – S. 34–47.
 13. Khaustova N.A. Socio-political problems and consequences of the global pandemic COVID-19 // Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. A series of social sciences and humanities. 2021. № 1. – S. 81–84.
 14. Shcherbakova A.S., Bosov M.S., Borisova O.V. Socio-psychological consequences of social isolation of the population during the pandemic (COVID-19) // Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space. 2020. T. 3. № 9. – S. 262–265.
 15. China's economy shrank by 6.8% in the first quarter. 17.04.2020 [Elektronnyi resurs]. – Access mode: URL: <https://www.finversia.ru/publication/ekonomika-kitaya-sokratilas-na-6-8-v-pervom-kvartale-73749> (date of access: 2022.11.25).
 16. Chen Z., Xu X. COVID-19 News Reporting and Engaging in the Age of Social Media: Comparing Xinhua News Agency and The Paper. Global Media and China № 6 (2). 2021. – P. 152–170.

Мяо Цзин,

аспирант кафедры социальных технологий социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: 782074147@qq.com

В статье исследуются проблемные аспекты социологического подхода как методологии научных исследований. Автор подчеркивает важную роль классических методов сбора и анализа данных. Говорится о том, что при проведении социологических исследований опытно-экспериментальные и математические методы могут стать значимым компонентом к методике теоретического анализа. Отмечается роль современных достижений научно-технической мысли, которые положительно влияют на процесс обработки документальных источников. Показано изучение объектов социокультурной действительности в исторической ретроспективе. Констатируется, что на сегодняшний день методология социологического подхода к научным исследованиям в области культуры, опирается, прежде всего, на раскрытии социетальных связей, а также закономерностей функционирования и трансформации культуры, на определении ее роли в обществе.

Ключевые слова: социологический подход, методология научных знаний, социологическое исследование, методы социологических исследований, социальные процессы, социокультурная реальность, документальные источники.

Задача повышения объективности научных изысканий в общественно-культурной сфере актуализирует проблему поиска методов, применение которых является наиболее адекватным данному предмету исследования. В силу того, что различные аспекты социокультурной реальности наравне с иными областями общественной жизни также подвергаются научному осмыслению, в фокусе внимания исследователей неизменно находится вопрос поиска истины в столь субъективной отрасли знания.

Безусловно, на основании методов и подходов, применение которых оправдано в рамках проведения исследований, сопряженных с опытами, экспериментом и анализом, иными словами – для точных наук, затруднительно исследовать социокультурную реальность. В то же время, использование одних лишь теоретических методов также обостряет проблему достоверности результатов исследования, их системности и в целом – научности. В этой связи, очевидно, что опытно-экспериментальные и математические методы могут стать значимым дополнением к методике теоретического анализа. Вместе с тем, изучение социокультурных феноменов предполагает выделение какого-либо доминирующего подхода, на основе которого будет выводиться качественно новое знание.

Отталкиваясь от заключения М. Вебера относительно того, что основным признаком социального характера проблемы является невозможность ее решения средствами чисто технических соображений, вытекающих из твердо установленных целей [1, с. 351], следует констатировать необходимость применения такого подхода, который позволил бы учитывать специфичность исследуемого предмета. Исходя из того, что само по себе существование социокультурной реальности не представляется возможным без созидательной, творческой человеческой активности, адекватной конкретному этапу исторического развития общества, для ее изучения необходим особый подход, объединяющий в себе ряд методов, позволяющих добиться наибольшей объективности выводов. Речь идет о применении социологического подхода к исследованию социокультурной реальности.

В первую очередь, следует отметить, что, как и любой научный подход, он направлен на достижение объективной истины, получение соответствующего реальности знания об исследуемом явлении или процессе социокультурной среды. Это актуализирует вопрос о том, в какой степени в исследованиях социокультурной направленности возможно ее достижение истины? Особенность научных исследований позволяет констатировать, что объективность полученного знания кристаллизуется в ходе его избавления от субъективных черт, т.е. личного мнения исследователя. В данном случае, доказательством истинности знания является применение научного метода [3, с. 58]. Учитывая, что социологический подход предполагает применение исключительно научных методов, результат его использования следует оценивать как объективный показатель относительно предмета исследования. Вместе с тем, социокультурная реальность обладает определенной спецификой, в силу чего научность используемых методов в ряде случаев может оказаться недостаточной для получения достоверных выводов.

В этой связи, представляется необходимыми остановиться на особенностях применения социологического подхода применительно к исследованиям общественно-культурных явлений и процессов. Его эволюция на протяжении времени позволит оценить степень объективности тех результатов, которые могут быть достигнуты в ходе исследований, произведенных на его основании.

Следует отметить, что более двухсот лет назад, в XIX в., изучение объектов социокультурной действительности предполагало еще слабую выраженность исследовательской методики, а сам ученый при этом находился не в активной, а, скорее, в пассивной позиции, просто наблюдая исследуемое явление. Иными словами, основная задача ученого состояла в адекватном реальности отображении объектов, явлений и процессов социальной действительности, именно он должен был охарактеризовать их непредвзято, что возвышало роль исследователей, расширяя их монопольное право на достижение абсолютной истины. Таким образом, длительное время изучение явлений и процессов социокультурной действительности исключало характеристики познающего субъекта, которые, между тем, также обеспечивали доказательность и истинность выводов. В частности, если исследователь, например, принадлежал к низшему сословию, вряд ли он мог в деталях и беспристрастно описать особенности повседневных социальных практик высшей знати. В результате, стремление полностью исключить субъективизм в социальных исследованиях способно было привести к еще большему искажению действительности.

В частности, Э. Дюркгейм в книге «Социология. Ее предмет, метод и предназначение» развивал мысль о том, что факты социальной реальности следует объяснять не на основе некоей общей идеи о них, а относительно внутренне присущих им свойств [4, с. 56–70]. Данную точку зрения следует признать прогрессивной для того момента, когда она была высказана автором, однако, маловероятно, что, основываясь на ней, современные исследователи сумеют достичь объективных результатов. Это объясняется тем, что Э. Дюркгейм усматривал возможности для анализа социальных фактов на основании их принадлежности определенной классификации, иерархии, исходя из присущих им свойств. В данном случае, «адекватное» описание исследователя могло стать результатом его собственной точки зрения, так как задача типологизации исследуемого предмета здесь не прослеживается, а, значит, факты изучаются «сами по себе», вне связи с их принадлежностью определенному классу, с контекстом. Таким образом, важное значение в рамках изучения социокультурной реальности имеет связь изучаемого предмета с конкретными историческими условиями, его принадлежность к определенной иерархии и классификации.

Позднее, на рубеже XIX–XX столетий исследователи социокультурных феноменов все более начинают задумываться над методом. Иными словами, простое наблюдение за предметом исследования отходит на второй план, уступая место его изучению сообразно контексту и соотношению с конкретной классификацией. В результате, оценка объективности явлений и процессов социокультурной действительности начинает зависеть не просто от наблюдения за предметом исследования, но также от того способа, при помощи которого оно осуществляется, что являлось значительным шагом на пути оформления методологии социологического подхода.

Трансформация последнего на рубеже XIX–XX вв. развивалась по пути не только большей наукообразности исследований, но также и признания субъективизма ученого, его осуществляющего. Это означало осознание

исследователями того факта, что они являются частью окружающей действительности, а не просто познающими акторами.

На рубеже веков, по сути, можно говорить о переходе классической методологии в неклассическую, благодаря чему кристаллизация социологического подхода осуществлялась по линии оформления основных средств и методов, позволяющих изучить различные стороны социокультурной действительности. Согласно неклассической методологии, получаемые субъектом факты следовало признавать объективными, однако, принимая во внимание, что результаты исследования во многом зависят от тех методов, которые были избраны ученым. Как следствие, способность сознательного анализа используемых методов и средств стала признаваться важным условием достижения научной объективности.

В свою очередь, середина XX в. ознаменовала собой новый этап развития методологии социологического подхода. Ряд исследователей, в частности, В.С. Степин, именовали его в своих работах постнеклассическим [13, с. 129–138]. На данном этапе происходило еще более детальное оформление основных характеристик социологического научного исследования применительно к вопросам культуры. В свою очередь, специфику методологии постнеклассического этапа составляло представление ученых о том, что научная картина мира формировалась, в известной степени, целями и ценностями научной деятельности. Представление об объективном исследовании продолжало оформляться далее, в ходе чего произошел отказ от представлений о полном отсутствии субъективизма исследователя в силу осознания его личной включенности в изучаемую социокультурную реальность. Результаты научной деятельности отныне стали оцениваться с точки зрения их практической полезности и эффективности, а, отнюдь, не объективности. Во многом это определялось растущей ролью социального заказа на итоги научного дискурса. Так, одним из свидетельств указанного процесса являлось введение таких требований к научным работам, как обоснование общественной важности и актуальности исследований, их роль в рамках формирования «повестки дня». Таким образом, социокультурные изыскания все более начинают связываться с повседневностью, растет роль внедрения их результатов в практику.

В настоящее время методология социологического подхода к научным исследованиям в области культуры, базируется, в первую очередь, на раскрытии социетальных связей, а также закономерностей функционирования и трансформации культуры, на определении ее роли в обществе.

Отталкиваясь от понимания того, что социологическое исследование представляет собой организованную научную деятельность, направленную на изучение социальной реальности и получения о ней нового знания с использованием специальных процедур или методов, значимым в рамках раскрытия структуры методологии социологического подхода является выделение и анализ последних.

Все методы социологического исследований применительно к общественным и культурным объектам должны быть исключительно научными, так как в противном случае само итоговое знание может быть подвергнуто сомнению.

Наиболее общая классификация существующих методов исследования социокультурной реальности предполагает разделение последних на количественные и качественные. При этом первые позволяют исследовать статистические сведения относительно того или иного явления и процесса, в то время как вторые позволяют

охарактеризовать его качественную сторону, суть изучаемого предмета.

Фактически необходимость применения количественных, либо качественных методов, либо их в комплексе, определяется целью и задачами конкретного исследования. В том случае, если результаты работы необходимо представить в числовой форме, требуется применение количественных методов, представляющих собой высоко регламентированную последовательность процедур и операций [8, с. 22]. В свою очередь, необходимость представления результатов в нечисловой форме предполагает возможность использования качественных методов исследования. В зависимости от специфики явлений и процессов социокультурной реальности возможно применение указанных методов в комплексе.

Еще одна классификация методов, использование которых оправдано в рамках социологического подхода к изучению явлений и процессов культуры, предполагает их подразделение в зависимости от функций, которые они выполняют на разных этапах исследовательской работы. Настоящая классификация представляется наиболее четко отражающей структуру социологического подхода. В наиболее общем виде она включает в себя методы сбора, обработки и анализа данных.

В свою очередь, применение методов сбора данных позволяют осуществить отбор первичной информации, имеющей значение для темы исследования, с целью последующей ее обработки и интерпретации. Среди данной группы методов наиболее часто используемыми при исследовании социокультурных явлений и процессов являются методы, именуемые опросными. К их числу относятся анкетирование, интервьюирование, в том числе – групповое (фокус-группы, сформированные из респондентов, обладающих теми или иными сходными чертами, например, объединенные по принципу пола, возраста, территории проживания и т.д.), производящееся на основе заранее подобранных интервьюером тем [7, с. 7–27].

Таким образом, если первая группа методов сбора данных связана с необходимостью проведения опроса, ко второй относятся методы, не требующие получения информации лично от респондентов. В их числе – наблюдение, эксперимент, а также анализ документальных источников. При этом первый из указанных методов является наиболее простым способом сбора и первичной интерпретации фактов, зафиксированных при помощи регистрации вербальных и невербальных действий людей. В то же время, практика исследования явлений и процессов социокультурной реальности демонстрирует, что наблюдение применяется чаще всего в качестве второстепенного, вспомогательного метода в том случае, когда необходимо, с одной стороны, более глубоко изучить предмет, с другой – в случае невозможности получить сведения о нем иными способами [11, с. 21].

Метод эксперимента в рамках социологического подхода, безусловно, отличается от экспериментальной части в исследованиях в области точных наук. Вместе с тем, в организации и проведении эксперимента в науках гуманитарного и технического профиля присутствует много общих черт. К их числу следует отнести: 1) выдвижение гипотезы; 2) специально смоделированные условия, в которых производится эксперимент, участниками которого могут выступать как отдельные индивиды, так и различные социальные группы, а также общество в целом; 3) вмешательство экспериментаторов в процесс; 4) подтверждение, либо опровержение гипотез, выдвигаемых в начале исследования; 5) возможность повторной проверки в опыте полученных результатов; 6) прикладной характер производимой работы.

На современном этапе в рамках производства эксперимента в социокультурных исследованиях трансформируется процесс подтверждения, либо опровержения гипотез. Ранее проведение социального эксперимента предполагало обязательное взаимодействие субъектов, а именно: экспериментатора и испытуемых в различных вариациях. При этом значимым этапом, предваряющим проведение эксперимента, являлся сбор и интерпретация дополнительных данных опросов, а также иных материалов, позволяющих охарактеризовать структуру и характер социальных взаимосвязей, что являлось достаточно трудоемким процессом. На современном этапе разработка технологий работы с данными Big Data позволяет собирать и обрабатывать ту информацию, которую человек оставляет о себе в результате межличностного взаимодействия в виртуальном пространстве, что существенно упрощает процедуру социального эксперимента [2, с. 40]. Как отмечают А.А. Сухобоков и Д.С. Лавхич, эффекты, генерируемые в результате возникновения технологий, подобных Big Data, существенно оправдывают затраты на проведение данных операций [14, с. 207–240].

Наконец, значимым методом в рамках социологического подхода является анализ документальных источников. Данная процедура направлена на извлечение из указанной группы материалов социологической информации, т.е., таковой, которая представляется значимой при исследовании общественных явлений и процессов. В социологических исследованиях данный вид анализа предполагает применение специальных процедур, позволяющих эффективно извлекать требуемые сведения из значительного массива документальных источников. С точки зрения общей значимости последние могут подразделяться на официальные (законы, указы и проч.) и неофициальные, к числу которых традиционно относятся источники личного происхождения (письма, записи, семейные альбомы и проч.). Существуют также и иные классификации документальных источников. В частности, они могут подразделяться по форме изложения материала на письменные, вербальные, фонетические, статистические, иконографические и т.д., а также, например, в зависимости от авторства (индивидуальные или коллективные).

В современных условиях широко раскрываются возможности обмена информацией, предоставляемые интерактивным пространством [6, с. 43]. Стремительное развитие процессов компьютеризации и цифровизации на сегодняшний день позволяет значительно оптимизировать обработку документальных источников, так как многие из них представлены в электронном виде, что значительно упрощает их выявление и последующий анализ.

Значительно ускорить обработку материалов, содержащихся в СМИ, позволяют следующие формы работы с документальными источниками:

- 1) клиппинг, предполагающий копирование определенных статей, представленных в прессе, по классификатору с указанием даты и источника;
 - 2) мониторинг – дайджестирование в рамках конкретной тематики материалов СМИ с указанием маркеров, аналогичных клиппингу;
 - 3) транскрибирование электронных средств массовой информации или расшифровка материалов теле-и-радиоэфира, зафиксированная на бумажных носителях;
 - 4) анализ организационной документации (материалов архивов, содержания речей, отчетов и иных актов).
- Изучение больших объемов документальных источников упрощается также в силу применения к ним про-

цедур контент-анализа. Последний, в свою очередь, базируется на стандартизации поисковых операций, выявлении в содержании изучаемого документа единиц счета, которыми могут являться как отдельные слова (например, те или иные термины, имена политических деятелей, названия политических партий, географических объектов и т.п.), так и суждения, которые могут быть выражены посредством предложений, абзацев, либо небольших по объему фрагментов текста, различные точки зрения и аргументация, и, наконец, виды публикаций (по тематике, жанру и проч.). Таким образом, в наиболее общем виде контент-анализ представляет собой способ исследования содержания (сообщений, значений, символов) в конкретном источнике коммуникации (статье, книге и т.д.) [9, с. 120–121].

В свою очередь, выделение конкретных единиц счета определяется целью производимого исследования. Для выполнения соответствующих расчетов в науке разработаны и применяются соответствующие формулы, позволяющие добиться объективных результатов анализа.

Существует не только количественный, но также качественный контент-анализ, позволяющий постигнуть сущность изучаемого предмета, проследить его связь с иными явлениями и процессами, исследовать всю совокупность последних, а также изучить их отдельные проявления. Качественный контент-анализ позволяет выдвигать новые теории и гипотезы, проверяя их на документальном материале.

Разница, существующая между количественным и качественным контент-анализом, определялась А.Л. Джорджем следующим образом: «... качественный анализ учитывает наличие или отсутствие характеристики», в то время, как «... количественный рассматривает частоту отдельных тем, слов, символов, содержащихся в тексте» [12, с. 329]. Таким образом, количественный контент-анализ предполагает постижение содержания изучаемого источника посредством применения общих принципов анализа материала, а также поиск всеобщего через анализ, изучение переменных отдельных частей текста. В свою очередь, качественный контент-анализ позволяет по-настоящему, глубоко постигнуть предмет исследования, в том числе – через характеристику той системы взаимосвязей, частью которой он является [5, с. 70].

Процедура контент-анализа применительно к явлениям социальной действительности обладает как достоинствами, так и недостатками. В частности, к числу первых следует отнести выявление сущности и периодичности изучаемого явления или процесса, обстоятельств, предшествующих и сопровождающих его, возможность произвести сравнение на обширном исследовательском материале. К очевидным недостаткам применения данной процедуры следует отнести высокую степень зависимости результатов от источника информации.

Ко второй группе методов, которые включает в себя социологический подход, относятся методы обработки данных или научные процедуры, при помощи которых сведения, почерпнутые исследователем в источнике одной формы (например, текстовом), преобразуются в другую (например, числовую) в целях повышения удобства и эффективности их дальнейшей интерпретации и анализа [8, с. 22].

Достаточно часто термин «методы» применительно к обработке данных ученые заменяют понятием «процедуры», либо «техники» в силу простоты и наглядности производимых операций.

В социокультурных, равно как и в других научных исследованиях, методы обработки данных различаются в зависимости от того, каким способом были получены первоначальные сведения.

В частности, если информация была собрана при помощи эксперимента, то к ней обычно применяются методы статистической обработки. В том случае, если первоначальные данные были получены посредством опросных методов (например, анкетирования, тестирования и т.д.), статистические методы обработки усложняются, так как к обычным методам подсчета данных добавляются такие, как например, как факторный анализ – многомерный метод, который используется для анализа взаимосвязей между значениями переменных.

В числе основных методов обработки данных в области социокультурных исследований следует выделить кодирование, представляющее собой унификацию данных, приведение их к единообразию, конструирование матриц данных, позволяющее их структурировать для последующего исследования, так называемый «ремонт выборки», дающий возможность отредактировать смещение социально-демографических характеристик опрашиваемых, а также ликвидировать неполноту и неоднородность сведений.

Наконец, завершающей группой методов, применяемых в рамках социологического подхода, выступают методы анализа данных. Их использование ориентировано на поиск закономерностей в полученных сведениях, их подразделение, обобщение и последующую интерпретацию.

В том случае, если речь идет о количественных социологических исследованиях, то из данной группы применяются методы статистического анализа, целью которых является выявление связей между переменными, а также выстраивание дифференциации. При проведении качественных статистических исследований анализ направлен, прежде всего, на интерпретацию сведений, на определение связей между выделенными категориями и их толкование.

В обоих видах исследований (количественных и качественных) используются такие методы анализа данных, как классификация, группировка, типологизация.

Сведения, имеющиеся в распоряжении исследователя, в рамках применения указанных методов группируются по определенным основаниям. Как отмечал В.А. Ядов, классификация и группировка представляют собой «... элементарные процедуры упорядочения данных, предвещающих их анализ. С помощью этих действий мы «уплотняем» информацию, как бы расширяем области подобия и устанавливаем новые границы различий в массе эмпирических данных» [16, с. 202].

Классификация при изучении социокультурных явлений и процессов имеет целью выявление связей и закономерностей их развития. В свою очередь, метод группировки является конкретной формой классификации, благодаря которому исследователь подразделяет комплекс объектов или полученных сведений таким образом, чтобы различия внутри являлись значительно меньшими, нежели между самими группами. Важной задачей в рамках применения метода группировки выступает обеспечение однородности и сопоставимости признаков, на основании которых производится деление [15, с. 76].

Наконец, в основе метода типологизации в научном исследовании лежит разделение комплексов объектов и их группировка посредством обобщенной, идеализированной модели или типа, итог которой можно представить в виде типологического описания и разъяснения [10, с. 70].

Таким образом, социологический подход к исследованию общественно-культурных явлений и процессов можно представить в виде следующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1. Структура социологического подхода к исследованию общественно-культурных явлений и процессов

Социологический подход		
методы сбора данных	методы обработки данных	методы анализа данных
Анкетирование Интервьюирование Фокус-группы Наблюдение Эксперимент Анализ документальных источников	Кодирование, Конструирование матриц данных «Ремонт выборки»	Классификация Группировка Типологизация

Подводя итог, следует отметить, что комплексное применение указанных методов в рамках социологического подхода к исследованию общественных и культурных явлений позволит значительно повысить их объективность, упростит решение исследовательских задач на каждом из этапов научного познания, а также обеспечит системность и верифицируемость результатов.

Литература

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено; Комментар. А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Гаврилина Е.А. Эксперимент в социально-гуманитарном познании: становление и трансформация // *Философия науки и техники*. 2017. Т. 22. № 1. – С. 30–45.
3. Дудина В.И. Социологический метод: от классической к постнеклассической точке зрения // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1999. Т. 2. № 3. – С. 58–66.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с французского А.Б. Гофмана. 4-е изд., испр. – М.: Юрайт, 2019. – 308 с.
5. Кирпиков А.Р. Качественный контент-анализ как метод исследования / XXI Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург, 2018. – С. 67–74.
6. Ковальчук В.К. Социокультурные факторы как мотиватор миграции молодежи из сельской местности // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2022. № 4 (195). – С. 41–48.
7. Мельникова О.Т. Методики и техники фокус-группового исследования // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология 4М)*. 2007. № 24. – С. 7–27.
8. Методология и методы социологического исследования: учебник / под ред. В.И. Дудиной, Е.Э. Смирновой. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. – 388 с.
9. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // *Социологические исследования*. 1998. № 6. – С. 119–129.

10. Огурцов А.П. Типология // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии Рос. акад. наук, Нац. обществ. – науч. фонд; Науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. – М.: Мысль, 2000–2001. – С. 70.*
11. Петров И.Ф., Петров Л.И. Личность в контексте культурных потребностей. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 151 с.
12. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук / Пер. с фр./ Под ред. и вступ. статьей д-ра юрид. наук В.А. Туманова и канд. юрид. наук В.П. Казимирчука. – М.: Прогресс, 1972. – 607 с.
13. Степин В.С. Деятельностная концепция знания // *Вопросы философии*. 1991. № 8. – С. 129–138.
14. Сухобоков А.А., Лахвич Д.С. Влияние инструментария Big Data на развитие научных дисциплин, связанных с моделированием // *Наука и Образование. Научное издание МГТУ им. Н.Э. Баумана*. 2015. № 3. – С. 207–240.
15. Экспертные оценки в социологических исследованиях / С.Б. Крымский, Б.Б. Жилин, В.И. Паниотто и др.; Отв. ред. С.Б. Крымский. – Киев: Наук. думка, 1990. – 318 с.
16. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – М.: Наука, 1987. – 248 с.

SOCIOLOGICAL APPROACH AS A METHODOLOGY FOR SCIENTIFIC RESEARCH

Miao J.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the problematic aspects of the sociological approach as a methodology for scientific research. The author emphasizes the important role of classical data collection and analysis methods. It is said that when conducting sociological research, experimental and mathematical methods can become a significant component of the methodology of theoretical analysis. The role of modern achievements of scientific and technical thought, which have a positive effect on the process of processing documentary sources, is noted. The study of objects of socio-cultural reality in a historical retrospective is shown. It is stated that today the methodology of the sociological approach to scientific research in the field of culture relies primarily on the disclosure of societal ties, as well as the patterns of functioning and transformation of culture, on determining its role in society.

Keywords: sociological approach, methodology of scientific knowledge, sociological research, sociological research methods, social processes, sociocultural reality, documentary sources.

References

1. Weber M. «Objectivity» sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo koznaniya // Weber M. Izbrannyye proizvedeniya / Per. s nem. / Sost., obshch. red. i postsl. Yu.N. Davydova; Predisl. P.P. Gaidenko; Comment. A.F. Filippova. – M.: Progress, 1990. – 808 p.
2. Gavrilina E.A. Experiment in social and humanitarian cognition: formation and transformation // *Philosophy of Science and Technology*. 2017. Т. 22. № 1. – С. 30–45.
3. Dudina V.I. Sociological method: from classical to post-non-classical point of view // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1999. Т. 2. № 3. – С. 58–66.
4. Durkheim E. Sotsiologiya. Its subject, method, purpose / Per. from the French A.B. Hoffmann. 4th ed., ispr. – M.: Yurayt, 2019. – 308 p.
5. Kirpikov A.R. Qualitative content analysis as a research method / XXI International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan “Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research”, March 22–23, 2018, Yekaterinburg. – Ekaterinburg, 2018. – С. 67–74.
6. Kovalchuk V.K. Sociocultural factors as a motivator of migration of youth from rural areas // *Representative power – XXI century: legislation, comments, problems*. 2022. № 4 (195). – С. 41–48.

7. Melnikova O.T. Methods and techniques of focus-group research // *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology 4M)*. 2007. № 24. – S. 7–27.
8. *Methodology and methods of sociological research: textbook / ed. by V.I. Dudina, E.E. Smirnova.* – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo un-ta, 2014. – 388 p.
9. Newman L. Neoproshnye metody issledovaniya // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998. № 6. – S. 119–129.
10. Ogurtsov A.P. Typology // *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. / Institut filosofii Ros. acad. Nauk, Nats. Societies. -Scientific. fund; Nauch.-ed. sovet.: V.S. Stepin et al.* – M.: Mysl', 2000–2001. – p. 70.
11. Petrov I.F., Petrov L.I. Personality in the context of cultural needs. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. – 151 p.
12. Pento R., Gravitz M. *Methods of Social Sciences / Per. with fr./ Ed. and intro. article by Dr. Jurisd. Nauk V.A. Tumanov i cand. Yurid. Prof. Dr. V.P. Kazimirchuk.* – M.: Progress, 1972. – 607 p.
13. Stepin V.S. Activity concept of knowledge // *Voprosy filosofii*. 1991. № 8. – S. 129–138.
14. Sukhobokov A.A., Lakhvich D.S. The influence of Big Data tools on the development of scientific disciplines related to modeling // *Science and Education. Scientific edition of MSTU named after N.E. Bauman*. 2015. № 3. – S. 207–240.
15. *Expert assessments in sociological research / S.B. Krymsky, B.B. Zhilin, V.I. Paniotto and others; Holes. ed. S.B. Krymsky.* – Kyiv: Nauk. dumka, 1990. – 318 p.
16. Yadov V.A. *Sociological research: methodology, program, methods.* – M.: Nauka, 1987. – 248 p.

Отличительные особенности образовательной системы Сингапура

Котелевская Антонина Сергеевна,

преподаватель, Департамент английского языка
и профессиональной коммуникации, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: toncha0910@gmail.com

Сингапур является одной из самых процветающих стран в мире, и его система образования считается одной из самых успешных. Сингапурские школы и университеты занимают высокие позиции в международных рейтингах, и многие выпускники получают престижные рабочие места в различных отраслях по всему миру. В конце 20-го века Сингапур вложил огромные средства в обучение своих граждан в лучших университетах Англии и мира. А уже сегодня в Сингапур едут учиться студенты из разных уголков мира. Город – государство Сингапур уделяет большое внимание раннему детскому развитию, фокусирует свою систему образования не только на научных предметах, но и на практике. Сильная поддержка учеников и учителей тоже является векторами развития образовательной системы Сингапура. В этой статье мы рассмотрим отличительные особенности системы образования Сингапура и причины ее успеха.

Ключевые слова: «система образования», «раннее развитие», «поддержка», «повышение квалификации», «развитие», «выявление талантов».

Система образования является ключевым фактором в развитии и процветании любой страны. Она определяет не только уровень знаний и компетенций учащихся, но и их готовность к будущей карьере и общественной жизни. Сингапур, небольшое государство-город в Юго-Восточной Азии, является одной из самых процветающих стран в мире, и его система образования считается одной из самых успешных. Сингапурские университеты занимают высокие позиции в международных рейтингах, и многие выпускники этих университетов получают престижные рабочие места в различных отраслях. Дипломы о высшем образовании, полученные в Сингапуре, котируются во всем мире. Самыми сильными областями считаются медицина, технологии и коммуникации и менеджмент [1].

Эксперты высоко оценивают систему образования в Сингапуре. По данным по данным исследования PILS (Progress in International Reading Literacy Study), признанный глобальным стандартом для оценки тенденций в успеваемости по чтению в четвертом классе, результаты Сингапура одни из наивысших в мире [2]. А консалтинговое агентство McKinsey назвала сингапурскую систему образования самой эффективной в мире 2008 году. Особенно отмечалась система подготовки учителей. Вузы Сингапура часто входят в рейтинги лучших университетов мира. Например, National University of Singapore (NUS) и Nanyang Technological University (NTU) занимают 11 и 12 места соответственно в рейтинге QS World University Rankings 2022.

Сингапур был колонией Великобритании до 1963 года, когда он стал частью Малайзии. Однако, уже в 1965 году, Сингапур вышел из Малайзии и стал независимым государством. В тот период Сингапур был одним из беднейших государств мира, и его население состояло главным образом из мигрантов и беженцев. Одним из первых приоритетов правительства новой независимой страны было развитие системы образования, чтобы обеспечить население необходимыми знаниями и навыками для преодоления экономических трудностей [3].

Далее будут рассмотрены отличительные особенности системы образования Сингапура.

Во-первых, правительство Сингапура уделяет большое внимание раннему детскому развитию. Сингапурская система образования начинается с раннего детства. Страна имеет одну из самых развитых систем детского образования в мире. С 2013 года все дети от 3 до 6 лет обязательно посещают детские сады. Дети получают обучение по программе, разработанной Министерством образования, которая включает в себя игровые и креативные задания для развития логического мышления, коммуникативных навыков и социализации. Все школьное обучение происходит на двух языках: английский и малайском. Эта ранняя стадия образования помогает детям успешнее адаптироваться в будущей школе.

Во-вторых, в Сингапуре большое внимание уделяется научным предметам, таким как математика, наука и технологии. В 2017 году Сингапур занял первое место в рейтинге самых умных школьников до 15 лет по математике и естественным наукам [4]. Сам процесс обучения является последовательным и прагматичным. Он основывается на смешении восточных и западных педагогических традициях и ориентируется на передачу не только теоретических, но и практических знаний. Объем теории и практики одинаков. Учебная программа включает в себя тщательно выстроенный курс, начиная с элементарных знаний и заканчивая более сложными задачами. В школах используются современные методы преподавания, такие как использование технологий и интерактивных учебных материалов. Школы в Сингапуре известны своими высокими стандартами образования и требованиями. Ученики обязаны работать усердно, чтобы достичь успеха, и многие из них проводят дополнительные занятия после школы. В стране также существует система обязательных экзаменов, которые проводятся на различных стадиях обучения. Это позволяет ученикам и учителям следить за прогрессом и принимать меры для улучшения обучения.

Также система образования Сингапура отличается высоким уровнем поддержки учеников. В стране есть множество школ, которые предоставляют различные программы и курсы для учеников, которые имеют трудности в учебе. В школах также работают специалисты по образованию и консультанты, которые помогают ученикам в их учебе и развитии. Сингапурская система образования также известна своей системой раннего выявления талантов. Она позволяет выявить потенциально талантливых детей и предоставляет им дополнительные возможности для развития. Программа (Gifted Education Program) была основана в 1984 году Министерством образования. При разработке программы ее авторы исходили из необходимости предоставить каждому студенту возможность удовлетворять индивидуальные образовательные потребности и учиться в своем собственном темпе [5]. Ее основной целью является развитие интеллектуальных и творческих возможностей одаренных детей. Программа нацелена на формирование подлинных человеческих ценностей учащихся и готовит их стать полноценными членами современного общества [6].

Одной из самых главных отличительных особенностей системы образования Сингапура является тщательный отбор и дальнейшая активная поддержка учителей. Человеческий ресурс – это главное богатство государства. А в системе образования – это хорошие преподаватели и эффективные руководители учебных заведений. Рассмотрим далее основные элементы отбора и поддержки преподавателей в Сингапуре:

1. Набор персонала. Министерство образования занимается специальным отбором будущих учителей среди учеников старшей школы для получения педагогического образования. Стимулом является высокая стипендия, которая достигает 60% от зарплаты работающего учителя.

2. Обучение будущих преподавателей сопровождается практиками в школах. Каждому молодому специалисту назначается наставник, опытный преподаватель, на первые несколько лет работ.

3. Компенсации. Министерство образования разработала программы компенсаций стартовых окладов молодых специалистов, чтобы гарантировать привлекательность педагогического образования у студентов среди других учебных направлений.

4. Профессиональное развитие. В каждой школе также есть фонд, направленный на поддержку профессио-

нального роста учителей, включая развитие новых перспектив. Учителям предоставляется 100 часов повышения квалификации в год. Например, можно пройти курсы в Национальном институте образования. Программа позволяет сосредоточиться на изучаемом предмете и повысить свои педагогические знания. В стране ведется систематический процесс обучения и повышения квалификации учителей, который включает в себя семинары и конференции, а также обмен опытом между учителями. Важным аспектом является также поддержка со стороны правительства, которое инвестирует средства в образование и предоставляет учителям высокий уровень зарплаты.

5. Развитие карьеры учителя в Сингапуре может идти по трем траекториям: мастер-учитель, методист или руководитель школы. Учителя с хорошо развитыми лидерскими качествами в дальнейшем проходят обучение и подготовку к новой роли руководителя учебного заведения. В Сингапуре есть четкое понимание взаимосвязи высоких учебных достижений школьников и эффективной работы преподавателей и руководителей учебных заведений [7].

Однако, несмотря на все достижения, система образования Сингапура также имеет свои проблемы и вызовы, которые нужно решать. Например, одной из основных проблем является высокий уровень стресса, который испытывают ученики в связи с высокими стандартами и требованиями. Важно также помнить о необходимости развития личностных качеств учеников, которые помогут им не только в учебе, но и в жизни в целом [8].

В заключение, система образования Сингапура имеет несколько причин успеха. Во-первых, страна придает большое значение образованию и инвестирует в него значительные ресурсы. Во-вторых, сильная поддержка учеников и учителей позволяет им достигать высоких результатов в учебе и развитии личностных качеств. В-третьих, использование современных методов преподавания и технологий позволяет ученикам получать качественное образование, которое соответствует современным требованиям. Система образования Сингапура является примером успешной и эффективной системы, которая позволяет ученикам получать качественное образование и развиваться как личности. Она основывается на многолетнем опыте и инновациях, которые позволяют стране оставаться лидером в области образования. Важно также отметить, что система образования Сингапура может служить примером для других стран, которые стремятся улучшить свои системы образования.

Литература

1. Алишев Т.Б., Гильмутдинов А.Х. Опыт Сингапура: создание образовательной системы мирового уровня. – М.: Вопросы образования, 2010
2. PIRLS, the Progress in International Reading Literacy Study. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iea.nl/studies/iea/pirls> (дата обращения: 20.02.2023).
3. Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). – М.: Институт востоковедения РАН, 2007.
4. Организация Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/newsroom/30.htm> (дата обращения: 20.02.2023).
5. Barbara A.K. Encyclopedia of Giftedness, Creativity, and Talent. Thousand Oaks, CA, 2009.

6. Ермаков С.С. Образование одаренных детей: государственная политика стран Азии. –Портал психологических изданий PsyJournals.ru, 2011
7. Cheong, C. (2018). The Development of Higher Education in Singapore: An Overview. Springer.
8. Koh, A. C. H., & Lim, Y. L. (2017). The Singapore Education System: An Overview. World Scientific Publishing.

DISTINCTIVE FEATURES OF SINGAPORE'S EDUCATIONAL SYSTEM

Kotelevskaya A.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Singapore is one of the most prosperous countries in the world, and its education system is considered one of the most successful. Singapore schools and universities occupy high positions in international rankings, and many graduates receive prestigious jobs in various industries around the world. At the end of the 20th century, Singapore invested a lot of money in educating its citizens at the best universities in England and the world. And today students from different parts of the world are going to Singapore to study. The city-state of Singapore pays great attention to early childhood development, focuses its education system not only on scientific subjects, but also on practice. Strong support of students and teachers is also a vector of development of Singapore's educational system. In this article,

we will look at the distinctive features of Singapore's education system and the reasons for its success.

Keywords: "education system", "early development", "support", "professional development", "development", "talent identification".

References

1. Alishev T.B., Gilmutdinov A. Kh. The experience of Singapore: the creation of an educational system of international level. – M.: Questions of education, 2010.
2. PIRLS, "Progress in the International Study of Reading Literacy." [Electronic resource]. – URL: <https://www.iea.nl/studies/iea/pirls> (accessed 20.02.2023).
3. Pakhomova L.F. Prosperity Models (Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia). – M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2007.
4. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) [Electronic resource]. – URL: <https://www.oecd.org/newsroom/30.htm> (accessed 20.02.2023).
5. Varvara A.K. Encyclopedia of giftedness, creativity and talent. Thousand Oaks, California 2009
6. Ermakov S.S. Education of gifted children: state policy of Asian countries. – Portal of psychological publications PsyJournals.ru, 2011
7. Cheong, K. (2018). The Development of Higher Education in Singapore: A Review. Springer.
8. Koh, A. Ch. Kh., and Lim, Yu.L. (2017). Singapore's education system: an overview. World scientific publishing house.

Васильева Валерия Алексеевна,

старший преподаватель кафедры сравнительных политических исследований, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: vavasilyeva@gmail.com

Шабаева Ангелина Артемовна,

студент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: sabaevaangelina4@gmail.com

Плагиат – это одна из форм девиантного поведения, то есть отклонения от общепринятой нормы. В данном случае мы говорим о моральной и этической норме, когда студенты, формируя свое отношение к плагиату, увеличивают девиации в академической среде или уменьшают их. В исследовании проверяется гипотеза о высоком уровне толерантности обучающихся высших учебных заведений как к плагиату, так и к тем, кто прибегает к такому виду академического мошенничества в таких работах как эссе, рефераты и др. Методы, использованные в работе: контент-анализ и фокус-группы. Авторы статьи приходят к выводу, что, несмотря на неодобряемый обществом обман в науке и образовании, студенты демонстрируют лояльное отношение к плагиаторам-обучающимся и оправдывают обман в академических работах.

Ключевые слова: академическое мошенничество, плагиат, девиации в академической среде, фокус-группы.

Введение

Плагиат – это достаточно известное, к сожалению, распространенное, но до конца еще не изученное явление в современном обществе. Его можно обнаружить как в научных работах, так и в художественных произведениях творческих деятелей.

В рамках данного исследования плагиат рассматривается только в студенческой среде как основная форма нарушения академической этики. Под плагиатом здесь понимается заимствование чужих идей, фрагментов текста, иллюстраций и др. без указания ссылок на авторов этого контента. То есть, когда студент вводит в заблуждение преподавателя, выдавая чужую работу, чужие мысли и слова за свои.

Это явление заслуживает внимания, так как, во-первых, в последние годы в связи с развитием информационных технологий и Интернета студенческий плагиат приобрел угрожающие масштабы, с другой – подобные нарушения существенно снижают качество образования. Вследствие этого снижается доверие к выпускникам вузов, и возникает больше сомнений по поводу работы молодых специалистов внутри самого общества. Бородатая шутка «Когда я вспоминаю, какой я инженер, я боюсь идти к врачу» становится реальной ситуацией.

Несмотря на то, что плагиат порицается обществом, современные студенты вузов и колледжей прибегают к нему в своих работах ничуть не меньше. Конечно, системы выявления академического мошенничества совершенствуются. Практически во всех вузах официально работает система «Антиплагиат-ВУЗ», выявляющая сегодня не только переводной плагиат, но и анонсирующая функционал, способный выявлять тексты, сгенерированные искусственным интеллектом. Однако вместе с тем появляются и новые способы обмана и обхода систем проверки.

В обществе складывается ситуация, когда все понимают, что плагиат есть, но не видят путей пресечения этих неэтичных практик и не считают нужным вводить серьезные меры наказания. Почему – вопрос другого исследования. Но из-за общественного неодобрения администрация вузов и преподаватели не могут и не хотят говорить прямо о том, что в их вузе обучающиеся занимаются неправомерными заимствованиями при написании ВКР, эссе, рефератов.

О серьезном распространении практик академического мошенничества в студенческой среде говорят многие специалисты [1–8]. Предметом исследования становились и практики списывания на экзаменах, и скачивание работ из Интернета и, конечно, «copy-paste», ставший «любимым» способом студентов готовить письменные работы. Однако, важным на сегодняшний момент становится даже не то, как именно мошенничают студенты, а их отношение и к самому факту обмана в учебе, и к тем, кто использует плагиат. Этот вопрос освещался в литературе гораздо реже. С.В. Голунов [1] отмечает терпимое отношение к плагиату у студентов как отражение высокого уровня толерантности к обману в обществе, Е.Д. Шмелева [6], опираясь на результаты предыдущих исследований, в 2015 году предположила, что к концу обучения уровень толерантности только увеличится, а после окончания вуза молодые специалисты будут готовы применять проверенные практики и дальше.

Зарубежные и российские ученые, изучающие плагиат как явление, в основном занимались количественным методом сбора информации – анкетированием, как онлайн, так и офлайн. Прямые вопросы в этом случае, как правило, не ставятся, или же полученные результаты обрабатываются с поправкой на неопределенный уровень честности студентов при ответах. Поэтому в данной работе для проверки гипотезы был выбран качественный метод сбора информации – фокус-группы, позволяющий узнать истинные мотивы и отношение участников разговора к теме обсуждения.

Сегодня уже имеется достаточно оснований для выдвижения гипотезы о том, что отношение обучающихся высших учебных заведений к плагиату и к своим сверстникам, прибегающим к академическому обману, лояльное. Основаниями для ее выдвижения стали как исследования научной литературы, так и личный опыт обучения и общения в вузе. Гипотеза проверялась методом контент-анализа и проведения фокус-групп в Северо-Западном институте управления – филиале РАНХиГС.

Результаты исследований уровня толерантности студентов к коллегам, практикующим академическое мошенничество – обзор литературы

Изучение литературы показало, что высокий уровень толерантности студентов к академическому мошенничеству и, соответственно, к тем, кто прибегает к такому – это проблема университетов всего мира. Практиче-

ски все ученые, исследующие проблемы академической нечестности вообще и плагиата в частности, указывают на связь того, как студенты в принципе относятся к обману в учебе к масштабам распространения неэтичных академических практик. При этом отношение студентов к тем, кто прибегает к плагиату, рассматривались учеными с разных сторон и в основном путем не прямых вопросов, а интерсекциональным методом. Изучались, например, связь студенческого обмана с обманом на экзаменах в школе, когда те, кто списывал, и те, кто давал списывать не считали, что поступают неэтично [16, 25], и как использование Интернета повлияло на распространение практик академического мошенничества и, соответственно, метод copy-paste стал все более распространенным, а те, кто мог затем усовершенствовать скопированное, считался успешным [8, 19, 22, 23], и корреляция масштабов плагиата с интересом к учебе [6, 21] и многое другое.

Для полной оценки мирового публикационного ландшафта по теме академического мошенничества был использован индекс научного цитирования Web of Science, ныне не доступный для российских пользователей. Всего на запрос «academic dishonesty» было получено 1056 публикаций, затем, после выбора дисциплинарных областей «Education Educational Research» (443 публикации) и «Ethics» (178 публикаций) в поле зрения попали 603 публикации.

С помощью инструментов Web of Science были получены интересные графики, иллюстрирующие работу ученых в области академического мошенничества. Например, динамика интереса к данной теме (Рис. 1).

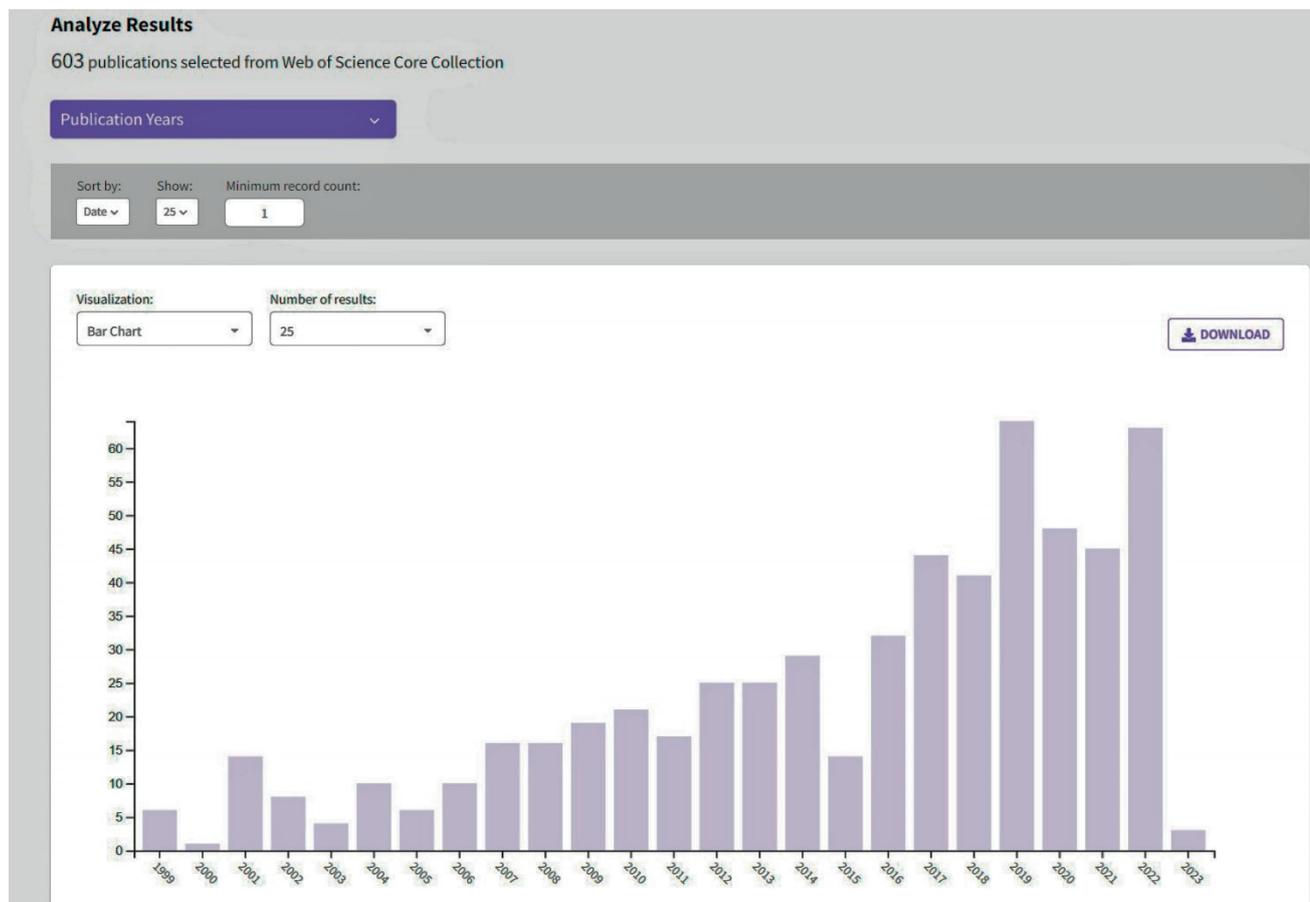

Рис. 1. Динамика выхода статей на запрос «academic dishonesty» по данным Индекса научного цитирования Web of Science

График показывает, что в развитии темы академического мошенничества в мире наблюдались спады

и подъёмы, особенно заметен спад в 2015 году и всплеск интереса в 2019 году.

Также любопытно было выяснить, в каких странах более всего обращают внимание на плагиат (напомним, что мы сузили круг нашего исследования до плагиата в образовании в сфере этики). Не вызвало удивления то, что на первом месте по количеству публикаций вышли Сое-

диненные Штаты Америки (Рис. 2). Но то, что в ТОП-20 стран, попавших на график, не вошла Россия, но присутствуют Индия, Индонезия, Румыния, Турция, Тайвань и Малайзия, было для нас неожиданным и дало толчок для более внимательного выбора вектора контент-анализа.

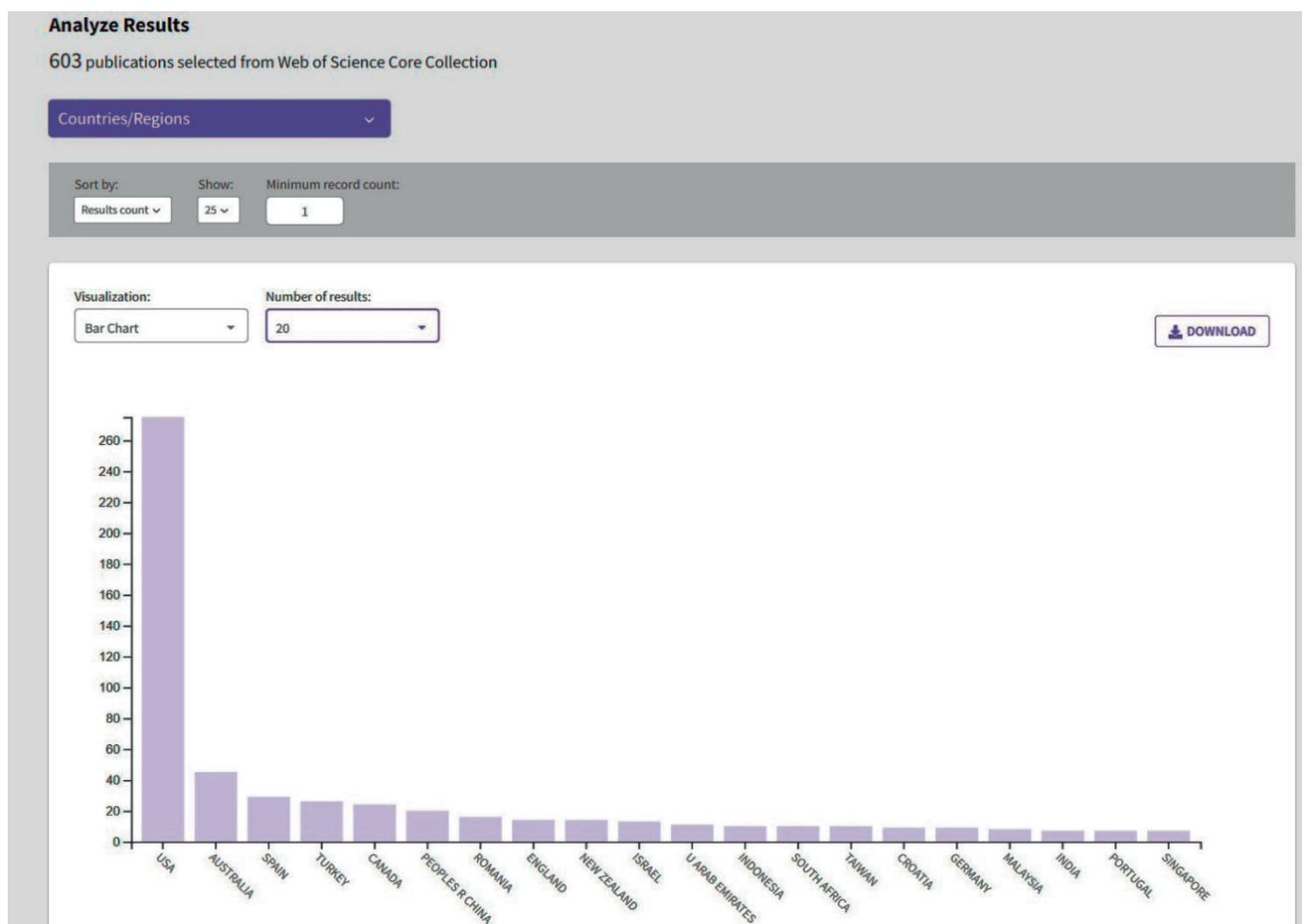

Рис. 2. Страны с наибольшим количеством публикаций по теме «academic dishonesty». По данным Индекса научного цитирования Web of Science

Для полнотекстового контент-анализа была использована платформа Semantic Scholar (для поиска иностранных источников) и платформа eLibrary для русскоязычных работ. Поисковый запрос был идентичный – «academic dishonesty» и, соответственно, «академическое мошенничество». На этом этапе стала очевидна разница в терминологических подходах к плагиату. Зарубежный подход определяет термин «академическое мошенничество» очень широко, в него входит и списывание, и шпаргалки, и копирование текстов из Интернета, и более научные понятия – фальсификация данных, подделка результатов исследований и т.д. Большое количество исследований зарубежных авторов посвящены причинам мошенничества в студенческой среде, психологическим обоснованиям такого поведения студентов, отношению самих студентов к мошенничеству и к тем, кто этим занимается, отношению преподавателей к студенческому плагиату. Общее количество работ, предложенных в ответ на запрос «academic dishonesty» составило около 5000. Большое количество работ, посвященных фальсификациям данных в медицинских, химических, биологических и физических вузах были исключены из исследования по причине их узкой специализации. Также были исключены статьи, описывающие плагиат как проблему нарушения закона, статьи, посвященные мошенничеству в школах.

Список публикаций на платформе eLibrary на запрос «академическое мошенничество» состоял из порядка

100 работ, основные темы которых следующие: причины мошенничества в студенческой среде, виды академического мошенничества, связь обмана в учебе с мотивацией, методы противодействия студенческому обману.

Совокупно для контент-анализа было получено порядка 580 публикаций, однако затем была проведена более тщательная выборка по содержанию. Были взяты исследования, посвященные проблемам плагиата конкретно в студенческой среде и те, где использовались количественные (анкетирование) и качественные (фокус-группы) методы сбора информации. Забегая вперед, скажем, что исследований, посвященных отношению студентов к тем своим сокурсникам, которые прибегают к плагиату, мы не нашли. До сих пор отношение студентов к обманщикам в учебе не входила в поле интересов ученых, по крайней мере, пока.

Еще в 1998 году вышел обзор [25], где на основе анализа 107 публикаций исследователь изучил связь отношения студентов к академическому обману и самим фактом использования плагиата с помощью теории запланированного поведения Айзека Эизена [9]. Среди многих прочих выводов Уитли установил, что студенты с терпимым и благоприятным отношением к мошенничеству более склонны к нему, чем те, у кого оно нетерпимое, то есть, при твердом убеждении, что плагиат – это «плохо», обучающиеся реже прибегают к такого рода обману. Также выявлено, что чаще остальных занимают

ся плагиатом обучающиеся, которые считают, что общество одобряет академический обман. Чаще действуют так и студенты, высоко оценивающие свои способности мошенничества, и те, кто ощущают меньше моральных обязательств по отношению к плагиату. Также Уитли обращает внимание на то, что эти факторы отношения студентов к академическому обману взаимосвязаны между собой.

Теория запланированного поведения сейчас используется наиболее часто как раз для исследований академического мошенничества [4, 5, 7, 10, 11]. В рамках данной теории исследуется вопрос, что именно предшествует намерению студента нарушить академическую этику (списать, скачать работу из Интернета, купить работу и т.д.), то есть, какие факторы, как именно и почему определяют отношение студента к академическому мошенничеству.

Ученые из университета Гаджа Мада, Индонезия [24] также опирались на теорию планируемого поведения и изучали отношение студентов одного из университетов Индонезии к академической нечестности методом анкетирования. В своем исследовании ученые проверяли гипотезы:

- Если студенты не до конца понимают, что такое академическое мошенничество, они будут прибегать к нему чаще
- Если на студентов оказывать сильное давление со стороны администрации, это приведет к еще большему мошенничеству
- Высокая культура студента снижает риски академического мошенничества и др.

При опросе ученые использовали шкалу Лайкерта, когда на конкретный вопрос испытуемые отмечали свой вариант ответа от 1 до 5 от «не согласен» до «полностью согласен». Например, с утверждением «...обман – это всегда неправильно» согласны лишь 20% студентов, утверждению «студенты должны начать жульничать, если они знают, что им может сойти это с рук безнаказанно» больше половины студентов поставили 4 балла из 5, а с ситуацией «Я позволю другим студентам списать мои экзаменационные ответы, если они попросят об этом» согласились почти все испытуемые [24, с. 152]. Такие высокие баллы по этим показателям говорят о достаточно лояльном отношении к академической нечестности у студентов, более того, обучающиеся готовы способствовать масштабированию этой нечестности, участвуя в обмане. Результаты того же исследования указывают на то, что отсутствие страха быть пойманным (а опыт студентов говорит им о том, что уличают их в мошенничестве достаточно редко) является очень сильным фактором для развития разного рода обмана в учебе [24, с. 152].

С помощью той же шкалы Лайкерта группа ученых провела онлайн-анкетирование среди студентов университетов в Руанде [12] для оценки знаний и отношения к плагиату. Результаты опроса показали, что более 20% респондентов имеют низкий уровень знаний о плагиате, при этом более 60% указали, что все формы плагиата неприемлемы, а 44% заявили, что плагиат неизбежен [12 с. 258]. Поскольку Интернет обеспечивает свободный доступ к информации, никакого вреда от использования этой информации в учебе нет, считают студенты.

Особенно полезным для нашего исследования была серия вопросов анкеты, относящаяся к отношению студентов к плагиату. Результаты ответов показали, что в университетах Руанды уровень толерантности как к плагиату, так и к сокурсникам, которые плагиатят, довольно низкий. Удивительно, с утверждением «Если бы я узнал, что мой коллега/однокурсник занимается пла-

гиатом, я бы сообщил о правонарушении преподавателю/руководителю» согласились почти 60% опрошенных, а с утверждением «Плагиат так же недопустим, как и списывание на экзамене» однозначно согласились 86%.

Похожее исследование было проведено в университете Нигерии. Ответы на вопросы анкеты были обработаны с помощью регрессионного анализа. Результаты исследования показали, что студенты, которые придают меньше значения угрозе быть пойманными, с меньшей вероятностью воспринимают академическую нечестность как что-то плохое. Кроме того, в исследовании отмечалось, что студенты не всегда могут распознать ситуацию академического мошенничества. А про других студентов 66% респонденты опроса подтвердили, что, если бы они имели возможность, то тоже бы мошенничали. Лояльное отношение к плагиату связано с неосведомленностью обучающихся о таком явлении, с их личными убеждениями и отсутствием страха наказания [18]. Кстати, страх наказания очень часто выступает самой сильной сдерживающей причиной при решении студента поступить неэтично [6, 25].

Исследователь из Турции в обзоре «A Review of Literature: Plagiarism in the Papers of Turkish Context» анализировал турецкие и англоязычные статьи, посвященные плагиату. Он делил найденные материалы на категории «точки зрения на плагиат», «склонности и знание о плагиате», «причины и решения» [13, с. 165]. Как раз в первой категории и были сделаны выводы об отношении студентов к академическому мошенничеству. Исследователь обнаружил, что в основном у обучающихся негативное мнение о плагиате и обратил внимание на то, что оно может быть таким у студентов, даже если они не обладают достаточными знаниями о том, что такое плагиат.

Другая группа ученых из Турции провели сравнительное кросс-культурное исследование со студентами из трех разных стран: Германии, Турции и Грузии, чтобы изучить сходства и различия в опыте плагиата обучающихся разных культур. Любопытно было узнать, что нехватка времени, плотный график и слабые навыки академического письма являются наиболее частыми причинами плагиата. Однако, в отличие от предыдущих исследований, роль Интернета в отношении роста плагиата оказалась минимальной. Так, это исследование показало, что студенты Турции прибегают к плагиату чаще, чем обучающиеся Грузии или Германии. Авторы статьи приходят к выводу, что это связано с тем, что для турецких обучающихся, процитировать кого-либо – это дань уважения, которая имеет большое значение. Однако недостаток знаний в области академического письма играет с ними злую шутку. И из этого следует, что у студентов Турции толерантное отношение к плагиату из-за особенностей уважения как черты культуры этой страны, академическое мошенничество – частое явление, но не всегда оно осознанное [15].

В России исследования, посвященные академическому мошенничеству вообще и плагиату в частности, также проводятся, хотя значительно реже и не в таких масштабах, как за рубежом. В статье «Отношение студентов и преподавателей к наказаниям за плагиат и списывание» В.В. Радаев приводит результаты опроса студентов ГУ-ВШЭ об их отношении к плагиату. Любопытно, что совокупно более одной трети респондентов считают, что не надо применять вообще никаких санкций к тем, кого уличили в плагиате, то есть, это предварительно подтверждает нашу гипотезу, что студенты достаточно терпимы к сокурсникам, мошенничающим во время учебы. Лишь 35% опрошенных считают, что преподаватели могут поставить неудовлетворительную оценку в слу-

чае плагиата, а идея с отчислением обманщиков кажется разумной только 0,7%. Лояльное отношение студенты проявляют и к списыванию на экзаменах или зачетах [4].

Результаты ещё одного исследования оказались не менее интересными. Проанализирована связь отношения к списыванию обучающихся в средней школе с практиками обмана в университете. «Среди опрошенных почти все респонденты, ответившие, что никогда не прибегали к списыванию в школе, в основном придерживаются этой же стратегии (не списывают) и в университете» (Кондрашова Е.В., 2021). Из этой связи списывания и плагиата следует то, что толерантное отношение к академическому мошенничеству у студентов формировалось ещё со школьной скамьи, если они этим занимались. Когда в школе не считалось, что списать либо дать списать однокласснику – это не то, что недопустимо, но даже приветствуется, такое отношение остается и при учебе в университете. К такому же выводу приходят и другие ученые [16, 25].

В 2021 году в ВШЭ состоялась защита диссертации Шмелевой Е.Д. [7] на тему «Академическое мошенничество среди студентов российских вузов: масштаб и факторы», где впервые на российском материале были приведены результаты нескольких масштабных исследований, посвященных академическому мошенничеству в студенческой среде. В диссертации автор убедительно доказывает не только высокую распространенность плагиата среди студентов, но и на основе эмпирических данных показывает достаточно лояльное отношение к академическому мошенничеству в студенческой среде.

Представленная выборка научных публикаций для контент-анализа может вызвать вопрос, почему из самого многочисленного пула публикаций из США были упомянуты лишь единицы. Авторы признают, что наиболее полные обзоры и эмпирические данные представлены в работах американских исследователей, в нашей работе был очень полезен обзор Бернарда Уитли [25]. Однако наибольший интерес представляли те статьи, в которых были отражены результаты работы ученых не из ведущих стран Европы и Америки, а из развивающихся стран либо стран «третьего мира». Для более тщательного анализа были взяты именно эти источники, чтобы показать, что проблема плагиата существует везде, независимо от уровня развития науки и образования. И везде этому роду академического мошенничества уделяется значительное внимание, разница лишь в количестве исследований, количестве респондентов, если речь шла об опросах, методах обработки данных и т.д.

Таким образом, анализ предыдущих исследований позволил сформулировать и уточнить гипотезу об отношении студентов к плагиату и сокурсникам, прибегающим к академическому мошенничеству.

Метод фокус-групп

Метод фокус-групп оказался довольно распространенным методом среди исследователей, которые выясняли многочисленные аспекты академического мошенничества среди студентов, в частности плагиата [2, 14, 17, 20].

Для проведения фокус-групп в рамках нашего исследования были приглашены студенты Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург).

Всего было проведено 3 фокус-группы, средняя продолжительность каждой фокус-группы составила около двух часов.

Основной состав фокус-групп – студенты третьих курсов со всех факультетов вуза. Идея состава участников фокус-групп базировалась на том, что к третьему

курсу студенты, во-первых, либо уже имеют опыт академического мошенничества, либо имеют опыт отказа от него. Кроме того, к третьему курсу студенты уже должны сформировать личное отношение к тому, является для них академическое мошенничество приемлемым или нет.

Каждая фокус-группа состояла в среднем из 8 человек, по 2–3 студента с разных факультетов. Все студенты, за редким исключением, не были знакомы друг с другом, соотношение мужчин и женщин было примерное равное.

В итоге соотношение представителей от каждого факультета на каждой фокус-группе следующее (табл. 1).

Таблица 1

№ фокус-группы	Всего участников	Факультет*	Мужчин	Женщин
1	4	ФМОПИ, ФСТ	0	4
2	9	ФМОПИ, ФГМУ, ЮФ	6	3
3	6	ФСТ, ФБТ	2	4

*ФМОПИ – факультет международных отношений и политических исследований

ФГМУ – факультет государственного и муниципального управления

ФСТ – факультет социальных технологий

ЮФ – юридический факультет

ФБТ – факультет таможи и безопасности

Все фокус-группы проходили по одной схеме:

- 1 этап: знакомство с участниками. Вопрос включал в себя следующее: имя, факультет, направление подготовки, курс. Кроме этой основной информации модератор фокус-групп спрашивала каждого обучающегося о теме, которой он хочет заняться в науке или писать выпускную квалификационную работу, и о том, есть ли у него/нее опыт научной работы.

- 2 этап: основной блок вопросов. Он также был идентичен во всех фокус-группах.

Вопросы, по которым шло обсуждение в фокус-группах, следующие:

1. Приходилось ли вам списывать в школе? Что вы при этом чувствовали? Можно ли оправдать практику списывания на экзамене?
2. Есть ли, по-вашему, сходство между списыванием и плагиатом? Как бы вы одной фразой описали, что такое плагиат?
3. Кто чаще прибегает к плагиату – мальчики или девочки, местные или приезжие? Почему?
4. Как бы вы оценили распространенность плагиата среди студентов своей группы, своего направления в процентах?
5. Назовите три основных причины, почему студенты допускают плагиат в своих работах? Какая из них главная?
6. Какие две-три меры борьбы со студенческим плагиатом вы бы предложили?
7. Может ли что-то сделать для решения этой проблемы администрация ВУЗа?

В процессе подготовки вопросов для фокус-групп мы понимали, что прямые вопросы, относящиеся к отношению студентов к плагиату вообще и к тем их сокурсникам, которые прибегают к плагиату, не дадут правдивых ответов, так как обществом порицается мошенничество во всех его проявлениях. Организаторы фокус-групп

предполагали, что психологически студентам будет нелегко на вопрос «как вы относитесь к тем, кто плагиатит» ответить «хорошо отношусь», или «отношусь нормально». Чтобы выйти на цель исследования, вопросы были сформулированы косвенно. Мы предполагали, что по тому, как участники отвечают на вопросы о масштабах плагиата, его причинах и методах борьбы с ним, станет понятно, как студенты относятся к плагиату и к тем своим одногруппникам, которые мошенничают.

На эти вопросы были получены интересные, неоднозначные ответы. Часто разгоралась дискуссия, сталкивались разные точки зрения. Особенно неожиданной была разница в ответах между разными факультетами. В формулировке гипотезы об уровне толерантности к плагиату и тем, кто плагиатит, мы не предполагали, что учеба на конкретном факультете будет иметь значение. Это открытие дало толчок для формирования исследовательских вопросов для будущей работы. Поскольку основные вопросы, которые были предметом исследования, были составлены таким образом, что участники говорили не о себе, а о своих одногруппниках, можно с большой долей вероятности утверждать, что ведущие получили откровенные, правдивые ответы.

Также ценно, что в процессе обсуждения этих вопросов были получены дополнительные гипотезы для дальнейших исследований.

В рамках данной работы особенный интерес для нас представляли ответы на вопросы 4 и 5, то есть, то, как сами студенты оценивают распространенность плагиата среди своих одногруппников и почему вообще студенты прибегают к плагиату. Что именно говорили о причинах и мотивах плагиата студенты, как они об этом говорили, участники фокус-групп тем самым демонстрировали свое отношение академическому обману и мошенникам. Ответы на эти вопросы были исследованы особенно детально.

Результаты

Результаты фокус-групп, свидетельствующих об отношении студентов к плагиату и тем своим одногруппникам, которые им занимаются, в виде точных цитат участников с комментариями авторов, представлены ниже.

Вопрос «Как бы вы оценили распространенность плагиата среди студентов своей группы, своего направления в процентах?»

По результатам обработки ответов участников фокус-групп выявился факт значительной разницы между факультетами в том, как оценивают представители того, или иного факультета масштаб плагиата в своих группах. Все представители факультета международных отношений и политических исследований предположили низкий процент плагиата в своих группах – от 10 до 30, тогда как студенты других факультетов говорили о том, что среди одногруппников плагиатят до 90% студентов. В какой-то момент студенты, наряду с масштабом плагиата, стали вспоминать случаи покупки работ, при этом они однозначно причислили такие практики к академическому мошенничеству.

Настя, 2 курс, ФМОПИ: «Ну процентов 25. В курсовых, возможно в работах формата эссе или реферата. В работах другого вида обычно меньше, потому что преподавательский антиплагиат намного лучше, чем студенческий.»

Лена, 3 курс, ФГМУ: «Хотелось бы, наверное, даже сказать, что все в какой-то мере плагиатят. Процентом 70 на регулярной основе обращаются к заимствованию. Уровень работы влияет. Так как в каком-нибудь эссе можно и самому написать, это более простая работа

в отличие от той же курсовой. Чем сложнее работа, тем больше вероятность плагиата.»

Ольга, 4 курс, ФМОПИ: «Я бы тоже наверное разделила по типу работы. Если это семестровая работа или реферат, который ты пишешь в конце курса, то там процентов 10 студентов. Если это работа такого проходного доклада для семинара, который готовится в группе, то там 80%. А ВКР – мне кажется тоже процентов 10, потому что мне кажется, теоретическую часть много кто списывает.»

Таким образом, была градация масштабов плагиата в зависимости от сложности работы. Интересным было указание на то, что, возможно, названный процент был бы выше, если бы студенты не скрывали факт мошенничества. При этом в артикуляции участников фокус-группы стали появляться утверждения, что студенческий плагиат – обычная, нормальная ситуация. Более того, звучат мысли о том, что без плагиата вообще невозможно успешно учиться.

Степан, 3 курс, ФГМУ: «Долю, конечно, я точно не скажу, ну думаю, у нас понятно какой процент получится. 70–80%, а 20 оставшихся просто не признаются. Потому что сложно представить себе студента без плагиата. Я думаю, в более легких и простых работах плагиат неизбежно применять, а в более сложных шанс плагиата возрастет. В некоторых моментах ты даже не знаешь, как без него обходиться вообще.»

Сергей, 3 курс, ФМОПИ: «Вообще, конечно, на политологии очень сильно с первого курса ругают, так скажем, за плагиат. Предупреждают: «если мы найдем плагиат, то вы отсюда как бы уйдете». Поэтому я думаю, плагиат у нас более продвинутый, но списывают процентов 50 вдумчиво. Процентом 15 абсолютно никогда не указывают автора. По этим людям видно, что им как бы все равно на учебу. Чем сложнее работа, тем тебе морально труднее написать ее. Ты будешь пытаться что-то искать и поймешь, что ты вряд ли что-то внесешь на более высоком научном уровне своего, поэтому ты так или иначе присвоишь себе чьи-то другие мысли.»

Владимир, 3 курс, ЮФ: «Плагиат своей группы я не могу оценить. Навскидку я бы сказал, что процентов 40 точно плагиатят, процентов 30 – время от времени. Ещё процентов 30 стараются по крайней мере не плагиатить, насколько это возможно. Уровень сложности работы не влияет. Тот, кто плагиатит в сложных работах, он будет плагиатить и в простых.»

Катя, 2 курс, ФБТ: «Покупают процентов 60, все остальные плагиатят, исключая процентов 5. Ну, очень низкая заинтересованность в обучении. Я наблюдаю за этой ситуацией с первого курса. В общей сложности – 95%.»

Дарья, 3 курс, ФСТ: «Внутри группы процент плагиата с годами снизился. Сейчас есть очень интересная дисциплина и темы курсовых. Процентом 30 плагиатят. Я знаю людей, которые пишут свои работы полностью сами. Покупают 5–10%, наверное.»

Артем, 3 курс, ФСТ: «Я могу с уверенностью сказать, что плагиатят, ну, процентов 35. Причем я точно знаю этих людей. Покупают 25%. Это одни и те же люди. Кто не хочет вносить свой вклад в работу.»

Интересным оказалось мнение первокурсника, так как на первом курсе у студентов идут в основном общие дисциплины, на которые, возможно, обучающиеся не хотят тратить время и силы. И в этом случае отношение к плагиату максимально лояльное, – «Ведь впереди будут специальные дисциплины, ради которых я шел учиться, вот там я все буду делать сам», – так, возможно, думают студенты.

Денис, 1 курс, ФБТ: *“Я староста своей группы. И я считаю, что у меня занимаются плагиатом процентов 70–80 из-за очень низкой заинтересованности в обучении. Несмотря на первую закрытую сессию люди до сих пор не понимают, что происходит. Очень многим неинтересно, неинтересные дисциплины и преподаватели. Покупка работ – 5–10%, не больше.”*

В итоге, на этом этапе нами была частично подтверждена гипотеза о благоприятном отношении к академическому мошенничеству и к тем студентам, которые по разным причинам и в различных типах студенческих работ прибегают к плагиату.

Вслед за вопросом о масштабах плагиата и уровне толерантности к нему, было обсуждение причин обращения к плагиату у студентов.

Вопрос звучал так: “Назовите три основных причины, почему студенты допускают плагиат в своих работах? Какая из них главная?”

Ответы участников фокус-групп дали пул основных причин, приводящих к плагиату – низкая мотивация к учебе, большой объем письменных работ и неинтересные дисциплины. При этом от самих участников слышался такой посыл, что они сами согласны с тем, что названные ими причины веские и достаточные для мошенничества.

Анна, 3 курс, ФМОПИ: *“Первая – стресс. Понятно, что все четыре года у человека стресса быть не может, но периодически бывают такие ситуации, когда выбиваешься из колеи. Говорю, как человек, который пять раз перевезжал. Какие-то личные обстоятельства могут очень сильно подкосить, и поэтому просто нет времени и желания что-то писать. Вторая – требования преподавателя, какие-то крайне непонятные и сложные. И, наверное, да, мотивация. Когда студентам нравится предмет они такие: “Да, вот это я должен написать сам и сделать так, чтобы было классно”. Сложно поставить что-то на первое место, потому что стресс – это как туз, он может снивелировать. Ну а так, да, мотивация.”*

Александра, 2 курс, ФСТ: *“Во-первых, преподаватели. Они могут отбивать интерес. У человека может быть заинтересованность в предмете или обучении, но из-за какого-то, например, личного конфликта с преподавателем, ему может быть просто противно делать что-то по этому предмету. Из всех причин главная – замотивированность в учебе.”*

Ольга, 4 курс, ФМОПИ: *“Первая – это желание получить “плюшки” не прикладывая усилий, скажем так, баллы в рейтинг, например. Вторая – незамотивированность, когда тебе не нужно образование или предмет. И, наверное, нехватка навыков для написания работы. Студент не владеет материалом, не знает, как это оформить, не умеет работать со ссылками. Главная причина – незамотивированность. “Плюшки” тоже, но они больше бьют.”*

Были названы и другие причины плагиата, когда студенты перекладывали ответственность за свои неэтичные академические практики на преподавателя, или даже на вуз. Студенты жаловались на разницу в требованиях к письменным работам, отсутствие помощи от преподавателя и даже практику проверки работ через систему «Антиплагиат-вуз», когда важным становится исключительно процент оригинальности.

Евгения, 3 курс, ФСТ: *“Первая причина – это желание упростить себе жизнь. Вторая – нет мотивации от преподавателя. Нет помощи в написании работы, это мотивирует не напрягаться.”*

Владимир, 3 курс, ЮФ: *“Несоответствие требований. От нас требуется и объем, и оригинальность, и научная новизна. И это все не очень хорошо между собой со-*

относится. Невозможно за месяц написать 40 страниц с исследованием, с хорошим списком источников. На это нужно много времени. А у многих студентов есть и работа, и своя личная жизнь какая-то, не дай бог. И это всё не очень хорошо соотносится.”

Появилась еще одна интересная мысль. Студенты плагиатят с желанием публично выдать чужие мысли за свои и на какой-то момент стать лучше других и получить бонусы. То есть, речь идет уже не просто о том, чтобы «как-то списать работу и сдать, чтобы был зачет/экзамен/балл/оценка», а публично выдать чужое за свое. Тут, видимо, требуется оговорка, что устное выступление на семинаре с использованием заимствованных мыслей, идей и фраз все-таки плагиатом не считается, мы бы не стали фиксировать подобные практики как мошенничество, однако некорректные заимствования с целью «приподнять» себя в глазах однокурсников – интересный поворот в исследовании.

Виктория, 3 курс, ФГМУ: *“Первая – какая-то конкуренция в группе. Когда ты выдаешь чье-то классное мнение за свое, то ты считаешься по знаниям, по интеллекту выше.”*

Антон, 3 курс, ФМОПИ: *“Монотонность работ. В целом, писать эссе – это скучно. Одну работу сам написал, вторую сам написал, третью сам написал. Потом выгорание уже. И четвертую полностью списал. Я уже тоже готов плагиатить.”*

Также в процессе фокус-группы мы вышли на еще одну проблему – практики использования системы «Антиплагиат-ВУЗ». То, что инструмент был назван в качестве причины плагиата студентов, говорит о слабом знании обучающихся принципов работы системы, подходах к оценке работ и так далее. Студенты обвиняли «процент оригинальности», который требует с них преподаватель в том, что они «вынуждены плагиатить».

Александр, 3 курс, ФГМУ: *“Мне бы очень хотелось назвать ВУЗ причиной плагиата. У меня не было за всё время обучения такого, чтобы мне дали интересную тему, эссе на свободную тему. И процент оригинальности, который должен быть больше 51. Ты вынужден плагиатить, потому что должен получить определенный процент.”*

Артем, 3 курс, ФСТ: *“Первая – нет профессиональной цели. Человек не видит себя как профессионал, в той области, в которой нужно что-то писать. Вторая – может быть отсутствие определенного влияния на него, того же преподавательского состава. То есть позитивного примера. У нас преподаватель рассказывает о себе, своем профессиональном пути, где работал. Что-то можно взять на заметку для себя. Когда таких примеров нет, кому-то может быть тяжело сообразить к чему стремиться.”*

И, наконец, были названы внутренние причины, порождающие плагиат – неуверенность в своих силах, с одной стороны и отсутствие страха быть пойманным, с другой стороны. При этом вторая причина становится тем сильнее, чем чаще студент видит такие успешные практики у одноклассников и друзей.

Катя, 2 курс, ФБТ: *“Во-первых, страх взяться за что-то порождает плагиат. Неуверенность в себе: “Эта курсовая на 30 страниц, я не смогу!”. Вторая причина – отсутствие интереса к предмету.”*

Денис, 1 курс, ФБТ: *“Первая – армия. Мотивирует хоть как-то окончить ВУЗ. Вторая причина – успешный опыт плагиата. Человек захотел, у него получилось, не попался. Научился – пристрастился.”*

Мы не приводим в данной работе все полученные ответы по причине их некоторой повторяемости и маловразумительности отдельных ответов, когда затруд-

нительно привести точную цитату, однако все значимые варианты ответов в исследовании представлены.

Заключение

Исследование отношения студентов к академическому мошенничеству методом контент-анализа показало, что толерантность к списыванию и плагиату у российских и зарубежных студентов находится практически на одном уровне. Ту же лояльность испытуемые демонстрируют и к тем однокурсникам и одногруппникам, кто прибегает к различным формам академического мошенничества. Во многих предыдущих исследованиях, с которыми мы согласны, слышится убеждение, что такое, мягко говоря, спокойное отношение к плагиату у студентов от того, что уровень плагиата в студенческой среде очень высок, то есть, это уже само собой разумеющееся явление. Студенты, отвечая на любые вопросы о плагиате, о своих знакомых, которые занимаются им, внутренне имеют в виду и себя, что позволяет нам, вслед за другими исследователями, проецировать толерантность к академическому мошенничеству на терпимость и к тем, кто так поступает. Основные детерминанты этого – школьные неэтичные практики, частое непонимание сущности плагиата, отсутствие страха быть пойманным, отсутствие мотивации и интереса к учебе, лень и недостаток времени.

Кроме того, на основе анализа научной литературы нам удалось установить, что российских исследований плагиата студентов не так много. Внимание в основном уделялось масштабам плагиата, факторам, обуславливающим неэтичные практики у студентов, разнообразию форм академического мошенничества и т.д. Между тем, лояльность к нему – это важная составляющая для определения действенных превентивных мер снижения масштабов академического мошенничества, так как многие причины плагиата у студентов лежат в области их отношения к нему и к тем, кто прибегает к плагиату. Мы считаем, когда ситуация в обществе изменится настолько, что быть этичным в науке и учебе будет выгодно, общество начнет постепенно избавляться от плагиата. А пока, результаты тех немногих исследований, которые нам удалось найти, не показывают тенденций к снижению уровня толерантности к плагиату. И что особенно печально, демонстрируют лояльное отношение к академическим мошенникам и многие преподаватели. Причины этого будут исследоваться нами в дальнейшей работе.

Работа в фокус-группах показала, что само понятие плагиат у студентов весьма расплывчато – кто-то описывал его как неправильные цитаты, кто-то – отсутствие ссылок, метод «сору-paste», представление чужой работы за свою, когда меняется только титульный лист и т.д. Лишь один участник фокус-группы сказал, что, по его мнению, плагиат – это воровство. С нашей точки зрения, корректнее всего называть плагиат девиантным поведением, когда есть академические нормы, этические нормы, принятые в науке, а плагиат, как любое мошенничество, попытка ввести в заблуждение другого человека есть отклонение от нормы.

По этой причине, не называя плагиат воровством, обманом и девиациями, у студентов складывается впечатление, что «ничего особенного они не делают», «так делают если не все, то многие», «невозможно при такой нагрузке писать курсовые честно» и т.д., тем самым оправдывая себя и еще выше поднимая планку лояльного отношения.

За рамками данной работы еще остались важные вопросы, обсуждаемые в фокус-группах – влияние на масштабы плагиата условий проживания студентов, гендерный аспект, возраст участников, меры борьбы с плагиа-

том в вузах и возможные действия администрации для снижения масштабов мошенничества. На этом будут сфокусированы наши будущие исследования.

Литература

1. Голунов, С.В. Студенческий плагиат как вызов системе высшего образования в России и за рубежом / С.В. Голунов // Вопросы образования. – 2010. – № 3. – С. 243–258.
2. Кичерова, М. Н., Кыров, Д. Н., Смыкова, П. Н., Пилипушко С.А. Плагиат в студенческих работах: анализ сущности проблемы / М.Н. Кичерова, Д.Н. Кыров, П.Н. Смыкова, С.А. Пилипушко // Наукоеведение. – 2013. – № 4(17). – С. 82.
3. Кондрашова, Е.В. Влияние дистанционного обучения на плагиат и списывание / Е.В. Кондрашова // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – № 3. – С. 156–161.
4. Радаев, В. В., Чириков, И.С. Отношение студентов и преподавателей к наказаниям за плагиат и списывание / В.В. Радаев, И.С. Чириков // Университетское управление: практика и анализ. – 2006. – № 4. – С. 75–80.
5. Сивак, Е.В. Преступление в аудитории. Детерминанты нечестного поведения студентов (плагиата и списывания) / Е.В. Сивак // Препринт WP10/2006/06. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 44 с.
6. Шмелева, Е.Д. Академическое мошенничество в современных университетах: обзор теоретических подходов и результатов эмпирических исследований / Е.Д. Шмелева // Экономическая социология. – 2015. – Т. 16, № 2. – С. 55–79.
7. Шмелева, Е.Д. Академическое мошенничество среди студентов российских вузов: масштаб и факторы: диссертация на соискание ученой степени кандидата наук об образовании (PhD in Education) / Е.Д. Шмелева // Москва. – 2021. – 157 с.
8. Эрштейн, Л.Б. Негативные факторы влияния сети интернет на проведение занятий в высшем образовании / Л.Б. Эрштейн // Открытое образование. – 2016. – Т. 20, № 4. – С. 4–9. – DOI 10.21686/1818-4243-2016-4-4-9.
9. Ajzen, I. The theory of planned behavior / I. Ajzen // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 1992. – Т. 50. – № 2. – P. 179–211.
10. Anitsal, I., Anitsal, M. M., Elmore, R. Academic dishonesty and intention to cheat: A model on active versus passive academic dishonesty as perceived by business students / I. Anitsa, M.M. Anitsal, R. Elmore // Academy of Educational Leadership Journal. – 2009. – 13(2). – P. 17–26.
11. Camara, S. K., Eng-Ziskin, S., Wimberley, L., Dabbour, K. S., Lee, C.M. Predicting students' intention to plagiarize: An ethical theoretical framework / S.K. Camara, S. Eng-Ziskin, L. Wimberley, K.S. Dabbour, C.M. Lee // Journal of Academic Ethics. – 2017. – Т.15. – № 1. – P. 43–58.
12. Clarke, O., Chan, W. Y. D., Bukuru, S., Logan, J., Wong, R. Assessing knowledge of and attitudes towards plagiarism and ability to recognize plagiaristic writing among university students in Rwanda / O. Clarke, W. Y.D. Chan, S. Bukuru, J. Logan, R. Wong // Higher Education. – 2023. – 85(2). – P. 247–263. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10734-022-00830-y>
13. Gokmenoglu, T. A Review of Literature of Plagiarism in the Papers of Turkish Context / T. Gokmenoglu // Higher Education Studies. – 2017. – 7. – P. 161–170.

14. Gourlay, L., Deane, J. Loss, responsibility, blame? Staff discourses of student plagiarism / L. Gourlay, J. Deane // *Innovations in Education and Teaching International*. – 2012. – 49(1). – P. 19–29.
15. Kayaoğlu, M. N., Erbay, S., Flitner, C., Saltaş, D. Examining students' perceptions of plagiarism: A cross-cultural study at tertiary level / M.N. Kayaoğlu, S. Erbay, C. Flitner, D. Saltaş // *Journal of Further and Higher Education*. – 2016. – 40(5). – P. 682–705.
16. Lailiyah, M., Wediyantoro, P.L. Plagiarism in EFL Academic Writing: Students self-reported reasons for internet plagiarism / M. Lailiyah, P.L. Wediyantoro // *EnJourMe (English Journal of Merdeka): Culture, Language, and Teaching of English*. – 2022. – 7(1). – P. 174–180. – URL: <https://doi.org/10.26905/enjourme.v7i2.8640>
17. Maharani, A. A.P. Plagiarism in creating academic based argumentative essay: the strategies to avoid it / A. A.P. Maharani // *Yavana Bhasha: Journal of English Language Education*. – 2019. – 1(1). – P. 50–57.
18. Nwoye, Y. D., Akpom, U. N., Hwang, J. Students Attitude and Perceptions towards Academic Dishonesty / Y.D. Nwoye, U.N. Akpom, J. Hwang // *Journal of Education & Social Policy*. – 2019. – 6(1). – P. 114–131.
19. Ramadhana, M.A. Students Versus Plagiarism: How is Online Plagiarism Detection Service Perceived? / M.A. Ramadhana // *Ethical Lingua: Journal of Language Teaching and Literature*. – 2016. – 3. – P. 89–102.
20. Rets, I., Ilya, A. Eliciting ELT Students' Understanding of Plagiarism in Academic Writing / I. Rets, A. Ilya // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. – 2018. – 4(2). – P. 193–211.
21. Rettinger, D. A., Kramer, Y. Situational and Personal Causes of Student Cheating / D.A. Rettinger, Y. Kramer // *Research in Higher Education*. – 2009. – 50(3). – P. 293–313.
22. Rozar, N., Sidik, M. H., Razik, M. A., Sidik, N. A., Zolkepli, M.F. Why do university students perpetrate internet plagiarism? A multiple linear regression analysis / N. Rozar, M.H. Sidik, M.A. Razik, N.A. Sidik, M.F. Zolkepli // *Sys Rev Pharm*. – 2020. – 11(12). – P. 947–955.
23. Selwyn, N. 'Not necessarily a bad thing ...': a study of online plagiarism amongst undergraduate students / N. Selwyn // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. – 2008. – 33(5). – P. 465–479.
24. Winardi, R. D., Mustikarini, A., Anggraeni, M.A. Academic dishonesty among accounting students: some Indonesian evidence / R.D. Winardi, A. Mustikarini, M.A. Anggraeni // *Jurnal Akuntansi dan Keuangan Indonesia*. – 2017. – 14(2). – P. 142–164.
25. Whitley, B.E. Factors associated with cheating among college students: A Review / B.E. Whitley // *Research in Higher Education*. – 1998. – 39(3). – P. 235–274. – URL: <https://doi.org/10.1023/A:1018724900565>

PLAGIARISM THROUGH THE EYES OF STUDENTS: DISHONESTY OR THE NORM?

Vasilyeva V.A., Shabaeva A.A.

North-West Institute of Management, RANEPa

Plagiarism is one of the forms of deviant behavior, that is, deviation from the generally accepted norm. In this case, we are talking about a moral and ethical norm, when students, forming their attitude to plagiarism, increase deviations in the academic environment or reduce them. The study verifies the hypothesis of a high level of tolerance of students of higher educational institutions both to plagiarism and to those who resort to this type of academic dishonesty in such works as essays, research papers, etc. Methods used in the research: content analysis and focus groups. The authors of the article come to the conclusion that, despite the deception in science

and education disapproved by society, students demonstrate a loyal attitude to plagiarists-students and justify deception in academic papers.

Keywords: academic dishonesty, plagiarism, deviations in the academic environment, focus groups.

References

1. Golunov, S.V. Student's plagiarism as a call to the higher education system in Russia and abroad / S.V. Golunov // *Issues of education*. – 2010. – No. 3. – P. 243–258.
2. Kicherova, M. N., Kyrov, D. N., Smykova, P. N., Pilipushko S.A. Plagiarism in student's works: analysis of essence of a problem / M.N. Kicherova, D.N. Kyrov, P.N. Smykova, S.A. Pilipushko // *Science of science*. – 2013. – No. 4(17). – P. 82.
3. Kondrashova, E.V. Influence of distance learning on plagiarism and writing off / E.V. Kondrashova // *Modern science-intensive technologies*. – 2021. – No. 3. – P. 156–161.
4. Radaev, V. V., Chirikov, I.S. The relation of students and teachers to punishments for plagiarism and writing off / V.V. Radaev, I.S. Chirikov // *University management: practice and analysis*. – 2006. – No. 4. – P. 75–80.
5. Sivak, E.V. Crime in audience. Determinants of dishonest behavior of students (plagiarism and writing off) / E.V. Sivak // *Preprint WP10/2006/06*. – M.: GU HSE, 2006. – 44 p.
6. Shmeleva, E.D. The academic fraud at the modern universities: review of theoretical approaches and results of empirical researches / E.D. Shmeleva // *Economic sociology*. – 2015. – V. 16, No. 2. – P. 55–79.
7. Shmeleva, E.D. The academic fraud among students of the Russian higher education institutions: scale and factors: the thesis for a degree of the candidate of science about education (PhD in Education) / E.D. Shmeleva // *Moscow*. – 2021. – 157 p.
8. Erstein, L.B. Negative factors of the influence of the Internet on conducting classes in higher education / L.B. Erstein // *Open education*. – 2016. – V. 20, No. 4. – P. 4–9. – DOI 10.21686/1818-4243-2016-4-4-9.
9. Ajzen, I. The theory of planned behavior / I. Ajzen // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 1992. – T. 50. – № 2. – P. 179–211.
10. Anitsal, I., Anitsal, M. M., Elmore, R. Academic dishonesty and intention to cheat: A model on active versus passive academic dishonesty as perceived by business students / I. Anitsa, M.M. Anitsal, R. Elmore // *Academy of Educational Leadership Journal*. – 2009. – 13(2). – P. 17–26.
11. Camara, S. K., Eng-Ziskin, S., Wimberley, L., Dabbour, K. S., Lee, C.M. Predicting students' intention to plagiarize: An ethical theoretical framework / S.K. Camara, S. Eng-Ziskin, L. Wimberley, K.S. Dabbour, C.M. Lee // *Journal of Academic Ethics*. – 2017. – T.15. – № 1. – P. 43–58.
12. Clarke, O., Chan, W. Y. D., Bukuru, S., Logan, J., Wong, R. Assessing knowledge of and attitudes towards plagiarism and ability to recognize plagiaristic writing among university students in Rwanda / O. Clarke, W. Y.D. Chan, S. Bukuru, J. Logan, R. Wong // *Higher Education*. – 2023. – 85(2). – P. 247–263. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10734-022-00830-y>
13. Gokmenoglu, T. A Review of Literature: Plagiarism in the Papers of Turkish Context / T. Gokmenoglu // *Higher Education Studies*. – 2017. – 7. – P. 161–170.
14. Gourlay, L., Deane, J. Loss, responsibility, blame? Staff discourses of student plagiarism / L. Gourlay, J. Deane // *Innovations in Education and Teaching International*. – 2012. – 49(1). – P. 19–29.
15. Kayaoğlu, M. N., Erbay, S., Flitner, C., Saltaş, D. Examining students' perceptions of plagiarism: A cross-cultural study at tertiary level / M.N. Kayaoğlu, S. Erbay, C. Flitner, D. Saltaş // *Journal of Further and Higher Education*. – 2016. – 40(5). – P. 682–705.
16. Lailiyah, M., Wediyantoro, P.L. Plagiarism in EFL Academic Writing: Students self-reported reasons for internet plagiarism / M. Lailiyah, P.L. Wediyantoro // *EnJourMe (English Journal of Merdeka): Culture, Language, and Teaching of English*. – 2022. – 7(1). – P. 174–180. – URL: <https://doi.org/10.26905/enjourme.v7i2.8640>
17. Maharani, A. A.P. Plagiarism in creating academic based argumentative essay: the strategies to avoid it / A. A.P. Mahara-

- ni // *Yavana Bhasha: Journal of English Language Education*. – 2019. – 1(1). – P. 50–57.
18. Nwoye, Y. D., Akpom, U. N., Hwang, J. Students Attitude and Perceptions towards Academic Dishonesty / Y.D. Nwoye, U.N. Akpom, J. Hwang // *Journal of Education & Social Policy*. – 2019. – 6(1). – P. 114–131.
 19. Ramadhana, M.A. Students Versus Plagiarism: How is Online Plagiarism Detection Service Perceived? / M.A. Ramadhana // *Ethical Lingua: Journal of Language Teaching and Literature*. – 2016. – 3. – P. 89–102.
 20. Rets, I., Ilya, A. Eliciting ELT Students' Understanding of Plagiarism in Academic Writing / I. Rets, A. Ilya // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. – 2018. – 4(2). – P. 193–211.
 21. Rettinger, D. A., Kramer, Y. Situational and Personal Causes of Student Cheating / D.A. Rettinger, Y. Kramer // *Research in Higher Education*. – 2009. – 50(3). – P. 293–313.
 22. Rozar, N., Sidik, M. H., Razik, M. A., Sidik, N. A., Zolkepli, M.F. Why do university students perpetrate internet plagiarism? A multiple linear regression analysis / N. Rozar, M.H. Sidik, M.A. Razik, N.A. Sidik, M.F. Zolkepli // *Sys Rev Pharm*. – 2020. – 11(12). – P. 947–955.
 23. Selwyn, N. 'Not necessarily a bad thing ...': a study of online plagiarism amongst undergraduate students / N. Selwyn // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. – 2008. – 33(5). – P. 465–479.
 24. Winardi, R. D., Mustikarini, A., Anggraeni, M.A. Academic dishonesty among accounting students: some Indonesian evidence / R.D. Winardi, A. Mustikarini, M.A. Anggraeni // *Jurnal Akuntansi dan Keuangan Indonesia*. – 2017. – 14(2). – P. 142–164.
 25. Whitley, B.E. Factors associated with cheating among college students: A Review / B.E. Whitley // *Research in Higher Education*. – 1998. – 39(3). – P. 235–274. – URL: <https://doi.org/10.1023/A:1018724900565>

Региональный музей как коммуникативное пространство в условиях цифровизации: на примере Тюменской области

Савельев Дмитрий Леонидович,

канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
E-mail: d.l.savelev@utmn.ru

Предметом исследования являются процессы трансформации региональных музеев в полифункциональные культурные пространства на основе внедрения современных информационно-технологических решений.

Цель статьи – проанализировать изменения организационных форм выставочной и культурно-образовательной деятельности музеев как современных коммуникативных пространств на основе использования информационных технологий.

Анализ механизмов взаимодействия музеев с потенциальными потребителями музейных услуг позволяет выявить изменения в содержании функциональной составляющей деятельности музейных учреждений, определить степень эффективности использования информационных технологий в отношении отдельных адресных групп.

Основные выводы проведенного исследования:

– организационные изменения музейной сети, обусловленные внедрением информационных технологий, расширяют функциональную составляющую деятельности музейных учреждений трансформируют музеи в полифункциональные коммуникативные пространства;

– современные технологические решения проектно-выставочной деятельности музеев обеспечивают расширение круга музейной аудитории;

– современный музей как коммуникативное пространство и культурно-образовательная площадка содействует формированию локальной идентичности и развитию внутри- и межрегиональных взаимосвязей.

Ключевые слова: музей, коммуникации, цифровая культура, цифровые технологии, выставочная деятельность, культурно-образовательная деятельность, региональная идентичность.

Введение

Традиционно музей воспринимается в общественном сознании как одна из наиболее значимых форм культурных институций. Особое положение музеев в системе региональных учреждений культуры обеспечивается его социальными функциями – приобщением граждан к историко-культурному наследию посредством формирования, классификации и представления объектов национальной культуры, формированием нравственных ценностей и национально-культурной идентичности. «Музей – постоянное некоммерческое учреждение, признанное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей». [13, с. 395].

Музейные институции, вписаны в территориальное социокультурное и коммуникативное пространство и способствуют формированию адаптационных возможностей личности на основе усвоения культурных стандартов. Деятельность музеев предусматривает осуществление двух взаимодополняющих векторов – с одной стороны создание «профессиональной системы коммуникаций», которая исходит из внутренних потребностей профессионального музейного сообщества, с другой – формирование «внешних коммуникаций» ориентированных на интересы внешних потребителей «музейного продукта». Как справедливо отмечает Т.В. Старикова система внутренних коммуникаций, в рамках музейного пространства, напрямую зависит от целей и задач деятельности музейного учреждения, в то время как внешние коммуникации ставят задачу расширения круга контактов и присутствия музея во внешней среде вне привязки к территориальной локации [15, с. 14–16].

Изменение подходов к содержанию деятельности музеев влечет за собой расширение их базовых функций. Традиционные функции музеев как документирование, проведение научных исследований, хранение и классификация музейных экспонатов, осуществление образовательно-воспитательной деятельности, организация досуга не раскрывает всего содержания деятельности современного музея.

С точки зрения формирования общенациональной и региональной культурной идентичности на современный музей накладываются функции, связанные с формированием общественного сознания, социальной интеграции, воспроизводства социальных отношений, регуляции общественных отношений, коммуникации. Таким образом традиционная миссия музея как учреждения деятельности которого направлена на повышение культурного и образовательного уровня населения, в современных условиях значительно усложнилась и ориентируется не только на знания, но и на активизацию творческого потенциала различных социальных групп.

Литературный обзор

К настоящему моменту сложился значительный пласт исследований, раскрывающих тенденции развития, из-

менение функционального содержания деятельности и роли музеев, в рамках формирования информационного общества.

Коммуникационные взаимосвязи в рамках музейного пространства по мнению Д. Камерона включает три базовых компонента музейного коммуникационного процесса: вещь, экспозиционер, посетитель [14, с. 247]. Взаимодействие этих компонентов создает многовекторную структуру восприятия и функционирования объекта восприятия. Совокупность взаимодействий различного рода субъектов, прямо или косвенно являющихся участниками коммуникативного процесса позволили М.Б. Гнедовскому выделить четыре подхода к анализу музейных коммуникаций: антропоцентрический, культурологический, диалогический и аксиологический. [7, с. 16–18]. Рассмотрение музея в качестве открытой системы, активно взаимодействующей с внешней средой и наделенной потенциалом влияния на развитие территории и локальных сообществ, становится предметом анализа В.Ю. Дукельского [8, с. 67–77].

Проблемы моделирования стратегий музейных коммуникаций с позиции музея как открытой системы рассматривается в работах Ю.Э. Комлева, О.Н. Шелегиной. В рамках коммуникационной модели музей как часть социокультурного пространства формирует множество каналов взаимодействия, ориентированных на внутреннюю и внешнюю среду музейного пространства региона. В качестве базовых элементов коммуникационной среды деятельности музеев выступают: органы публичной власти, деятельность которых определяется общими условиями социально-экономического развития региона и сложившейся нормативной правовой базой; совокупность социально-культурных факторов, определяющих потребности потенциальной аудитории музейных услуг; технологии деятельности музеев, определяющие организационные формы предоставления музейного продукта; совокупность потенциальных партнеров музеев [9]. В данном контексте музеи могут рассматриваться в качестве самостоятельных адаптирующихся систем, интегрированных в социокультурное пространство региона. Современный музей как многофункциональное учреждение может рассматриваться как самонастраивающаяся система, органично «взаимодействующая с музейным миром и территориальным социокультурным пространством, интегрирующееся в мировое культурное и информационное пространство» [19, с. 296].

Традиционное представление о музее как хранилище культурных артефактов меняется под влиянием цифровизации, которая создает новые формы сохранения музейных предметов. Анализируя процессы цифровизации культуры А. Косик подчеркивает, что цифровизация музейных фондов, создание виртуальных музейных пространств не просто облегчает доступность музейных экспозиций, но и позволяет использовать предлагаемый музеями контент для активизации творческой деятельности с учетом индивидуальных потребностей [20]. «Цифровой музей» становится своего рода продолжением реального музея, формирует новые формы коммуникативного взаимодействия с внешней средой. Как справедливо отмечает Н.Ю. Ключева новые формы музейной коммуникации оказываются под нарастающим влиянием «электронной культуры», которая базируется на интернет-коммуникациях [10, с. 104–108]. «Удаленная коммуникация» как новая форма общения посредством электронных систем меняет сами подходы к выстраиванию коммуникаций, не только на технологическом уровне, но и на уровне культурно-ценностном [3, с. 36–39].

Вне зависимости от характеристик коммуникационного взаимодействия музея с окружающей средой со-

держанное ядро деятельности сосредоточено на выполнении функций воспитания и образования. Как отмечает Л.М. Ванюшкина особая роль в освоении культурного наследия в рамках современной образовательной системы во много обусловлена системой внеаудиторного образования центральное место в котором занимает музей. Музейно-педагогическая деятельность в рамках «экскурсионной модели» обеспечивает непосредственный контакт с «историческими предметами», содействует более эффективному восприятию исторической деятельности через взаимодействие с музейными объектами [6]. Особая роль в этом процессе отводится музейным педагогам, задача которых заключается в создании максимально комфортной коммуникативной среды для посетителей музейных пространств. Образовательный потенциал музеев, а также организационные формы взаимодействия музеев с учебными учреждениями освещаются в работах А.А. Кондрашкиной [11]. Внедрение в образовательную среду информационных технологий меняет подходы к механизмам просветительской деятельности музейных учреждений. Актуальность приобретает модель интегрированной коммуникации, которая может быть описана как нелинейная система передачи целостного информационного сообщения в рамках коммуникационного взаимодействия различных субъектов [4, с. 44].

Материалы и методы

Анализ деятельности музеев как многофункциональных пространств базируется на междисциплинарном подходе, который позволяет проанализировать различные аспекты организационно-правовой деятельности музеев в рамках развития информационных технологий, обеспечивающих коммуникационное взаимодействие музея с внешней средой.

Методологической основой, рассмотрения региональных музеев в контексте цифровой трансформации, стал системный подход, который позволяет проанализировать музей как сложное с организационной и функциональной позиции учреждение, включенное в многовекторную систему коммуникационного взаимодействия с различными субъектами в рамках регионального культурного пространства.

При рассмотрении музея как учреждения культуры применялся структурно-функциональный метод, позволяющий выявить динамику развития внутриорганизационных изменений музейных учреждений, выявить и проанализировать тенденции развития целевой составляющей деятельности музеев с учетом развития информационно-коммуникационных технологий.

Анализ практической деятельности региональных органов публичной власти по развитию музейной сети Тюменской области, анализ результатов деятельности региональных музеев в рамках выставочной, проектной и образовательной деятельности предусматривает использование эмпирико-теоретических методов исследования – аналогии, абстрагирования, дедукции и индукции, установление причинно-следственных связей, типологизации, статистического анализа, «включенного наблюдения» за работой региональных музеев.

Результаты

Переоценка роли культуры в системе социально-экономических отношений на современном этапе развития нашей страны во многом определяется трансформацией культурного пространства, которое происходит под влиянием процессов цифровизации всех сфер общественных отношений. Внедрение в практику деятельности учреждений культуры информационных техноло-

гий меняет формат их взаимодействия с публикой. Изменение режима функционирования учреждений культуры в информационной среде создает принципиально новый вид коммуникативных пространств, обеспечивающих удовлетворение разнообразных культурных запросов множества социальных групп.

Обеспечение доступа граждан к достижениям культуры на основе формирования информационного пространства определяется как одно из стратегических направлений развития информационного общества в Российской Федерации. Реализация национального проекта «Культура», предусматривает расширение возможностей для творческого развития и самореализации личности, ориентирована на формирование культурных практик основанных на использовании информационных технологий.

Переход к цифровой культуре ставит перед учреждениями культуры ряд задач, связанных с развитием инфраструктуры позволяющей обеспечить доступ к культурным ресурсам: включение в орбиту единого культурного пространства страны локальных территорий путем внедрения визуальных и мобильных форм презентации объектов культурного наследия, расширение круга участников культурного взаимодействия [3, с. 526].

Развитие цифрового общества, требует переосмысления гуманитарной и социокультурной составляющих информационного и коммуникативного пространств. Музеи, как институты культурной памяти, призваны сыграть роль генераторов социокультурного взаимодействия, непрерывного образования, формирования и систематизации научной информации. Эффективность реализации указанных задач во многом зависит от готовности музеев адаптировать сложившиеся музейные пространства к современным технологическим решениям, разработать собственные проектные подходы к выстраиванию коммуникационного взаимодействия с внешней средой.

Анализ совокупности музейных учреждений Тюменской области исходя из принципа подведомственности и характеристик организационно-правовых форм управления позволяет выделить две подсистемы музейных организаций. Первую группу составляют музеи, учрежденные органами публичной власти: региональные и муниципальные музейные учреждения. Вторая группа представлена частными музеями.

На уровне субъекта РФ функционирует 37 региональных музеев, которые в организационном плане объединены в государственное автономное учреждение культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» [12]. Создание единого регионального музейного пространства в Тюменской области на базе «Тюменского музейно-просветительского объединения», в состав которого вошли государственные музейные комплексы трех городов юга Тюменской области – Тюмени, Тобольска и Ялуторовска было направлено на решения ряда задач функционирования музейных учреждений:

- повышение эффективности их деятельности и расширение системы предоставления услуг населению;
- формирование единых подходов к научно-исследовательской и образовательной деятельности;
- продвижение новых форм популяризация объектов культурного наследия.

Совокупность муниципальных музеев Тюменской области составляют тринадцать муниципальных краеведческих музеев в статусе автономных учреждений культуры муниципальных районов, которые, как правило, являются структурными подразделениями муниципальных учреждений культурно-досугового типа или централизо-

ванных библиотечных систем. Самостоятельный статус музейных учреждений имеют только два краеведческих музея: Ишимский музейный комплекс им. П.П. Ершова, включающий музей «Городская Управа», музей П.П. Ершова и арт-Галерею и Народный краеведческий музей им. А.В. Давыдова Викуловского муниципального района, который включает в свой состав краеведческие музеи в селах Ермаки, Калинино, Поддубровное.

Частные музеи Тюменской области, как правило в форме НКО, представлены следующими музеями: Музей частных коллекций, Дом-музей Г.Е. Распутина, Музей Ретро-техники им. В.В. Михайлова, Музей «Каменский ковер», Музей истории крестьянского быта, Музей кузнечного мастерства, Музей отеля Vostok «Тюмень – мое достояние», Музей печати г. Тобольска. Часть из этих музеев входит в межрегиональное объединение частных музеев «Ассоциация частных и народных музеев России».

Деятельность региональных органов власти Тюменской области направлена на обеспечение оптимальных условий развития музейных учреждений в рамках реализации региональных программ, создания эффективной системы взаимодействия музейных учреждений всех уровней посредством расширения выставочной деятельности, внедрения новых моделей и технологий деятельности музейных организаций. Реализованный органами публичной власти подход по оптимизации деятельности музейных учреждений, ориентированный на создание единой интегрированной системы учета, комплектования, хранения и использования музейных фондов, создания условий для более эффективной выставочной деятельности, вызвал неоднозначную, порой негативную, оценку со стороны профессионального музейного сообщества.

Трансформация организационной формы музейных учреждений, которая основана на системе централизованного управления, по мнению органов публичной власти Тюменской области, позволяет оптимизировать финансово-экономические и административные затраты государственных структур по планированию хозяйственной, научно-исследовательской и научно-просветительской деятельности музеев. Позиция представителей музейного сообщества была более осторожной и ставила под сомнение улучшение качества научной и просветительской деятельности музеев в зависимости от внедрения централизованной системы управления. Более того, часть музейных работников акцентировали внимание на фактическом прекращении функций музея образовательных искусств как самостоятельного научно-исследовательского центра в силу утраты им самостоятельного юридического лица.

Несмотря на противоречия, возникшие на первоначальном этапе организационных изменений, «Тюменское музейно-просветительское объединение» зарекомендовало себя в качестве стабильно функционирующей формы современного музея, который объединил профессиональное музейное сообщество, творческую интеллигенцию региона и различные группы граждан, заинтересованных в развитии музейной среды. Фактически была заложена основа создания регионального музейного кластера, как совокупности музейных центров, объединенных единым региональным пространством.

Развитию регионального музейного пространства содействует процесс цифровизации культурной сферы на основе использования интерактивных и онлайн-платформ. С позиции гуманитарного подхода к развитию культуры под влиянием информационных технологий происходит изменение не только форм социального

взаимодействия, но и общая система этического и идеологического устройства общества.

Цифровизация региональных музеев активизирует их деятельность в сфере музеефикации, предусматривающей «преобразование историко-культурных или природных объектов в музейные объекты с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности». Оцифровка музейных фондов, аккумулирующих уникальные объекты историко-культурного наследия, позволяет музеям «выйти» за границы локальной территории.

Использование цифровых технологий в деятельности музеев Тюменской области позволило увеличить число музеев представленных в интернет-пространстве через создание интернет-страниц или собственных сайтов с 6 в 2017 году, до 19 в 2022 году; внедрить систему мультимедиа-гидов, в т.ч. созданных на платформе «Артефакт» до 18 к 2022 году; увеличить число музейных предметов, которые внесены в автоматизированную музейную систему с 904946 единиц в 2017 году до 1058,53 по итогам 2022 года.

Помимо этого, цифровизация содействует совершенствованию проектно-выставочной деятельности музеев, интеграции музея в региональное и межрегиональное социально-культурное пространство. Выставочная деятельность музеев Тюменской области в период с 2017 по 2022 гг. отражает положительную динамику. Если в 2017 году в общей сложности было реализовано 620 выставочных проектов, то к 2023 году (с учетом снижения выставочной деятельности в период ковидных ограничений) их число увеличилось до 813. Увеличению притока «новой» аудитории в музейные залы способствует проведение совместных выставочных проектов и экспозиций с региональными и федеральными музеями Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Омска, Екатеринбурга.

Актуальным направлением деятельности региональных музеев становится организация мобильных (передвижных) выставок, которые предусматривают одновременное проведение таких форм культурно-образовательной деятельности как лектории, дискуссионные клубы, кейсы, мастер-классы, выставки, созданные самими жителями из собранных ими предметов. Данная форма продвижения музейных коллекций формирует новые подходы к музейной коммуникации, которая направлена на формирование устойчивой потребности в музейных услугах, установление партнерских отношений с местными учреждениями культуры и бизнес-сообществами в границах локальных территорий. Примерами могут служить передвижные выставки, организованные Тюменским музейно-просветительским объединением – «Тюмень ремесленная», «Древние воины Сибири. XVI век», «Гиганты ледникового периода».

Высокий интерес к передвижным формам организационной деятельности региональных музеев, свидетельствует о необходимости дальнейшего развития мобильных форм выставочной деятельности с целью расширения музейной аудитории. При этом стоит отметить, что отсутствие должного методического сопровождения продвижения «музейного продукта» и контроля со стороны музеев-организаторов и органов публичной власти существует опасность трансформации данной формы культурно-просветительской деятельности в увлекательные «хэппиненги» и «флешмобы», существенно снижающие репутационные характеристики специфических форм музейной деятельности. В этой связи стоит подчеркнуть, что выставочная работа музейных учреждений должна быть сопряжена с научной, образовательной и просветительской деятельностью, которая исходит из целей и задач государственной культурной политики.

Обсуждение

Современный музей ориентирован на эмоциональную вовлеченность зрителя, в отличие «от созерцательности и рефлексии, требуемых тишиной и торжественностью традиционного музея». «Новый» посетитель музея, ориентирован не столько на получение серьезных культурных знаний, сколько выступает в качестве «потребителя» незабываемых впечатлений и ощущений. Новые коммуникационные подходы и информационные технологии изменили статус посетителя, сделав его активным участником коммуникации в рамках музейного пространства, в связи с чем содержание выставочных пространств и экспозиций предусматривает сдвиг в сторону большей открытости и доступности с учетом особенностей широкой аудитории.

В этой связи перед музеями встает задача трансформации традиционного музейного пространства в пространство, создающее эмоциональный настрой и эффект восприятия исторического материала, который позволяет проникнуть и осознать внутреннюю суть социально-культурных и политических процессов. Конструкция экспозиции предусматривающая интерактивность посетителя формирует принципиально иной подход к характеру получения, восприятия и закрепления информации. В сравнении с «классическим» современный музей отходит от жесткой заданности презентации, расширяет возможности интерпретации на основе личного опыта посетителя. Концепция традиционного музея-архива трансформируется в музей высказывание, формируя новые опыты и переживания.

Согласимся с позицией О.Н. Астафьевой отметившей, что изменение форм организационной деятельности учреждений культуры порождает «новый стиль коммуникации, высвечивающий такие ее особенности, как независимость, эмоциональная и интеллектуальная открытость, ориентация на инновации» [1, с. 516]. Музейная коммуникация начинает выстраиваться по вектору личностно-центрированного подхода к познанию окружающей действительности, основанного на нелинейном восприятии отдельных элементов экспозиции что содействует увеличению числа посещений музеев.

Официальные данные Департамента культуры Тюменской области в период с 2018 по 2022 годы демонстрирует положительную динамику числа посещений региональных музеев: 2018–184,5 тыс. чел., 2019–1951,9 тыс. чел., 2020–730,2 тыс. чел., 2021–2290,62 тыс. чел., 2022–3057,63 тыс. чел. Эффективность работы музеев с адресными группами посетителей в рамках проведения культурно-образовательных мероприятий отражает увеличение общего числа их участников 2018–512,3 тыс. чел., 2019–197,8 тыс. чел., 2020–59,8 тыс. чел., 2021–2290,62 тыс. чел., 2022–3057,63 тыс. чел.

Неоспоримые достоинства использования информационных технологий в деятельности музеев, которые выражаются в оперативности предоставления информации, ее наполненности, возможности выбора траектории изучения музейных объектов, одновременно формируют проблемное поле цифровых коммуникаций. Как справедливо отмечает В.М. Ахунов негативные эффекты цифровизации могут выражаться в качественных характеристиках информационно-поисковых систем, используемых музеями; недостаточном уровне правового регулирования отношений музеев и пользователей в рамках цифрового взаимодействия; стереотипности и поверхностности восприятия музейного предмета как информационного ресурса; сложности адаптации части аудитории к технологическим изменениям [4, с. 50].

Одновременно с этим формирование предпочтений потребителей в получении музейных услуг оказывается

под влиянием коммуникационных взаимодействий посетителей, возникающих как непосредственно в рамках музейных пространств, так и виртуальных платформах как агрегаторах индивидуальных оценочных суждений и впечатлений от посещения музея. Совокупность отзывов и рекомендаций аккумулированных на онлайн-платформах музеев служит основанием для принятия решения о целесообразности воспользоваться благом, которое предлагает музей. Отзывы, по мнению Э. Декера, «операционализируют эталонные товары, ориентиры качества, которые трудно или невозможно выявить» [5, с. 14].

Как отмечает А.А. Ушкарев мотивация посещения музея, сформированная под влиянием внешних факторов может быть сведена к трем моделям: рекреационной, содержательной и статусной. Указанные модели коррелируются с различными досуговыми стратегиями посетителей музейных пространств. При этом именно содержательная мотивация, как проявление интереса к конкретным музейным событиям, должна рассматриваться в качестве базовой в рамках образовательной и коммуникационной деятельности музея [16, с. 131]. В этой связи содержание экспозиционной и образовательной деятельности музейных учреждений должно быть направлено на включение различных субъектов в культурные и образовательные коммуникации.

Дальнейшее расширение функций региональных музеев в качестве коммуникативного пространства должно содействовать формированию локальной социально-культурной идентичности. Выходя за рамки социально-экономического понимания региональной идентичности, как о процессе «самоидентификации локальных сообществ определенной географической средой (территорией)» считаем обоснованным рассматривать региональную идентичность в качестве результата идентификации личности в рамках ее социализации, которая обусловлена определенным набором культурно-релевантных качеств территориальных сообществ. Как справедливо отмечает В.А. Храпова идентичность характеризуется целостностью «унаследованного и разделенного опыта, дискурсивно структурирующего и нормирующего социальные практики, традиции и ценности» [17, с. 95]. Самоидентификация и самоосуществление личности в определенных исторически сложившихся условиях приводит к наделению фактов истории значимыми смыслами, к формированию социальных мифов и созданию условий для продвижения позитивной идентичности региона как во внутреннее, так и во внешнее пространство.

В целом модернизация региональных музеев в качестве коммуникативных пространств должна быть ориентирована на выстраивание новых моделей и форм взаимодействия между различными участниками – музейными учреждениями, представителями музейного сообщества, гражданами, органами публичной власти – исходя из реально складывающихся социальных запросов в условиях цифровой трансформации общественных отношений.

Заключение

Процессы цифровизации современного общества непосредственно влияют на содержание деятельности музеев как учреждений культуры, которые трансформируются в полифункциональные культурные пространства.

В Тюменской области реализация региональной культурной политики в отношении музеев исходит из принципа формирования интегрированной системы музейных учреждений на основе кластерного подхода.

Организационные изменения музейной сети предусматривает внедрение в практику деятельности музеев автоматизированных систем, как основы музеефикации локальных территорий. Внедрение в практику деятельности региональных музеев информационных технологий способствуют трансформации данного вида учреждений культуры, традиционно выполняющих функции хранителя и транслятора объектов культурного наследия, в активный субъект коммуникаций на внутрирегиональном и межрегиональном уровнях. Инкорпорация музеев в цифровое пространство меняет формат функционирования музея, ориентируя его на использование интерактивных способов вовлечения посетителей в освоение и интерпретацию музейного пространства. Обогащение выставочной и культурно-образовательной деятельности музеев цифровыми технологиями и мультимедийными пространствами стимулирует генерацию индивидуальных культурных практик, повышает эффективность коммуникационного взаимодействия.

Позиционирование региональных музеев как центров репрезентации территориальных культурных особенностей стимулирует развитие региональной культурной идентичности, повышает интерес к музейным локациям как пространствам, обогащающим межрегиональное сотрудничество в культурной сфере.

Литература

1. Астафьева О. Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 516–531.
2. Ахунов В.М. Государственный Русский музей в современном социокультурном пространстве – М.: РГСУ, 2008. – С. 50–51.
3. Баева Л.В. Информационная этика в условиях развития электронной культуры // Информационное общество. 2020. № 6. С. 36–46.
4. Бакиева Д.А. Модель интегрированной коммуникации как основа образовательного взаимодействия школы и музея // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 7 (73). 2021. № 2. С. 40–47.
5. Бусуркина И. П., Булыгин Д.И. Формирование ценности благ в условиях платформенной экономики // Информационное общество. 2021. № 2. С. 11–18.
6. Ванюшкина Л.М. Внеаудиторное образование – путь в новое образовательное пространство: Монография – СПб., 2003 (Лита). – 223 с.
7. Гнедовский М. Б., Дукельский В.Ю. Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования // Музейное дело: музей – культура – общество: сб. науч. тр. М., 1992. С. 16–18.
8. Дукельский В.Ю. Музей в системе коммуникаций территориального образования // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики. – Москва: Российский институт культурологии МК РФ. 2010. – 199 с.
9. Комлев Ю.Э. Методология исследования управления музейными коммуникациями // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 113–118.
10. Ключева Н.Ю. Электронная культура и коммуникация // Человек и культура. 2014. № 6. С. 107–120.
11. Кондрашкина А.А. Сотрудничество музея и образовательных учреждений как фактор формирования и развития культурной компетентности учащихся: вызовы и перспективы // Вестник Московского го-

сударственного университета культуры и искусств. 2022. № (108). С. 109–118.

12. О реорганизации государственных автономных учреждений культуры: распоряжение Правительства Тюменской области от 08.12.2016 № 1402-РП [Электронный ресурс] // museum-72.ru [сайт] – Режим доступа: URL: <http://museum-72.ru/o-muzeynom-komplekse/den/rasporyazhenie%20No1402-p.pdf> (дата обращения 21.11.2022).
13. Российская музейная энциклопедия: В 2 т. -М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. – 416 с.: илл., Т. 1.
14. Сапанжа О.С. Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 245–252.
15. Старикова Т.В. Изменение коммуникационного пространства музеев в эпоху цифровых технологий. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5–1 (44). С. 14–16.
16. Ушкарев А.А. – Изучение аудитории искусства: в поисках сущности // Культура и искусство. – 2018. – № 5. – С. 41–58. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.5.26394 // режим доступа: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26394 (дата обращения 03.01.2023)
17. Храпова В.А. К вопросу о региональной идентичности // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Философия. 2011. № 2 (14). С. 90–95.
18. Чистякова М. Г., Пупышева И.Н. Современное визуальное искусство Тюмени и его аудитория // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 122–137.
19. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2014. 396 с.
20. Kosnik A. Rogue Archives: Digital Cultural Memory and Media Fandom. MIT Press, 2016.

REGIONAL MUSEUM AS A COMMUNICATION SPACE IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION: ON THE EXAMPLE OF THE TYUMEN REGION

Saveliev D.L.

Tyumen State University

The subject of the research is the processes of transformation of regional museums into multifunctional cultural spaces based on the introduction of modern information technology solutions.

The purpose of the article is to analyze changes in the organizational forms of exhibition and cultural and educational activities of museums as modern communicative spaces based on the use of information technologies.

An analysis of the mechanisms of interaction between museums and potential consumers of museum services makes it possible to identify changes in the content of the functional component of the activities of museum institutions, to determine the degree of effectiveness of the use of information technologies in relation to individual target groups.

The main conclusions of the study:

- organizational changes in the museum network, due to the introduction of information technologies, expand the functional component of the activities of museum institutions, transform museums into polyfunctional communicative spaces;
- modern technological solutions for the design and exhibition activities of museums ensure the expansion of the museum audience;
- a modern museum as a communicative space and cultural and educational platform contributes to the formation of local identity and the development of intra- and inter-regional relationships.

Keywords: museum, communications, digital culture, digital technologies, exhibition activities, cultural and educational activities, regional identity.

References

1. Astafieva O. N., Nikonorova E. V., Shlykova O. V. Culture in digital civilization: a new stage in understanding the strategy of the future for sustainable development // *Observatory of Culture*. 2018. V. 15, No. 5. S. 516–531.
2. Akhunov V. M. The State Russian Museum in the modern socio-cultural space – M.: RSSU, 2008. – P. 50–51.
3. Baeva L. V. Information ethics in the context of the development of electronic culture // *Information society*. 2020. No. 6. P. 36–46.
4. Bakieva D. A. Model of integrated communication as a basis for educational interaction between school and museum. *Uchenye zapiski V. I. Vernadsky Crimean Federal University Sociology. Pedagogy. Psychology*. Volume 7 (73). 2021. No. 2. P. 40–47.
5. Busurkina I. P., Bulygin D. I. Formation of the value of goods in a platform economy // *Information society*. 2021. No. 2. P. 11–18.
6. Vanyushkina L. M. Extracurricular education – the path to a new educational space: Monograph – St. Petersburg, 2003 (Lita). – 223 p.
7. Gnedovsky M. B., Dukelsky V. Yu. Museum communication as a subject of museological research // *Museum business: museum – culture – society: coll. scientific tr. M.*, 1992. S. 16–18.
8. Dukelsky V. Yu. Museum in the communication system of a territorial entity // *Museum communication: models, technologies, practices*. – Moscow: Russian Institute of Cultural Studies of the Russian Federation. 2010. – 199 p.
9. Komlev Yu. E. Methodology of museum communications management research // *Theory and practice of social development*. 2011. No. 5. P. 113–118.
10. Klyueva N. Yu. Electronic culture and communication // *Man and culture*. 2014. No. 6. P. 107–120.
11. Kondrashkina A. A. Cooperation between the museum and educational institutions as a factor in the formation and development of students' cultural competence: challenges and prospects // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2022. No. (108). pp. 109–118.
12. On the reorganization of state autonomous cultural institutions: Decree of the Government of the Tyumen Region of December 8, 2016 No. 1402-RP [Electronic resource] // museum-72.ru [website] – Access mode: URL: <http://museum-72.ru/o-muzeynom-komplekse/den/order%20No1402-p.pdf> (accessed 21.11.2022).
13. Russian Museum Encyclopedia: In 2 vols. – M.: Progress, “RIPOL CLASSIC”, 2001. – 416 p.: Ill., T. 1.
14. Sapanzha O. S. Development of ideas about museum communication. *Izvestiya of the Russian State Pedagogical University A. I. Herzen*. 2009. No. 103. S. 245–252.
15. Starikova T. V. Changing the communication space of museums in the era of digital technologies. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. 2020. No. 5–1 (44). pp. 14–16.
16. Ushkarev A. A. – Studying the Audience of Art: In Search of Essence // *Culture and Art*. – 2018. – No. 5. – P. 41–58. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.5.26394 // access mode: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26394 (accessed 01/03/2023)
17. Khrapova V. A. On the issue of regional identity // *Bulletin of the Volgograd state. university Ser. 7, Philosophy*. 2011. No. 2 (14). pp. 90–95.
18. Chistyakova M. G., Pupyshcheva I. N. Modern visual art of Tyumen and its audience // *Discourse-Pi*. 2022. V. 19. No. 4. S. 122–137.
19. Shelegina O. N. Museum world of Siberia: history and modern development trends. *Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2014. 396 p.
20. Kosnik A. Rogue Archives: Digital Cultural Memory and Media Fandom. MIT Press, 2016.

Трансформация ESG-факторов устойчивого развития спортивной индустрии в условиях цифровой экономики

Скороходов Сергей Николаевич,

к.ф.н., доцент Департамента маркетинга и спортивного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: snskorokhodov@fa.ru

В работе автором предпринята попытка изучить потенциал цифровой трансформации с позиций влияния данного фактора на эффективность деятельности и устойчивое развитие спортивных организаций. Целью работы является интерпретация теоретической и практической значимости цифровой трансформации индустрии спорта в контексте ключевых ESG-факторов оценки результативности и привлекательности спортивной отрасли. Социально-ориентированное развитие индустрии спорта актуализирует поиск новых, инновационных решений, способных обеспечить цифровую трансформацию с минимальными рисками и угрозами. Ключевым фактом успешности данного подхода выступает способность формирования востребованных компетенций у спортивных менеджеров (прежде всего, цифровых), определяющих траекторию бизнес-процессов в управляемых организациях. В качестве методов исследования использовались: метод сравнительного анализа, систематизация, классификация, метод экспертных оценок. Новизна научного исследования определяется выводом о том, что в условиях построения цифровой индустрии спорта ключевые ESG-факторы: экологическая, социальная и корпоративная ответственность трансформируются в показатели экономической эффективности основных субъектов индустрии спорта.

Ключевые слова: индустрия спорта, цифровизация, устойчивое развитие, цифровая трансформация.

Введение

На современном этапе развития цифровой экономики – в условиях актуализации функциональной значимости цифровых маркетинговых технологий, основ социального проектирования, инновационного корпоративного управления – сформировался запрос на предметный анализ и изучение компонентов цифровой трансформации и их влияния на устойчивое развитие отдельных отраслей и сфер жизнедеятельности российского общества.

Теоретические и концептуальные научные подходы к изучению цифровой трансформации, а также влияние цифровых технологий на операционные и стратегические процессы в спорте широко представлены в трудах зарубежных авторов. Мультипликативный потенциал digital-маркетинга, его активацию в различных сегментах индустрии спорта исследует в своих трудах Tim Ströbel [10]. Автор особое внимание уделяет эффективности спортивных мероприятий, реализуемых посредством цифровых инструментов. В контексте цифровизации административных решений и их последующей интеграции в корпоративную структуру организации развивает свои научные взгляды Velagarudi B. [1], который подробно описывает специфику деятельности всех участников спортивного маркетинга и менеджмента с позиций цифровых компетенций. Следует отметить, что большинство зарубежных авторов, анализирующих перспективу цифровой трансформации в спорте, **ключевое значение передают роли и месту конечного потребителя производимых товаров и услуг.** Таким образом, формируется социально-ориентированный вектор цифрового маркетинга.

Российские исследователи в последние годы также стали уделять внимание цифровым технологиям в индустрии спорта. Технологический аспект применения цифрового маркетинга исследуется в трудах Жапарова Е.С., Дроздович Л.И. [3, 4]. Щерба Л.М. актуализирует социальные аспекты индустрии спорта [9]. По мнению автора, продвижение социальных проектов, вывод их на новый уровень определяется степенью цифровизации субъектов спортивной деятельности.

Однако, необходимо подчеркнуть, что индустрия спорта на современном этапе развития, как и многие другие актуальные направления социально-экономической деятельности, **нуждается в создании инновационных механизмов, способных обеспечить её эффективность и результативность.**

Методология исследования

Цифровая трансформация – это обязательное условие для современной экономики и информационного общества. **Обязательное условие и для индустрии спорта.** Игнорирование данного процесса в условиях рыночных отношений и конкурентного сосуществования значительно снижает финансовый потенциал (получение прибыли) спортивных организаций. Адаптация отдельных субъектов индустрии к цифровым преобразованиям влечёт за собой изменение модели управления доходами и расходами,

что, в последствие, обеспечивает устойчивое развитие в новых условиях.

Однако, полное исключение традиционных подходов и безальтернативный уход от естественной среды в цифровую реальность способен замедлить темпы развития и переформатирования спортивной организации. **Цифровые коммуникации обеспечивают формирование социально-экономического портрета конечного потребителя.** Если соприкосновение спроса и предложения происходит исключительно в «офлайне», значит, цифровая реальность не должна замещать данную среду. Её задачей становится формирование информационного пространства, в котором взаимодействие производителя и потребителя товаров и услуг происходит на новом, качественном уровне.

«**Спортивная индустрия (индустрия спорта)** – это сфера общественных отношений и предпринимательской деятельности, ориентированная на **извлечение доходов** из эксплуатации индивидуального человеческого и общественного интереса к любым проявлениям состязательности и к состязательности в спорте в частности» [2].

Эффективность и результативность цифровой трансформации определяется следующих социально-экономических показателями:

- соответствие актуальных информационных технологий масштабам экономической и социальной деятельности спортивной организации;
- уровень межотраслевого, межведомственного и междисциплинарного цифрового взаимодействия ключевых сегментов индустрии спорте;
- интеграция цифрового социального маркетинга в единое информационное пространство на государственном и частном уровне.

Специфика спортивной отрасли, выражающаяся в «неотработанных механизмах финансирования, сложной управленческой иерархии и структуре спортивных организаций, ограниченных и сдерживающих обстоятельствах для ведения предпринимательской, коммерческой деятельности **существенно снижает и замедляет темпы поступательного развития индустрии спорта**» [6]. В этой связи, идентифицируя спорт как одно из важнейших явлений социальной жизни современного общества, важной задачей становится изучение потенциала цифрового инструментария в контексте социально-экономического функционирования спортивных организаций.

Цифровая трансформация становится ключевой задачей и для организаций спортивной индустрии. «Им приходится преодолевать проблемы, связанные с необходимостью менять стратегии, систему коммуникаций, корпоративную культуру, формировать новые компетенции персонала. Трансформация происходит и в маркетинге. Например, только в США объем рынка цифровой рекламы к 2021 году достиг 330 млрд долларов (в 2015 году он составлял 170 млрд)» [5].

Результаты исследования

Инновационные факторы оценивания устойчивого развития организации и её позиционирования во внешней среде базируется на трёх ключевых положениях: Environmental, Social, Governance (ESG-факторы). Повышение внимание вопросам охраны окружающей среды (экологические аспекты), выстраивание межличностных коммуникаций на предприятии (социальная политика), а также актуальные управленческие решения (корпоративное обеспечение) определяют экономический

потенциал и финансовую привлекательность организации (рис. 1).

Эффективность применяемой методики нашла своё обоснование в различных областях научного знания. Более того, данный инструмент проходит различные этапы адаптации и модернизации в условиях актуализации цифровой экономики.

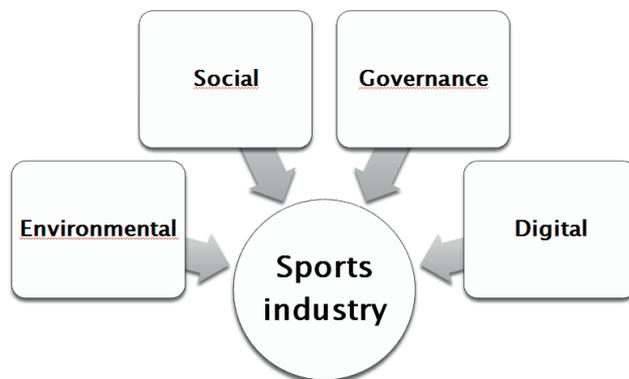

Рис. 1. Факторы устойчивого развития спортивной индустрии

Дополняющим критерием объективной оценки устойчивого развития становится применение **нового фактора – цифровая трансформация организации.** «Показатели цифрового соответствия субъекта деятельности определяющим трендам развития всей индустрии становятся в один ряд с важнейшими финансовыми индикаторами активности и конкурентоспособности предприятия» [8].

Эффективная организация спортивного события как главного продукта индустрии спорта обеспечивается взаимодействием смежных сфер: туристический и гостиничный бизнес, букмекерская индустрия и т.д. Поэтому реализация цифровых маркетинговых коммуникаций и технологий в спортивном ивент-менеджменте направлена на решение следующих ключевых задач:

- популяризация спорта через создание его позитивного имиджа;
- расширение и удержание зрительской аудитории за счет качественного и профессионального спортивного (культурно-массового) контента;
- закрепление и последующая монетизация эффекта от проведения мероприятия с помощью таких технологий как: мерчандайзинг, PR, Digital, сотрудничество со СМИ и т.д.

В силу динамичного развития цифровой трансформации индустрии спорта становится актуальным изучение обеспечивающих и сопровождающих данный процесс теорий и практик: спортивного маркетинга, спортивного права, спортивного менеджмента и т.д. «Маркетинговые стратегии и инструменты менеджмента в новой цифровой реальности формируют инновационные стандарты качества, критерии эффективности и результативности деятельности спортивных организаций» [7]. В этой связи **цифровая компетенция спортивного руководителя определяется умением оперативно реагировать на появление на рынке новых digital решений** для операционных преобразований и стратегической трансформации бизнеса.

Необходимо отметить, что цифровая трансформация спортивной организации реализуется по трём основным направлениям: *операционное, производственное и клиентское.* Каждое из перечисленных направлений обеспечивает мультипликативный эффект для конкретного субъекта индустрии спорта, в зависимости от целей, производимого товара, аудитории.

Операционная цифровая трансформация

В систему управления спортивной организацией интегрируются новые цифровые решения, обеспечивающие оптимизацию бизнес-процессов. Это трансформация коммуникационных систем внутри организации; создание инновационных отделов, сосредоточенных на производстве новых цифровых технологий или анализе существующих передовых решений.

Производственная (спортивная) трансформация

Цифровая трансформация также влияет на спортивные результаты. Речь может идти о данных, которых с развитием отдельных видов и сегментов спорта становится значительно больше. Благодаря цифровизации полученная информация обрабатывается значительно быстрее и качественнее, что способствует повышению производительности, то есть спортивной конкурентоспособности.

Клиентская трансформация

Процессы глобализации расширяют границы спортивной аудитории. В то же время, для взаимодействия с конечным потребителем необходима эффективная персонализация клиента. Инструменты цифрового маркетинга вывели данные коммуникации на совершенно новые уровни, определив тенденцию к переходу на новые форматы построения бизнеса.

Обсуждение результатов

В системе факторов устойчивого развития цифровая трансформация обеспечивает преодоление консервативных и малоэффективных форм и способов реализации спортивных товаров и услуг за счёт расширения рынков сбыта, оперативного реагирования на запросы потребителей и внедрения информационно-коммуникационных технологий в различные стадии производственного процесса. При этом особое внимание уделяется экологическим вопросам, а также социальной и корпоративной ответственности.

Особое внимание государство уделяет **социальным спортивным проектам**, ориентированным на адаптацию целевой аудитории к социальным изменениям в обществе и к новым трендам развития индустрии спорта. Благодаря цифровой трансформации спортивной индустрии возможно достижение следующих социальных эффектов:

- искоренение вредных привычек, снижение преступности;
- пропаганда здорового образа жизни;
- адаптация людей с ограниченными возможностями к нормам и ценностям современного общества;
- преодоление социальных (инклюзивных) барьеров;
- развитие социальных навыков;
- создание новых социальных групп – позитивных обществ.

Формирование доступной социальной среды в рамках новой, цифровой индустрии спорта выступает ориентирующим фактором при реализации государственных программ поддержки и развития спортивных организаций. Ключевая роль в успешном социальном проектировании возлагается на спортивных менеджеров, способных адаптировать свои цифровые компетенции к быстроразвивающимся тенденциям внутри спортивной отрасли.

Однако, сдерживающим фактором на пути гармоничного взаимодействия коммерческих организаций и грантодателем **зачастую выступает недооценка частного сектора спортивной индустрии социальных возможностей и путей развития своего бизнеса**. В значительной степени данное обстоятельство ограничивает эконо-

мическое и финансовое развитие той или иной спортивной организации в силу минимизации источников доходов и рынков сбыта своих товаров и услуг.

Формируется потребность в создании доступной корпоративной среды, объединяющей всех стейкхолдеров, участников процесса. Возможность построения коммуникаций в данной среде, скорость принятия решений и вывод на рынок новых технологических предложений в купе с социальной ответственностью руководителей спортивных организаций декларирует необходимость трансляции советующих компетенций и знаний.

Для эффективного сопровождения деятельности спортивных менеджеров **необходима активация образовательных программ подготовки кадров**, способных вывести инновационные проекты на новые социальные уровни с одной стороны, а с другой – обеспечить непрерывность жизненного цикла проекта за счёт импульса от внедрения новых инструментов (прежде всего социально-экономических). Краткосрочные курсы, интенсивное обучение и обмен практическим опытом создают инновационную систему коммуникаций, в которой цифровые технологии качественным образом трансформируют подходы к управлению индустрией спорта.

Выводы

Актуальная тенденция формирования концепта цифровой экономики детерминирует необходимость реализации инновационных, технологических решений для различных областей и сфер деятельности. Индустрия спорта, отличающаяся динамичностью своего развития, в рамках цифровой трансформации становится более доступной для заинтересованных потребителей. Во многом этому способствует интеграция социальных, экологических и корпоративных целей больших и малых социальных групп в информационно-коммуникационном пространстве. Необходимо использовать потенциал цифровых технологий в спорте в рамках консолидации данных целей.

Интерпретация показателей эффективного и устойчивого развития индустрии спорта и всех её основных сегментах (профессиональный и любительский спорт, производители товаров и услуг, букмекерский и гостиничный бизнес и т.д.) формирует запрос на предметное изучение и обоснование основ цифрового спортивного менеджмента и маркетинга как фундаментально-го и прикладного направления и источника цифровой трансформации.

Литература

1. Велагапуди Б. (2020), Эволюция спортивного маркетинга: подход Уимблдона к цифровизации. // Подано в Национальный колледж Ирландии. С. 1–69.
2. Восколович, Н.А. (2022), Использование цифровых технологий для повышения активности потребителей услуг спортивных мероприятий // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № 6. С. 10–18.
3. Дроздович Л.И. (2021), Инновационные концепции маркетинга в рамках цифровой экономики // Вестник Института экономики НАН Беларуси: сб. научных статей. № 3. С. 44–54.
4. Жапаров Е.С. (2020), Цифровизация в спорте: состояние и перспективы / Е.С. Жапаров, А.А. Ляшенко // Молодой учёный. № 48. С. 462–480.
5. Малыгин А.В. (2018), Маркетинговые «партизаны» на Чемпионате мира по футболу ФИФА – 2018: стратегии успеха // Вестник Российского Международного Олимпийского Университета. № 2–3. С. 28–41.

6. Скороходов С.Н. (2019), Методологический анализ спортивного события как объекта управления в экономике спорта (на примере индустрии бокса) // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. № 7(173). С. 184–187
7. Солнцев И.В. (2021), Применение инновационных цифровых продуктов в индустрии спорта // Стратегические решения и риск-менеджмент. Т. 12. № 2. С. 184–189.
8. Фуренко А.А. (2021), Специфика продвижения спортивных мероприятий как объекта комплекса маркетинга // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. Т. 7. № 4. С. 78–88.
9. Щерба Л.М. (2019), Социальные аспекты маркетинга спортивных мероприятий в РФ // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. стат. XXIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза. Ч. 1. С. 127–129.
10. Штребель Т. (2021), Цифровая трансформация в спорте: прорывной потенциал цифровизации для исследований спортивного менеджмента / Спорт, бизнес и менеджмент. Т. 11. С. 1–10.

TRANSFORMATION OF ESG FACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT SPORTS INDUSTRY IN THE DIGITAL ECONOMY

Skorokhodov S.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In this paper, the author attempts to study the potential of digital transformation from the standpoint of the influence of this factor on the efficiency and sustainable development of sports organizations. The aim of the work is to interpret the theoretical and practical significance of the digital transformation of the sports industry in the context of key ESG factors for assessing the effectiveness and attractiveness of the sports industry. The socially-oriented development of the sports industry actualizes the search for new, innovative solutions capable of ensuring digital transformation with minimal risks and threats. The key fact of the success of this approach is the ability to form in-demand competencies of sports managers (primarily digital), which determine the trajectory of business processes in managed organizations. The following research methods were

used: the method of comparative analysis, systematization, classification, the method of expert assessments. The novelty of the scientific research is determined by the conclusion that in the conditions of building a digital sports industry, key ESG factors: environmental, social and corporate responsibility are transformed into indicators of economic efficiency of the main subjects of the sports industry.

Keywords: sports industry, digitalization, sustainable development, digital transformation

References

1. Velagapudi B. (2020), The evolution of sports marketing: Wimbledon's approach to digitalization // Submitted to the National College of Ireland. P. 1–69.
2. Voskolovich, N.A. (2022), The use of digital technologies to increase the activity of consumers of sports events / N.A. Voskolovich // Intellect. Innovation. Investments. № 6. P. 10–18.
3. Drozdovich L.I. (2021), Innovative concepts of marketing within the digital economy // Bulletin of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus: coll. scientific articles. № . 3. P. 44–54.
4. Zhaparov E. S. (2020), Digitalization in sports: state and prospects / E.S. Zhaparov, A.A. Lyashenko // Young scientist. № . 48. P. 462–480.
5. Malygin A.V. (2018), Marketing "guerrillas" at the FIFA World Cup – 2018: success strategies // Bulletin of the Russian International Olympic University. № . 2–3. P. 28–41.
6. Skorokhodov S.N. (2019), Methodological analysis of a sporting event as an object of management in the economy of sports (on the example of the boxing industry) // Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgaft. № 7(173). P. 184–187.
7. Solntsev I.V. (2021), The use of innovative digital products in the sports industry // Strategic decisions and risk management. Т. 12. № 2. P. 184–189.
8. Furenko A.A. (2021), The specifics of the promotion of sports events as an object of the marketing complex // Scientific result. Business and service technologies. Т. 7. № 4. P. 78–88.
9. Shcherba L.M. (2019), Social aspects of marketing of sporting events in the Russian Federation // Actual issues of law, economics and management: coll. stat. XXIII International Scientific and Practical Conference: at 2 pm Penza. Part 1. P. 127–129.
10. Strebel T. (2021), Digital transformation in sports: the breakthrough potential of digitalization for sports management research. / Sports, business and management. Vol. 11. P. 1–10.

Исследование возможных трендов в образовании по физической культуре в вузе на современном этапе

Чернышев Виктор Петрович,

кандидат педагогических наук, профессор кафедры «Физическая культура и спорт» Тихоокеанского государственного университета
E-mail: chernyshov_vp@mail.ru

Андрющенко Юлия Владимировна,

старший преподаватель кафедры «Физическая культура и спорт» Тихоокеанского государственного университета
E-mail: bachurinay75@mail.ru

Рязанов Виктор Николаевич,

доцент кафедры физической культуры и безопасности жизнедеятельности Тихоокеанского государственного университета
E-mail: vic-ryaz-25@mail.ru

Закарян Гайк Закирович,

преподаватель кафедры физической культуры и медико-биологических дисциплин Армавирского государственного педагогического университета
E-mail: gaikvelo93g@mail.ru

В статье анализируется текущее состояние такой составляющей современного образования как дисциплины «Физическая культура и спорт». Проведенный авторами анализ основан на изучении господствующих в системе образования тенденциях. Показано, что за последние 30 лет система образования в целом и система образования по физической культуре существенно эволюционировала. В этот период происходили качественно радикальные трансформации системы, приводившие к смене фундаментальных основ образования. Показано, что система образования по физической культуре оказалась подверженной резким изменениям особенно радикально. Она существенно трансформировалась от нормативно оформленной социальной практики к личностно-ориентированному подходу и выстраивание индивидуальных траекторий занимающихся. В результате перманентного реформирования системы оказались утраченными многие базовые основы функционирования системы как системы, но сформировались и легитимизировались новые смысловые и социальные практики. Перестав быть общеобязательным предметом дисциплина «Физическая культура и спорт» в вузе разделилась на полюса, крайними точками которых стало либо полное принятие дисциплины как системообразующего фактора, либо отказ от всех видов физической активности. Отмечается, что данная поляризация негативно сказывается не только на восприятии самого учебного процесса со стороны педагогов и учащихся, но приводит к упрощенному позиционированию данного значимого социального элемента.

Ключевые слова. Образование. Физическая культура и спорт. Социальные практики. Тенденции развития.

Система высшего образования в России, вместе с остальными социальными практиками, постоянно трансформируется. Тридцатилетний поиск наиболее адекватной модели образования сделал более значимым вопрос понимания необходимости постоянного поиска приемлемой формы организации преемственности и передачи опыта между поколениями. Важность и актуальность такого рода деятельности обусловлена возросшим напряжением в мире в целом, и необходимостью нахождения адекватного ответа на обилие и непрозрачность внешних и внутренних вызовов. Именно в это время образование, как фундаментальный институт общественного устройства, может оказаться подверженным двум, прямо противоположным трендам. Первый тренд связан усилением общества поиска новых решений. Второй тренд заключается в использовании имеющихся в опыте наработки и практики, приводящие к тактическим выигрышам, но не позволяющих формироваться инновациям. Выбор модели развития всегда не очевиден и зависит от множества факторов, одним из которых является отношение системы как целого к своим составным частям, не являющимися на первый взгляд системообразующими [2]. Любое социальное целое состоит из элементов, ценность которых не очевидна. При этом в сложившейся системе образования нет таких элементов. Любые, самые на первый взгляд маргинальные «обременения» придают системе прочность и устойчивость.

Физическая культура и спорт часть образовательной системы любого типа, от религиозного до военного, присутствует как естественный элемент развития в самых разнообразных формах. Наша гипотеза заключается в том, что в современных условиях физическая культура в вузе может быть отнесена к разряду факультативных, что негативно скажется как на воздействии ее педагогического потенциала на личность.

Физическая культура и ее производная часть спорт, получила развитие и массовое признание, по сути, только в XX веке. Возникновение массового общества [3] предъявило культуре новые требования, элитарные виды культуры остались уделом меньшинства, так как требовали для восприятия личностных усилий. Физическая культура представила массовому потребителю относительно простой продукт, связанный с эмоциональной способностью восприятия. Одновременно с этой функцией, физическая культура выполняла прикладную функцию адаптации физического статуса индивида к конкретным условиям существования. Смысл образования может быть адекватно определен только при условии изучения всех без исключения социальных аспектах поведения человека. При этом человек, будучи органичной частью природного мира, живет по ее законам, главным из которых можно считать естественную биологическую активность как форму живой жизни.

Биологическое устройство организма человека неотъемлемый фактор жизни, требующий особого изучения. Социальная жизнь человека, основанная на его природе, не сводится при этом целиком к физическому статусу.. Двойственность физической культуры – как феномен природы, так и цивилизации объясняет отношение к ее формам и содержанию как способность жить и способность творить[1].

Физический статус индивида во все времена был и остается предметом заботы не только отдельного человека, но и заботой общества. Именно поэтому во круг физического развития человека всегда возникали практики, способствующие осмыслению особенностей развития не просто отдельной биологической особи, но и человеческой личности [4]. Образование по физической культуре принимало в соответствии с представлениями эпохи самые разнообразные формы.

Древние спартанцы ставили во главу угла такое развитие физических качеств, которое позволяло этой культуре выживать и быть устойчивой и эффективной долгое время. В китайской традиции были периоды, во время которых элиты общества категорически отказывались заниматься любыми видами физической активности, и это состояние обосновывалось теоретически.

Современный антропоцентричный мир, поставивший человека во всей его полноте в центр мироздания, уделяет физическому статусу человека особое внимание. На протяжении последних столетий образование по физической культуре последовательно решает ключевую задачу – перевод низменных, естественных человеческих «страстей» в культурные формы, способствующие возможности совместного существования людей. Очевидно, что означенная задача не может быть решена полностью.

Исследование ситуации с образованием по физической культуре в современном российском общественном пространстве, по мнению авторов, способно дать ответы на ключевые вопросы уровня развития социальных практик современного общества. Насколько этот аспект образования способствует превращению естественных потребностей людей в культурные формы или наоборот, недостаточное внимание общества к поставленным вопросам, сокращает культурурогенез современного человека [5].

Психологи констатируют бурный рост тревожности у современных людей, связывая это с высоким уровнем неопределенности, медики выявляют новые формы заболеваний называемых ятрогенными, социологи фиксируют повсеместный феномен «утраты будущего», эти и другие факторы активизируют поиск устойчивых элементов бытия, одним из которых может быть сегодня акцент на социально-культурной роли физической культуры личности.

Личностно-ориентированное образование по физической культуре, активно развивающееся направление педагогической отрасли возникло на постсоветском пространстве как ответ на предыдущие модели образования. Советский опыт был насыщен идеологическими мотивами и носил ярко выраженный групповой, коллективный характер. Приоритет коллективного целеполагания над личностным не просто декларировался, он активно реализовывался на практике. Как реакция на этот подход в постсоветской России случился переход, ориентировавший систему образования на поиск возможностей разработки индивидуальной траектории развития. Авторы этой концепции исходили из представления, что физическое развитие индивида его личное дело, резко снижая при этом педагогический потенциал самой учебной дисциплины.

В своем исследовании роли физической культуры общества и ее представленности в образовательной системе мы исходили из понимания того факта, что для молодых людей, вступающих во взрослую жизнь важным может оказаться не только традиционный подход усвоения внешнего опыта. Значимым могут стать факторы коммуникационной среды, способные исполнять роль, своего рода, импринтинга, устойчивого впечатления опре-

деляющего стиль поведения личности вне зависимости от рефлексивной осознанности этого фактора.

В системе высшего образования физическая культура потеряла свою значимость став, по сути, факультативным предметом. Наблюдения и опросы студентов, вынужденных самостоятельно осуществлять физическое развитие в условиях пандемии и перехода к дистанционному образованию, показали практически полную неспособность молодых людей организовать эту деятельность. Усвоенные в школьные годы, упрощенные формы организации физической активности не стали для большинства ресурсом саморазвития и фактически оказались проигнорированными молодыми людьми. Опросы проходящих в последние годы в вуз студентов свидетельствуют о значительном нивелировании интереса с их стороны к физическому развитию. При этом остается в силе привычная стратификация, свидетельствующая о наличии в обществе устойчивой группы людей (примерно 12–15%) для которых физическая активность в любом виде не просто норма, а доминирующая потребность. Очевидно, что остающиеся вне данной категории люди, оказываются подвержены не внутренним побудительным мотивам, а внешним факторам воздействия, важнейшим из которых является образование. Образование по физической культуре является уникальным сегментом образования как социального института в том, что его содержание крайне противоречиво о сути. Задача преобразования природных задатков в культурные формы заставляя противопоставлять «естественное» и «искусственное» в человеке, что требует от индивида максимального напряжения интеллектуальных способностей. Решение этой задачи сложно устроенная система подготовки не только студентов, но и их наставников. Как любая социальная система, система образования консервативна и инертна. Перемещение дисциплины «Физическая культура и спорт» на периферию значимости учебного процесса делает менее социально значимым не только саму дисциплину, но и положение специалистов ее реализующих.

Все это, по мнению авторов, будет усиливать негативные тенденции. Происходящая технологическая революция будет все больше «оставлять наедине» со своей физической природой. Чтобы в этих условиях человеку необходимо постоянно развивать свои физические способности. Стремление к такому состоянию закладывается в системе образования по физической культуре в школе и вузе. Современное состояние системы подчеркивает необходимость системного переосмысления сложившихся практик. Социальная значимость личности в современном мире определяется ее способностью «вписываться» в окружающий мир реализуя все свои возможности. Только комплексный подход к развитию, учитывающий все аспекты бытийного существования человека, дает надежду на устройство гармоничного и безопасного для человека мира.

Литература

1. Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта / Пер. с англ. В. Фещенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 176 с.
2. Добренков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. – М.: ИНФРА- М, 2003. – 381 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. АСТ, 2016. 256 с
4. Социально-философский анализ востребованности физической культуры как дисциплины вуза / В.П. Чернышев, П.В. Бородин, В.А. Клименко, О.А. Лысенко // . – 2022. – Т. 11, № 4–1. – С. 196–

203. – DOI 10.34670/AR.2022.35.12.023. – EDN VZFNK.

5. Современное состояние физической культуры как маркера социальных изменений общественного устройства / В.П. Чернышев, Л.Г. Чернышева, А.И. Мацко, А.С. Варнина // – 2021. – № 6. – С. 64–69. – EDN TWCHTQ.
6. Чернышев, В. П. К проблеме отношений «души» и «тела» на современном этапе развития цивилизации / В.П. Чернышев, Л.Г. Чернышева // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 24–25 ноября 2022 года / Гл. редактор Ж.В. Мурзина. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. – С. 234–236. – EDN IYEIRR.

RESEARCH OF POSSIBLE TRENDS IN PHYSICAL EDUCATION EDUCATION AT THE UNIVERSITY AT THE PRESENT STAGE

Chernyshev V.P., Andryushchenko Yu.V., Ryazanov V.N., Zakaryan G.Z.
Pacific State University, Armavir State Pedagogical University

The article analyzes the current state of such a component of modern education as the discipline “Physical culture and sport”. The analysis carried out by the authors is based on the study of the trends prevailing in the education system. It is shown that over the past 30 years the education system as a whole and the system of education in physical culture have evolved significantly. During this period, qualitatively radical transformations of the system took place, leading to a change in the fundamental foundations of education. It is shown that the system of education in physical culture was subject to drastic changes especially radically. It has significantly transformed from a normatively formalized social practice to a person-oriented approach and the alignment of individual trajec-

tories of those involved. As a result of the permanent reform of the system, many basic foundations for the functioning of the system as a system were lost, but new semantic and social practices were formed and legitimized. Having ceased to be a compulsory subject, the discipline “Physical Culture and Sports” at the university was divided into poles, the extreme points of which were either the complete acceptance of the discipline as a system-forming factor, or the rejection of all types of physical activity. It is noted that this polarization negatively affects not only the perception of the educational process itself by teachers and students, but also leads to a simplified positioning of this significant social element.

Keywords. Education. Physical Culture and sport. Social practices. Development trends.

References

1. Gumbrecht H.W. Praise for the beauty of sports / Per. from English. V. Feshchenko. – M.: New Literary Review, 2009. – 176 p.
2. Dobrenkov V.I., Nechaev V. Ya. Society and education. – M.: INFRA-M, 2003. – 381 p.
3. Ortega y Gasset X. The uprising of the masses. AST, 2016. 256 p.
4. Socio-philosophical analysis of the demand for physical culture as a university discipline / V.P. Chernyshev, P.V. Borodin, V.A. Klimenko, O.A. Lysenko // – 2022. – Т. 11, No. 4–1. – С. 196–203. – DOI 10.34670/AR.2022.35.12.023. – EDN VZFNK.
5. Chernyshev V. P., Chernysheva L.G., Matsko A.I., Varnina A.S. Current state of physical culture as a marker of social changes in the social structure // – 2021. – No. 6. – P. 64–69. – EDN TWCHTQ.
6. Chernyshev, V.P. On the problem of relations between the “soul” and “body” at the present stage of the development of civilization / V.P. Chernyshev, L.G. Chernysheva // Actual issues of the humanities and social sciences: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical conference with international participation, Cheboksary, November 24–25, 2022 / Ch. editor Zh.V. Murzin. – Cheboksary: Limited Liability Company “Publishing House “Sreda”, 2022. – P. 234–236. – EDN IYEIRR.

Влияние индустрии туризма на социально-экономическое развитие российских регионов

Бурняшева Людмила Александровна,

д.ф.н., проф. Высшей школы туризма и гостеприимства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»

E-mail: luda-3331@yandex.ru

Романов Евгений Николаевич,

аспирант кафедры труда и социальной политики
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации»

E-mail: romanow@mail.ru

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме, связанной с влиянием туристской индустрии на социально-экономическое развитие российских регионов. Авторы изучают значение туристской индустрии для социально-экономического развития регионов. Рассматривают прямую связь между тенденциями в развитии индустрии туризма и общими экономическими и социальными достижениями. Исследование показало, что индустрия туризма позволяющая производить услуги, необходимые для удовлетворения потребностей туристов, возникающих в процессе путешествий, представляет собой важнейшую сферу экономики, дальнейшее развитие и совершенствование которой будет способствовать увеличению доходов не только отдельных регионов, но всего государства.

Ключевые слова: туризм, индустрия туризма, регион, социально-экономическое развитие, экономическая деятельность, экономики региона.

В современных условиях индустрия туризма представляет один из важных факторов социально-экономического развития российских регионов. В последнее время туризм причисляют к виду бизнеса, который считается прибыльным в нашей стране и относится к динамично развивающейся социально-экономической сфере.

Под индустрией туризма принято понимать сферу экономической деятельности, имеющую не малую значимость и представляющую систему взаимодействия различных отраслей, занятых производством туристических продуктов, товаров, услуг, в том числе и их реализацией. Так, туристский продукт представляет совокупность услуг, работ и товаров, в том числе материальные и нематериальные объекты, необходимые для удовлетворения потребностей туристов, отвечающие целям туризма и предлагаемые к реализации, а также предоставляемые туристам [5, с. 154].

Следует отметить, что индустрия туризма влияет на такие ведущие сектора экономики как транспорт, строительство, связь, сельское хозяйство и другие отрасли, она позволяет ускорять социально-экономическое развитие российских регионов [1, с. 109].

Экономическая эффективность в туристской деятельности характеризует степень использования производственных ресурсов во времени. Эффективность в данном случае определяется уровнем туристического обслуживания в регионе, уровнем организации туризма в стране и деятельностью туристских фирм.

Экономическая эффективность туризма включает в себя следующие показатели.

1. Грамотное распределение расходов и доходов в регионе: туристская деятельность вовлекает в свой оборот различные слои населения, следовательно, доходы равномерно распределяются между местными жителями.

2. Ведение туристской деятельности стимулирует развитие прибыльных отраслей (гостиницы, транспортная инфраструктура, информационное и экскурсионное обслуживание).

3. Туризм помогает вовлекать денежные средства в регионы, вследствие чего происходит диверсификация региональной экономики, полученные средства инвестируются в туристскую индустрию, продукцию. Туристская деятельность способствует развитию различных сопутствующих отраслей.

4. Развитие туризма стимулирует модернизацию и зарождение местной инфраструктуры (медийной, коммунальной и транспортной) [6, с. 754].

В современный период времени, туристская индустрия в значительной степени укрепляет свои позиции на внутреннем российском рынке. Это отражается, прежде всего, на развитии российских регионов, влияя, таким образом, на структуру экономики страны в целом.

Социальная эффективность туризма представляет качество и уровень жизни населения, определяется

функционированием туристской и рекреационной сферы, подтверждает свою целесообразность создания для обеспечения качественного уровня жизни населения.

Социальный эффект от развития туризма в российских регионах проявляется, прежде всего, в создании дополнительных рабочих мест в туристской индустрии, в повышении занятости местного населения, а также в стимулировании развития слабых в экономическом отношении регионов. Развитие туристских комплексов в регионах и повышение качества туристского обслуживания являются дополнительным источником формирования доходной части территориального бюджета.

Туристские потоки формируют спрос на комплексы определенных товаров и услуг, которые требуется производить на постоянной основе, следовательно, туризм стимулирует развитие региональных отраслей, выпускающих предметы потребления [3, с. 19]. Это позволяет пополнять налоговые поступления и повышать жизненный уровень местного населения. Например, увеличение туристских потоков, приводит к значительному повышению спроса на сувенирную продукцию, ремесленных изделий, продажа которых относится к дополнительной рекламе туристского региона [7, с. 88].

Индустрия туризма значительно влияет на занятость местного населения. В туристской сфере применяется как неквалифицированный, так и квалифицированный труд. Сегодня появляется все больше специалистов в туристской сфере, что способствует повышению более качественных туристских услуг. В туристской сфере новые рабочие места распространяются гораздо шире в географическом пространстве, в отличие от других развивающихся секторов экономики [4, с. 107].

Индустрия туризма представляет фундаментальную основу экономики российских регионов. Развитие туризма зависит от научно-технического прогресса, от повышения качества жизни населения, от увеличения продолжительности свободного времени, от отпусков работников, а также от экономической и политической стабильности и множества иных факторов.

Социальную и экономическую эффективность туризма можно рассматривать только в тесной связи с понятием «устойчивое развитие туризма». УТР – это экономическая модель развития, основными целями которой являются:

- улучшение качества жизни в том регионе, которым принимаются туристы;
- обеспечение комфортного пребывания туристов в регионе;
- сохранение окружающей природной среды [9, с. 368].

Если все данные условия выполняются, то можно с уверенностью говорить о том, что туризм в регионе развивается стабильно. Но если какой-либо из выше перечисленных факторов не работает, несмотря на то, что приносит прибыль, то туризм получает временное развитие, в этом случае не стоит говорить о социальной и экономической эффективности туризма на данной территории.

Для того, чтобы регион вышел на новый, более высокий уровень устойчивого развития в сфере туризма, необходимо выполнять определенные условия, например, такие как:

- создание благоприятной предпринимательской среды в регионах. Серьезный подход государства к разработке стратегий развития конкретных регионов;
- создание конкурентоспособного туристского продукта. При помощи формирования потребительского спроса выявление ассортимента туристского продукта определенного качества и цены [8, с. 127];

- разработка, совершенствование сертификации и маркировки туристских продуктов и услуг для возможности применения их в разнообразных направлениях туристской сферы, что оказало бы положительное влияние на повышение уровня работников туристской индустрии, на наличие позитивного имиджа;
- создание брэндинга, продвижение торговой марки, использование маркетинга привлекательности [2, с. 169].

В результате выше изложенного следует заключить, что в данном случае устойчивое развитие туризма будет ориентировано на долгосрочный период, при котором, как правило, достигается баланс всеми заинтересованными сторонами (туристами, местным населением) в реализации целей развития и использования туристских резервов.

Литература

1. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Роль инновационного управления в совершенствовании деятельности предприятий индустрии гостеприимства // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2017. № 2. С. 106–112.
2. Бурняшева Л.А. Духовно-экзистенциальное время и пространство: современный взгляд // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2010. № 3. С. 169–173.
3. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Проблема устойчивого развития современного общества через самоорганизацию: информационно-ценностная парадигма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 6 (73). С. 17–21.
4. Газгиреева Л.Х., Бурняшева Л.А. Концептуализация духовно-нравственных проблем современного российского общества: экзистенциально-ценностный аспект: монография. – Пятигорск, 2014. – 241 с.
5. Газгиреева Л.Х., Бурняшева Л.А. Духовное пространство России в контексте парадигматического дискурса: монография. – Пятигорск, 2014. – 286 с.
6. Овчинникова Н.В., Овчинников С.А., Лебедева О.Е., Масленникова Е.Г., Истомина М.М. Совершенствование системы управления туристским предприятием в условиях кризиса // Экономика и предпринимательство. 2021. № 1 (126). С. 754–757.
7. Рассохина Т.В., Лебедев К.А. Реализация принципов устойчивого развития в целях оптимизации системы конкурентоспособности туристских дестинаций // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 2. С. 87–100.
8. Тайгибова Т.Т. Влияние индустрии туризма на экономику страны и социально-культурную сферу // Актуальные вопросы экономических наук: материалы I Международной научной конференции (г. Уфа, октябрь 2011 г.). – Уфа: Лето, 2011. – С. 125–128.
9. Юн Е.А., Масленникова Е.Г. Ресурсы событийного молодежного туризма в Москве // В сборнике: Современные проблемы туризма и сервиса. Под редакцией О.Е. Афанасьева, Е.В. Юдиной. – Москва, 2021. – С. 367–379.

THE IMPACT OF THE TOURISM INDUSTRY ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Burnyasheva L.A., Romanov E.N.

Russian State University of Tourism and Service, RANEPa under the President of the Russian Federation

This article is devoted to an urgent problem related to the influence of the tourism industry on the socio-economic development of Russian regions. The authors study the importance of the tourism industry for the socio-economic development of the regions. They consider a direct link between trends in the development of the tourism industry and general economic and social achievements. The study showed that the tourism industry, which allows to produce services necessary to meet the needs of tourists arising during travel, is an important area of the economy, the further development and improvement of which will contribute to an increase in income not only of individual regions, but of the entire state.

Keywords: tourism, tourism industry, region, socio-economic development, economic activity, regional economies.

References

1. Burnyasheva L.A., Gazgireeva L.H. The role of innovation management in improving the activities of hospitality industry enterprises // Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University. 2017. No. 2. pp. 106–112.
2. Burnyasheva L.A. Spiritual-existential time and space: a modern view // Bulletin of the North Caucasus State Technical University. 2010. No. 3. pp. 169–173.
3. Burnyasheva L.A., Gazgireeva L.H. The problem of sustainable development of modern society through self-organization: information and value paradigm // Humanities and socio-economic sciences. 2013. No. 6 (73). pp. 17–21.
4. Gazgireeva L.H., Burnasheva L.A. Conceptualization of spiritual and moral problems of modern Russian society: existential-value aspect: a monograph. – Pyatigorsk, 2014. – 241 p.
5. Gazgireeva L.H., Burnasheva L.A. The spiritual space of Russia in the context of paradigmatic discourse: monograph. – Pyatigorsk, 2014. – 286 p.
6. Ovchinnikova N.V., Ovchinnikov S.A., Lebedeva O.E., Maslennikova E.G., Istomina M.M. Improving the management system of a tourist enterprise in a crisis // Economics and entrepreneurship. 2021. No. 1 (126). pp. 754–757.
7. Rassokhina T.V., Lebedev K.A. Implementation of the principles of sustainable development in order to optimize the system of competitiveness of tourist destinations // Service in Russia and abroad. 2016. Vol. 10. No. 2. pp. 87–100.
8. Taigibova T.T. The influence of the tourism industry on the country's economy and socio-cultural sphere // Topical issues of economic sciences: materials of the I International Scientific Conference (Ufa, October 2011). – Ufa: Summer, 2011. – pp. 125–128.
9. Yun E.A., Maslennikova E.G. Resources of event youth tourism in Moscow // In the collection: Modern problems of tourism and service. Edited by O.E. Afanasyev, E.V. Yudina. – Moscow, 2021. – pp. 367–379.

Формирование патриотизма и гражданской ответственности студенческой молодежи в условиях современного времени

Демененко Инна Арамовна,

к.с.н., доцент кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического
университета им. В.Г. Шухова
E-mail: inna12manager@gmail.com

Дивиченко Олег Игоревич,

к.с.н., доцент кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического
университета им. В.Г. Шухова
E-mail: divichenko31@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием патриотизма и гражданской ответственности студенческой молодежи в условиях геополитической, социально-экономической турбулентности современного времени. Авторами представляется анализ теоретико-методологических основ патриотического воспитания и гражданской ответственности студенческой молодежи, роли государственных структур и системы высшего образования при формировании патриотизма молодых людей. Авторы предлагают функционально-целевую модель формирования патриотизма и гражданской ответственности в системе высшего образования, позволяющую систематизировать направления деятельности университета по социально-воспитательной работе.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, студенческая молодежь, патриотическое воспитание, высшее образование, молодежная политика.

Новые реалии развития общественных отношений, происходящие в мировом сообществе в настоящее время, изменившаяся ситуация в геополитике оказывают влияние на все сферы жизни российского общества и государства, социально-экономические процессы, происходящие в молодежной среде. В данном контексте актуализируются вопросы реализации молодежной политики, формирования в условиях нестабильности патриотизма и гражданской ответственности студенческой молодежи как самой уязвимой группы населения, с одной стороны и как будущего потенциала Российской Федерации, с другой стороны. Формирование патриотизма и гражданской ответственности студенческой молодежи является одним из важнейших направлений реализации общенациональной идеи Российского государства.

Сегодня, в условиях переизбытка информационных потоков, транслируемых с различных источников, молодое поколение берет на себя функции сбора, анализа, переработки поступающей информации и формирует образ будущего страны с учетом моральных норм и принципов, нравственности, воспитанности, уровня патриотизма и разделяемых ценностей.

Процесс формирования патриотизма и гражданской ответственности студенческой молодежи в новых условиях протекает достаточно сложно. Социальная стратификация, ценностный плюрализм, миграция населения обостряют процесс самоидентификации молодежи в разнородном обществе, что на практике часто приводит к двум крайностям: с одной стороны, развитию маргинализации молодых людей, с другой – национализму, маскирующемуся под маску патриотизма [1]. В формировании патриотизма и гражданской ответственности студенческой молодежи в новых условиях должны активно участвовать как органы власти в рамках государственной молодежной политики, так и образовательные учреждения, деятельность которых направлена, в том числе, на воспитательный процесс и формирование духовно-нравственных и патриотических диспозиций студенческой молодежи.

Важные задачи по формированию патриотизма и гражданской ответственности студенческой молодежи, которые сегодня возлагаются на университеты, требуют новых подходов к разработке программ социально-воспитательной работы в вузе, с учетом новых условий общественных отношений, информационной пропаганды, психологической неустойчивости молодежи, чем и обусловлена актуальность исследования [2].

Разработка новых, актуальных сегодняшнему времени подходов к формированию патриотизма и гражданской ответственности студенческой молодежи должна быть направлена на воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи.

Современное понимание патриотизма характеризуется многовариантностью и многоаспектностью. Это связано со сложной природой данного явления, много-

образом форм его проявления, с тем, что феномен патриотизма изучается в рамках целого ряда наук – философии, социологии, политологии, педагогики.

Толковый словарь русского языка С. Ожегова дает следующее определение данному слову: «Человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины» [3, С. 514].

Более четко определено моральное содержание этого понятия в философском словаре: «патриотизм рассматривается как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины» [4, С. 313].

В основу исследования патриотизма и гражданственности в данной статье легли теоретические и методологические подходы, рассмотренные в работах классиков российской и советской педагогики: А.С. Макаренко [5], К.Д. Ушинского [6, С. 157], Я.А. Коменского [7, С. 245] и др.).

Различные аспекты патриотического воспитания молодежи отражены в работах Ю.К. Бахтина [8], Н.В. Григорьевой [9], И.М. Дуранова [10], Е.Ю. Колесниковой [11], С.И. Кузиной [12].

В настоящее время проблема гражданственности с позиций социально-правового взаимодействия государства с институтами гражданского общества и с отдельными гражданами рассматривается в работах М.А. Мазур [13], О.Н. Полухина [14] и других.

Отмечая плодотворность данных исследований, следует подчеркнуть, что вне поля зрения ученых, осмысливающих проблему формирования патриотизма и гражданственности, остаются проблемы, которые связаны с выделением структуры патриотического сознания студентов вузов, с обоснованием содержания его структурных компонентов, с определением назначения конвергентного подхода к конструированию процесса формирования патриотизма студентов вузов актуальными временными средствами, и ряд других в новых условиях и реалиях.

Высшие учебные заведения всегда являлись социокультурными центрами исторического процесса формирования патриотизма и гражданственности. Следуя этой исторической традиции, вузы обучают и воспитывают будущих специалистов, независимо от их профессиональной направленности, способными рассматривать свою профессиональную деятельность с общечеловеческой точки зрения, с позиции глобальных мировых социокультурных и технологических процессов, с позиций мирового сотрудничества и сближения народов и культур. Но, прежде всего, образовательное пространство высших учебных заведений должно быть насыщено общенациональными приоритетами: идеями патриотизма, высокой духовности, ценности труда и служения на благо Отечества. Формирование патриотизма и гражданственности студентов в вузах должны быть органичным единым процессом целенаправленного развития личности гражданина.

Проблема формирования патриотизма и гражданственности прошла исторический путь от первоначального публицистического описания личностных качеств, необходимых хорошему гражданину, до понимания необходимости осмысления её с помощью сложного комплекса философского, социологического и психологических подходов.

Цель патриотического воспитания – развитие у молодежи гражданственности, патриотизма как важнейшей духовно-нравственных и социальных ценностей, форми-

рование профессионально значимых качеств, умений и готовности к их активному проявлению в различных сферах жизни общества, верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности и дисциплинированности.

Формирование гражданина как главная цель воспитания и образования включает в себя две группы задач:

1) создание условий для самореализации личности, развитию ее духовной культуры;

2) формирование готовности к выполнению социально значимых функций. Решение этих задач создает предпосылки для сочетания в облике гражданина социально-типических и индивидуальных качеств, гармонизации в его жизнедеятельности личных и общественных интересов.

Патриотизм и гражданственность включают в себя взаимосвязанную совокупность нравственных чувств и черт поведения: любовь к Родине, традиций народа; бережное отношение к историческим памятникам и обычаям родной страны; привязанность и любовь к родным местам; стремление к укреплению чести и достоинства Родины, готовность и умение защищать ее; воинская храбрость, мужество и самоотверженность; нетерпимость к расовой и национальной неприязни; уважение обычаев культуры других стран и народов, стремление к сотрудничеству с ними.

В настоящее время, влияние социально-политических векторов взаимодействия молодежи, определяет потребность разработки новых инструментов и методов социально-воспитательной работы в вузе, отвечающей актуальным реалиям настоящего времени. Мировоззрение студентов отличается прагматичным отношением к образованию, направленным на получение престижной специальности, как средству достижения материальных благ и высокого социального статуса, потребительское и пассивное отношение к культуре, приверженность западным идеалам карьеризма и социальной успешности. Однозначно оценить данные черты достаточно сложно, но также необходимо отметить, что именно в период студенчества формируется ценностная и профессиональная ориентация. Студенты – это один из самых активных социальных слоев населения, обладающий высоким интеллектуальным потенциалом. Однако, неопределенность в будущем, обусловленная трудностью в определении последующего места работы по полученной специальности, падения престижа многих профессий, а также служба в армии после окончания ВУЗа, заставляют задумываться о возможностях легкого заработка, о поиске вариантов избежать воинской повинности, об эмоциональной разгрузке и т.д.

Патриотизм является высокоморальным чувством, важной частью ценностной структуры любого гражданина, поэтому направленное только лишь военно-патриотическое воспитание не даст должного результата. Формирование у студенческой молодежи социально значимых патриотических качеств и ценностных установок должно осуществляется через изучение гуманитарных дисциплин, их участие в деятельности общественных организаций патриотической и военно-патриотической направленности, а также в соответствующей деятельности различного рода молодежных движений, акций, инициатив, конкретных мероприятий и т.д.

Воспитание и обучение в высшей школе – главные составляющие процесса становления гражданской позиции будущего специалиста. От его социальной позиции и взглядов зависит демократическое и социально-экономическое развитие страны. Однако снижение значения воспитательного потенциала культуры, истории, литературы, образования привело к преобладанию

у определённой части молодёжи приоритета массовых прагматических ценностей и «поп-культуры». Рост информированности молодого поколения, процессы демократизации и создание многопартийной системы привели к ломке прежних ценностей и поиску новых нравственных ориентиров.

Главная цель патриотического воспитания – воспитание гражданина своего Отечества, готового к преобразованию края и Родины в целом в русле традиций и духовных ценностей своего народа и нравственных идеалов всего человечества.

Реализация данной цели требует решения следующих задач.

1. Изучение студентами системы приоритетных ценностей, которые являются основой духовно-нравственного развития личности в современных условиях геополитической нестабильности.

2. Обогащение эмоционально-ценностной сферы личности и развитие патриотических чувств и гражданской ответственности.

3. Систематическое накопление и обогащение опыта на благо общества, государства, развитие семейных ценностей и гражданских качеств.

Функционально-целевая модель формирования патриотизма и гражданской ответственности в системе высшего образования представлена на рис. 1.

Рис. 1. Функционально-целевая модель формирования патриотизма и гражданской ответственности в системе высшего образования

Как нравственность в целом, патриотизм и гражданственность носят деятельный характер. Поэтому и их воспитание осуществляется в процессе организации разнообразной познавательной и практической деятельности студентов. Процесс выработки нравственных представлений по вопросам патриотизма и гражданской ответственности должен осуществляться с учетом возрастных особенностей студентов. В воспитании патриотизма и гражданской ответственности большое значение имеет осознание учащимися сущности и важнейших сторон проявления этих качеств и их глубокое эмоциональное переживание. Именно на этой основе у студентов крепнет чувство любви к Родине, вырабатываются взгляды, убеждения и установки поведения. Основным средством в решении этой задачи является содержание образовательного процесса, вовлеченность в научно-исследовательскую деятельность, а так различных форм досуговой работы. В свою очередь, для того чтобы данная работа эффективно способствовала воспитанию студентов патриотизма и гражданской ответственности, она должна иметь определенную внутреннюю логику.

Институт кураторства необходимо расширять и наполнять новыми актуальными современному времени направлениями деятельности. Усилия кураторов должны быть направлены прежде всего на обогащение учащихся знаниями, относящимися к осмыслению различных сторон патриотизма и гражданской ответственности.

Существенной стороной развития патриотического и гражданского сознания учащихся является усвоение

ими фактического материала о героической борьбе нашего народа против иноземных захватчиков, о его безграничной вере в силу и могущество Родины.

Как нравственность в целом, патриотизм и гражданственность носят деятельный характер. Поэтому и их воспитание осуществляется в процессе организации разнообразной познавательной и практической деятельности студентов. Процесс выработки нравственных представлений по вопросам патриотизма и гражданской ответственности должен осуществляться с учетом возрастных особенностей студентов. В воспитании патриотизма и гражданской ответственности большое значение имеет осознание учащимися сущности и важнейших сторон проявления этих качеств и их глубокое эмоциональное переживание. Именно на этой основе у студентов крепнет чувство любви к Родине, вырабатываются взгляды, убеждения и установки поведения. Основным средством в решении этой задачи является содержание образовательного процесса, вовлеченность в научно-исследовательскую деятельность, а так различных форм досуговой работы. В свою очередь, для того чтобы данная работа эффективно способствовала воспитанию студентов патриотизма и гражданской ответственности, она должна иметь определенную внутреннюю логику.

Институт кураторства необходимо расширять и наполнять новыми актуальными современному времени направлениями деятельности. Усилия кураторов должны быть направлены прежде всего на обогащение учащихся знаниями, относящимися к осмыслению различных сторон патриотизма и гражданской ответственности.

Существенной стороной развития патриотического и гражданского сознания российской молодежи и в особенности студентов является усвоение ими фактического материала о героической борьбе нашего народа против иноземных захватчиков, о его безграничной вере в силу и могущество Родины.

Литература

1. Зайцева О.А. Патриотизм среди молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 4 (104). С. 106–109.
2. Бражникова А.Н. Гражданская активность и патриотизм современной молодежи // Система ценностей современного общества. 2010. № 15. С. 255–259.
3. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
4. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Краткий философский словарь. – Москва: АСТ, 2002. – 479 с.
5. Гликман И.З. Главное, что оставил Антон Макаренко в веках: основа системы работающих знаний в области воспитания // Социальная педагогика. 2016. № 4–5. С. 76–83.
6. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. – М.: Просвещение, 1968. – 557 с.
7. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. В 2-х т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – 656 с.
8. Бахтин Ю.К. Патриотическое воспитание как основа формирования нравственно здоровой личности // Молодой ученый. 2014. № 10 (69). С. 349–352.
9. Григорьева Н.В., Петунин О.В. Принципы воспитания патриотизма студентов технического вуза // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 2. С. 274–279.
10. Дуранов И.М. К вопросу взаимосвязи воспитания гражданственности и патриотизма // Вестник ОГУ. 2002. № 1. С. 54–59.
11. Колесникова Е.Ю., Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в молодежной среде на Юге России: парадигмы социологических исследований // Гуманитарий Юга России. 2018. № 5. С. 174–183.
12. Кузина С.И. Патриотизм молодежи и преемственность поколений в современной России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 4–6. С. 125–129.
13. Мазур М.А. Эволюция понятий патриотизма и патриотического воспитания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 4 (43). С. 51–53.
14. Полухин О.Н. Гражданственность и патриотизм проблемы патриотического воспитания в условиях глобализации // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2014. № 2. С. 225–229.

FORMATION OF PATRIOTISM AND CITIZENSHIP STUDENT YOUTH IN MODERN TIMES

Demenenko I.A., Divichenko O.I.

Belgorod State technological university

The article deals with issues related to the formation of patriotism and citizenship of student youth in the conditions of geopolitical, socio-economic turbulence of modern times. The authors present an analysis of the theoretical and methodological foundations of patriotic education and citizenship of student youth, the role of state structures and the higher education system in the formation of young people's patriotism. The authors propose a functional-target model of the formation of patriotism and citizenship in the system of higher education, which makes it possible to systematize the directions of the university's activities in social and educational work.

Keywords: patriotism, citizenship, student youth, patriotic education, higher education, youth policy.

References

1. Zaitseva O.A. Patriotism among youth // Public opinion monitoring: economic and social changes. 2011. No. 4 (104). pp. 106–109.
2. Brazhnikova A.N. Civic activity and patriotism of modern youth // System of values of modern society. 2010. No. 15. S. 255–259.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. – M.: Russian language, 1990. – 921 p.
4. Kirilenko G.G., Shevtsov E.V. Brief philosophical dictionary. – Moscow: AST, 2002. – 479 p.
5. Glikman I.Z. The main thing that Anton Makarenko left for centuries: the basis of the system of working knowledge in the field of education // Social Pedagogy. 2016. No. 4–5. pp. 76–83.
6. Ushinsky K.D. Selected pedagogical works. – Moscow: Enlightenment, 1968. – 557p.
7. Comenius Ya.A. Selected pedagogical works. In 2 vols. T.1. – M.: Pedagogy, 1982. – 656 p.
8. Bakhtin Yu.K. Patriotic education as a basis for the formation of a morally healthy personality // Young scientist. 2014. No. 10 (69). pp. 349–352.
9. Grigoryeva N.V., Petunin O.V. Principles of education of patriotism of students of a technical university // Siberian Pedagogical Journal. 2008. No. 2. S. 274–279.
10. Duranov I.M. To the question of the relationship between the education of citizenship and patriotism // Bulletin of the OSU. 2002. No.1. S. 54–59.
11. Kolesnikova E. Yu., Lubsky A.V. Patriotism and citizenship in the youth environment in the South of Russia: paradigms of sociological research // Humanitarian of the South of Russia. 2018. No. 5. C. 174–183.
12. Kuzina S.I. Patriotism of youth and continuity of generations in modern Russia // Modern trends in the development of science and technology. 2016. No. 4–6. pp. 125–129.
13. Mazur M.A. Evolution of the concepts of patriotism and patriotic education // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2010. No. 4 (43). pp. 51–53.
14. Polukhin O.N. Citizenship and patriotism of the problem of patriotic education in the context of globalization // Vestnik BSTU im. V.G. Shukhov. 2014. No. 2. pp. 225–229.

Исследование формирования и развития экзистенциальных навыков в русле деятельности студенческих сообществ

Крутько Елена Александровна,

кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eakrutko@fa.ru

Безматерных Наталия Александровна,

старший преподаватель кафедры английского языка, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: n.bezmaternyh@edu.mgubs.ru

Комкова Анастасия Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Английский язык», Сибирский государственный университет путей сообщения
E-mail: raykova88@mail.ru

Наиболее значимой тенденцией современного образования является переход к компетентностному подходу и формированию определенных навыков для каждой профессии. Эта тенденция способствовала более системному осмыслению профессиональных компетенций, которое проявилось во внедрении в образовательный процесс понятий «мягкие», «жесткие», «цифровые» и «экзистенциальные» навыки. В настоящей статье рассматривается проблема формирования и развития экзистенциальных или self-навыков обучающихся в русле деятельности студенческих сообществ университета. Составлен перечень студенческих объединений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, в который вошли 55 организаций, проведена их классификация по направлению деятельности. На основе традиционного анализа документов (положений и уставов), а также полужформализованного интервью с руководителями и некоторыми членами сообществ были определены экзистенциальные навыки, развивающиеся в процессе деятельности этих сообществ. Выделены «общие» навыки, характерные для большинства студенческих организаций, и «специфические», характерные для определенных типов сообществ.

Ключевые слова: экзистенциальные навыки, селф-компетенции, soft skills, hard skills, студенческие сообщества, система высшего образования, компетентностный подход.

Введение

В свете достижений современной психологической науки, в особенности психологии развития и педагогической психологии, в обиход входит такое понятие как *экзистенциальные навыки* (англ. *self skills*), которые можно применять различных жизненных контекстах личности. Это совокупность качеств, способностей и личностных черт, связанных с формированием самого себя, ориентацией и установкой на работу с самим собой, включая: способность ставить перед собой цели и последовательно их достигать (сила воли, стремление к чему-либо, самомотивация), способность делать выбор, принимать решения и нести за них ответственность, способность организовать свою работу (самоорганизация, самоконтроль), способность к саморефлексии или самопознанию, способностью учиться/переучиваться (саморазвитие), гибкость, стрессоустойчивость, любознательность и др.

В совокупности с *профессиональными* или «*твердыми*» *навыками* (англ. *hard skills*), а также *социальными* или «*мягкими*» *навыками* (англ. *soft skills*), экзистенциальные навыки позволяют описать практически весь спектр профессиограммы, либо профессионально значимых качеств в рамках любого направления деятельности. Возможности развития экзистенциальных навыков в процессе аудиторной работы непосредственно с преподавателем и по его заданию, при взаимодействии с другими студентами, и, в частности, на занятиях профессионально-ориентированного иностранного языка, неоднократно рассматривались авторами данного исследования [1, 2, 3]. Однако интерес также представляет влияние внеаудиторной деятельности обучающихся на развитие востребованных сегодня навыков.

Так, настоящая статья рассматривает проблему формирования экзистенциальных навыков как компонента социальных способностей членов студенческих объединений различного формата. Представляется, что данный параметр эффективно развивается только в рамках деятельности, связанной с его реализацией, в виду чего и был изучен процесс его развития в рамках деятельности различных студенческих сообществ Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

Обзор литературы

В наши дни студенческие сообщества стали занимать значимое место в системе образования. Студенческие объединения рассматриваются как центры творческого, интеллектуального, личностного и духовного развития молодежи. В рамках их деятельности реализуются воспитательные функции, функции формирования активной гражданской позиции, формирования культурных ценностей, личных и профессиональных компетенций. Материалы исследований, которые посвящены студенческой жизни, говорят о том, что учащиеся бакалавриата, как правило, оценивают значимость опыта студенческой жизни в самом широком значении, студенческая жизнь – значительный элемент той ценности, каковой для них является образование в университете [4].

Учеба за пределами стен аудитории нередко на практике оказывается более значимой для студентов, нежели занятие в данных стенах. Кроме организации студенческой жизни университет дает варианты более высокоструктурированного опыта, которые в большей или меньшей степени сопряжены с планом преподавания. Это, в частности, образование за рубежом и/или настоящая работа и практика [5].

В качестве теоретико-методологических оснований были взяты работы Т. Парсонса, как представителя структурно-функционального подхода, а также Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Парето, Ф. Знанецкий, как представителей теории деятельностного подхода. Также были проанализированы современные работы, посвященные проблеме формирования экзистенциальных или self-навыков в образовательной среде, в различных сферах науки, включая философию, психологию, экономику и т.д., таких исследователей, как: И.А. Панарин, А.А. Короткова, А.А. Шмаков, Э.В. Галажинский, Т.М. Ковалева, А.Р. Баянова, Е. Плехова, А.Н. Гулеватая, Н.В. Бенан и др.

Термин англ. *self-competence* был введен американским психологом Сьюзен Хартер еще в 1982 г., однако актуальной идея выделения отдельной от триады мягкие-жесткие-цифровые навыки (англ. *self-hard-digital skills*) категории *экзистенциальные* или *self-навыки* стала лишь сравнительно недавно в силу тенденции к гуманизации образования и смещение фокуса «с оболочки внешней на внутреннюю», на «самостроительство» в себе человека и профессионала. Причем все чаще self-навыки рассматриваются как иницирующий фактор или катализатор развития soft- и hard-навыков, определяющий предметное и педагогическое поле действий современного преподавателя университета [6, 7, 8]. К экзистенциальным навыкам относят способность ставить цели и достигать их, самосознание и способность к саморефлексии, способность быстро и качественно учиться, отказываться при необходимости от стереотипов, а также переучиваться. Важной характеристикой self-навыков является отсутствие срока восприимчивости [9].

Студенческое сообщество в университете – точка соприкосновения личностей студента, преподавателя и сотрудников данной образовательной организации. Каждый участник студенческих сообществ получает новый жизненный опыт. Специальные условия, созданные университетом, позволяют развиваться студенческим сообществам, которые расширяют и преувеличивают гражданские, профессиональные и личные характеристики студентов [10]. Студенты вступают в эти сообщества по личным мотивам, интересам, активной жизненной позиции, а также желая внести некий вклад в развитие общества, науки, культуры и так далее.

Основой деятельности студенческих организаций считается осуществление различных проектов, целевых программ занятий студентов, направленных на разрешение определенной, важной для учащих собственной и публичной задачи (группы проблем) в контексте изучения ими магистральной или дополнительной образовательной программы.

В настоящей статье студенческие сообщества рассматриваются через призму деятельностного подхода, т.е. с точки зрения направления их деятельности, в ходе которой развиваются необходимые компетенции, в частности, экзистенциальные навыки обучающихся. В свою очередь данные навыки выступают фундаментом для развития других параметров, связанных с профессиональным становлением студентов.

Материалы и методы

Объектом исследования являются студенческие сообщества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва), предметом – экзистенциальные навыки (англ. *self skills*), формирующиеся у студентов в рамках деятельности этих сообществ.

Для решения поставленных исследовательских вопросов нами был составлен перечень студенческих сообществ Финансового университета, проведена их классификация по направлению деятельности. На основе традиционного анализа документов (положений и уставов), а также полуструктурированного интервью с руководителями и некоторыми членами сообществ выявлен и классифицирован перечень формируемых в рамках их деятельности экзистенциальных навыков у студентов.

Результаты и их обсуждение

Данное исследование было посвящено изучению развития экзистенциальных навыков обучающихся в рамках существующих в университете студенческих организаций, а также определению перечня экзистенциальных навыков, формирующихся в данных объединениях, реализующих разные направления деятельности. Основной проблемой исследования были вопросы: является ли формирование экзистенциальных навыков осознанной задачей сообществ университета; какие из этих навыков способны формировать различные типы студенческих сообществ.

Таблица 1. Классификация студенческих объединений Финансового университета по направлению деятельности

Направление деятельности	Студенческие объединения Финансового университета
культурно-массовая деятельность	8 Клубов по интересам: <ul style="list-style-type: none"> • Шахматный клуб «Zebra» • Экспедиционный клуб • Практико-ориентированный студенческий клуб «Самоуправление вне границ» • Клуб интеллектуальных игр «Fintelect» • Кейс-клуб • Клуб дебатов • Поисково-патриотический отряд Финансового университета «Памяти 13 дивизии Народного ополчения»
творческая деятельность	15 Творческих коллективов: <ul style="list-style-type: none"> • Хор Финансового университета • Вокльный ансамбль «FINMUSE» • Студия сольного вокала • Ансамбль народной песни • Студенческий театр «ФУНТ» • Театральная студия • Студия ведущих • Студия балета • Хореографическая студия «Frappe» • Коллектив современного танца «Liberté» • Ансамбль народного танца • Студия бального танца • Студия фортепианной музыки • Вокально-инструментальный ансамбль «Атмосфера» • Ансамбль барабанщиков
волонтерская деятельность	1 Волонтерский центр университета

Направление деятельности	Студенческие объединения Финиуниверситета
студенческое самоуправление	<p>1 Студенческий совет университета, который включает в себя шесть комитетов: Информационный комитет (ИК), Комитет внешних связей (КВС), Проектный комитет (ПК), Социальный комитет (СОЦКОМ), Учебный комитет (УЧКОМ), Объединенный комитет общежитий (ОКО) и Тренинг-Центр (ТЦ).</p> <p>8 Студенческих советов факультетов</p> <p>1 Объединенный совет обучающихся, включающий: Центр молодежных инициатив, Отдел по работе с абитуриентами, Отдел по работе с иностранцами, Отдел практики здорового образа жизни, Учебная комиссия</p> <p>8 Студенческих советов в общежитиях</p>
научно-исследовательская деятельность	<p>1 Общеуниверситетское студенческое общество.</p> <p>8 Научных студенческих сообществ факультетов университета.</p> <p>3 Научных кружка:</p> <ul style="list-style-type: none"> «Программирование языке Python. Web-программирование для начинающих. Проекты и задачи». «Анализ, совершенствование и управление бизнес-процессами». «Разработка экспертных систем на базе платформы CLIPS»
спортивная деятельность	1 Спортивный клуб университета

В процессе работы были найдены все возможные студенческие сообщества и подвержены классификации. А именно, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, как один из престижных университетов России, может предложить обучающимся **55** студенческих объединений разного формата деятельности (Таблица 1).

Все руководители и некоторые члены вышеуказанных студенческих объединений были опрошены методом полуструктурированного интервью. Всего в опросе приняло участие **320** человек. Среди заданных вопросов были следующие:

- Когда и с какой целью было создано студенческое объединение?
- Какие функции выполняет студенческое объединение?
- Каковы приоритетные направления деятельности студенческого объединения?
- Опишите организационную структуру сообщества.
- Сколько человек состоит в сообществе на данный момент?
- Почему студенты выбирают именно данное сообщество?
- Какие локальные нормативные документы определяют деятельность сообщества?
- Какова значимость данного студенческого объединения для университета в целом?
- Способствует ли деятельность в рамках данного сообщества формированию профессиональных и личностных качеств студентов? Какие экзистенциальные навыки развиваются? Какая деятельность студентов в рамках сообщества способствует этому?

Полученные в ходе опроса данные были соотнесены с результатами анализа уставных документов о деятельности студенческих организаций. Стоит отметить, что все проанализированные документы (уставы, положе-

ния) декларируют формирование тех или иных социальных, профессиональных и экзистенциальных навыков, как задачи студенческих сообществ.

На базе проведенного исследования были определены экзистенциальные навыки, формируемые в процессе участия студентами в деятельности разноформатных студенческих организаций, а именно:

- *креативное мышление* (способность мыслить креативно, логично, не шаблонно)
- *коммуникативные навыки* (способность преодолевать коммуникативные барьеры, договариваться ораторское искусство)
- *навык целеполагания* (способность ставить цели и достигать их, самомотивация)
- *навык принятия решений*
- *ответственность*
- *саморефлексия и самопознание*
- *самоорганизация и самодисциплина*
- *обучаемость и стремление к саморазвитию* (способность учиться/переучиваться, любознательность)
- *стрессоустойчивость*
- *эмоциональный интеллект* (способность распознавать эмоции и управлять ими)
- *адаптивность*
- *инициативность*

Ниже, в Таблице 2 представлена сводная информация по результатам анализа формирования экзистенциальных навыков в каждом из типов студенческих объединений, существующих в Финиуниверситете.

Таблица 2. Экзистенциальные навыки, формирующиеся у студентов в процессе участия в деятельности разных типов студенческих объединений Финиуниверситета

Экзистенциальные навыки	Типы студенческих объединений (по направлению деятельности)					
	Культурно-массовые	Творческие	Волонтерские	Студенческого самоуправления	Научно-исследовательские	Спортивные
креативное мышление	+	+	-	+	+	-
коммуникативные навыки	+	+	+	+	+	+
навык целеполагания	+	+	+	+	+	+
навык принятия решений	+	-	-	+	+	-
ответственность	-	-	+	+	+	+
саморефлексия и самопознание	+	+	-	-	+	-
самоорганизация и самодисциплина	+	+	+	+	+	+
обучаемость и стремление к саморазвитию	+	+	-	+	+	-
стрессоустойчивость	+	+	+	+	+	+
эмоциональный интеллект	-	+	+	-	-	-
адаптивность	-	-	+	-	+	+
инициативность	+	-	+	+	+	-

Таким образом, полученные данные позволяют определить «общие» навыки, характерные для большей половины (не менее 4 из 6) участвующих в исследовании типов студенческих сообществ. Это коммуникативные навыки, креативное мышление, навык целеполагания, ответственность, самоорганизация и самодисциплина, обучаемость и стремление к собственному развитию, стрессоустойчивость, инициативность. И «специфические» навыки, формирующиеся в некоторых студенческих сообществах: навык принятия решения, саморефлексия, эмоциональный интеллект, адаптивность.

Заключение

В рамках настоящего исследования была проанализирована деятельность студенческих объединений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, как центров творческого, интеллектуального, личного и духовного развития современной студенческой молодежи. Предложена классификация студенческих сообществ университета по направлению деятельности: культурно-массовые (включающие в основном клубы по интересам), творческие (творческие коллективы, студии), волонтерские, студенческого самоуправления (студенческие советы разного уровня), научно-исследовательские (научные кружки, научные общества разного уровня), спортивные. Полученные результаты эмпирического исследования свидетельствуют о наличии декларируемых в уставных документах задач по формированию экзистенциальных (англ. *self skills*), профессиональных (англ. *hard skills*) и социальных (англ. *soft skills*) навыков, что охватывает профессионально значимые качества в рамках любого направления деятельности будущих специалистов. Выявленные экзистенциальные навыки можно разделить на «общие» и «специфические»: навыки, формирующиеся в большинстве сообществ, как то коммуникативные навыки, стрессоустойчивость, самоорганизация и самодисциплина, обучаемость и другие, а также навыки, формирующиеся в зависимости от направления деятельности студенческих сообществ, среди которых эмоциональный интеллект, адаптивность, навык принятия решения и саморефлексия.

Литература

1. Komkova, A. Development of metacompetences in university students in the process of scientific research in a foreign language / A. Komkova, E. Kobeleva, E. Stuchinskaya, E. Krutko // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2020. – Vol. 396. – P. 19–23. – <https://doi.org/10.2991/iceder-19.2020.23>
2. Komkova, A. Foreign language learning environment: A case study of STU / A. Komkova, E. Kobeleva, E. Taskaeva, V. Ishchenko. In: Manakov, A., Edigarian, A. (eds) *International Scientific Siberian Transport Forum TransSiberia* – 2021. *TransSiberia 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 403. Springer, Cham (2022). https://doi.org/10.1007/978-3-030-96383-5_48
3. Кобелева, Е.П. Формирование экзистенциальных навыков студентов в процессе иноязычной подготовки в вузе / Е.П. Кобелева, Е.Н. Матвиенко, А.С. Комкова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2022. – № 6–1. – С. 6. – <https://doi.org/10.17513/spno.32126>.
4. Лепешкина, Е.Ю. Студенческие общественные объединения как субъект воспитательной деятельности вуза: к вопросу о классификации / Е.Ю. Лепешки-

на // *Казанский педагогический журнал*. – 2015. – № 5–2. – С. 334–337.

5. Богдан, Е.С. Развитие у студентов инженерных направлений soft skills как важный фактор их конкурентоспособности / Е.С. Богдан // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2017. – № 2–4. – С. 17–20.
6. Баянова, А.Р. К вопросу о сущности конкурентоспособности преподавателя высшей школы в современных условиях / А.Р. Баянова // *Казанский педагогический журнал*. – 2019. – № 6 (137). – С. 24–28.
7. Белан, Н.В. Исследование развития селф-компетенций обучающихся в открытой образовательной среде // *Тьюторство в открытом образовательном пространстве: языки описания и работы с «самостью»- развитие личности; становление субъектности; формирование self skills*. – 2020. – С. 24–33.
8. Галаджинский, Э.В. Селф – компетенции как «философский камень» [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tsu.ru/projects/word-to-the-rector/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen/>
9. Гулеватая, А.Н. Селф-компетенции как ядро моделей навыков для homo educandus в цифровом мире / А.Н. Гулеватая // *Стратегические ориентиры современного образования: сборник научных статей, Екатеринбург, 05–06 ноября 2020 года. Том Часть 1*. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – С. 225–230. – <https://doi.org/10.26170/Kso-2020-70>.
10. Демин, В.В. Сетевое взаимодействие классического исследовательского университета и системы общего образования: опыт и перспективы / В.В. Демин, Е.А. Суханова // *Информатика и образование*. – 2015. – № 6 (266). – С. 3–5.

SELF-SKILLS IN THE LINE OF THE ACTIVITIES OF STUDENT COMMUNITIES

Krutko E.A., Bezmaternykh N.A., Komkova A.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Lomonosov Moscow State University, Siberian Transport University

The most significant trend in modern education is the transition to a competency-based approach and the formation of certain skills for each profession. This trend has contributed to a more systematic understanding of professional competencies, which manifested itself in the introduction of the concepts of “soft”, “hard”, “digital” and “self” skills into the educational process. This article deals with the problem of the formation and development of existential or self-skills of students in the line with the activities of university student communities. A list of student communities of the Financial University under the Government of the Russian Federation was compiled, which included 55 organisations, their classification was carried out according to the type of activity. Based on the traditional analysis of documents (regulations and statutes), as well as semi-formalized interviews with the heads and some members of the communities under study, self-skills were identified that develop in the course of the activities of these communities. The authors also singled out the “general” skills that are typical for most student organisations, and the “specific” skills that are characteristic of certain types of communities.

Keywords: existential skills, self-skills, soft skills, hard skills, student communities, higher education system, competency-based approach.

References

1. Komkova, A. Development of metacompetences in university students in the process of scientific research in a foreign language / A. Komkova, E. Kobeleva, E. Stuchinskaya, E. Krutko // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2020. – Vol. 396. – P. 19–23. – <https://doi.org/10.2991/iceder-19.2020.23>

2. Komkova, A. Foreign language learning environment: A case study of STU / A. Komkova, E. Kobeleva, E. Taskaeva, V. Ishchenko. In: Manakov, A., Edigarian, A. (eds) International Scientific Siberian Transport Forum TransSiberia – 2021. TransSiberia 2021. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 403. Springer, Cham (2022). https://doi.org/10.1007/978-3-030-96383-5_48
3. Kobeleva, E.P. Formation of existential skills of students in the process of foreign language training at the university / E.P. Kobeleva, E.N. Matvienko, A.S. Komkova // Modern problems of science and education. – 2022. – No. 6–1. – P. 6. – <https://doi.org/10.17513/spno.32126>.
4. Lepeshkina E. Yu. Student public associations as a subject of the educational activities of the university: on the issue of classification / E. Yu. Lepeshkina // Kazan Pedagogical Journal. – 2015. – No. 5–2. – S. 334–337.
5. Bogdan E.S. The development of engineering soft skills among students as an important factor in their competitiveness / E.S. Bogdan // Actual problems of the humanities and natural sciences. – 2017. – No. 2–4. – S. 17–20.
6. Bayanova, A.R. To the question of the essence of the competitiveness of a teacher of higher education in modern conditions / A.R. Bayanova // Kazan Pedagogical Journal. – 2019. – no. 6 (137). – S. 24–28.
7. Belan, N.V. Study of the development of self-competencies of students in an open educational environment // Tutoring in an open educational space: languages of description and work with the “self” – personal development; the formation of subjectivity; formation of self skills. – 2020. – S. 24–33.
8. Galadzhinsky, E.V. Self – competencies as a “philosopher’s stone” [Electronic resource]. URL: <https://news.tsu.ru/projects/word-to-the-rector/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen/>
9. Gulevataya, A.N. Self-competencies as the core of skill models for homo educandus in the digital world / A.N. Gulevataya // Strategic guidelines for modern education: collection of scientific articles, Yekaterinburg, November 05–06, 2020. Volume Part 1. – Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2020. – P. 225–230. – <https://doi.org/10.26170/Kso-2020-70>.
10. Demin, V.V. Network interaction of a classical research university and the system of general education: experience and prospects / V.V. Demin, E.A. Sukhanova // Informatics and education. – 2015. – No. 6 (266). – P. 3–5.

Социологические инструменты реализации стратегий трудоустройства выпускников вузов

Лурье Алексей Александрович,

аспирант кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: alex.lurye@mail.ru

В данной статье рассматривается стратегия поиска работы выпускниками вузов на современном рынке труда России. Данная тема является актуальной, так как дальнейшая судьба выпускников отечественных вузов и их дальнейшая трудовая деятельность тесно связаны как с вузами, так и с государством. Все знания и опыт, полученные студентами вузов за время их обучения по специальности, дает им определенный интеллектуальный опыт для возможности дальнейшего трудоустройства, а также участия в развитии нашей страны в целом. На сегодняшний день образование является самым важным фактором формирования знаний молодого поколения, которое позволяет им подготовиться к работе в различных сферах, повысить производительность труда, а также экономический рост нашего государства.

Ключевые слова: выпускник, трудоустройство, мотивация, рынок труда, образование.

Введение

В современное время проблема трудоустройства выпускников является актуальной и изучается многими исследователями. Большинство работодателей настороженно относятся к выпускникам, считая их некомпетентными во многих вопросах. Они завышают требования к их трудоустройству или снижают оплату труда. Большинство компаний имеют значительные трудности в подборе кадрового персонала, а выпускники вузов долго находятся в поиске места работы, которое будет соответствовать полученному ими образованию [1].

Большинство работодателей хотят получить от выпускника готового специалиста, которым он не является. После выпуска из вуза молодые люди не всегда готовы к полной профессиональной деятельности и еще находятся на стадии обучения. Таким образом, формируется несоответствие спроса и предложения на рынке труда. Мы наблюдаем дефицит рабочих специалистов в различных областях экономики, с другой стороны, мы видим, что молодые люди, только закончившие университет, являются невостребованными [2].

Целью данной работы является выявление основных стратегических планов трудоустройства выпускников различных вузов на рынке труда России.

Объектом исследования является рынок труда России.

Предметом исследования является перспектива выхода выпускников вузов на рынок труда.

Основная часть

Сегодня мы видим, что количество выпускников по некоторым специальностям не соответствует спросу на них на рынке труда. Ежегодно тысячи российских выпускников выбирают свою судьбу и профессию. Не все из них знают свою профессию с детства, многие еще не определились. Большинство молодых людей затрудняются в выборе будущей профессии, некоторые испытывают давление со стороны родителей и общества и не всегда могут выбрать то, что им нравится [3].

Понятие управленческой компетентности очень важно для формирования компетентности выпускников вузов как будущих профессионалов. Под управленческой компетентностью студентов понимается развитие знаний в области управления образованием и приобретение набора специальных навыков, которые помогут им в будущем с легкостью управлять образовательным процессом [4].

Сегодня перед всеми гражданами нашей страны стоит задача инновационного развития. Понятие инновации связано с внедрением различных изменений, которые позволяют человеку адаптироваться к новым условиям развития и стать конкурентоспособной личностью. Конкурентоспособность личности связана с расширением личных границ для формирования личностных, профессиональных и управленческих компетенций [5].

Многие авторы подчеркивают важность формирования:

1. набора личностных характеристик, позволяющих человеку успешно выполнять поставленные перед ним задачи;

2. профессиональных навыков, позволяющих человеку определять направление своей жизни;

3. системы целей и вектора направленности [6].

Постоянные изменения в системе образования, обновление и реформирование гуманитарной практики требуют формирования различных умений у участников педагогического процесса [7].

С 1990-х годов в российской экономике происходят изменения, которые привели к изменению структуры труда. В последнее время произошли значительные изменения в распределении работников по ключевым отраслям и профессиям, характеризующимся спросом и предложением рабочей силы. Наиболее пострадавшими отраслями являются сельское хозяйство (–33%), обрабатывающая промышленность (–21%), образование (–9%) и добыча полезных ископаемых (–5%). Такие отрасли, как финансы, торговля, гостиницы, строительство, деловые услуги и государственное управление, пока сохраняют необходимую численность работников. Число работников в сфере транспорта, коммунальных и других услуг также увеличилось примерно на 5–10% [8].

Доля фондового рынка увеличилась. Многие выпускники интересуются этим занятием. Сегодня фондовый рынок является самым быстрорастущим сектором финансовой экономики. Фондовая биржа позволяет перераспределять финансовые ресурсы и способствует развитию инвестиционного сектора экономики. Хорошо функционирующий фондовый рынок привлекает необходимые ресурсы для дальнейшего роста. Постоянный анализ инфраструктуры фондового рынка основан на определении приоритетов его развития [9].

По мнению Воробьева, в большинстве западных стран фондовый рынок гораздо более развит, чем в нашей стране. Однако в последнее время отечественный рынок активно развивается, имеет высокий спрос и доходы. Увеличилось и количество частных инвесторов, заинтересованных в дополнительных вложениях. Государственные фондовые биржи и инвестиционные инициативы ускоряют этот рост [10].

Структура занятости в различных секторах также значительно изменилась. Например, теперь на первом месте по числу занятых стоит сектор торговли, а на втором – обрабатывающая промышленность. Это привело к сокращению доли людей, занятых в данном виде производства, и повлияло на количество выпускников, необходимых в этом секторе. Тем не менее, промышленное перераспределение мало повлияло на растущий уровень безработицы в стране [11].

За последние два десятилетия доля первичного сектора в экономике снизилась. Это повлияло на развитие сельского хозяйства и рыболовства. Их доля сократилась с 15% до 9,5%. Доля вторичных отраслей упала с 31,1% до 26% (строительство и промышленные услуги). С другой стороны, сектор услуг, который относится к третичному сектору, увеличился: с 56,2% до 64,2% [12].

Кроме того, очевидным является неустойчивое положение молодежи на рынке труда. Общие признаки, характеризующие эту ситуацию, включают отсутствие опыта работы в вузе, отсутствие профессиональной подготовки, неопределенность жизненных установок и отсутствие опыта работы в коллективе. На молодежном рынке труда существует множество проблем, связанных с неопределенностью их трудоустройства, нестабильностью спроса и предложения и низкой конкуренцией между группами молодежи. Более того, большинство выпускников не заинтересованы в поиске работы по специальности [13].

Риск безработицы среди молодых людей достаточно высок, и, кроме того, они вряд ли зарегистрируются

на рынке труда, что делает невозможным точное определение количества безработных среди них [14].

Выпускники вузов часто не могут найти работу по своей специальности и поэтому работают на рабочих местах другого профиля. Кроме того, существует гендерное неравенство, связанное с тем, что трудоустройству мужчин уделяется больше внимания, чем трудоустройству женщин [15]. Пример стратегий трудоустройства студентов вузов представлен ниже (таблица 1) [16].

Таблица 1. Стратегии трудоустройства студентов

Стратегия	Характеристика
Активно-целевая профессионально ориентированная стратегия поиска работы	Состоит из комбинации отдельных элементов: а) целенаправленный выбор профессии в соответствии с ведущими свойствами и качествами личности и отсутствие разочарования в выборе профессии; б) качественное овладение проф. знаниями; в) раннее вхождение в трудовую среду и приобретение проф. опыта; г) доминирование установок на проф. и карьерный рост.
Пассивно-целевая профессионально ориентированная стратегия поиска работы	Предопределяет наличие: а) целенаправленного выбора профессии; б) качественного овладения профессиональными знаниями; в) позднее вхождение в трудовую среду и приобретение профессионального опыта; г) отсутствие значимо выраженных установок на проф. и карьерный рост.
Случайная профессионально ориентированная стратегия поиска работы	Характерны: а) ошибочный выбор профессии; б) слабая готовность постигать профессию; в) умеренная настроенность изменить сложившуюся ситуацию с наименьшими потерями ресурсов.
Стратегия внецелевого выбора	Предполагает наличие ситуации ошибочного выбора области проф. реализации и слабую настроенность на изменение ситуации.

Следует отметить, что успех в любой профессии зависит от таких факторов, как мотивация, которая формируется у студента в период обучения в вузе. Дальнейшие стратегии поиска работы напрямую связаны с этим понятием. Успех любой профессиональной деятельности зависит от способностей, мотивации и ситуационных характеристик каждого человека в выбранной деятельности [17].

Профессиональная мотивация – это система потребностей и способностей, которая позволяет студентам активно участвовать в какой-либо деятельности и приобретать новые навыки, которые впоследствии могут быть применены на рабочем месте. Мотивация также связана с интересом и осознанием человеком профессиональной деятельности. Внутренняя мотивация связана с личностью и подсознанием человека. Деятельность конкретно связана с процессом, с помощью которого человек достигает удовлетворения. Когда человек мотивирован, он нацелен исключительно на положительный результат [18].

Анализ научных исследований по данной теме подтверждает следующие положения:

1. Педагогические условия, формирующие мотивацию к профессиональной деятельности выпускников вузов и позволяющие продолжить работу:

а) создание и практическая реализация педагогических программ, способствующих формированию мотивации выпускников вузов;

б) методические рекомендации и практическая реализация психолого-педагогических программ, способствующих формированию мотивации к дальнейшей профессиональной деятельности;

в) создание специальной мотивационно-развивающей среды в учебных заведениях для формирования навыков и подготовки студентов к профессиональной деятельности [19].

2. Педагогические технологии, направленные на формирование и поддержание мотивации выпускников образовательных учреждений, можно разделить на:

а) определение ментальных и мотивационных характеристик и целей, которые студенты должны достичь во время и после обучения;

б) прогнозирование мотивации студентов с помощью опросов и диагностических методов;

в) образовательное взаимодействие (проектирование и реализация образовательного взаимодействия между студентами, преподавателями и тьюторами с целью формирования мотивации к профессиональной деятельности);

г) осуществление оценочной деятельности для проверки эффективности образовательных интервенций, направленных на развитие мотивации, и их последующего влияния на выпускников;

д) совершенствование учебных материалов и учебников, используемых в образовательных учреждениях;

е) создание условий для того, чтобы студенты могли зарабатывать на жизнь в перерывах между учебной, создавая среду мотивации и развития.

3. Основными элементами используемой программы являются:

а) применение комплексных методик, направленных на мотивирование студентов на обучение и дальнейшую профессиональную деятельность;

б) создание благоприятной среды и позитивного отношения студентов с выбранной профессией;

в) выявление негативно настроенных студентов, психолого-педагогическая работа с ними;

г) итоговая диагностика и анализ уровня сформированности мотивации профессиональной деятельности выпускников вуза [20].

Заключение

Подводя итоги, хочется сказать о том, что рынок труда молодых специалистов занимает большую долю в общем рынке труда. Между рынком труда и образовательными услугами, оказываемыми выпускникам, существует некоторый разрыв, который требует от выпускников проявления аналитических способностей, позволяющих им занять свое место в структуре экономики страны. Большинство выпускников вузов являются талантливыми людьми, которым необходимо место, которое позволит им проявить свои профессиональные способности.

Как отмечалось выше, в России имеется огромная проблема с трудоустройством выпускников вузов. Большинство молодых специалистов идут работать не по специальности, потому что не находят себе достойного места. Некоторые из них выбирают себе иную специализацию и вновь проходят обучение. Желаящих найти работу очень много. Какие-то сектора деятельности не имеют открытых вакансий, а какие-то пустуют вследствие дефицита кадров. Это связано с субъективной оценкой «престижа» той или иной профессии. Главной стратегией поиска работы выпускниками можно счи-

тать формирование у них определенных качеств и профессиональной мотивации на дальнейшую деятельность. Также, важным является необходимость налаживания связей между рыночными субъектами – выпускниками вузов и работодателями. Данная связь должна зарождаться уже в период обучения, между учебными заведениями и службами занятости, работодателями, компаниями. В настоящее время такие механизмы созданы, но не работают должным образом.

Большую роль играет деятельность сети Интернет, СМИ, рекрутинговых компаний и служб занятости. Через них выпускники могут видеть имеющиеся вакансии и получать необходимую информацию.

Большой проблемой становится и то, что работодатели часто отвергают специалистов без опыта, и они становятся невостребованными.

Литература

1. Багирова, З.К. Сущность управленческой культуры будущего руководителя в образовании: [Текст] / З.К. Багирова, Г.М. Гаджиев // Омский науч. вестник. – Омск, 2017. – № 4. – С. 23–26.
2. Веснин, В.Р. Основы менеджмента / В.Р. Веснин – 4-е изд., доп. и испр. – М.: ООО «Изд-во Элит», 2014.
3. Вебер, Э.И. Положение российской молодежи на рынке труда // ГосБук. URL: <http://www.gosbook.ru/document/37745/37779/preview> (дата обращения 20.12.2015).
4. Волковская, Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 52–60.
5. Грабун, В.В. Талант-менеджмент как неотъемлемая часть современной системы управления персоналом в учреждениях культуры и искусств // Огарёв-Online. 2018. № 3 (44). URL: (Дата обращения: 25.12.2019).
6. Ерофеева Н.Ю., Селиверстова М.В. Требования к профессиональной компетентности учителя при переходе к новым экономическим условиям. [Текст] Н.Ю. Ерофеева, М.В. Селиверстова // УЧИТЕЛЬ XXI ВЕКА: стратегии профессионального взаимодействия и саморазвития: Материалы Всеросс. науч. – практ. конф. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2018. – 475 с. – 0,3 п.л. (авт. – 0,15 п.л.).
7. Ефремова, Ж.Д. Образование и рынок труда: необходимость перемен // Социологически исследования в малом городе. URL: <http://www.smalltown.siteedit.ru/home/2/7/> (дата обращения: 23.05.2014).
8. Каратабан, И.А. Социологический анализ процесса трудоустройства выпускников высших учебных заведений в современной России // Теория и практика общественного развития. URL: <http://www.teoriapRACTICA.ru/-3-2011/sociologiya/karataban.pdf> (дата обращения: 19.05.2014).
9. Колупаева, А. А. О совершенствовании муниципальной управленческой практики: по материалам прикладного исследования / А.А. Колупаева // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 6 (80). – С. 173–179.
10. Лебедев, В.В., Белая А.В., Краева И.А. Роль и место вузовских центров содействия трудоустройству выпускников в системе управления качеством подготовки специалистов // Вестник ННГУ. – 2006. – Вып. 1 (7). – С. 245–267.
11. Михалько, В.А. Формы государственной поддержки занятости выпускников в условиях финансово-экономического кризиса // Карьерист. URL: <http://>

- www.career-st.ru/specialist/docladi/6 (дата обращения: 19.09.2015).
12. Насибуллин, Р.Р. Молодежь на рынке труда крупного города // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 140–142.
 13. Нелюбина, А.А. Особенности положения молодежи на современном российском рынке труда. URL: <http://www.psu.ru/psu/files/4802/nelyubina.doc> (дата обращения: 19.10.2015).
 14. О ситуации с трудоустройством выпускников образовательных учреждений профессионального образования всех уровней // Карьерист. URL: http://www.career-st.ru/career_cruising/lib/92 (дата обращения: 19.05.2015).
 15. Панкратова, Т.Б. Молодежный сегмент рынка труда Томской области // Рынок труда и рынок образовательных услуг. Регионы России. URL: <http://www.labourmarket.ru/conf8/reports/pankratova.doc> (дата обращения: 19.05.2015).
 16. Погорелов, Е.С. Проблема востребованности выпускника вуза на современном рынке труда // Проблема подготовки высококвалифицированных специалистов в условиях реформирования образования: [Электронный ресурс]. 2013 № 5. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/163/2366> (Дата обращения: 02.12.2016).
 17. Соколова, Г.Н. Социология труда. – Минск: Высшая школа, 2002. – 320 с. Экономическая социология: учеб. пособие. – М.: КДУ, 2019. – Т. 2. – 356 с.
 18. Тенденции на рынке труда // Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_04/lssWWW.exe/Stg/d03/2-rin-trud.htm (дата обращения: 14.05.2015).
 19. Федосеев, В.Н., Капустин С.Н. Управление персоналом организации. Учебное пособие. – М.: Экзамен, 2013.
 20. Царёва, А.В. Ролевые игры живого действия: определение исследовательского подхода / А.В. Царёва // Социум и власть. – 2014. – № 3 (47) – С. 14–20.
 2. Vesnin, V.R. Fundamentals of Management / V.R. Vesnin – 4th ed., supplement. and ispr. – M.: LLC “Publishing House of Elite”, 2014.
 3. Weber, E.I. The situation of Russian youth in the labor market // Gosbook. URL: <http://www.gosbook.ru/document/37745/37779/preview> (accessed 20.12.2015).
 4. Volovskaya, N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V. Unoccupied population and self-employment in the Siberian region // Sociological research. – 2015. – No. 5. – pp. 52–60.
 5. Grabun, V.V. Talent management as an integral part of the modern personnel management system in cultural and arts institutions // Ogarev-Online. 2018. No.3 (44). URL: (Accessed: 12/25/2019).
 6. Erofeeva N. Yu., Seliverstova M.V. Requirements for the professional competence of a teacher in the transition to new economic conditions. [Text] N. Yu. Erofeeva, M.V. Seliverstova // TEACHER of the XXI CENTURY: strategies of professional interaction and self-development: Materials of the All-Russian Scientific. – practical conference – Izhevsk: Publishing House «Udmurt University», 2018. – 475 p. – 0.3 p.l. (author – 0.15 p.l.).
 7. Efremova, Zh.D. Education and the labor market: the need for change // Sociological research in a small town. URL: <http://www.smalltown.siteedit.ru/home/2/7/> (accessed: 05/23/2014).
 8. Karataban, I.A. Sociological analysis of the process of employment of graduates of higher educational institutions in modern Russia // Theory and practice of social development. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2011/sociologiya/karataban.pdf> (date of reference: 19.05.2014).
 9. Kolupaeva, A.A. On improving municipal management practice: based on the materials of applied research / A.A. Kolupaeva // Bulletin of the VEG. – 2015. – № 6 (80). – Pp. 173–179.
 10. Lebedev, V.V., Belaya A.V., Kraeva I.A. The role and place of university centers to promote the employment of graduates in the quality management system of training specialists // Bulletin of the UNN. – 2006. – Issue 1 (7). – pp. 245–267.
 11. Mikhalko, V.A. Forms of state support for graduate employment in conditions of financial and economic crisis // Careerist. URL: <http://www.career-st.ru/specialist/docladi/6> (date of reference: 09/19/2015).
 12. Nasibullin, R.R. Youth on the labor market of a large city // Sociological research. – 2007. – No. 11. – pp. 140–142.
 13. Nelyubina, A.A. Features of the situation of youth in the modern Russian labor market. URL: <http://www.psu.ru/psu/files/4802/nelyubina.doc> (date of application: 19.10.2015).
 14. About the situation with the employment of graduates of educational institutions of vocational education at all levels // Careerist. URL: http://www.career-st.ru/career_cruising/lib/92 (accessed: 05/19/2015).
 15. Pankratova, T.B. The youth segment of the labor market of the Tomsk region // Labor market and the market of educational services. Regions of Russia. URL: <http://www.labourmarket.ru/conf8/reports/pankratova.doc> (date of reference: 19.05.2015).
 16. Pogorelov, E.S. The problem of the demand for a university graduate in the modern labor market // The problem of training highly qualified specialists in the conditions of education reform: [Electronic resource]. 2013 No.5. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/163/2366> (Accessed: 02.12.2016).
 17. Sokolova, G.N. Sociology of labor. – Minsk: Higher School, 2002. – 320 p. Economic Sociology: studies. manual. – Moscow: KDU, 2019. – Vol. 2. – 356 p.
 18. Trends in the labor market // Rosstat. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_04/lssWWW.exe/Stg/d03/2-rin-trud.htm (date of application: 14.05.2015).
 19. Fedoseev, V.N., Kapustin S.N. Personnel management of the organization. Textbook. – M.: Exam, 2013.
 20. Tsareva, A.V. Live action role-playing games: definition of a research approach / A.V. Tsareva // Society and power. – 2014. – № 3 (47) – Pp. 14–20.

SOCIOLOGICAL TOOLS FOR IMPLEMENTING EMPLOYMENT STRATEGIES FOR UNIVERSITY GRADUATES

Lurye A.A.

North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

This article discusses the strategy of job search by university graduates in the modern labor market of Russia. This topic is relevant because the future fate of graduates and their work activities are closely linked with universities and the state. All the acquired knowledge and experience of teaching students gives them a certain intellectual experience for further employment and participation in the development of the country as a whole. Education is the most important factor in the formation of knowledge of the younger generation, which allows them to prepare for work in various fields, increase labor productivity and economic growth of our state.

Keywords: graduate, employment, motivation, labor market, education.

References

1. Bagirova, Z.K. The essence of the managerial culture of the future leader in education: [Text] / Z.K. Bagirova, G.M. Gadzhiev // Omsk Scientific. herald. – Omsk, 2017. – No. 4. – pp. 23–26.

Социальные аспекты лесных пожаров (на примере Хабаровского края)

Тринадцатко Ольга Алексеевна,
старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
E-mail: olga.demidko@yandex.ru

Данная статья посвящена проблематике влияния лесных пожаров на социальные аспекты жизни населения Хабаровского края. Сегодня считается общепризнанным тот факт, что лесные пожары являются мощнейшим природным и антропогенным фактором, способным значительно и в кратчайшие сроки изменить не только состояние лесов, но и нанести урон экономике и населению региона. В статье представлен анализ влияния лесных пожаров на территории Хабаровского края, оказывающего существенное воздействие на качество жизни населения края, включая опасность для жизни и здоровья человека. Автором проводится анализ научных исследований отечественных авторов по указанной проблематике с целью выявления социальных причин возникновения лесных пожаров, делается вывод о человеческом факторе лесных пожаров. На этой основе представляется модель социальных рисков возникновения лесных пожаров. В статье приводятся статистические данные, позволяющие сделать вывод о степени горимости лесных массивов на территории Хабаровского края, а также данные о количестве зарегистрированных лесных пожаров на указанной территории. Автором сделан вывод о том, что последствия лесных возгораний на территории Хабаровского края охватывают все сферы жизни населения (социальную, экологическую, экономическую). Как результат проведенного анализа, автором представлена модель последствий лесных пожаров, как совокупности экологического, социального и экономического ущерба. Немаловажным остается аспект управления пожароопасной ситуаций в лесах на территории Хабаровского края. Система управления пожароопасной ситуацией должна решаться в эффективном сотрудничестве органов власти и населения края.

Ключевые слова: социальные аспекты, социальные риски, лесные пожары, качество жизни, Хабаровский край, население, горимость.

Введение

Лесной массив на территории Хабаровского края – это один из основных возобновляемых природных ресурсов, основным назначением которого является удовлетворение потребностей современного общества, а также выполнение значимых важных функций: средообразующей и средозащитной. На любом этапе современного развития лесного хозяйства устойчивое управление лесами, осуществление их защиты и воспроизводства, а также многоцелевое и рациональное использование выступают стратегически необходимой и важной общественной задачей.

Основной проблемой лесного хозяйства Хабаровского края на сегодняшний день остаются лесные пожары, которые наносят существенный вред не только экологии и экономике, но еще и значительно влияют на качество жизни населения края.

Немаловажное значение, ведущее к возникновению пожароопасной ситуации в лесах, приобретают социальные факторы, определяющие наличие антропогенных источников огня. Особая роль при этом отводится населению, проживающему в пунктах, размещенных в радиусе до 100 км от леса. Наличие различных промышленных предприятий и объектов, чья деятельность связана с лесной отраслью, также ведет к повышению антропогенной пожарной опасности лесной территории. Развитая и постоянно расширяющаяся транспортная сеть значительно облегчает доступность населения в лес, что также влияет на увеличение численности антропогенных источников огня. Наибольшее значение приобретают автомобильные и железные дороги, а также судоходные реки.

К особой группе относятся причины пожаров, связанные с социальными факторами. Необходимо отметить, что большое количество лесных пожаров начинается по причине неосторожного и невнимательного обращения населения с огнем, например, курение и разведение костров в лесу. Также нельзя исключать возможность умышленных поджогов.

На рисунке 1 автор приводит основные социальные факторы, определяющие риски возникновения пожароопасных ситуаций в лесах.

Кроме исследований, направленных на ликвидацию и профилактику лесных пожаров, также проводимые научные изыскания направлены на раскрытие причин повышенной пожарной опасности в лесах Хабаровского края.

Статистические данные Сводного плана тушения лесных пожаров (Сводный план тушения лесных пожаров на территории Хабаровского края на период пожароопасного сезона 2022 года, утвержденный Губернатором Хабаровского края 03.03.2022 г.) на территории Хабаровского края на период пожароопасного сезона 2022 года, показывают, что около 75% всех лесных возгораний на территории края происходит от антропогенных источников огня, в основном, по вине местного населения, и 25% от природных факторов.

Анализ научных источников

Белосеркович А.В. [1] отмечает, что данные многолетних проводимых лесопожарных исследований опре-

деленно свидетельствуют, что основным виновником возникновения лесных пожаров в Хабаровском крае

является человек. По его вине возникает более 80% всех пожаров.

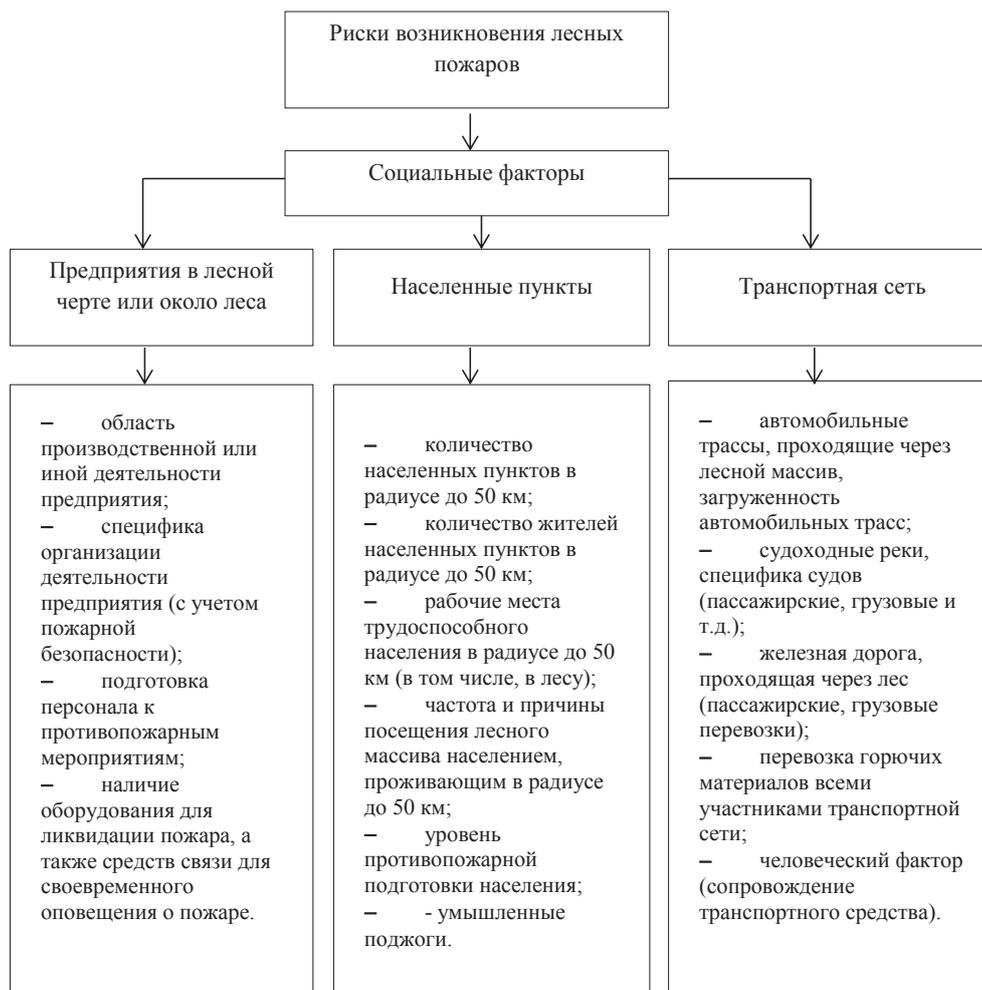

Рис. 1. Основные социальные факторы рисков возникновения пожароопасности в лесах (составлено автором)

Волужев Е.А. [2], Саяпина О.Н. [2] проведя анализ данных о причинах возгораний в лесах Хабаровского края за период 2016–2020 гг., делают вывод, что по вине человека возникает от 45% до 75% лесных пожаров. Для примера, в период с 14 февраля по 11 ноября 2019 года на землях лесного фонда Хабаровского края было зарегистрировано 497 лесных пожаров, а пройденная огнем территория лесного фонда составила 314,9 тыс. га. Из них по вине человека возникло 270 пожаров, что составляет 57% от их общего количества. Из этого следует, что проводимые мероприятия по профилактике среди населения недостаточны, либо не отвечают современным тенденциям информационной коммуникации в обществе.

Климина Е.М. [3], Остроухов А.В. [3], Купцова В.А. [3] при проведении анкетирования и социологического исследования сельских населенных пунктов Приамурья (Нижняя Манома, Верхняя Манома, Арсеньев и Дада), приходят к выводу о том, что пожароопасность в лесах 63% респондентов рассматривают как прямую угрозу, а их возникновение связывают с человеческой деятельностью. Главными виновниками лесных пожаров большинством респондентов были определены туристы и отдыхающие (73,3%), к которым жители сельской местности относятся, прежде всего, горожан, а также всех, кто не знаком с правилами безопасного поведения в лесу. Также, по мнению существенной части респондентов, повышенная пожароопасность в лесах связана, с сотрудниками пред-

приятий, осуществляющих профессиональную деятельность в лесу (31,1%).

Орлов А.М. [4], Андреев Ю.А. [4], Чаков В.В. [4], Позднякова В.В. [4] в своем исследовании отмечают, что вине человека возникает более 80% всех лесных возгораний. К главным нарушителям правил пожарной безопасности в лесу, вблизи населенных пунктов и дорог, можно отнести сборщиков недревесных лесных ресурсов (папоротник, ягода, грибы, орехи и т.д.), а в более удаленных местах – охотники и рыбаки.

Авторы также отмечают, что в Хабаровском крае за период 1995–1999 гг. в среднем возникало около 800 пожаров в год, при этом средняя площадь одного пожара составляла более 500 га.

В последние годы (2015–2020 гг.) в среднем возникает 300–400 пожаров в год, что подтверждается статистическими данными, приведенными в таблице 1.

Приведенные статистические данные позволяют сделать вывод о высокой горимости лесного массива на территории Хабаровского края.

По данным Государственной программы «Развитие лесного хозяйства в Хабаровском крае» (Государственная программа Хабаровского края «Развитие лесного хозяйства в Хабаровском крае». Утверждена постановлением Правительства Хабаровского края от 09.06.2012 г. № 195-пр (в редакции постановления Правительства Хабаровского края от 30.03.2022 г. № 157-пр)) на охраняемой территории лесов Хабаровского края каждый год обнаруживаются и регистрируются сотни лесных воз-

гораний, охватывающие значительные площади. Статистические данные о количестве зарегистрированных

лесных пожаров на охраняемой территории лесов Хабаровского края представлены в таблице 2.

Таблица 1. Количество и площадь пожаров, возникших в лесном фонде Хабаровского края за 1995–2020 гг. по периодам

Период, гг.	Количество пожаров, шт.	Количество в среднем за 5 лет, шт.	Площадь пожаров, тыс. га	Площадь в среднем за 5 лет, тыс. га	Средняя площадь одного пожара, га
1995–1999	3939	788	2181,3	436,3	553,8
2000–2004	3378	676	434,3	86,9	128,6
2005–2009	2548	510	1052,3	210,5	413,0
2010–2014	1973	395	556,9	111,4	282,2
2015–2018	1306	261	393,2	78,6	301,1
2019–2020	928	186	247,0	49,4	266,2

Источник: Орлов А.М. [4], Андреев Ю.А. [4], Чаков В.В. [4], Позднякова В.В. [4] Пожарная обстановка в лесах Хабаровского края. Хабаровск. АО «Хабаровская краевая типография». 2022.

Таблица 2. Количество зарегистрированных лесных пожаров на охраняемой территории лесов Хабаровского края

Год	Зарегистрировано лесных пожаров (шт.)	Площадь лесных пожаров (тыс. гектаров)
2012	677	352,4
2013	186	26,8
2014	433	64,3
2015	165	10,5
2016	273	97,3
2017	356	135,0
2018	447	451,3
2019	479	314,8
2020	418	238,7
2021	434	198,6

Источник: Государственная программа Хабаровского края «Развитие лесного хозяйства в Хабаровском крае». Утверждена постановлением Правительства Хабаровского края от 09.06.2012 г. № 195-пр (в редакции постановления Правительства Хабаровского края от 30.03.2022 г. № 157-пр). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700202203310005> (дата обращения: 10.12.2022).

Рис. 2. Структура негативных последствий лесных пожаров О.В. Зайченко

Приведенные данные показывают, что Хабаровский край отличается повышенной пожароопасностью. Наи-

более горимыми являются 2012 г., а также 2018, 2019, 2020 гг.

Рис. 3. Последствия лесных пожаров, как комплексная проблема экологических, социальных и экономических последствий (составлено автором)

Последствия лесных пожаров на территории Хабаровского края охватывают все сферы жизни населения.

Зайченко О.В. [5] предлагает следующую структуру негативных последствий лесных пожаров, представленную на рисунке 2.

Блохина А.А. [6] отмечает, что лесные пожары значительно влияют и наносят ущерб не только экономическим процессам, но и ухудшают экологическую ситуацию. Пожарами уничтожаются лесные массивы, как один из важнейших ресурсов Хабаровского края, а также загрязняется и задымляется окружающая среда, что представляет чрезвычайную опасность как для обще-

ства, так и для животных. По причине лесных возгораний прерывается ведение лесного хозяйства, а также существенно снижаются полезные функции леса.

Подрезов Ю.В. [7], Диденко С.Л. [7], Ермаков С.Г. [7] в своем исследовании приходят к выводу, что лесному комплексу свойственны важнейшие экономические, экологические и социальные функции. Возгорания в лесах влекут полное уничтожение или значительное снижение возможностей леса по осуществлению приведенных функций. Трудно провести стоимостную оценку социальной функции леса, но прекращение или снижение социальной роли леса может привести: к ухудшению здоровья населения; к сни-

жению трудовой деятельности и продолжительности жизни; стрессовым состояниям общества и т.п..

Сергеева Н.М. [8] указывает, что последствия лесных пожаров всегда имеют негативный характер. Лесные пожары, в первую очередь, приводят к радикальному изменению экосистем пострадавшего региона, что позже сказывается самым серьезным образом на социально-экономической системе. Самое страшный исход лесных пожаров – это человеческая гибель, в том числе, спасателей и пожарных. Однако существенный вред причиняется и экономике – в период лесных пожаров уничтожаются земли, предназначенные для ведения сельского хозяйства, гибнет урожай, разрушаются или значительно ухудшаются инфраструктуры, жилые и промышленные здания, железнодорожные и автомобильные дороги, телекоммуникационные сети и т.д.

Вечерская Е.С. [9] приходит к выводу, что при оценке последствий лесных пожаров, прежде всего необходимо учитывать размеры прямого ущерба, а именно, прямая угроза жизни населения, объектам производства, природным объектам, в том числе, имеющим культурно-историческое значение, объемам поврежденной деловой древесины, сохранению биоразнообразия. В то же время необходимо учитывать и косвенный ущерб от лесных пожаров, который обусловлен ухудшением здоровья людей, вследствие длительной задымленности, и снижением результативной работы всех промышленных и иных предприятий, находящихся в зоне задымления или пожароопасной зоне.

Зиновьева И.С. [10] в своем исследовании отмечает, что лесные пожары обязательно вызывают огромные денежные потери, они также влекут за собой ухудшение состояния окружающей среды и наносят вред здоровью человека. Автор разделяет последствия лесных пожаров на две группы:

1) природные – истребление растительного и животного мира; качественное изменение и опустынивание земель; ухудшение состояния водных источников, оказавшихся в пожароопасной зоне.

2) для общества – выброс в атмосферу вредных веществ, уничтожение лесных площадей, отведенных под заготовку древесины; значительные потери или полное уничтожение огнём жилых домов и хозяйственных объектов; ухудшение качества воздуха и воды в результате повышенной задымленности территорий, находящихся в пожароопасной зоне.

Выставкина Е.В. [11] отмечает, что лесные пожары весьма разрушительны как для населения, так и для лесных экосистем. Опасность пожаров обусловлена негативным воздействием, в том числе, и на экологическую ситуацию, что отрицательно влияет на качество жизни населения.

Основные результаты исследования

Таким образом, автор приходит к выводу, что последствия лесных пожаров и их влияние на условия и качество жизни населения Хабаровского края необходимо рассматривать, как комплексную проблему, представленную на рисунке 3.

Заключение

Лесные пожары, имея негативные последствия, наносят не только экономические убытки, но и влекут последствия для экологии. Необходимо отметить, что лесные пожары – это также социальная проблема. Как показал проведенный анализ, первостепенным, среди причин возникновения лесных пожаров на территории Хабаровского края, является человеческий фактор. Последствия

лесных пожаров, в первую очередь, затрагивают население края, воздействуя на условия и качество жизни в различных областях.

Не вызывает сомнений, что проблемы лесного комплекса, приводящие к затруднению их использования и воспроизводства, в целях повышения уровня и качества жизни населения, носят комплексный характер и требуют скоординированной работы органов государственной власти разного уровня, а также привлечение населения к существующим актуальным проблемам в лесной отрасли на территории Хабаровского края.

Литература

1. Белосеркович А.В. Роль лесных пожаров в изменении экосистем в региональном аспекте на примере Хабаровского края // Молодой ученый. 2016. № 3 (107). С. 381–385 URL: <https://moluch.ru/archive/107/25524/> (дата обращения: 30.11.2022).
2. Волужев Е.А., Саяпина О.Н. Антропогенные проблемы профилактики лесных пожаров на территории Хабаровского края // Вестник науки и образования. 2021. № 4–1 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropogennye-problemy-profilaktiki-lesnyh-pozharov-na-territorii-habarovskogo-kрая> (дата обращения: 30.11.2022).
3. Климина Е. М., Остроухов А.В., Купцова В.А. Социально-экономические и экологические проблемы сельских поселений Приамурья // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. № 3. С. 219–227.
4. Орлов А.М., Андреев Ю.А., Чаков В.В., Позднякова В.В. Пожарная обстановка в лесах Хабаровского края. Хабаровск. АО «Хабаровская краевая типография». 2022. 160 с.
5. Зайченко О.В. Разработка методов оценки воздействия лесного пожара на воздушную среду населенных территорий. автореф. дисс. на соискание ученой степени к.т.н. Владивосток. 2005. 27 с.
6. Блохина А.А. Лесные пожары как угроза экономической безопасности в лесном комплексе // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XIV международной научно-практической конференции. Курск, 01–02 июня 2019 года. Курск. Юго-Западный государственный университет. 2019. – С. 64–68.
7. Подрезов Ю. В., Диденко С.Л., Ермаков С.Г. Особенности оценки последствий и ущерба от лесных пожаров // Технологии гражданской безопасности. 2020. Т. 17. № 3(65). С. 4–6.
8. Сергеева Н. М. О проблеме лесных пожаров и их социально-экономических последствиях // Региональный вестник. 2020. № 16(55). С. 62–63.
9. Вечерская Е.С. Профилактика лесопожарной обстановки в Хабаровском крае // Экология: синтез естественно-научного, технического и гуманитарного знания: материалы III Всероссийского научно-практического форума и I Школы интерэкоправа. Саратов. 10–13 октября 2012 года. Саратов: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. 2012. С. 161–164.
10. Зиновьева И. С., Пухова А.М. Лесные пожары в России: причины и последствия // Державинские чтения: Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Тамбов. 29 апреля 2020 года / Отв. редактор Е.А. Колесниченко. Тамбов. Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина. 2020. С. 19–25.

11. Выставкина Е.В. Вопрос лесных пожаров // The Scientific Heritage. 2021. № 78–2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-lesnyh-pozharov> (дата обращения: 30.11.2022).

SOCIAL ASPECTS OF FOREST FIRES (ON THE EXAMPLE OF THE KHABAROVSK TERRITORY)

Trinadtsatko O.A.

Pacific National University

This article is devoted to the problems of the impact of forest fires on the social aspects of the life of the population of the Khabarovsk Territory. Today it is generally recognized that forest fires are a powerful natural and anthropogenic factor that can significantly and in the shortest possible time change not only the state of forests, but also cause damage to the economy and population of the region. The article presents an analysis of the impact of forest fires on the territory of the Khabarovsk Territory, which has a significant impact on the quality of life of the population of the region, including the danger to human life and health. The author analyzes the scientific research of domestic authors on this issue in order to identify the social causes of forest fires, concludes about the human factor of forest fires. On this basis, a model of social risks of forest fires is presented. The article provides statistical data that allow us to conclude about the degree of burning of forests in the Khabarovsk Territory, as well as data on the number of registered forest fires in this territory. The author concludes that the consequences of forest fires in the Khabarovsk Territory cover all spheres of life of the population (social, environmental, economic). As a result of the analysis, the author presents a model of the consequences of forest fires as a combination of environmental, social and economic damage. The aspect of managing fire-hazardous situations in forests in the Khabarovsk Territory remains important. The fire hazard management system should be solved in effective cooperation between the authorities and the population of the region.

Keywords: social aspects, social risks, forest fires, quality of life, Khabarovsk Territory, population, burnability.

References

1. Beloserkovich A.V. The role of forest fires in changing ecosystems in the regional aspect on the example of the Khabarovsk Territory // *Young scientist*. 2016. No. 3 (107). pp. 381–385
2. Voluzhev E.A., Sayapina O.N. Anthropogenic problems of forest fire prevention in the Khabarovsk Territory // *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2021. No. 4–1 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropogennyye-problemy-profilaktiki-lesnyh-pozharov-na-territorii-khabarovskogo-kрая> (date of access: 11/30/2022).
3. Klimina E. M., Ostroukhov A.V., Kuptsova V.A. Socio-economic and environmental problems of rural settlements in the Amur region // *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2021. V. 7. No. 3. S. 219–227.
4. Orlov A.M., Andreev Yu.A., Chakov V.V., Pozdnyakova V.V. Fire situation in the forests of the Khabarovsk Territory. Khabarovsk. JSC “Khabarovsk regional printing house”. 2022. 160 p.
5. Zaichenko O.V. Development of methods for assessing the impact of a forest fire on the air environment of populated areas. abstract diss. for the degree of Ph.D. Vladivostok. 2005. 27 p.
6. Blokhina A.A. Forest fires as a threat to economic security in the forest complex // *Actual problems of development of economic entities, territories and systems of regional and municipal management: materials of the XIV international scientific and practical conference*. Kursk, 01–02 June 2019. Kursk. Southwestern State University. 2019. – S. 64–68.
7. Podrezov Yu. V., Didenko S.L., Ermakov S.G. Features of assessing the consequences and damage from forest fires. *Tekhnologii grazhdanskogo bezopasnosti*. 2020. V. 17. No. 3(65). pp. 4–6.
8. Sergeeva N.M. On the problem of forest fires and their socio-economic consequences // *Regional Bulletin*. 2020. No. 16(55). pp. 62–63.
9. Vecherskaya E.S. Prevention of the forest fire situation in the Khabarovsk Territory // *Ecology: synthesis of natural science, technical and humanitarian knowledge: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Forum and the I School of Intercoprav*. Saratov. October 10–13, 2012. Saratov: Eurasian Research Institute for Problems of Law. 2012, pp. 161–164.
10. Zinovieva I. S., Pukhova A.M. Forest fires in Russia: causes and consequences // *Derzhavin Readings: Proceedings of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference*. Tambov. April 29, 2020 / Rep. editor E.A. Kolesnichenko. Tambov. Tambov State University named after G.R. Derzhavin. 2020. S. 19–25.
11. Vystavkina E.V. The issue of forest fires // *The Scientific Heritage*. 2021. No. 78–2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-lesnyh-pozharov> (date of access: 11/30/2022).

Социологическое исследование причин переезда трудовых мигрантов: на примере Самарской области

Пустарнакова Анна Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
E-mail: aa.pustarnakova@yandex.ru

Помогаева Олеся Валерьевна,

магистрант кафедры социологии и культурологии, программы «Межэтнические отношения в современной России», Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
E-mail: ole-pomo@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей трудоустройства современных мигрантов на примере Самарской области. В работе проводится анализ результатов эмпирического исследования, основными задачами которого было изучение причин переезда в Российскую Федерацию с последующим трудоустройством, анализ процесса трудоустройства и особенностей трудоустройства мигрантов на территории Самарской области. Материалом для анализа послужили данные качественных интервью с мигрантами. Всего в исследовании приняли участие 12 информантов из числа мигрантов трудоспособного возраста, мужчины и женщины.

В результате проведенного исследования было выявлено, что одной из основных причин трудовой миграции именно в Российскую Федерацию информанты называют русский язык, так как знание языка страны облегчает интеграцию в социум, увеличивает шансы на хорошее трудоустройство и профессиональное развитие. Самарская область является привлекательным регионом для трудовых мигрантов по уровню оплаты труда, а также по возможностям профессионального становления личности и экономической стабильности. Многие мигранты приезжают к своим родственникам и знакомым по их рекомендациям.

Ключевые понятия: миграционные процессы, трудовая миграция, трудовой мигрант, трудовая деятельность иностранного гражданина.

В истории цивилизации миграция выступает неотъемлемой составной частью жизни народов, способом существования человека в меняющейся действительности. На самых ранних стадиях своего развития человек как разумное существо передвигался в целях выживания на новые земли, реагируя тем самым на истощение флоры и фауны, процесс увеличения численности населения в той или иной местности.

В современном мире отчетливо просматривается общая тенденция к глобализации. Все национальные экономики постепенно втягиваются в единый глобальный производственный процесс. В этих условиях формирование международного рынка труда имеет большое значение. Межэтническая трудовая миграция выступает ключевым и одним из важнейших факторов формирования международного рынка труда. Он неразрывно включен в контекст процессов глобализации и, таким образом, становится неотъемлемой частью современной глобальной экономики, которая, в свою очередь, формирует «социальное лицо глобализации». Именно благодаря этим факторам возрастает роль трудовой миграции, как для отдельного государства, так и для мировой экономики в целом [1, с. 22].

Для современной России вопрос выявления влияния трудовой миграции на развитие государства стоит очень остро. Наша страна вплотную подошла к пониманию всей полноты этого вопроса. Сложившаяся ситуация требует срочных реформ и переосмысления самой сути проводимой политики [2, с. 41].

В течение нескольких десятилетий этой проблеме не уделялось должного внимания (в частности, из-за политического и экономического кризисов, захлестнувших постсоветское пространство), что значительно усложнило ее решение в настоящее время, сделав этот вопрос одним из самых серьезных дестабилизирующих факторов в экономической и социально-политической сферах современной России.

Именно нелегальная миграция создает благодатную почву для развития «теневой экономики», а также дает толчок возникновению и развитию многих других деструктивных процессов в общественной жизни. В настоящее время крайне важно сформировать такую систему трудовой миграции, которая максимально связала бы это явление с прямой выгодой для развития экономики государства [3, с. 99].

Процесс международной миграции в трудовой сфере начался сравнительно недавно, и поэтому понимание этих тенденций далеко не полное, поэтому необходимо дать оценку текущей ситуации.

Об актуальности темы трудоустройства мигрантов и смежных с ней проблем свидетельствуют статистические данные. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь 2023 года дает нам следующую информацию: поставлено на миграционный учет 962 809 иностранных граждан, оформлено паспортов гражданина Российской Федерации – 1 056 896 человек, всего поступило уведомлений о заключении трудовых договоров с иностранными гражданами и лицами без гражданства, осуществляющими трудовую деятельность – 135 881 человек [4].

Экономика нашей страны имеет неуклонную потребность в привлечении и использовании иностранной рабочей силы. Несмотря на комплекс проблем, связанных с трудоустройством иностранных работников, последние, участвуя в производстве товаров и оказании услуг, вносят ощутимый вклад в создание валового внутреннего продукта страны, при этом речь идет как о легальных мигрантах, так и незаконно работающих на территории РФ [5, с. 285].

Изучение современных мигрантов России, показало, что последние качественно отличаются от мигрантов начала 2000-х гг. Сегодня в Россию на заработки едут более бедные и малообразованные трудовые мигранты, это люди без профессионального образования, около 85% до выезда на работу относили себя к группе бедных и очень бедных [6, с. 48].

Однако, несмотря на усиливающийся комплекс государственных мер социальной поддержки, стимулирующих увеличение потоков трудовой миграции, а также мероприятий, направленных на увеличение привлекательности труда мигрантов для работодателей региона, отмечается снижение трудовых потоков в Россию [7, с. 19].

Данный процесс происходит на фоне того, что современная сложившаяся экономическая и политическая ситуация в мире способствует ограничению движения потоков мигрантов, в том числе и с целью трудоустройства. В настоящее время отмечается рост влияния трудовой миграции на развитие экономики и государства в целом.

По данным исследования ФГБОУ «Вятский государственный университет», опубликованным в журнале «Фундаментальные исследования» в 2015 году гендерный и возрастной баланс современных мигрантов выглядит следующим образом: 82,6% мужчин против 17,4% женщин, при этом 54,3% всех мужчин оказались в возрасте от 20 до 35 лет. В целом стоит отметить, что 100% всех респондентов находятся в трудоспособном возрасте [8].

Несмотря на то, что проблема изучения особенностей трудоустройства мигрантов является предметом изучения ученых разных областей знания, на данный момент мы имеем лишь отдельные статьи, посвященные социологическим аспектам трудовой миграции.

Вместе с тем, необходимо отметить недостаточность изученности особенностей трудоустройства мигрантов с использованием качественных методов исследования. Качественный подход в социологическом исследовании представляет собой такую методологию социологического исследования и соответственно такие исследовательские практики, целью которых является изучение социальных явлений и процессов, прежде всего, с точки зрения действующего индивида как начала любой социальности, интерпретирующего мир вместе с другими людьми, действующего в нем в соответствии со своими интерпретациями.

Для изучения вышеуказанной темы нами было проведено социологическое исследование особенностей трудоустройства современных мигрантов на примере Самарской области. Актуальность исследования определяется существенной нехваткой трудовых ресурсов в различных областях жизнедеятельности государства, в связи, с чем возникает необходимость не только в постоянном притоке трудовых мигрантов но и в социологическом исследовании особенностей их трудоустройства.

Проблематика исследования определяется тем, что существующие сегодня механизмы взаимодействия федеральной политики занятости и политики на рынке труда с миграционной политикой, не отвечают реалиям, а именно не удовлетворяю как работодателей, привле-

кающих мигрантов, так и государство (основного актора призванного контролировать и согласовывать миграционные процессы). Такое положение дел порождает нелегальную миграцию и пр. Кроме того, необходимо учитывать, что в ряде случаев современная миграция меняет не только количественные пропорции между спросом на рабочую силу и ее предложением на российском рынке труда в том или ином регионе, но и существенно влияет на качество рабочей силы [9, с. 163].

В политическом дискурсе все чаще звучат мнения о том, что пора внести значительные изменения в существующее законодательство, но пока нет реальных продвижений. Такое положение дел связано с тем, что, не понятно, что и как именно необходимо изменить, для того, чтобы процесс привлечения и использования иностранных трудовых мигрантов в настоящее время стал более прозрачным и понятным. Именно поэтому актуально и необходимо изучать современные миграционные процессы на рынке труда.

Целью эмпирического исследования стало изучение особенностей трудоустройства современных мигрантов на примере Самарской области.

Объектом исследования – трудовые мигранты трудоспособного возраста.

Предмет исследования: трудоустройство мигрантов на примере Самарской области.

Исследовательская стратегия: описательная.

Для достижения цели были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1) Какие особенности условий проживания и труда в родной стране толкают наших современников из других стран на решение о трудовой миграции?

2) Каковы причины, по которым принято решение о трудоустройстве в Российской Федерации?

3) Как решаются вопросы проживания и устройства на новом месте?

4) Как протекает процесс трудоустройства у мигрантов в нашей стране?

5) Что подтолкнуло к выбору Самарской области в качестве региона для трудоустройства?

6) Как протекают процессы трудоустройства и устройства в Самарском регионе?

7) Существуют ли особенности трудоустройства у современных мигрантов в Самарской области?

8) Что это за особенности?

В нашем исследовании приняли участие 12 информантов (мужчины и женщины) из числа мигрантов трудоспособного возраста, в том числе в следующих группах: – *Группа № 1.* Мигранты, прибывшие для осуществления трудовой деятельности на территорию Российской Федерации непосредственно в Самарскую область.

– *Группа № 2.* Мигранты, прибывшие для осуществления трудовой деятельности на территорию Самарской области после опыта трудовой деятельности в других регионах Российской Федерации.

Все респонденты дали согласие на проведение и запись интервью.

На поставленный вопрос, который призван помочь нам в исследовании – «Какие проблемы с трудоустройством подтолкнули вас покинуть свою страну?» – 7 из 12 респондентов основной проблемой назвали недостаточный размер оплаты труда и отсутствие работы на своей родине, особенно сложно трудоустроиться без опыта работы: «Начался кризис, стало тяжело, наш завод закрылся, работы не стало, платили мало и мы с мужем решили переехать (Инф.5, ж., 56)»;

«У нас без опыта работы не берут нигде, очень сложно с трудоустройством без опыта (Инф.2, ж., 24)»;

«У нас работы в родном городе практически нет, очень сложно с трудоустройством. Да и образование российское очень ценится (Инф.10, ж., 27)»;

«Нет, работы и мало платят, если есть какая-то работа (Инф.3, м., 27)»;

«Потому что решил, что здесь будет трудоустроиться легче. Потому что здесь есть возможность трудоустроиться без опыта работы, так как предоставляют стажировку. Также очень много вариантов трудоустройства (Инф.3, м., 27)».

4 респондента назвали в числе первых проблем – трудности со знанием государственного языка своей страны, который не является родным для информантов, но необходим для успешной карьеры.

«Ну, наверное, прежде всего, это проблема связана с языком – суть этой проблемы в плане того, что казахский язык является национальным языком, таким образом, общение на русском языке сокращено до минимума. Это даёт сокращение учебных часов, значит, для преподавателя русского языка и литературы это делает невозможным какой-то профессиональный рост. Знание казахского языка обязательно на самом высоком уровне. Ну вот, наверное, ещё один момент, связанный с тем (Замолкает), это не только моя проблема, а проблема ещё моих детей в будущем, которые будут связаны с их трудоустройством, с их обучением первоначально. Вот это, наверное, основные проблемы, которые подтолкнули нас к миграции, так скажем (Инф.1, ж., 38)»;

«А ну, во-первых, это маленькие заработные оплата труда, также это язык, так как я носитель русскоговорящей национальности (а в Казахстане все на казахском языке) и, соответственно, этой существенная проблема в работе, так как у психолога главным инструментом является язык – речь, то это, конечно, является большой преградой для профессионального становления.

У меня, конечно, есть какое-то понимание казахского языка: базовые знания в рамках школы, но, конечно, для того, этого недостаточно для качественной работы психолога. Поэтому было принято решение переезжать туда, где главным языком является русский (Инф.9, ж., 24)».

На вопрос: «Насколько обдуманно и желаемым был ваш отъезд?» 80% информантов ответили, что отъезд долго обдумывался, но был желаемым: «Переезд был полностью продуманным и желаемым. В целом, это было обусловлено тем, что необходимо было получение качественного образования для того, чтобы в дальнейшем, так скажем, найти хорошую работу и осуществлять качественную работу, но, к сожалению, этого не было в моём городе (Инф.9, ж., 24)»;

«Да, я очень хотела уехать работать именно в Россию (Инф.6, ж., 30)»;

«Я хотела переехать, поэтому переезд был обдуманным (Инф.7, ж., 27)».

И 3 из 12 интервьюируемых мигрантов не хотели переезжать и не думали о переезде: «Я решил быстро и сильно не раздумывал, но не хотел уезжать. Хотел заработать денег побольше (Инф.3, м., 27)»;

«Родители сказали, что надо ехать, но я не очень хотел (Инф.8, м., 30)».

При ответе на вопрос: «Если бы у вас была возможность остаться дома, Вы бы воспользовались этой возможностью?» Половина информантов предпочла бы остаться в своей стране:

«Если бы была возможность то да, осталась: потому что всё-таки родственники там, какие-то связи, всё равно и столько лет прожив в стране, которую ты вроде бы, как считаешь своей родиной, всё-таки. Да, это трудно

покинуть какое-то насиженное место. Поэтому, если была возможность, то мы бы остались (Инф.1, ж., 38)»;

«Однозначно, даже без уговоров (Инф.8, м., 30)»;

«Да, конечно, мы бы остались. Я бы тогда не хотела уезжать (Инф.5, ж., 56)».

А 6 из 12 опрошенных мигрантов все равно бы уехали в другую страну: «Да, я бы все равно воспользовалась этой возможностью. Я хотела развиваться, а в России намного больше возможностей для развития. Я до принятия решения уже приехала в Самару и мне очень понравился город. Здесь очень много возможностей для роста (Инф.10, ж., 24)».

Практически все информанты считают что основным важным вопросом, который должен был решиться с трудоустройством в другом государстве – это финансовая стабилизация положения, улучшение уровня жизни и перспективное трудоустройство: «Ну, это более-менее хороший заработок. Можно сказать, что я сейчас неплохо зарабатываю: для моего городка, где я раньше жила это очень хороший заработок. И опять-таки – развитие. Я работаю в экспериментальной группе (экспериментальная группа детского сада) (Инф.10, ж., 24)»;

«Финансовый, в первую очередь. Это первый момент, потому что я понимала, что я еду в Россию, а моя работа это национальный язык Российской Федерации – я преподаватель русского языка и литературы. Я понимала что, смогу себя здесь реализовать. Я, например, также могла бы работать учителем в школе, я могла бы заниматься samozанятостью. Ну, как бы, финансовые проблемы, возможно, какие-то решились, так скажем. Ну и ещё плюс: какие-то социальные связи наладились, наверное, потому что, как ни говори, национальность одна. Да-да, именно так вот. Ну, наверное, как вот какие-то эти моменты (Инф.1, ж., 38)».

Одной из основных причин трудовой миграции именно в Российскую Федерацию информанты называют русский язык, так как знание языка страны облегчает интеграцию в социум, увеличивает шансы на хорошее трудоустройство и профессиональное развитие.

«Опять же повторюсь, что главным инструментом психолога является язык и соответственно, Россия это страна, где этот язык распространён, является государственным, доступно все его богатства, выражение. И это очень важно для того, чтобы понимать клиентов. Ну, и соответственно, осуществлять эту деятельность. Есть еще ряд плюсов: во-первых, можно сказать про количество общественных организаций и научных организаций, с которыми постоянно можно находиться на связи, профессионально расти. Во-вторых, это возможность какого-то обучение повышение квалификации на должном уровне, чего мне недостаточно на моей Родине (Инф.9, ж., 24)»;

«...Русский язык хоть немножко есть понимание – отец тоже работает в России, тоже немножко учил меня (Инф.3, м., 27)»;

«Ну то, что не нужно было учить язык – русский язык знаем, да на постсоветском пространстве у нас практически остаётся один язык (Инф.4, ж., 34)».

Опрошенные трудовые мигранты считают, что их надежды, возлагаемые на переезд с целью трудоустройства, оправдались: «Ну, в ситуации, связанной с детьми, то, – да, они оправдались. Оправдались какие-то, что мы говорили о социальных связях. По поводу финансовой ситуации: ну, как сказать? Да, они каким-то образом, оправдались. Но, из другой стороны, не совсем, Потому что есть какие-то кризисные моменты. То есть возможно, если бы мы не переехали, то там было бы хуже чем здесь, как сейчас у нас на данный момент, А в той ситуации, в которой мы есть здесь какой момент непонятный,

но и говорить, что стало хуже, я тоже не могу. То есть это я считаю, что всё-таки наш переезд был оправдан (Инф.1, ж.,38)»;

«Да всё, как и ожидалось, даже лучше: я очень легко устроилась на работу, с жильем проблем не было – сначала жила у тети, потом мне как-то тоже сразу повезло – быстро сняла квартиру (Инф.2, ж.,24)»;

«Надежды оправдались полностью. В идеале я думала: вот перееду, буду работать, учиться на психолога, потом работать на любимой работе. Так и случилось, работаю психологом в психологическом центре (Инф.1, ж.,38)».

В ходе исследования выяснилось, что трудоустройство мигрантов происходит в основном по профессиям полученного ранее опыта работы (еще в родном государстве) или образования, что позволяет сделать вывод о действительной кадровой потребности в трудовых мигрантах с различным опытом и уровнем образования. Профессиональные знания и опыт, решившихся изменить свою жизнь и уехать для трудоустройства в другую страну пригибаются и в России: «Да я работаю в школе преподавателем русского языка и литературы...на родине я тоже работала преподавателем ... Ну, наверное, это больше связано, во-первых с тем, что у меня есть опыт уже по данной профессии. Я как бы могла себя реализовать, да найти работу именно по этому направлению. Кроме этого, наверное, это связано ещё с детьми, потому что наши дети пошли учиться в школу, и я могла быть вместе с ними, да, то есть я трудоустроена, в той же школе, в которой у меня учатся дети, и я считаю, что это очень хорошо (Инф.1, ж.,38)»;

«Я работаю почти по своему образованию, продаю сухие строительные смеси, а раньше я был плиточник, строитель (Инф.3, м.,27)»;

«Я трудоустроена в другой сфере, но она сопрягается с моим образованием, потому что я работаю, на данный момент, инспектором и там требуется психологическое образование, потому что вся работа связана с оказанием психологических услуг (Инф.6, ж.,30)»;

«Да, именно по своему образованию. Я работаю психологом в частной клинике. Квалификации клинического психолога нету, но сейчас я учусь в магистратуре, окончание которой предполагает профиль клинического психолога. (Инф.9, ж.,24)».

Исходя из ответов респондентов на вопрос «Что вас подвигло к выбору в качестве места трудоустройства Самарскую область?» сделан вывод о том, что наш регион является привлекательным в плане трудовой миграции по уровню оплаты труда, а также по возможностям профессионального становления личности и экономической стабильности. Также наблюдается активный поток мигрантов на протяжении многих лет – современные мигранты едут к своим уже переехавшим ранее родственникам и друзьям, рекомендации которых вдохновили их на переезд для трудоустройства, что косвенно может указывать на благоприятный социальный климат для приезжающих. «Ну, во-первых, наверное, всё-таки родственники, потому что у нас есть родственники в Самарской области, и мы, посмотрев на их опыт, на то, как они живут, пообщавшись с ними – сделали выводы (Инф.1, ж.,38)»;

«Я приехала сюда, потому что в Самарской области у нас есть родственники: в Тольятти живет моя тетя (Инф.2, ж.,24)»;

«Я сначала приехал в Москву, там на стройке работал. Нам не заплатили немножко, и я уехал оттуда...Но нам не заплатили, сколько обещали, обманули и я уехал. Потом брат сюда позвал (в Самару)...После Москвы ценить, что здесь спокойно. Но здесь заработок меньше (Инф.3, м.,27)»;

«Да, мы по приглашению друзей целенаправленно ехали в Самарскую область (Инф.4, м.,34)»;

«Ну, наверное, потому что у меня здесь родственники, я приехала сюда и тут в целом мне очень нравится: красивая архитектура и природа. Мне здесь очень комфортно (Смеется). И еще здесь отзывчивые люди, многие могут помочь, если обратиться с каким либо вопросом. Для меня это важно (Инф.10, ж., 24)».

При ответе на вопрос о социально-бытовом устройстве после миграции «Назовите основные проблемы устройства, с которыми вам пришлось столкнуться при переезде в Самарскую область? Как вы с ними справлялись?» мнения информантов разделились: половина опрошенных заявили, что не испытывали особых проблем, а во всем им помогали родственники или знакомые: «Да в принципе, не было никаких проблем, потому что сначала я жила у тети, да и потом всё было нормально – не было никаких проблем (Инф.2, ж.,24)»;

«Я особых не увидел проблем, Потому что мой брат тут. Здесь очень много наших. Особых проблем нет (Инф.3, м.,27)».

Вторая половина информантов указала на ряд проблем, в которых выделяются две основные проблемы – сложность в поиске и съеме жилья и в трудоустройстве без регистрации места жительства.

«Проблем много было – документы на возможность работать в России очень тяжело оформить, и долго. Жилье снять тоже очень сложно: квартиры хотят сдавать только русским, сразу отказывают, когда слышат акцент в голосе (Инф.8, м., 30)»;

«Проблема была в том, что было трудно оформить регистрацию при проживании, потому что нужно было подождать, во-первых, это нужно было найти – куда прописаться. Не каждый соглашается на эти условия, и ожидание составляло тогда три месяца. Сейчас я не знаю, сколько. Это время нужно было как-то существовать, поэтому работала неофициально – помощник воспитателя в клубе (Инф.6, ж., 30)».

В настоящий момент, выделены основные особенности трудоустройства современных мигрантов:

- уровень образования напрямую коррелирует с возможностью трудоустройства. В связи с тем, что большинство информантов имеют средний и высший уровень образования, данные мигранты легче трудоустраиваются и успешно преодолевают возникающие трудности социально-бытового характера. Отдельно необходимо выделить небольшую часть опрошенных мигрантов (2 человека), которые в данный момент не имеют определенной профессии и указывают в качестве нее место своей работы: уборщица, таксист;
- удовлетворительное владение русским языком: большинство респондентов свободно владеют устным и письменным русским языком (оценка осуществлялась интервьюером самостоятельно, на свой взгляд). Определенные сложности с владением русским языком выявились в группе информантов с низким уровнем образования. Следовательно, существуют хорошие предпосылки для социализации трудовых мигрантов, однако недружелюбное окружение увеличивает барьеры между ними и обществом.

Анализируя материалы интервью можно сделать вывод о том, что Самарская область была и остается одним из субъектов Российской Федерации, который привлекателен для трудовой миграции. Регион, отличающийся этнокультурным многообразием, в Самарской области проживают представители более 150 национальностей, а также многоконфессиональна: на ее территории

зарегистрировано свыше 400 религиозных организаций, представляющих 23 вероисповедания различной религиозно-административной подчиненности, справедливо входит в число тех регионов, где наблюдается активный поток трудовых мигрантов.

Каждый народ – уникальная история и культура, богатая своими традициями и обычаями. Несмотря на пестроту этнического полотна, в губернии, как правило, всегда сохранялся межнациональный и межконфессиональный мир и согласие, что способствует установлению благоприятного социального климата, что является основной отличительной особенностью, которую отмечают большинство опрошенных нами современных трудовых мигрантов.

Литература

1. Римашевская Н. Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения». // Российский экономический журнал. – 2006. – № 9–10 – с. 22.
2. Калашников С. Развитие рынка труда – неотъемлемый элемент государственной политики. // Человек и труд. – 2008. – № 5 – С. 41.
3. Тюркин М.Л. Миграционная система России: Монография. – М.: Издательский дом «Стратегия», 2009. – С. 99.
4. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь 2023 года // Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь 2023 года (дата обращения-17.03.2023).
5. Тюрюканова Е.В. Глобализация международной миграции // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. – М., 2008. – С. 285.
6. Зайончковская М. Миграционная ситуация в современной России. // Человек и труд. – 2010. – № 6 – С. 48.
7. Балашова, Т.Н. Миграция и демография как неотложные направления развития приоритетных национальных проектов / Т.Н. Балашова // Миграционное право. – 2007. – № 1. – С. 19.
8. Эль-Сибай Н.М. Социографический портрет современного мигранта // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–25. – С. 5689–5692.
9. Миграционная политика западных стран. Альтернативы для России. М.,– 2008. – С. 163.

SOCIOLOGICAL STUDY OF THE REASONS FOR THE RELOCATION OF LABOR MIGRANTS: ON THE EXAMPLE OF THE SAMARA REGION

Pustarnakova A.A., Pomogaeva O.V.

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article is devoted to the consideration of the features of the employment of modern migrants on the example of the Samara region. The paper analyzes the results of an empirical study, the main objectives of which were to study the reasons for moving to the Russian Federation with subsequent employment, the analysis of the employment process and the specifics of the employment of migrants in the Samara region. The qualitative data served as the material for the analysis. In total, 12 informants from among migrants of working age, men and women, took part in the study. As a result of the conducted research, it was revealed that one of the main reasons for labor migration to the Russian Federation is the Russian language, as knowledge of the country's language facilitates integration into society, increases the chances of good employment and professional development. Samara region is an attractive region for migrant workers in terms of wages, as well as opportunities for professional development of the individual and economic stability. Many migrants come to their relatives and acquaintances on their recommendations.

Keywords: migration processes, labor migration, labor migrant, labor activity of a foreign citizen.

References

1. Rimashevskaya N. The human potential of Russia and the problems of "saving the population". // Russian Economic Journal. – 2006. – No. 9–10 – p. 22.
2. Kalashnikov S. The development of the labor market is an integral element of state policy. // Man and labor. – 2008. – No. 5 – S. 41.
3. Tyurkin M.L. Migration system of Russia: Monograph. – M.: Publishing house "Strategy", 2009. – S. 99.
4. Summary of the main performance indicators on the migration situation in the Russian Federation for January 2023 // Summary of the main performance indicators on the migration situation in the Russian Federation for January 2023 (accessed on March 17, 2023).
5. Tyuryukanova E.V. Globalization of International Migration // Gender and Economics: World Experience and Expertise of Russian Practice. – M., 2008. – S. 285.
6. Zaionchkovskaya M. Migration situation in modern Russia. // Man and labor. – 2010. – No. 6 – S. 48.
7. Balashova, T.N. Migration and demography as urgent directions for the development of priority national projects / T.N. Balashova // Migration law. – 2007. – No. 1. – S. 19.
8. El-Sibai N.M. Sociographic portrait of a modern migrant // Fundamental Research. – 2015. – No. 2–25. – S. 5689–5692.
9. Migration policy of Western countries. Alternatives for Russia. M.,– 2008. – S. 163.

Обман как социальное явление: структурно-функциональный подход

Симонян Элеонора Гамлетовна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры философии
и истории ФГБОУ ВО «Вологодская государственная
молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина»
E-mail: eleonora8@mail.ru

В статье разбирается обман как социальный феномен коммуникации и прежде всего в рамках структуры и функции коммуникативных актов, часто встречающийся в условиях человеческих взаимоотношений.

Подробно анализируются предлагаемые для объяснения различия между действием и результатом, а тем самым производителем, объектом и жертвой обманного действия, разбираются соответствующие иллюстративные примеры.

Рассматривается обман через призму функции социального явления, как формы проявления противоречий в обществе, попыток совместить индивидуальный и над индивидуальный уровни человеческого бытия, которая становится источником обособления, соперничества, эгоистического объединения, имеющие место формы достижения целей и интересов за счет чужих, игнорируя интересы других.

Обозначается одна из главных общественных функций обмана, которая обеспечивает свою интенцию сохранения имеющихся коммуникативных структур на фоне разнящихся и несовместимых интересов. Исследование обмана, по аналогии с истиной, возможно, главным образом, с позиций метафизического подхода как междисциплинарное явление.

Ключевые слова: обман, истина, ложь, структура обмана, социальные субъекты обмана, обманывающий, обманываемый, обманутый, действие.

Каждый взрослый человек является продуктом своего собственного общественного опыта и взаимодействий. Самосознание, мировоззрение, особенности характера – все это образуется только благодаря воздействию окружения на человека. Обман, клевета и сплетни давно стали неотъемлемой частью общественного бытия человека. Эти феномены играют существенную роль в формировании общественного мнения, определяют положение личности, организации.

Основные исследования по данной тематике после событий второй мировой войны были проделаны американскими психологами Гордоном У. Олпортом и Л. Постманом (1947) [6], поводом для которых была их озабоченность по поводу ущерба моральному духу и национальной безопасности, вызванного угрожающими слухами, распространяющими ненужную тревогу и вызывающими экстравагантные надежды [8]. Позже были проведены формирующие исследования (например, Л. Фестингер, Дж. Келли и др. 1950; Х. Бардик 1955). Следующий цикл исследований появился в конце 1960-х и 1970-х годах, начиная с публикации работ социолога Тамоцу Шибутани «Социальная психология» (1966): в ней он исследует гражданские беспорядки, а также эссе Милгрэма и Тоха (1969) о коллективном поведении, за ним следуют другие работы, с исследованиями социологической или психологической точки зрения обмана [9]. В современной отечественной философии проблему обмана исследовали в различных контекстах: Г. Ч. Гусейнов, В.И. Свинцов, В.В. Знаков, Д.И. Дубровский – философском и метафизическом, В.В. Кузнецов – психологическом, Р.А. Сабитов – правовом, Н.Н. Панченко – филологическом и др. В связи с современной политической и экономической обстановкой, информационными и гибридными войнами, интерес к обману, как социальному феномену возрастает.

Как отдельная категория обман начинает выделяться во времена античной классики, в учении софистов, где он предстает как один из атрибутов аргументации – искусства убеждения и красноречия. Согласно Платону, софистика – это «основанное на мнении лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее к части избирательного искусства, творящей призраки и с помощью речей выделяющей в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества» [7, С. 412]. Поэтому обман неразрывно связан с понятиями заблуждения и лжи (но к ним не сводится), что является незаменимым элементом коммуникации. Поскольку всякая коммуникация представляет собой некоторую структуру, в которой взаимосвязаны субъект, объект, методы и способы передачи информации, обман может быть проанализирован в категориях функций и структуры коммуникативных актов.

В общем виде обман есть дезинформация, неверное, ложное сообщение. Главный результат обмана – пред-

ставление субъекта об истинности, подлинности, верности, справедливости и т.д. (и наоборот) того, что таковым не является.

Поскольку обман является обратной стороной понятия истины, поэтому исследования проблемы истины также вносят большой вклад в прояснение проблемы лжи и обмана. Последнее вскрыл и обосновал известный исследователь проблемы истины Р. Киркэм. Обозначив главную проблему отсутствия универсальной парадигмы истины как «четырёхмерную путаницу» [11, С. 10–14].

Анализ феномена обмана дает возможность установить структуру обмана: различие между действием и результатом, найти создателя, объект и жертву обмана. Как действие обман почти постоянно имеет исполнителя и автора, сохраняющиеся анонимность (чаще всего только при таких условиях обман может реализовать свою идею).

Кто производит обманывающее действие («обманывающий»), дезинформирует. Это может быть вербальное или невербальное сообщение, которое получает тот, кого предполагают обмануть (то есть «обманываемый»). Все же «обманываемый» не всегда оказывается в роли «обманутого». «Обманываемый», может быть, еще не обманут, и уже заметил обман, занимает выжидательную позицию и знает, что принятое им информация является по сути ложным, дезинформирующим и т.п. Напротив, «обманутый» же не сомневается в истинности сообщения, воспринимает его как подлинное, верное, справедливое, и поэтому соотносит с ним свои действия, решения, ценности, оценки.

Исходя из выше сказанной позиции, в исследовании структуры обмана Д.И. Дубровский выделяет: 1) «обманывающего», 2) «обманываемого», 3) «обманутого» [1, С. 29–30]. Предполагается, что субъект, скажем, данный человек или данная группа, может совмещать в себе одновременно все три позиции. Необходимо отметить, что данные свойства могут быть не только по поводу другого индивида, но и по поводу самого себя (к примеру, индивид может стать как обманывающий себя, то есть становится и обманываемым, и в то же время совершить самообман, а значит быть обманутым собой).

Обман выступает как способ реализации и защиты интересов некоторых субъектов, коллектив, классов, наций, государств. Его используют, например, в политике, бизнесе, рекламе и т.п. как действенный метод конкурентной борьбы. Актуальность его возрастает сегодня на фоне разрастающихся в политической сфере информационных войн, которые могут быть даже эффективнее реальных: Его можно рассматривать как функцию социального института, как формы проявления противоречий в обществе, которая становится источником обособления, соперничества, эгоистического объединения, имеющиеся место быть формы достижения целей и интересов за счет других, игнорируя их интересы.

Одна из главных общественных функций обмана, в том, что он создает свою интенцию на сохранение имеющихся коммуникативных структур на фоне различия и несовместимых интересов. В истории человечества, на всех этапах ее становления, обман являлся средством угнетения, оправдания господства одних над другими, порабощения одной общественной группы другой, одних индивидов другим. Он – безусловное орудие борьбы за господство, средство амбиции, тщеславия, эксплуатации. Ретроспективный взгляд на историю показывает, что обман применяли и как средства борьбы со злом. Все бунтующие группы, имеющие своей целью свержение власти с представителями этих групп, находили изощренные методы маскировки обмана противни-

ка. Первейшим долгом революционера, попавшего в руки врагов, всегда считалось сокрытие от них правды, подлинных фактов, касающихся деятельности революционной организации и ее членов.

Выше сказанному можно отнести и тактику деятельности коммунистической партии. В.И. Ленин для доступа в профсоюзы, допускал возможным «пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу» [3, С. 38].

Обман многие применяют и для сохранения секрета, тайны, – причем как на уровне личностного, так и социального субъекта. Но, тайна и обязательный уровень «закрытости», формы чиновничьего тайнодействия является средством успешного обмана, целью которой является сохранение интересов группы, системы существующей государственной власти или стабильности социальных отношений.

Стабилизирующая функция подобного плана обмана часто используется политическими организациями, в информационной среде, в самых разнообразных видах – от хорошо запланированной дезинформации (тщательно защищенной от обнаружения) до управления массовым сознанием, которые способствуют формированию нужного социального взгляда, поддерживающего необходимые власти символы веры.

Здесь же могут быть такие методы и формы обмана, которые ставят цель поддержать имидж авторитета или руководящей организации или системы власти. Подробную классификацию форм и функций обмана дал Д.И. Дубровский, выделяющий в структуре обманывающего действия «агрессивную», «воодушевляющую», «обещающую» и «защитную» формы [2, С. 245–249].

Смысл подобных поступков, к примеру, в убедительном и регулярном манипулировании массовым сознанием для формирования положительного имиджа «вождя», периодичном «вращивания» подобных качеств, приводящих общественное мнение к вере в уникальные, «супергениальные» способности «вождя», отвечающие всем сакральным идеалам и ценностям – порядочен, справедлив, добр, его поступки всегда ради интереса граждан, носитель мудрости и гениальности, железной воли, нетерпим в отношении врагам граждан.

Хотелось бы отметить, что богатейший материал для анализа социально-психологических процессов дает история фашистской Германии, в которой благодаря искусной идеологической работе, великолепно отлаженной деятельности пропагандистской машины третьего рейха «среди населения, и значительной мере было все утеряно понимание его истинного бесправного положения и аморальности политики и действий фюрера» [54, С. 233].

Интересно анализировать и способы поведения Гитлера, который искусно применял в пропаганде подобные особенности общественного сознания. Он отмечал, к примеру, что «крупной лжи поверят скорее, чем мелкой... Люди и сами иногда лгут в мелочах, но чересчур большой лжи они стыдятся. Поэтому им не придет в голову, что их так нагло обманывают» [4, С. 53]. Современная история продемонстрировала, что большая ложь не однократно побеждала истине благодаря заинтересованности в ней крупных авторитетов, обладателей огромной власти.

Агрессивный обман – слух, не просто вызывающий негативные настроения и состояния, отражающие нежелательные ожидания аудитории, а конкретно направленный на стимулирование агрессивного эмоционального состояния и поведенческого «ответа», жесткого агрес-

сивного действия. Обман такого рода возникают в ситуациях острых противоречий, связанных с социальными межгрупповыми и межэтническими, межнациональными конфликтами. «Агрессивный обман – продолжение «слухов-пугал» [8]. В основе их сюжетов присутствует агрессивный заряд. Примером такого обмана может служить слухи, предшествующие событиям на Майдане Незалежности в Киеве в 2013 году. Основная задача агрессивного обмана – не просто запугивание, а провокация агрессивных действий.

Функции обмана, как социального феномена, можно рассмотреть через анализ его проявления в разных сферах человеческой деятельности. Мы можем говорить о специфических функциональных проявлениях обмана в производственной деятельности, в политической деятельности, в торговле (об этом в последнее время регулярно сообщают соц. сети, газеты, журналы и т.п.), в научной и педагогической деятельности, в искусстве, спорте и т.д. Нет такого вида социальной деятельности, где бы не встречался обман и где бы он не играл существенную функциональную роль.

Рассмотрим, на пример, обман в сфере деятельности науки, которая дает о себе знать в разных формах – от подложности фактов (столь очевидной для современной исторической науки) до представления и оценки идей и теорий оппонентов, мастерского искажения подлинных смыслов. Обман в данной сфере чреват глубокими последствиями, поскольку она образует уникальный базис рациональности в системе духовной деятельности культуры. Рост количества обмана в сфере науки указывает на серьезное разложение нравов, отрицательно влияет на всю систему духовной деятельности. Однако это же можно отнести и к обману в сфере искусства, где совсем недавно можно было увидеть умелый и одухотворенный гимн в честь руководящих лидеров и соответствующую «позолоченную» подачу реальности. В подобных ситуациях обман в искусстве прямо выполнял функцию защиты интересов бюрократического аппарата.

Очередную функцию для анализа обмана можно отметить как «воодушевляющую». Здесь мы имеем дело с намеренной дезинформацией индивида, вызывающей у него повышение энергии, прибавление самоуверенности в достижении поставленной цели, формирует привлекающий эффект. В сложных ситуациях такие приемы обмана не однократно использовали полководцы, через ложные слухи о приближающемся подкреплении, о проблемах в стороне противника и т.д., с целью подбодрить своих, внушить им веру в победу.

Подобными формами обмана регулярно пользовались многие институциональные авторитеты, в частности государствами и правителями. Чаще это – «обещающий» вид обмана, обещающий добро, надежду на осуществление мечты, сокровенных желаний, достижение долгожданных целей. Следовательно, подобного рода «обещания» принимаются массами относительно легко, дают надежду, внушают смысл существования и непременно поднимают ее дух. Здесь обман осуществляет функцию отвлечения масс, их подъема, укрепления привычного общественного порядка, оптимистического настроения, веры в светлое будущее.

Но функциональность «обещающего» обмана имеет определенный срок действия, период утраты надежды, следом чего рушится и установка на веру, становится явным, неистинность «обещаний», и на основе этого дискредитируется властный субъект, успевающий к тому времени уже уйти с авансцены. Данная форма обмана может быть определенным общественным проектом, с известными сроками их осуществления, которые, однако, очевидно недействительны, хотя идейные носители дан-

ных проектов в состоянии искренне верить в них. Абсолютный провал, который они терпят, неизбежно влечет массовое разочарование, социальную апатию, утрату веры в соответствующие идеалы.

Как показывает цивилизационный опыт, правящая элита, властные структуры часто прибегали к «защитной» функции обмана, используя при этом не только обманные действия, которые исходили от правящих органов и должностных лиц, но и через подстрекательства, стимулирования определенных форм обмана, идущих от отдельных индивидов. Ярким примером может быть доносительство.

В императорском Риме доносчики выполняли особую политическую функцию. Чаще всего смысл доноса это порицание по поводу «оскорбления величия» правителя или в злодеяния против него. Усилия доносчика, передавшего неверные сведения, который придумывал подложное обвинение, вознаграждалось принципом: наградой становилась четвертая часть собственности обвиненного. Например, доносчики Вибиий Крисп и Эприй Марцелл получили доносами огромное состояние 300 миллионов сестерциев. Историк Тацит из всех бедствий считал наиболее пагубным, распространение «подлых доносов какие принесли с собой те времена» [9, С. 157]. Доносчиков поощряли обещанием наград, а «не знавшие ни отдыха, ни совести обвинители становились «неприкосновенными личностями», именитые доносчики, «с их талантом, богатством, властью, с их изощренной способностью делать зло, внушали людям ужас» [9, С. 164].

Подобная ситуация не раз повторялась в истории, была типична для многих деспотических режимов [5, С. 19]. Можно делать вывод, что подобный вид обмана был в интересах правителя. Авторы доносов, и использующие их как орудие для наказания, понимали настоящую правду и потому вводили в заблуждение граждан, внушая, что уличают его врагов, что эта расправа проводится в интересах народа.

Надо отметить, что социальные функции обмана, это не только то, что относится к результатам поведения институционального субъекта, государственного лица или коллектива, но и тех результатов, которые могут быть следствием обмана каждого, в том числе и относящиеся к межличностным отношениям.

Клевета является еще одним способом умышленного обмана. Ее субъект ставит сугубо индивидуальные цели, чтобы оговорить своих противников, тех, кто является препятствием на пути достижения его целей, может из зависти или из-за чего-то еще. Честные, добропорядочные, одаренные люди часто становятся объектом клеветы, в результате чего на авансцену выходят те, которые вместо знаний, умений и иных личностных значимых способностей, своими клеветническими поступками (к сожалению известны случаи, при которых прибегали к клевете, в том числе и люди высокоталантливые).

Приведем подобный пример: «он избрал легкий путь к почестям: стал клеветать на других командиров, отрицая те хорошие качества, которые у каждого из них были... и в результате благодаря своей ловкости и подлости добился превосходства над людьми порядочными и скромными» [9, С. 47].

С таким случаем можно столкнуться и в наше время, несмотря на то, что здесь речь идет о некоем из приближенных императора Оттона, и жил он 20 веков назад. Наверное, нет необходимости доказывать, что такие случаи имеют весьма негативные общественные последствия. Надо отметить, что общественные условия могут быть неблагоприятными или благоприятными для тех, кто клеветает, что может стать важной оценкой состояния морального здоровья данного общества.

В условиях современной политической и экономической нестабильности этим пользуются ее разнообразные противники, пытающиеся сохранить привычные и выгодные им социальные механизмы, и установления. Выступая в роли государственных деятелей, они искусно лавируют, прибегают к дезинформации. Из-за неразвитости новых (демократических) санкционирующих механизмов они, будучи уличенными во лжи, как ни в чем не бывало продолжают оставаться на своих местах, продолжают плодотворно обман [8].

Таким образом, обман выполняет важные социально-психологические и политические функции. Обман может быть использован равным образом как во зло, так и во благо. В обмане проявляется взаимосвязь личностного и надличностного (прежде всего институционального) уровней человеческого бытия, требующей специального философского анализа.

Обман, как и его оборотная сторона, истина, имеют коммуникативную природу – они присутствуют и выявляются только в общении и через общение. В условиях информационного общества и эпохи информационных войн роль социальной функции обмана повышается, обман становится неизменным атрибутом нашей повседневной жизни, что требует философского исследования. По аналогии с истиной, исследование обмана возможно, главным образом, с позиций метафизического подхода как междисциплинарное явление.

Литература

1. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ / Дополненное издание. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 336 с.
2. Дубровский Д.И. Социальные функции обмана // NovalInfo.Ru. № 4. 2011. С. 245–249.
3. Ленин В.И. Полн. сб. соч. в 55 т. – Т. 41, 1971. 644 с. URL: <http://uaio.ru/vil/41.htm> (дата обращения: 28.01.2023).
4. Мельников Д., Черная Л. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. – М.: Новости, 1991. – 464 с.
5. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга / под ред. А.И. Малеина. – Л.: АН СССР, 1934. – 97 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_2785738/ (дата обращения: 28.01.2023).
6. Олпорт, Г. Становление личности: избранные труды. – М.: Смысл, 2002. – 461 с.
7. Платон Софист // Платон Сочинения в 4 тт. Т. 2. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 329–412.
8. Росноу Р.Л., Фостер Э.К. Исследование слухов и сплетен // Повестка дня психологической науки. URL: <https://www.apa.org/science/about/psa/2005/04/gossip> (дата обращения: 28.01.2023).
9. Тацит К. Сочинения в двух томах. Т. 1 Анналы. Малые произведения. – Л.: Наука, 1969. – 444 с.
10. Ухов, А.Е. Теории истины: вводный курс. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 624 с.

11. Artyom E. Ukhov, Eleonora G. Simonyan & Eduard L. Kovrov (2022): The non-trivial concept of truth in Richard Kirkham's Theories of truth: a critical introduction, South African Journal of Philosophy, DOI: 10.1080/02580136.2022.2027178

DECEPTION AS SOCIAL PHENOMENON: STRUCTURAL-FUNCTIONAL ANALYSIS

Simonyan E.G.

Vologda State Dairy Farming Academy named by N.V. Vereshchagin

The article devoted to deception as social phenomenon of communication, especially within the framework of structure and function of communicative acts which are typical for humans' relationships. The distinctions between the action and the result, and thus the producer, the object and the victim of the fraudulent action, proposed to explain the differences between the action and the result, are analyzed in detail, and the relevant illustrative examples have been analyzed. Deception is considered through the prism of the function of a social phenomenon, as a form of manifestation of contradictions in society, the attempts to combine the individual and supra-individual levels of human existence, which becomes a source of isolation, rivalry, selfish association, existing forms of achieving goals and interests at the expense of others, ignoring the interests of the latter. One of the main social functions of deceit is designated, which ensures its intention to preserve the existing communicative structures against the background of divergent and incompatible interests. The study of deception, by analogy with the truth, is possible mainly from the standpoint of a metaphysical approach, as an interdisciplinary phenomenon.

Keywords: deception, truth, lie, structure of deception, social subjects of deception, deceiver, deceived, having been deceived, action.

References

1. Dubrovsky D.I. Deception. Philosophical and psychological analysis / Supplemented edition. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 336 s.
2. Dubrovsky D.I. Social functions of deception // NovalInfo.Ru. № 4. 2011. S. 245–249.
3. Lenin V.I. Poln. sbr soc. v 55 t. – Vol.41, 1971. 644 p. URL: <http://uaio.ru/vil/41.htm> (date of access: 28.01.2023).
4. Melnikov D., Chernaya L. Criminal No1. The Nazi regime and its Führer. – М.: Novosti, 1991. – 464 p.
5. New news about Russia of the time of Ivan the Terrible. The Tale of Albert Schlichting / ed. by A.I. Malein. – L.: AN SSSR, 1934. – 97 c. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_2785738/ (date of access: 28.01.2023).
6. Allport, G. Stanovlenie personal'nosti: izbrannye trudy. – М.: Smysl', 2002. – 461 c.
7. Platon Sophist // Platon Sochineniya v 4 vols. T.2. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. University: «Izd-vo OlegA Abyshko», 2007. – P. 329–412.
8. Rosnow R.L., Foster E.K. Research of rumors and gossip // Agenda of psychological science. URL: <https://www.apa.org/science/about/psa/2005/04/gossip> (date of access: 28.01.2023).
9. Tacitus K. Sochineniya v dva tomakh. Vol.1 Annals. Small works. – L.: Nauka, 1969. – 444 s.
10. Ukhov, A.E. Theories of Truth: An Introductory Course. – М.: FLINT, 2020. – 624 s.
11. Artyom E. Ukhov, Eleonora G. Simonyan & Eduard L. Kovrov (2022): The non-trivial concept of truth in Richard Kirkham's Theories of truth: a critical introduction, South African Journal of Philosophy, DOI: 10.1080/02580136.2022.2027178

«Мрачный» период творчества Франсиско Гойи

Антрушина Ксения Тимофеевна,

магистрант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: antrushina777@mail.ru

В статье проводится анализ «мрачного», самого загадочного, периода творчества Франсиско Гойи, выявление взаимосвязей между историческими событиями жизни художника, личными переживаниями и сюжетами его работ. Автором, делается вывод о том, что Ф. Гойя, являясь настоящим гением-творцом, художником пограничного, мистического опыта, создал свой уникальный inferнальный мир с характером всеобщности, отражающий действительность того времени.

Ключевые слова: творчество, искусство, черные картины, офорты, Франсиско Гойя, пессимизм, дьявольская тематика, inferнальный мир.

Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес один из самых известных художников Испании, оказавший влияние на развитие всего Европейского искусства. Он начал свою карьеру при Королевском дворе как художник-натуралист, изображавший представителей высших слоев общества, но постепенно претерпел неожиданную собственную революцию, от света и радости к темноте и ужасу. «Черные картины» этого знаменитого художника были созданы в последние годы его жизни в Испании, на краю г. Мадрида, примерно с 1819 по 1823 г. и передают его глубоко пессимистический взгляд на жизнь и человечество.

Ф. Гойя прошел путь от самого известного живописца в стране, занимаая пост придворного художника короля, обожаемый публикой до художника, который создал свои произведения в полной изоляции на голых стенах уединенного дома, никогда не предназначавшиеся для всеобщего обозрения. Он никогда не называл и не объяснял их, и только после его смерти произведения были названы «*pinturas negras*» или «черные картины» – из-за темных цветов, которые художник использовал при написании, а также изображения глубокого пессимизма и дьявольской тематики.

Для того, чтобы понять его «черные картины» и разобраться в их появлении, метафорах и транслируемых смыслах, а также найти некие закономерности, необходимо ознакомиться с тем, как Ф. Гойя прошел путь от королевских портретов к изображению ужасов войны и «черных картин».

Ф. Гойя был человеком скромного происхождения, который благодаря своему упорству, терпению и таланту добился больших высот в карьере. В 1775 г. в г. Мадриде он начинает работать над серией рисунков для Королевской фабрики гобеленов – это стало его первым контактом с испанской королевской семьей. Именно на фабрике гобеленов он научился «рассказывать истории» в своих произведениях. А в 1789 г., в год начала Великой французской революции, он был назначен на должность придворного художника. Стоит отметить, что, Ф. Гойя работал при трех испанских королях, а именно: при великом реформаторе Карле III, его сыне – Карле IV, а также при Фердинанде VII.

К своим сорока годам, художник был финансово и социально обеспеченным, уважаемым и новоиспеченным буржуа, но как только он перестал в чем-либо нуждаться, его подвело здоровье, а любимая страна – Испания, прошла через одни из самых грандиозных политических и социальных потрясений в своей истории – и Ф. Гойя оказался в самой гуще этих событий. В 1792 г., когда Ф. Гойе было 46 лет, у него развилась болезнь, после которой он полностью оглох. И несомненно, это событие сильно повлияло не только на его жизнь, но и на искусство, которое становилось все более призрачным и загадочным. Он начал исследовать более личное видение, заглядывая внутрь себя и других.

После, он начал творить свои самые загадочные и признаваемые работы в мире. В 50 лет Ф. Гойя создал серию гравюр под названием «*Los Caprichos*». Офорты «Бедствия войны» были написаны, когда художнику было около 60 лет, а «темный» этап творчества Ф. Гойя наступил, когда художнику было около 70 лет.

Более поздние работы в основном производил тайно, поскольку до 1826 г. он еще занимал пост придворного

художника и опасался цензуры. Ф. Гойя был прагматиком на публике, но революционером наедине с собой.

В промежутках, в период оккупации Испании с 1808–1813 гг., Ф. Гойя неизменно оставался на посту придворного художника и работал на французского короля Ж. Бонапарта, старшего брата Наполеона [2].

Для многих испанских либералов, в число которых входил и Ф. Гойя, французское вторжение было сложным и неоднозначным событием. Наполеон пришел в Испанию с целью восстановить демократию. И конечно, на контрасте с диктатором Фердинандом VII, Ф. Гойя изначально поддерживал цели Французской революции, он видел во французском правлении великую надежду на либерализацию и просвещение. Фактически одним из первых действий Наполеона было уничтожение ненавистной инквизиции. Однако, во время оккупации мнение художника о французах изменилось, после того как он лично стал свидетелем насильственного порабощения своих соотечественников оккупационными войсками. Война и ее последствия, происходящие зверства, все это глубоко повлияло на художника и его работы, в которых проявляется мрачная тематика, все большая эмоциональность и глубокий страх за будущее Испании.

Когда Ф. Гойя выпустил свою серию об ужасах войны, на которых изображены «горы трупов, пожары, казни партизан, бесчинства мародеров, муки голода, карательные экспедиции, опозоренные женщины, осиротевшие дети» и под названием «Los desastres de la guerra», 1810–1820 гг., или «Бедствия войны», на одной из них он написал «No se puede mirar» – «на это нельзя смотреть» [3, с. 124.]. И по сей день на некоторые его работы трудно смотреть. Его глухота и изоляция, дали ему некую свободу работать в более экспериментальном ключе, в отличие от того, что требовал король и общество. Ф. Гойя говорил правду, но не все хотели эту правду воспринимать.

Серия гравюр Ф. Гойи «Лос-Капричос» и «Бедствия войны» давно получили признание, как один из высших памятников европейского искусства. Исследуя художественные произведения Ф. Гойя, мы в одной из наших статей указали, что этот художник в своих произведениях «показывает нам то, о чем обычно зрители его времени не размышляли, он говорит нам о том, что скрыто глубоко внутри человеческой души, неосознаемое и трудно уловимое» [1, с. 67.]. Своего рода это некий философский труд, который изобличает внутренний мир, своего рода «психологический багаж» человечества того времени.

Между 1810–1819 гг., когда Ф. Гойя был частью, оккупированного французами испанского двора, прежде чем отправиться в изгнание, он работал над серией из 82 гравюр «Бедствия войны». Но эти офорты, в отличие от его известной работы «Третье мая 1808 года», где отчетливо различаются «плохие» и «хорошие» герои, гораздо более двусмысленны и конфронтационны. На них также сложно, если не еще больнее, смотреть, как на его «черные картины». Стоит отметить, что картина Ф. Гойя «Третье мая 1808 года» настолько шокировала правительство того времени, что это произведение было спрячено почти на 40 лет в хранилище.

В этих работах он отвергает напыщенный героизм прежнего военного искусства и показывает его влияние на отдельных людей. Это не пропаганда или навязывание своего взгляда, его работы – это буквально репортаж происходящего. Художник переворачивает с ног на голову такие понятия как патриотизм, героизм и триумф. Он лично пережил этот опыт, видел все зверства своими глазами. Ф. Гойя так и говорит об этом своему зрителю, на листе 44 серии написано «YO LO VI» – «Я видел это»

[4]. Он видел людей, умирающих от голода на улицах, он видел казни и видел нападения.

В целом можно отметить, что художественные произведения Ф. Гойя того времени были отражением его отвращения к авторитарной политике, возглавляемой королем Фердинандом, а учитывая голод, жестокость и бедность, которые царили в обществе того времени, это было частью движущей силы «черных картин» [11].

С другой стороны, он говорит, что испанцы могут быть такими же жестокими и садистскими, как и французы. Ф. Гойя смело отказывается принимать чью-либо сторону, что абсолютно новаторски для истории.

В целом, все его графические работы (офорты) можно разделить на три группы: ранние – это произведения о наполеоновском нашествии, вторая группа касалась голода, который последовал, когда Ф. Гойя стал свидетелем плохого обращения с бедными со стороны богатых, а затем – последняя группа – документирует движение Испании к абсолютизму и высмеивает церковь.

По большей части офорты выходят за рамки конкретики. Работа Ф. Гойи универсальна, потому что в ней есть глубокое сострадание ко всем жертвам войны и понимание страдания, которое затрагивает всех и лежит в основе Человечества. Так на листе 60 одинокий выживший, столкнувшись с миром опустошения, разрушения и страданий, в отчаянии кричит: «No hay quien los socorra» – «Им некому помочь» [8].

Художнику было 62 года, когда он начал работать над гравюрами, а закончил он их во время правления Фердинанда VII, но они тогда не были опубликованы, эти работы увидели свет лишь спустя 35 лет после смерти Ф. Гойи.

В 1819 г., в возрасте 73 лет, художник переезжает на ферму в сельской местности, где изолируется. И здесь, в условиях «секретности» он создал одни из самых необыкновенных образов в истории искусства. Поскольку его «черные картины» были достаточно далеко от Короля и инквизиции, он позволял выразить себя именно так, как хотел, в безопасности от посторонних глаз, в отличие от серий картин «Капричос» и «Бедствия войны» с ужасающими изображениями, которые он либо не публиковал, либо немедленно убирал из продажи из-за боязни угрозы со стороны властей.

Именно здесь он приступил к созданию необычного цикла из 14 работ, написанных прямо на стенах двух этажей своего дома. Ф. Гойя жил и работал как отшельник, и сейчас мы даже не знаем, как он их называл, так как никогда не упоминал и не подписывал их. Сам факт того, что этот талантливый художник создал их как фрески, а не на холсте или оргалите, является достаточным доказательством того, что он никогда не ожидал, что его картины будут выставлены на всеобщее обозрение.

К картинам можно относиться по-разному, но вероятно, не стоит на них смотреть под призмой глухоты или болезни автора, поскольку нет доказательств, которые бы свидетельствовали о безумии художника. Следует рассматривать работы в контексте политических и религиозных событий. И конечно, стоит понимать, что это картины старого, усталого человека, лишённого статуса и богатства, разочарованного и злого на мир, который пытается выразить свои ощущения с помощью масла и кисти.

Среди работ сложно выделить единую тематику, скорее работы связаны техникой и колористикой. Палитра масла очень ограничена, а его манера письма широка, энергична и хаотична.

При этом стоит отметить, что «черные картины» Ф. Гойи были названы таким образом не только потому, что они визуальны темные, и преимущественно окраше-

ны в черный, коричневый и серый цвета с дополнительными оттенками, такими как белый, красный и синий, но также из-за их темных психологических аспектов. Художник нарисовал широкий спектр тем в своих «черных картинах», начиная от женских и мужских фигур и заканчивая животными, такими как собаки и большая черная коза на картине «Ведьмин шабаш» [6].

А, например, в работе «Паломничество в Сан-Исидро» можно увидеть разочарование художника. Работа повторяет сюжет картины «Луг у Сан-Исидро» написанной художником еще в 1788 г. [10]. На этих картинах изображен праздник святого Исидора, который проходит каждое 15 мая в г. Мадриде. Невозможно не отметить, что картина, написанная Ф. Гойей в 1788 г., полна света и радости. Но за 30 лет, за те годы, которые видели Французскую революцию, подъем и падение Наполеона, оккупацию Испании и последовавшую за этим партизанскую войну, расширение инквизиции и восстановление короля-диктатора, мир художника превратился в кошмар.

Более ранняя картина, написанная для принцессы, представляет собой праздник, полный молодых людей, танцующих, пьющих и веселящихся. В более поздней версии, изображена та же самая сцена, но небо превратилось из великолепного солнечного света в темное и грозное. Где когда-то гуляющие подпевали для духовых оркестров, источником музыки теперь является одинокий сумасшедший. Некогда организованная толпа, теперь это кипящая масса безумия, уже не смеется, а буквально воет в агонии. И причина их боли – Наполеон Бонапарт, изображенный в середине массовых тел.

На картине «Два старика» можем увидеть 2 фигуры, окутанных темнотой, еще более подчеркивающей характер персонажей. Один старый мужчина держит трость, а другая звероподобная фигура, будто что-то орет ему на ухо. Эта тематика объединяет многие работы Ф. Гойи: противостояние безумия или иррациональности, представленное демонами, парящими над людьми. Как и со всеми другими «черными картинами», нельзя быть полностью уверенным, кто есть кто, можно сделать предположение, что это автопортрет Ф. Гойи, которому на тот момент было далеко за 70 лет. Особенно, если сравнить это изображение более поздним символическим автопортретом, который он создал около 1826 г. «Я еще учусь», на котором изображен старик с двумя тростями, почтенное лицо, окруженное пышными вьющимися волосами и бородой, раскрывает взгляд, который, как и во многих работах художника, несет в себе глубочайший смысл рисунка [7].

Смелым и храбрым шагом для художника с такими тесными связями с королевским двором, как у Ф. Гойи, было создать работу «Юдифь и Олоферн». Сюжет берет начало в библейском мифе – это момент в Ветхом Завете, когда Юдифь и ее слуга отсекли голову тирану Олоферну. Но, художник отходит от традиционной библейской истории, выводя ее из контекста, удаляет все признаки иконографии и фокусируется только на действии. Юдифь, которую он изображает, вполне может быть женщиной времен Ф. Гойи, чтобы найти подтверждение этому, стоит посмотреть на картину «Молочница из Бордо», написанную в 1827 г. В этом и заключается метафоричность картины, возможно, что тиран Олоферн – намек на жестокого короля Фердинанда VII., а Юдифь – олицетворение испанского народа.

В некоторых частях Испании при жизни художника, были разрешены драки, в которых противники могли забить друг друга до смерти, поэтому сцена росписи «Поединок на дубинах» не нова для глаз художника. Здесь изображены двое мужчин, которые бьют друг друга,

будто «выбивая» из жизни. Мужчина слева весь в крови, а мужчина справа закрывает лицо, во время битвы они медленно погружаются грязь. Эта сцена жестокого и бессмысленного насилия является олицетворением беспорядков в Испании того времени.

В работе «Два старика едят суп» художник возвращается к теме, с которой он работал и ранее – к пропасти между имущими и бедными. В данном случае через аллегорию чревоугодия. Две фигуры вырисовываются из темноты, тот, что слева, с аппетитом набрасывается на еду, с ухмылкой, и нарочно отворачиваясь от другой фигуры, уже практически мертвой и разлагающейся.

Изображение «Атропос» – это своего рода интерпретация Ф. Гойей мифологического сюжета: Мойр, или сестер Судьбы. Слева Клото, младшая сестра, обычно ее можно увидеть прядущей нить жизни, но у Ф. Гойи она держит новорожденного ребенка. Лахесис, вторая сестра, держит линзу, через которую она осматривает нить жизни. А Атропос, старшая сестра, несет ножницы, которые она будет использовать, чтобы или перерезать нить жизни – или нет. В классической мифологии, сестры Судьбы появляются через три ночи после рождения ребенка и определяют ход его жизни. Клото председательствует в тот момент, когда мы рождаемся, и ребенок, которого она держит, на изображении все еще связан нитью жизни. Но, к сожалению, Атропос уже перерезала нить, жестокая судьба младенца решена. Ф. Гойя добавил четвертую фигуру, которой нет в Мифе, человек со связанными за спиной руками. Возможно, художник изобразил сам себя – как беспомощного перед своей судьбой, который ничем не может помочь.

Работа «Асмодея» была названа так другом Франсиско – Антонио Бругада, который имел в виду короля демонов и ада – Асмодея [5]. Основное внимание уделяется двум плавающим фигурам: одна мужская и одна женская. Обе кажутся напуганными, она закрывает лицо и смотрит в противоположном направлении, как будто их преследуют, а он указывает на город на вершине горы, возможно Гибралтарской скалы, которая была убежищем для испанских либералов во время войны на полуострове. Толпа с лошадьми и повозками выглядит как беженцы, бегущих от опасности. На переднем плане лицом к фигурам изображены солдаты, которые целятся в беззащитную толпу, напоминающие французскую армию из другой знаменитой картины художника «Третье мая 1808 года», посвященной жестокости войны за независимость Испании.

Другое полотно известного художника – «Сатурн, пожирающий своего сына» – самая известная из «черных картин», самая ужасная и самая обсуждаемая. Сюжет картины берет свое начало из мифологического рассказа о греческом боге Кроносе, которого римляне называли Сатурн. По мифологии ему было предсказано, что кто-то из детей его свергнет, и потому он безжалостно проглатывал их.

Но в данном изображении, Сатурн не проглатывает тело целиком, а вгрызается в него. Этот бог похож на чудовище, его жертва беспомощно мертва, но в глазах бога мы по-прежнему видим страх, нечеловеческий ужас. Этот образ можно трактовать по-разному: можно вспомнить, фразу «революция пожирает своих детей» или, можно сказать, что Хронос – это символ времени, которое уничтожает все живое. А необработанная плоть фигуры – это плоть, свидетелем которой Ф. Гойя был, когда находился в Мадриде, когда вооруженные люди убивали невинных граждан на улице. Бедность и голод, оставил в городе массу изголодавшихся тел и трупов, разлагающихся прямо на улице. Ф. Гойя видел ад на Земле и изобразил его в своих картинах. Эта

картина о «власти» и о том, как далеко люди могут зайти, чтобы ее удержать, даже если придется есть «собственных детей». Иными словами, на данных картинах художник изображает тот inferнальный мир, который окружал его и всех, кто жил в Испании того времени.

Работа «Утопающий пес», пожалуй, один из самых пессимистичных необычных образов из всей серии. На ней изображена голова собаки, смотрящая вверх, потерянная на просторах остальной части изображения. Собака будто тонет в зыбучих песках и смотрит вверх в надежде что-то найти. На исходном фото видно, что собака смотрит на двух птиц, летящих в небе, которая исчезла с картины при переносе ее со стен на холст. Тот факт, что пес видит свободно летающих птиц, делает образ еще более трагичным [9]. Эта собака является заменой Ф. Гойи для человечества. Борясь в одиночку, как собака, мы пытаемся найти в небе чудо, которое никогда не придет.

Стоит отметить, что «черные картины», будучи никому неизвестными работами при жизни знаменитого художника Ф. Гойи, принесли ему всемирную узнаваемость после смерти и стали главной ассоциацией с его творчеством.

Его называли самым радикальным художником из когда-либо живших, последним из старых мастеров, и первым из современных. Но слово, которое снова и снова всплывает в творчестве Ф. Гойи, это «Правда». Он был дальновидным художником, который стал летописцем буйной эпохи и подарил нам неудобные истины, которые находят отражение и в современной реальности. В этих картинах художник отразил тот inferнальный мир с характером всеобщности, который окружал Испанию того времени. Они также передают его пессимистический взгляд на все человечество. После наполеоновских войн и внутренних беспорядков, затронувших социальную и политическую жизнь Испании, у Ф. Гойи сложилось мрачное отношение к человечеству. Он показал, что обычные люди способны на зло и могут делать необычные вещи. И что иногда, когда мы ищем монстров, мы должны заглянуть и внутрь себя.

Литература

1. Антрушина К.Т. Франсиско де Гойя и его влияние на творчество Пабло Пикассо // Социально-гуманитарные знания. – № 2. – 2023. – С. 67.
2. Война за независимость Испании 1808–1814 [Электронный ресурс] // URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/5817437 (дата обращения 21.02.2023)
3. Каптерева Т. Искусство Испании // Всеобщая история искусств: в 6 т. / под общ. ред. Ю.Д. Колпинского, Н.В. Яворской. М.: Искусство, 1964. Т. 5. Искусство XIX века. Всемирная энциклопедия искусства. – 1200 с.
4. Серия «Бедствия войны», лист 44: Я сам это видел [Электронный ресурс] // URL: https://archive.ru/franciscogoya/works/19986~Serija_Bedstvija_vojny_list_44_Ja_sam_eto_videl (дата обращения: 21.02.2023).
5. Asmodea [Электронный ресурс] // URL: <https://www.thehistoryofart.org/francisco-de-goya/asmodea/> (дата обращения: 21.02.2023).
6. Francisco Goya «Black Paintings» – Examining Goya's Dark Paintings [Электронный ресурс] // URL: <https://artincontext.org/francisco-goya-black-paintings/> (дата обращения: 21.02.2023).
7. I am still learning [Электронный ресурс] // URL: <https://www.museodelprado.es> (дата обращения: 21.02.2023).
8. No hay quien los socorra [Электронный ресурс] // URL: <https://www.museodelprado.es/coleccion/obra-de-arte/no-hay-quien-los-socorra/7812d1e0-9773-4013-b24d-bbcc858d25d6> (дата обращения: 21.02.2023).
9. Perro semihundido (Juan Laurent) [Электронный ресурс] // URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Perro_semihundido_\(Juan_Laurent\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Perro_semihundido_(Juan_Laurent).jpg) (дата обращения: 21.02.2023).
10. The Pilgrimage to San Isidro [Электронный ресурс] // URL: <https://www.museodelprado.es/en/the-collection/art-work/the-pilgrimage-to-san-isidro/d6d92063-15a9-4cfb-a7be-3576a2f8b87e> (дата обращения: 21.02.2023).
11. Why Did Francisco Goya Make His Black Paintings? [Электронный ресурс] // URL: <https://www.thecollector.com/why-did-francisco-goya-make-his-black-paintings/> (дата обращения: 21.02.2023).

THE «BLACK PAINTINGS» PERIOD OF THE WORK OF FRANCISCO GOYA

Antrushina K.T.

RANEPa under the President of the Russian Federation

The article analyzes the «Black Paintings», the most mysterious, period of Francisco Goya's work, revealing the relationship between the historical events of the artist's life, personal experiences and plots of his works. The author concludes that F. Goya, being a real creative genius, an artist of borderline, mystical experience, created his own unique infernal world with the character of universality, reflecting the reality of that time.

Keywords: creativity, art, black paintings, etchings, Francisco Goya, pessimism, diabolical themes, infernal world.

References

1. Antrushina K.T. Francisco de Goya and his influence on the work of Pablo Picasso // Social and Humanitarian Knowledge. – № 2. – 2023. – P. 67.
2. The Spanish War of Independence 1808–1814 [Electronic resource] // URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/5817437 (accessed: 21.02.2023).
3. Kapтерева Т. The Art of Spain // General History of Arts: in 6 volumes / under the general. ed. Yu.D. Kolpinsky, N.V. Yavorskaya. Moscow: Art, 1964. T. 5. Art of the 19th century. World Encyclopedia of Art. – 1200 p.
4. The Disasters of War series, sheet 44: I saw it myself [Electronic resource] // URL: https://archive.ru/franciscogoya/works/19986~Serija_Bedstvija_vojny_list_44_Ja_sam_eto_videl (accessed: 21.02.2023).
5. Asmodea [Electronic resource] // URL: <https://www.thehistoryofart.org/francisco-de-goya/asmodea/> (accessed: 02.21.2023).
6. Francisco Goya «Black Paintings» – Examining Goya's Dark Paintings [Electronic resource] // URL: <https://artincontext.org/francisco-goya-black-paintings/> (accessed: 21.02.2023).
7. I am still learning [Electronic resource] // URL: <https://www.museodelprado.es> (accessed: 21.02.2023).
8. No hay quien los socorra [Electronic resource] // URL: <https://www.museodelprado.es/coleccion/obra-de-arte/no-hay-quien-los-socorra/7812d1e0-9773-4013-b24d-bbcc858d25d6> (accessed: 02.21.2023).
9. Perro semihundido (Juan Laurent) [Electronic resource] // URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Perro_semihundido_\(Juan_Laurent\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Perro_semihundido_(Juan_Laurent).jpg) (accessed: 21.02.2023).
10. The Pilgrimage to San Isidro [Electronic resource] // URL: <https://www.museodelprado.es/en/the-collection/art-work/the-pilgrimage-to-san-isidro/d6d92063-15a9-4cfb-a7be-3576a2f8b87e> (accessed: 02.21.2023).
11. Why Did Francisco Goya Make His Black Paintings? [Electronic resource] // URL: <https://www.thecollector.com/why-did-francisco-goya-make-his-black-paintings/> (accessed: 21.02.2023).

Специфика исследования субъективного времени индивида с ограниченными возможностями в пространстве инклюзивного социума: опыт концептуализации темпоральных референтов

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: vitl_2002@list.ru

Забровский Вадим Алексеевич,

студент факультета экономики и права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).
E-mail: Vadim.frayd7777@gmail.com

Показывается, что использование концептуального аппарата современной философии систематизирует идеи и представления об особенностях субъективного времени индивида с ограниченными возможностями в пространстве инклюзивного социума с акцентом на интенционально-ориентированную деятельность в жизни человека. Демонстрируется, что при обращении к интенциональности субъективного времени в сфере индивидуального сознания выделяются уровни осмысления и осознания основных перспектив по реализации возможностей ведения индивидов с ОВ целерациональной и ценностно-рациональной деятельности. Анализируются ситуации, в которых исследование субъективного времени непосредственно связано с использованием темпоральной референции. Показывается, что интенционально-индексированная структура и сегменты субъективного времени связываются с восприятием и пониманием времени посредством темпорального периода и момента «настоящее», принимаемых как базовые темпоральные факторы для выделения в качестве сценариев и перспектив внутреннего развития инклюзивного социума. Постулируется, что сегмент субъективного настоящего правомерно выделять как необходимый концепт, направленный на изучение внутренней структуры целерациональной деятельности, детерминированной интенциональными действиями человека. Выявляется, что процесс самоидентификации индивида с ограниченными возможностями непосредственно зависит от содержательной наполненности его субъективного времени. Именно субъективное время определяет две основные ступени осознания и осмысления человеком собственно-наличного бытия – это оценочная ступень (сегмент субъективного времени «прошлое-настоящее») и ступень идентификационных перспектив (сегмент субъективного времени «настоящее-будущее»).

Ключевые слова: включающее общество, инклюзивное пространство, субъективное время, темпоральные референты, интенциональность, ограниченные возможности (ОВ).

Введение

В современной философской, социологической и педагогической литературе обозначился повышенный интерес к обсуждению идей и концепций становления и конструирования инклюзивного общества (включающего общества) с приоритетом систематического исследования повседневной реальности людей, имеющих различные ограничения с позиции условий их жизнедеятельности и существования в социуме (ограниченные возможности). Актуальным представляется научно-исследовательский интерес к формированию философской системы понятий, способной выступить в качестве методологического основания для интегральной интерпретации различных аспектов становления включающего общества.

Основная часть

Использование концептуального аппарата современной философии систематизирует идеи и представления об особенностях субъективного времени индивида с ограниченными возможностями в пространстве инклюзивного социума с акцентом на интенционально-ориентированную деятельность в жизни человека. Структурно, субъективное время упорядочивается посредством последовательных темпоральных сегментов: «прошлое время», «настоящее время» и «будущее время». Сегмент настоящего обозначает чувственно-созерцательную интенциональность индивида, сегмент прошлого определяется его исторической памятью, а сегмент будущего непосредственно проектирует ментальные установки и регуляторы сознания человека. Обращение к интенциональности субъективного времени показывает, что в сфере индивидуального сознания выделяются уровни осмысления и осознания основных перспектив по реализации возможностей ведения индивидов с ОВ целерациональной и ценностно-рациональной деятельности.

Исследование субъективного времени непосредственно связано с использованием темпоральной референции, например с моментами времени соотносятся этапы аккумуляции индивидуального опыта на основе результатов человеческой жизнедеятельности. В рамках стадий субъективного времени можно интерпретировать и оценивать практическую реализацию индивидуально-бытия людей с ОВ. Именно в сфере субъективного времени осуществляется осмысление человеком своей внутренней сущности, стоящих задач и целей. С другой стороны, значимым является параметр интенциональных трансформаций субъективного времени, показывающий «поток» переживаний и ментальных образов людей с ОВ.

Интенционально-индексированная структура и сегменты субъективного времени связываются, прежде всего, с восприятием и пониманием времени посредством темпорального периода и момента «настоящее», принимаемых как базовые темпоральные факторы для выделения в качестве сценариев и перспектив внутреннего развития инклюзивного социума. Сегменты субъек-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515, <https://rscf.ru/project/22–28–00515/> в Ростовском государственном экономическом университете в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

ективного времени предполагают принятие различных векторов становления ментальных образов человека с ограниченными возможностями. Как следствие, внимание, воображение и память формируют основу субъективного времени, выступая приоритетными предпосылками темпоральных векторов и тенденций жизнедеятельности социальной группы людей с ОВ.

Сегмент субъективного настоящего правомерно выделять как необходимый концепт, направленный на изучение внутренней структуры целерациональной деятельности, детерминированной интенциональными действиями человека. Принятие параметра длительности сегмента настоящего дает возможность указать на две его основных интерпретации. Прежде всего, сегмент настоящее предстает в качестве некоторой длительности, причем в ее пределах реализуется системное восприятие в человеческом сознании сущности и непрерывного «потока» переживаний и ментальных образов. Исходя из специфики темпоральных референтов, необходимо использование многоуровневой структуры времени, позволяющей представлять периоды с исходно неопределенными границами, отражающие действительность темпорально-индексированных исторических границ формирования повседневного инклюзивного пространства.

Многоуровневая структура времени с последовательными упорядоченными периодами дает возможность применять относительно сегментов субъективного времени характеристику «субпериодичность», что значимо с методологической точки зрения, утверждающей синтез дискретного и континуального аспектов. В свою очередь, стадии отличает соотношение периодов и моментов, на основе которого формируются многоуровневые моментно-периодические структуры. Фактически стадии перекрывают периоды и моменты, определяя базисные параметры моментно-периодической структуры и отражая наличие транзитов между ментальными образами и состояниями.

Интенциональность как основной параметр интереса субъективности в системе субъективного времени человека с ограниченными возможностями рассматривается как сущностно-индивидуальная характеристика, соотносимая с коллективным обыденным сознанием людей с ОВ в инклюзивном микросоциуме. Субъективно-субстанциональные аспекты социального времени инициируют построение n-уровневых моделей, касающихся процессов и комплексов переживаний индивидом периода своего вхождения в инклюзивное общество и реконструкции ментальных образов и чувственных восприятий в системе индивидуального сознания. Характеристика интенциональности времени индивида с ограниченными возможностями показывает специфическую особую форму упорядочивания, синхронизации и существования различных явлений и событий в сегменте индивидуально-ментальных образов внутреннего опыта индивида.

В свою очередь, индивидуально-ментальная темпоральность выделяется при рассмотрении уникальных и стереотипных форм наглядно-образного перенесения всего комплекса переживаний индивидуально-наличной событийности в сферы человеческого сознания. В этой связи интенциональная темпоральность имманентно трансформируется в индивидуальное время, демонстрирующее специфику внутреннего опыта и отличительные особенности ментальных образов индивида с ограниченными возможностями как необходимых этапов становления системы социальных событий, получающих индексацию в индивидуальном сознании. Воспринимая систему подобных событий, индивид с ограниченными возможностями непосредственно погружается в процессы темпорального переживания и проживания всего комплекса событий трансформирующегося социума. Естественно,

что внутренне-определенная темпоральность индивида с ОВ соотносится с происходящими преобразованиями и изменениями в структуре инклюзивного общества, отражая его открытость и нестабильность.

Процесс самоидентификации индивида с ограниченными возможностями непосредственно зависит от содержательной наполненности его субъективного времени. Именно субъективное время определяет две основные ступени осознания и осмысления человеком собственного наличного бытия – это оценочная ступень (сегмент субъективного времени «прошлое-настоящее») и ступень идентификационных перспектив (сегмент субъективного времени «настоящее-будущее»). В рамках оценочной ступени показывается специфика представления исходных концептуально-содержательных аспектов осмысления, понимания и интерпретации контента субъективного времени. Именно оценочная ступень, индексирующая сегмент прошлого-настоящего, дает возможность провести оценку совокупности качественных параметров субъективного времени человека с ограниченными возможностями, касающихся его внутренней определенности по отношению к индексации и интерпретации последовательности явлений и событий в периодах «потока сознания». Происходит комплексная оценка сегмента прошлого, в котором воспроизводятся комплексы мыслительных процессов человека с ОВ.

Значимость комплексной оценки определяется обозначением характеристик субъективного времени людей с ограниченными возможностями в интервалах их структурно-содержательных трансформаций от общества традиционного к обществу инклюзии. При этом основные приоритеты направлены на изучение количественных характеристик субъективного времени, предполагающих исследование его интенсивности с позиции синтеза психологического, индивидуального и биологического времени. С другой стороны, на ступени перспектив демонстрируется ценностно-целевые и эвристические возможности субъективного времени относительно сегмента настоящего-будущее. Эта ступень связана с особенностями мыслительно-операциональной деятельности людей с ОВ. В этой связи приоритетной становится реконструкция контента субъективного времени с акцентом на осмысление и осознание человеком специфики индивидуального бытия в контексте жизнедеятельности общества инклюзии.

Заключение

Понимание субъективного времени связывается с процессами переживания и проживания человеком с ограниченными возможностями некоторого настоящего момента собственного индивидуального существования. Поэтому субъективное время представляется как своеобразная интенционально-ориентированная длительность в жизни человека с ОВ во включающем социуме. Комплексность исследования субъективного времени индивидов с ограниченными возможностями вызывает реальный исследовательский интерес относительно рассмотрения интенциональности в сфере индивидуального сознания с выделением уровней осмысления и осознания основных перспектив по реализации возможностей ведения целерациональной и ценностно-рациональной деятельности.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.

2. Научные исследования: информация, анализ, прогноз. Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
3. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–25. С. 5730–5733.
4. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // *Философия права*. 2012. № 5 (54). С. 86–90.
5. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества // *Социально-гуманитарный вестник Юга России*. 2011. № 7–8 (15–16). С. 39–45.
6. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в системе динамических категорий // *Философия права*. 2015. № 1 (68). С. 25–29.
7. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 1–2. С. 361–364.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 7. С. 111–114.
9. Попов В.В., Солoduхин О.А. К логической проблеме изменений во времени // *Философские науки*. 1991. № 5. С. 174.
10. Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение. Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лакнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., Исупова О.А. и др. Воронеж, 2003. Книга 3. 244 с.
11. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.
12. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // *Pro et contra*. 2015. № 2 (1). P. 6–19.
13. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P. Hall // *Journal of Disability Policy Studies*. 2002. № 13 (3). P.144–152.

THE SPECIFICITY OF STUDYING THE SUBJECTIVE TIME OF AN INDIVIDUAL WITH LIMITED POSSIBILITIES IN THE SPACE OF AN INCLUSIVE SOCIETY: THE EXPERIENCE OF CONCEPTUALIZING TEMPORAL REFERENTS

Popov V.V., Zabrovskiy V.A.

Taganrog Institute A.P. Chekhov (branch) of the Rostov State Economic University (RINH)

It is shown that the use of the conceptual apparatus of modern philosophy systematizes ideas and ideas about the features of the sub-

jective time of an individual with disabilities in the space of an inclusive society with an emphasis on intentionally oriented activity in a person's life. It is demonstrated that when referring to the intentionality of subjective time in the sphere of individual consciousness, levels of comprehension and awareness of the main prospects for the realization of the possibilities of conducting goal-oriented and value-rational activities by individuals with OB are distinguished. Situations are analyzed in which the study of subjective time is directly related to the use of temporal reference. It is shown that the intentionally-indexed structure and segments of subjective time are associated with the perception and understanding of time through the temporal period and the "present" moment, taken as basic temporal factors for highlighting as scenarios and prospects for the internal development of an inclusive society. It is postulated that it is legitimate to single out the segment of the subjective present as a necessary concept aimed at studying the internal structure of purposeful rational activity determined by the intentional actions of a person. It is revealed that the process of self-identification of an individual with disabilities directly depends on the content of his subjective time. It is the subjective time that determines the two main stages of a person's awareness and comprehension of his own existence – this is the evaluative stage (the segment of subjective time "past-present") and the stage of identification perspectives (the segment of subjective time "present-future").

Keywords: inclusive society, inclusive space, subjective time, temporal referents, intentionality, limited possibilities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // *Fundamental research*. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Scientific research: information, analysis, forecast. Lip-skaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. .V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. ., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / *Voronezh State Pedagogical University*. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
3. Popov V.V., Agafonova T.P. Specifics of the temporality of the legal consciousness of a social subject // *Fundamental Research*. 2015. No. 2–25. pp. 5730–5733.
4. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science // *Philosophy of Law*. 2012. No. 5 (54). pp. 86–90.
5. Popov V.V., Chalenko M.V. Specificity of transitional states of modern Russian society // *Social and humanitarian bulletin of the South of Russia*. 2011. No. 7–8 (15–16). pp. 39–45.
6. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the system of dynamic categories // *Philosophy of Law*. 2015. No. 1 (68). pp. 25–29.
7. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Social Contradiction in the Context of Nonlinear Processes // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1–2. pp. 361–364.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Contradictions in the context of transitional periods of a transitive society // *International Journal of Experimental Education*. 2016. No. 7. P. 111–114.
9. Popov V.V., Solodukhin O.A. To the logical problem of changes in time // *Philosophical sciences*. 1991. No. 5. S. 174.
10. Modern entrepreneurship: socio-economic dimension. Emelyanov S.G., Golik N.I., Novikova I.V., Chirkova M.B., Fedosov P.E., Zolotarev V.N., Popov V.V., Ovchinnikova T.I., Kloizner V.D., Devyatkin G.T., Vavulin D.A., Timoshenko O.A., Varlamova T.P., Lakhnova T.V., Mogilevskaya G.I., Lavrentieva I.V., Velikaya E.G. ., Litvinova A.V., Semenov V.A., Isupova O.A. and others. *Voronezh*, 2003. Book 3. 244 p.
11. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of modern discussions: philosophical and cultural problems / *Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph*. M.: MGPPU, 2013. S.25–38.
12. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // *Pro et contra*. 2015. No. 2 (1). R. 6–19.
13. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P. Hall // *Journal of Disability Policy Studies*. 2002. No. 13 (3). R.144–152.

Цифровизация и сетевизация как угроза духовным ценностям общества

Шафигуллин Василий Абдуллович,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Казанская государственная академия ветеринарной медицины»

E-mail: shafigullin@inbox.ru

Практически все стороны жизни личности на сегодняшний момент стали оцифрованными, и даже межличностные связи принимают электронную форму. Процессы глобализации, сетевизации и цифровизации социальных отношений обусловили трансформацию общечеловеческих и национальных ценностей. Цифровизация происходит крайне быстрыми темпами, имеет глубинное влияние и колоссальный масштаб, что позволяет сетевой реальности беспрепятственно формировать и внедрять собственные ценностные конструкции в сознание мировой общественности. В молодежной среде под влиянием цифровизации происходит трансформация системы ценностей в пользу новых индивидуалистических установок. Роль традиций постепенно снижается, и человек уже не реконструирует опыт, а, скорее, создает его заново.

Духовными ценностями становятся стремление к самореализации, развитие социального капитала, индивидуальное благо. Нерегулируемость духовной сферы личности и общественных отношений в сетевом пространстве порождает риски выхода на первый план общественно нежелательных или опасных ценностей. Можно предположить, что оптимальным выходом из этапа кибердуховности является антропоцентрическая модель духовности. В ее рамках человек выступает источником изменений, а духовность конструируется им самостоятельно, декларируется автономно при следовании позитивным духовным ценностям.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, духовные ценности, аксиология, личность, индивидуализм.

Вопросы осмысления духовных ценностей общества и личностной аксиологии занимают человечество практически с самого начала зарождения цивилизации. Первые письменные попытки анализа духовных ценностей социума были зафиксированы в древних философских традициях Древнего Китая (Дао-дэ-цзин, И-цзин), Древней Индии (Веды), Древней Греции (Аристотель, Сократ, Платон), Древнего Рима (Аврелий, Сенека и проч.). Впоследствии размышления о духовных социальных константах как базисе функционирования здорового общества были продолжены мыслителями Средневековья и Нового времени: Августином, Фомой Аквинским, Эриугеной. Русская философская традиция также внесла значительный вклад в развитие концепций и представлений о духовных ценностях (В. Соловьев, С. Булгаков, П. Флоренский, Н.А. Бердяев и др.) [6, с. 146].

Современные философы, в процессах саморефлексии и критической оценки феноменов окружающей реальности, говорят о том, что духовные ценности представляют собой крайне важный и актуальный теоретический и прикладной аспект научного знания, ведь субъект, не имеющий духовных ценностей, не способен самостоятельно ориентироваться в окружающем его пространстве «цивилизованного варварства» [6, с. 150]. При этом в современных условиях все чаще возникает вопрос о целесообразности и релевантности традиционных духовных ценностей [3, с. 153]. Развитие социума достигло такого уровня, что оценить и измерить его с позиций классической аксиологии просто не представляется возможным. Во многом трансформация общечеловеческих и национальных ценностей обусловлена процессами глобализации, сетевизации и цифровизации социальных отношений.

Безусловно, мировое научное сообщество уже давно пришло к осознанию утопичности постиндустриальной идеи об идеальном балансе между традиционными ценностями и ценностями нового виртуализированного мира. Информатизация (цифровизация) происходит крайне быстрыми темпами, имеет глубинное влияние и колоссальный масштаб, что позволяет виртуальной сетевой реальности беспрепятственно формировать и внедрять собственные ценностные конструкции в сознание мировой общественности. Кроме того, «современное «общество в цифре» стремительнее своих предшественников» и, следовательно, набор ключевых для него ценностей также постоянно меняется [3, с. 153].

Прежде чем рассматривать трансформацию социальных духовных ценностей, происходящую под влиянием цифровизации и сетевизации, можно обратиться к тому, как данные процессы преобразовали жизнь отдельного человека. Практически все стороны жизни личности на сегодняшний момент стали оцифрованными, даже межличностные связи принимают электронную форму [3, с. 154]. С одной стороны, перенос части общественных отношений в сетевую среду существенно облегчает функционирование личности и общества, а с другой – во многом оказывается глубоко деструктивным. Существует риск подмены реальности пустым иллюзорным существованием; человек, сформированный в рамках Интернет-среды, пытается применять установки общения, характерные для виртуального пространства, но они, как очевидно, оказываются нефункцио-

нальными. Обратными сторонами всеобщей цифровизации выступают, помимо прочего, виртуальная аддикция, «кибербулинг», пропаганда антисоциального поведения, кибермошенничество, незаконный сбор персональных данных и проч.

В целом существующие мнения о трансформации духовных ценностей общества под влиянием «цифры» можно условно разделить на радикально пессимистичные и радикально оптимистичные. По нашему же мнению, критика цифровизации в контексте духовности общества вполне уместна, но, при этом, не следует недооценивать и ее конструктивный потенциал. Можно сказать, что наиболее взвешенным нам представляется промежуточный подход, позволяющий учитывать как негативные, так и положительные стороны тотальной цифровизации.

Рассмотрим доводы в пользу социально-деструктивной сущности цифровизации. Во-первых, как указывает Э.М. Молчан, ценности, генерируемые виртуальной средой, являются априори мнимыми и, за счет присущей им суггестивности и манипулятивности, находят свое отражение в когнитивно-эмоциональной сфере бытия личности [4, с. 58]. Ценностями современной интернет-сети выступают информация и материальные блага. Формирование же «реальных» ценностей требует реального социального пространства, продуктивного диалогического взаимодействия субъектов.

По мере погружения «в виртуальный мир фантомов мифологических объектов» [4, с. 59] происходит утрата реальных духовно-нравственных ценностей, подмена реальных ценностей мнимыми. Теряют актуальность и смысл традиционные аксиологические диады «добро – зло», «правильно – неправильно», «труд – праздность» и т.п., на которых и благодаря которым, собственно, и была построена человеческая цивилизация. Истина, указывает А.В. Грязнова, подается «как что-то мракобесное», свобода отождествляется со вседозволенностью [1, с. 218].

Корнем проблемы является вхождение детей и подростков в виртуальное пространство. Несформированная личность, не имеющая достаточного объема реального социального опыта диалогического взаимодействия и не сформировавшая четкие жизненные ценности, входит в сетевое пространство, перенимая все предложенные ей установки – как позитивные, так и негативные. Погружение такой личности в цифровое пространство естественным образом ведет к перепрограммированию сознания под те ценностные рамки, которые предлагаются ей в виртуальном обществе [4, с. 59]. В результате социум получает целую когорту людей, воспитанных сетевым пространством, причем его неограниченность и неконтролируемость не позволяет прогнозировать результаты подобного воспитания.

В данной связи Л.В. Кожевникова с соавт. говорит о текущем кризисе нравственности, порожденном цифровизацией общества. Сама по себе специфика глобальной Сети такова, что в ее рамках могут распространяться фейки, циркулировать запрещенные материалы, сведения манипулятивного характера; Сеть позволяет сохранять анонимность и получать доступ к различным данным, похищать интеллектуальную собственность и вести мошенническую деятельность [2, с. 165]. Неограниченный информационный массив приводит к тому, что нравственные ориентиры «сбиваются»: молодые люди, знакомясь с асоциальными массовыми трендами, начинают воспринимать их как ценностную константу, норму жизни. Интернет не позволяет провести четкую границу между нравственным и безнравственным, и незрелая личность становится жертвой подобной информационной открытости.

Схожий тезис выражают, помимо прочих, О.Н. Шихова и Е.В. Прямыкова: понятие о морали становится чуждым современной молодежи, что, собственно, вполне закономерно: Сеть диктует материально-прагматичный подход в оценке собственного и чужого жизненного опыта [8 с. 180]. Е.В. Грязнова с соавт. указывает: создаваемая цифровой средой культура зачастую «перечеркивает традиционные духовно-нравственные ценности», заменяя их сомнительными мировоззренческими ориентирами [1, с. 218].

Безусловно, человеческой натуре свойственно стремиться к поиску духовного, к обретению экзистенциальных смыслов, к размышлениям о сущности бытия и о его прекращении. В данной связи человечество всегда обращалась к различным формам религии – культовым, языческим верованиям, мировым религиям и их институтам, к альтернативным религиозным течениям. Сегодня достаточно большое количество людей позиционируют себя в качестве агностиков или атеистов, что, впрочем, не мешает им искать духовное в окружающей их действительности. Сетевизация дает возможность массовизации и популяризации альтернативных духовных трендов и формаций. Современный сетевой New Age развивается в контексте так называемых постмодернистских концепций религии – «не-религии», «имплицитной религии», «духовности», «религиозного рынка». Люди, утратившие религиозную опору, обращаются к «нерелигиозным» практикам, стремясь заполнить образовавшуюся нишу. В данной связи в сетевом пространстве набирают популярность оккультизм, неооккультизм, магия, неоязычество [7, с. 152]. В социальных сетях ведут деятельность целители, шаманы, маги, колдуны, астрологи, гадалки, адепты медитаций и альтернативных духовных практик, эксплуатирующие модные бренды шаманизма, ведических учений, таро, йоги и проч.; мистический и псевдонаучный характер приобретают существовавшие ранее направления бизнес-коучинга, тренингов личностного роста, психологических консультаций.

Все это, естественно, представляет собой опасную для социума тенденцию; кроме того, Сеть предоставляет неорелигиозным деятелям неограниченные возможности для постоянной самопрезентации посредством публикации постов, видео, гайдов, курсов. Как показывает наблюдение за подобными движениями, представители неорелигиозных течений используют кризисные социальные, экономические, политические ситуации для пиара (помощь при экономическом кризисе, в ситуации пандемии и т.п.). Подобно тому, как это происходило в 1990-е гг., лидеры новых псевдодуховных направлений декларируют приближение эры цивилизационного «перехода», глобальные катаклизмы, выход на новый виток спирали социальной эволюции и привязывают произошедшие и грядущие события к природным циклам, энергетическим потокам, первостихиям и иным архаическим конструктам. Все это говорит об опасном повороте общества в сторону неоязычества.

Как указано выше, чересчур однобокая критическая интерпретация цифровизации должна сопровождаться анализом доводов в пользу функционирования новой виртуальной среды и ее аксиологических установок. Следует отметить, что цифровизация общества позволяет человеку погружаться в пространство разнообразия интересов, практик и опыта; для общества главное – подготовить человека ко встрече с подобной многоликостью и динамически изменчивой среде [8, с. 180].

Достоинством цифровой среды является ее потенциал в плане социализации личности; цифровая среда, по мнению А.В. Грязновой, «ускоряет и уплотняет процесс социализации» [1, с. 219], т.е. позволяет человеку

адаптироваться и «встраиваться» в социум в более сжатые сроки, нежели в ситуации традиционного режима социализации. Кроме того, цифровая культура повышает эффективность социальной деятельности человека: в Сети можно встретить партнеров по интересам из любой точки мира, объединяться с ними в сообщества, реализовывать собственные социальные и карьерные амбиции.

Представленные выше выводы о деструкции ключевых духовных ценностей общества могут отчасти опровергнуть некоторые социологические и психологические исследования, проведенные российскими исследователями. Л.В. Кожевникова с соавт., к примеру, указывают, что в молодежной среде по-прежнему доминируют традиционные ценности, а сетевая среда все же не способна подорвать аксиологический фундамент большинства представителей нового поколения. Респонденты отмечают важность семьи, здоровья, любви, образования, свободы выбора, духовного развития, взаимопомощи, творчества. При этом авторы отмечают, что некоторые деформации в аксиологическом компоненте структуры личности все же произошли: труд и трудолюбие постепенно перестают быть главной жизненной ценностью, что может говорить о стабилизации установки на гедонизм, либо на изменение подхода к труду – труд становится возможностью самореализации и творчества и перестает быть самоцелью [2, с. 166].

Неоспоримо то, что цифровизация обусловила переход от традиционных ценностей к ценностям прогрессивным, современным. Интерпретировать данную тенденцию можно как в негативном ключе, так и с точки зрения ее преимуществ. Данный вывод применим не только к российскому социокультурному пространству, а, в принципе, к социуму любой страны.

Ранее общество развивалось в контексте традиционализма – особой социальной практики сохранения прошлого: люди реконструировали прошлое заново, обращаясь к опыту и традициям той социальной группы, к которой они принадлежали. Основой для данной реконструкции являлись традиции – результаты рационального, духовного и эмпирического познания бытия, а также межпоколенческие практики передачи этого опыта. Традиции, как указывает Л.Б. Омарова, «схожи с ценными алмазами, которые собирались, огранялись и доводились до совершенства на протяжении всей истории» [5, с. 54]. Сегодня роль традиций постепенно снижается, и человек уже не реконструирует опыт, а, скорее, создает его заново. Все это в значительной мере обусловлено переходом от традиционализма и коллективизма к индивидуализму. Отказ от перенятия подобных «капсул» готового аккумулированного коллективного опыта, по мнению некоторых исследователей, есть не что иное как утрата жизненных ориентиров и базисных духовных ценностей.

Сама по себе Сеть устроена таким образом, что реальные социальные связи в ней не имеют важного значения: человек действует от своего имени и самостоятельно, не оглядываясь на реакцию окружающего его социума. Индивидуалистические тенденции достаточно явно проявляются и в российском обществе: российская молодежь ценит независимость и самостоятельность, возможность принятия самостоятельных решений, свободу выбора форм и способов деятельности, стремится к избавлению от внешней регламентации. Роль социума в привитии духовных ценностей уже не оценивается так высоко [2, с. 166]. В молодежной среде под влиянием цифровизации происходит трансформация системы ценностей в пользу новых индивидуалистических установок.

Новые ценности, за счет сетевизации и цифровизации, легко обретают трансграничный характер. Молодежь адаптируется к изменяющимся условиям быстрее, чем предыдущее поколение, и уже нельзя однозначно сказать, что ядро менталитета спустя 5–10 лет по-прежнему будет наполнено традиционными духовными ценностями. В рамках новой индивидуалистической мировоззренческой парадигмы прежние духовные ценности зачастую интерпретируются в негативном ключе: внешняя регламентация поведения человека и ориентир на общественное мнение понимается как порабощенность, отсутствие новаторства – как инертность, установка на социальное благо – как безличный коллективизм.

Можно сказать, что все описанные выше процессы порождают раскол в современном российском обществе: часть населения придерживается традиционных ценностей, характерных для «русской духовности» – коллективизм, соборность, общинность, социальная справедливость, тогда как другая часть исповедует следованые диаметрально противоположным принципам.

Подобное противоречие обусловлено, помимо сетевизации, спецификой исторического развития страны. Долгое время в государстве декларировались совершенно четкие общественные идеалы – бесклассовое общество, коллективизм, труд во благо коллектива; все общественные институты функционировали в контексте единой идеологической системы, формирующей ценностный образ советского человека. Система государственных СМИ являлась безальтернативным источником трансляции ценностей. В период перестройки и становления суверенных государств на пространстве бывшего СССР наблюдалась эскалация конфликта между транслируемыми идеалами и повседневной реальностью, стратегиями и тактиками политической власти, что привело к двойной морали и искажению ценностных представлений [8, с. 181]. Появились частные независимые СМИ, которые оспаривали доминирующую аксиологию; с появлением Интернета возможность транслировать собственную аксиологию получили все его пользователи. Все это, собственно, и привело к радикальному сдвигу в структуре ценностей граждан.

В заключение следует отметить, что смена массовой аксиологии – отнюдь не новое явление. Если проследить историческую эволюцию моделей формирования духовности в отечественном социально-культурном пространстве, можно прийти к выводу о наличии нескольких этапов со свойственными им мировоззренческими парадигмами. Долгое время (до момента формирования СССР) доминировала (1) теоцентрическая модель духовности, с акцентом на «духовные стабильные воспроизводимые практики» [8, с. 182]. Бог понимался в качестве центра вселенной, и ценности людей выстраивались вокруг христианской доктрины. Данную модель сменила (2) социоцентрическая парадигма, декларирующая коллективное начало во всем, Область саакрального переместилась из пространства «Бог – человек» в пространство межличностных коллективных отношений. Данный этап, как и предыдущий, возводил в приоритет коллективизм, соборность, уважение традиций. На современном этапе, можно сказать, общество развивается по модели (3) кибердуховности. Кибердуховность, по О.Н. Шиховой и Е.В. Прямиковой, есть максимальный отход от коллективизма и институционального порядка. Духовными ценностями становятся стремление к самореализации, развитие социального капитала, индивидуальное благо. Нерегулируемость духовной сферы личности и общественных отношений в Сети порождает риски выхода на первый план общественно нежелательных или опасных ценностей. Можно предположить,

что оптимальным выходом из этапа кибердуховности является (4) антропоцентрическая модель духовности. В ее рамках человек выступает источником изменений, а духовность конструируется им самостоятельно; декларируется автономность при следовании позитивным духовным ценностям.

Литература

1. Грязнова, Е.В. Духовный кризис и цифровая культура / Е.В. Грязнова, А.С. Шалатов, В.Н. Шалатонова // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. – 2021. – № 5 (55). – С. 215–220
2. Кожевникова, Л.В. Трансформация духовно-нравственных ценностей молодежи в контексте глобализации / Л.В. Кожевникова, И.Е. Старовойтова, О.Ю. Яценко // *Вестник ГУУ*. – 2019. – № 7. – С. 164–169.
3. Михайлова, М.Н. Проблема сохранения духовных ценностей в условиях цифровизации социальных процессов / М.Н. Михайлова, Э.А. Пирвердиева // *Социология*. – 2021. – № 6. – С. 153–158.
4. Молчан, Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации / Э.М. Молчан // *Вестник МГОУ. Серия: Философские науки*. – 2019. – № 2. – С. 55–66.
5. Омарова, Л.Б. Традиции как фундамент устойчивости общества / Л.Б. Омарова // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2022. – № 4. – С. 51–58.
6. Понарина, Н.Н. Духовность человека информационного общества / Н.Н. Понарина, М.А. Губанова, С.А. Рудых // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. – 2021. – № 4. – С. 145–151.
7. Хвастунова, Ю.В. Сетевой Нью Эдж и его региональное преломление в современном обществе / Ю.В. Хвастунова // *Манускрипт*. – 2020. – № 8. – С. 151–156.
8. Шихова, О.Н. Модели духовности современной молодежи / О.Н. Шихова, Е.В. Прямикова // *Педагогическое образование в России*. – 2022. – № 4. – С. 179–186.

DIGITALIZATION AND NETWORKING AS A THREAT TO THE SPIRITUAL VALUES OF SOCIETY

Shafigullin V.A.

Kazan State Academy of Veterinary Medicine

Almost all aspects of a person's life have now become digitized, and even interpersonal communications are taking on an electronic form. The processes of globalization, networking and digitalization of social relations have led to the transformation of universal and national values. Digitalization is happening at an extremely fast pace, has a deep impact and a colossal scale, which allows the network reality to freely form and implement its own value structures in the minds of the world community. In the youth environment, under the influence of digitalization, the value system is being transformed in favor of new individualistic attitudes. The role of traditions is gradually decreasing, and a person no longer reconstructs experience, but rather creates it anew.

The desire for self-realization, the development of social capital, and individual well-being become spiritual values. The unregulated nature of the spiritual sphere of the individual and social relations in the network space gives rise to the risks of socially undesirable or dangerous values coming to the fore. It can be assumed that the optimal way out of the stage of cyber-spirituality is an anthropocentric model of spirituality. Within its framework, a person acts as a source of change, and spirituality is constructed by him independently, autonomy is declared when following positive spiritual values.

Keywords: digitalization, networking, spiritual values, axiology, personality, individualism.

References

1. Gryaznova, E.V. Spiritual crisis and digital culture / E.V. Gryaznova, A.S. Shalatonov, V.N. Shalatonova // *Innovative economy: prospects for development and improvement*. – 2021. – No. 5 (55). – pp. 215–220
2. Kozhevnikova, L.V. Transformation of the spiritual and moral values of youth in the context of globalization / L.V. Kozhevnikova, I.E. Starovoitova, O. Yu. Yatsenko // *Bulletin of the State University of Management*. – 2019. – No. 7. – S. 164–169.
3. Mikhailova, M.N. The problem of preserving spiritual values in the context of digitalization of social processes / M.N. Mikhailova, E.A. Pirverdieva // *Sociology*. – 2021. – No. 6. – S. 153–158.
4. Molchan, E.M. The impact of digitalization on the formation of spiritual and moral values of the subjects of interaction in the era of globalization / E.M. Molchan // *Vestnik MGOU. Series: Philosophical Sciences*. – 2019. – No. 2. – S. 55–66.
5. Omarova, L.B. Traditions as a foundation for the sustainability of society / L.B. Omarova // *Humanities. Bulletin of the Financial University*. – 2022. – No. 4. – S. 51–58.
6. Ponarina, N.N. Spirituality of a person of the information society / N.N. Ponarina, M.A. Gubanova, S.A. Rudykh // *Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*. – 2021. – No. 4. – S. 145–151.
7. Khvastunova, Yu.V. Network New Edge and its regional refraction in modern society / Yu.V. Khvastunova // *Manuscript*. – 2020. – No. 8. – S. 151–156.
8. Shikhova, O.N. Models of spirituality of modern youth / O.N. Shikhova, E.V. Pryamikova // *Pedagogical education in Russia*. – 2022. – No. 4. – S. 179–186.

Что значит «быть»? Габриэль Марсель об онтологическом таинстве в докладе 1933 года

Гусейнов Фарид Ибрагимович,

к.ф.н. Высшей школы социально-гуманитарных наук, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана
E-mail: metafizika@mail.ru

В статье анализируется программный доклад французского философа-экзистенциалиста Габриэля Марселя «Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему». Онтологический вопрос, вопрос о бытии, заявляется главным вопросом философии, потому что именно потребность быть, а не просто существовать, противостоит современному социальному тренду превращения человека в функцию, а со-бытийствование бытию препятствует впадению человечества в техницистский коллапс и коллективному ядерному самоубийству. Проблема очеловечивания человека была актуальнейшей проблемой в 1933 году, когда философ делал свой доклад в Философском обществе города Марселя, и является самой насущной сегодня. В статье реконструируется ход размышлений Г. Марселя и исследуются базовые для его философии категории. Кажущиеся на первый взгляд отрывочными и неупорядоченными, размышления французского мыслителя на самом деле складываются в ярко выраженное мировосприятие, которое оказывается близким всякому думающему человеку, приобретшему определенный опыт взросления, внутреннего и внешнего. Систематического изложения своих философских взглядов Марсель принципиально избегал, поскольку считал всякое системосозидание в философии убивающим живую мысль. Главные философские категории у Марселя также не имеют полных и окончательных дефиниций, а некоторые, как «экзистенция», ими не обладают вовсе. И это тоже принципиальная позиция. Для категорий наибольшей абстрактности действительно не бывает точных определений, к примеру – через род и видовые отличия, и это общая проблема для философии. Но Марсель пишет не столько о понятиях, сколько о переживании, которое при попытке его вербализировать, часто убивается.

Ключевые слова: бытие, проблема, таинство, онтологическая потребность, любовь, смерть, присутствие, мета-проблемное, объект, субъект, верность, сосредоточенность, первичная рефлексия, вторичная рефлексия, надежда, тревога, отчаяние, самоубийство, техника, творчество, гордыня, диспонибельность.

Потребность быть, которую французский экзистенциальный философ Габриэль Марсель (1889–1973) называл онтологической потребностью в своем докладе в Философском обществе г. Марселя «Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему» в 1933 году, ставшем его программным произведением, есть у каждого человека. Соответственно, затруднения в реализации этой потребности вызывают экзистенциальную тревогу, доводящую до отчаяния. Проблема бытия относится к разряду вечных тем философии, тема бытия человека как включенного наблюдателя и актора развивается преимущественно в XX столетии, но актуальность постановки вопроса в докладе связана, возможно, с предчувствием страшных бед, которые принесет человечеству нацизм, а также и с нашими сегодняшними реалиями.

Методика Марселя – «мозаичное» исследование, которое в каждой части «мозаики», на каждом витке как бы повторения размышлений на одни и те же темы в разных творческих трудах обретает все более и более богатое содержание.

В бытовом языке сложнейший философский вопрос о бытии может выражаться в виде вопроса: чувствуете ли вы, что живете? Иными словами, речь идет не о простом существовании, а о некой взыскиваемой полноте жизни, которая может и вовсе теряться в повседневных полуавтоматических и повторяющихся реакциях и действиях.

Диктаторские усилия способны подавить потребность быть, говорит Габриэль Марсель, но это состояние, лишаящее человека его достоинства, его призвания быть человеком. А современное общество, как указывает философ, стало механизмом, который превращает человека в набор функций. Человек утрачивает онтологическое чувство бытия, оказываясь агрегатом функций: он выступает как производитель, как потребитель, как элемент электората и пр. и сам отождествляет себя и других с таким агрегатом.

В ментальном отношении этому, с точки зрения Марселя, поспособствовали, с одной стороны, исторический материализм, который свел человека к функции социума, с другой – фрейдизм, который редуцировал его к сексуальной функции.

В современном обществе все главные вопросы бытия человека подвергаются извращению, утверждает мыслитель. Так, заболеть и тем более умереть – значит оказаться поломанным или проиграть, умерший – лузер, а сама смерть – «выход из употребления, провал в непригодное, как абсолютный брак» [2, с. 74]¹.

В таком социуме существовать – не значит быть, но значит, скорее, не быть, ибо это мир, польный изнутри, поэтому жизнь тут исполнена отчаяния. И только сокровенные силы экзистенции, говорит Марсель, не дают воцариться в жизни полному отчаянию, но и эти силы ослабевают.

¹ Все шрифтовые выделения текста внутри цитат принадлежат автору цитируемого текста.

В докладе автор последовательно проводит разграничение проблемы и таинства, базовых для своей философии категорий, понимая под проблемой, как и в своих будущих работах, то, что, находясь как бы перед человеком и вне его, требует алгоритма своего разрешения, а под таинством – ту реальность, в которой трудно разделить внешнее и внутреннее или этой границы нет вовсе (как в любви, например) и в отношении которой не бывает алгоритмов.

В функционализированном мире, подчеркивает Марсель, пытаясь избежать вопроса о таинстве – любви, рождения, смерти, – используют псевдонаучную категорию «естественного». Когда главные темы человеческого бытия объявляют «природными», «биологическими», всем, кроме специалистов – врачей, гигиенистов, патологоанатомов или кладбищенских служб – остается только принять это к сведению, говорить тут, размышлять и печаловаться становится не о чем. «В таком мире, – утверждает Марсель, – онтологическая потребность, потребность быть, угасает ровно в той мере, в какой, с одной стороны, дробится личность, с другой – торжествует категория «совершенно естественного» и, следовательно, атрофируется то, что следует, наверное, назвать *силами очарования*» [2, с. 76]. Исчезает все чудо жизни, вся ее радость, которые приносятся в жертву слову, определению, убивающему главные вопросы, будучи псевдоответом.

Человек взыскует бытия и не согласен на его суррогат, игру слепых произвольных сил, в которой он оказывается бессмысленной и ничего не значащей пешкой, – как в истории, рассказанной идиотом, если употребить формулировку Шекспира, на которую тут ссылается философ.

Понятию бытия, как и всем базовым категориям философии, трудно дать определение, отмечает Марсель, и прибегает к некоторым негативным дефинициям: «бытие – это то, что противится, или: оно было бы тем, что противится исчерпывающему анализу опытных данных, который ставит своей целью шаг за шагом сводить их к элементам, все более лишенным взаимосвязи и смысла (такого рода анализ свойствен, например, теоретическим трудам Фрейда)» [2, с. 77].

В этом же докладе мыслитель разрабатывает очень важную для всей его философии категорию, которая уже встречалась в его «Метафизическом дневнике», – категорию присутствия (*présence*). Присутствие – это и не физическое присутствие вещи (тела), и не присутствие образа, это такие силы, в результате действия которых человек чувствует себя как бы видимым – Богом или иным физически отсутствующим здесь или вообще на земле любимым существом, – видящим их вне физического поля и способным вести с ними внутренний диалог. Марсель подчеркивает, что присутствие – это осуществление присутствия (движение, длящийся процесс) в любви, которое не поддается никакой верификации, поскольку существует в непосредственном, без опосредований любого рода.

Но есть ли бытие, и что оно такое? И кто я такой, вопрошающий о бытии, существую ли я, бытийствую ли, спрашивает Марсель. Если я наделен бытием, то как я могу в этом увериться? Если я лишен бытия, то как я могу надеяться понять, что такое бытие?

Если это проблема, то я должен был бы оставаться вне ее. Однако я включен в ситуацию, захвачен ею. И тогда тут трудно найти границу внешнего и внутреннего – следовательно, согласно определению Марселя, это таинство, а не проблема. И *cogito* тут никак не поможет. «Я есмь» является, по Марселю, неразложимым целым, т.е. если есть Я, то «я есмь», и философ принимает это положение за исходное.

Следуя своей «сократовской» манере изложения, Марсель представляет, что тут может возразить оппонент. Оппонент скажет: или бытие, которое подразумевается в вопросе «кто я есмь?», касается субъекта познания, и тогда это решается средствами *cogito*, или речь идет о крайней ступени просто жизненной, а не философской потребности, и тогда, причем тут онтология?

«Я есмь», поставленное под вопрос, отвечает воображаемому оппоненту Габриэль Марсель, нельзя отделять от онтологической проблемы в ее целостности.

Онтологическая потребность – это потребность быть. При этом «я ориентируюсь на полагание или признание причастности (*participation*), воплощенной в реальности субъекта; эта причастность уже по определению не может быть *объектом* мысли; ей не свойственна функция разрешения, она – вне мира проблем, она мета-проблема. И, напротив, мы видим, что если возможно утверждать мета-проблемное, то – как преодолевающее оппозицию, с одной стороны, субъекта, который утверждает бытие, с другой – бытия *в качестве утверждаемого этим субъектом*, и как являющееся в некотором роде основанием этой оппозиции. Полагать мета-проблемное означает исходить из примата бытия по отношению к сознанию (не утвержденного бытия, но, скорее, бытия *утверждающего себя*), признать, что бытие объемлет познание, что последнее ему некоторым образом имманентно...» [2, с. 80].

С этой точки зрения можно сказать, что существует не только таинство онтологии, но и таинство гносеологии, хотя у Марселя такого выражения нет, – «когда познание сливается с таким видом причастности, который никакая эпистемология не может рассчитывать постичь, поскольку она сама уже его предполагает» [2, с. 81].

И тут философ предлагает еще одно определение таинства: «таинство это проблема, которая распространяется на собственные данные, охватывает их и тем самым превосходит себя в качестве просто проблемы» [2, с. 81].

Когда таинство пытаются разрешить как проблему, ищут алгоритм, техническое решения, тогда терпят сокрушительное поражение. Философ приводит в пример тему зла, поставленную как проблему. В этом случае зло видится как беспорядок, вместо которого я, как Бог-зерцатель извне, должен навести порядок, и тут зло перестает быть злом.

На самом деле зло «мне ведомо как зло, лишь поскольку оно *меня затрагивает*, иными словами, поскольку я в него *вовлечен*, в том смысле, в каком мы бываем вовлечены в какое-нибудь дело» [2, с. 82]. Тут вторая рефлексия (синтезирующая) открывает, что граница между тем, что во мне, и тем, что вне меня, рушится, а позиция «Я – Бог» в смысле неангажированности и, конечно, запредельной гордыни – фикция. Особенно видно стирание этих границ в любви, не устает повторять Марсель. Видимо, именно такую вовлеченность во зло имеет в виду А. Швейцер, когда утверждает, что чистая совесть есть изобретение дьявола.

Далее философ вводит понятие верности. Верность имеет онтологическую ценность. Это область мета-проблемного. Действительно, именно предательство может быть локально полезным и функциональным для решения личной проблемы, а верность мета-проблемна, нефункциональна и при этом почему-то почитается людьми. Но каким способом существует мета-проблемное? Что может убедить и убеждает в его существовании?

Дело в том, что «мыслить или, точнее, утверждать мета-проблемное – значит утверждать его как неоспоримо реальное, как нечто, в чем я не могу сомневаться, не впадая в противоречие» [2, с. 84]. Тут невозмож-

но разделить идею и достоверное, сама идея и есть достоверность и подтверждение самой себя – поэтому эта идея больше идеи.

В установке «сосредоточенности» совершается необходимый отрыв от опыта – необходимый для того, чтобы подняться до уровня мета-проблемного. Онтологию может воспринимать только человек сосредоточенный. Сосредоточенность, также важную для марсельской онтологии категорию, по его же заявлению тоже определить трудно – она примиряет в себе состояние и действие, превосходя, преодолевая их дуализм; это обретение себя заново как единства, «акт... самообладания, он связан и с моментом разрядки, самозабвения. *Разрядка перед (лицом)... предоставление себя во (власть)...*» [2, с. 85].

Уверенность в бытии дает вторая рефлексия. Первая рефлексия утверждала онтологическое, сама об этом не зная, но только при второй рефлексии в условиях сосредоточенности достигается искомое. Это, как отмечает Марсель, – самое трудное место в докладе. Вот как он его описывает: «мы имеем дело с уверенностью, которая поддерживает (sous-tend) все развитие мысли, даже дискурсивной; ощутить ее мы можем лишь путем собственного внутреннего обращения (conversion), иными словами, с помощью рефлексии второй ступени (réflexion seconde), посредством которой я спрашиваю себя, из каких истоков рождались подходы начальной рефлексии, той, что постулировала онтологическое, но не осознавала этого. Рефлексия второй ступени – это сосредоточенность, *gescueillement*, в той мере, в какой она может мыслить самое себя» [2, с. 87].

Онтологическая потребность потенциально несет в себе тревогу: жизнь, существование часто не совпадает с тем, что я есть внутри себя, но что реальность исключает, т.е. существование не обращается в бытие. И все окружающее подвержено смерти, что толкает человека к тотальному отступничеству, измене, предательству. Корень отчаяния – ощущение, что нет ничего в мире, в чем можно было бы быть уверенным, нет такого твердого основания, на которое при любых обстоятельствах возможно опираться.

А вот надежда предполагает кредит доверия, причем как будто ничем не обеспеченный. «Надежда... состоит в утверждении, что есть в бытии, – по ту сторону данного, всего того, что поддается исчислению, что может лечь в основу каких-либо расчетов, – некое тайное начало, которое заодно со мной, оно не может не хотеть того же, чего хочу я, во всяком случае, если то, чего я хочу, действительно этого заслуживает, если этого взыскует все мое существо. Очевидно, – говорит Марсель, – что мы здесь в самом средоточии того, что я назвал онтологическим таинством» [2, с. 89].

Подлинная надежда – это вера в то, что реальность со мной заодно, когда вероятность или статистика говорят обратное. В предисловии к своей книге, посвященной сравнению взглядов Кольриджа и Шеллинга, он приводит такое определение связи надежды с душой: «Душа – это мумия, набальзамированная надеждой в катакомбах» [8, с. 12]. Например, надежда на выздоровление любимого существа от тяжелой болезни только тогда и надежда, когда, глядя на ситуацию как на проблему, ожидать благоприятного разрешения вряд ли можно исходя из опыта, из «случаев», как говорит Марсель. Кроме того, надежда оказывает совершенно реальную помощь в действительном выздоровлении, потому что «есть восходящая диалектика надежды, в силу которой последняя переходит в плоскость, трансцендирующую все возможные эмпирические опровержения, в плоскость спасения, противоположную плоскости успеха, под каким бы видом последний ни представал» [2, с. 89].

Отчаяние и надежда неразделимы, говорит философ. Структура нашего мира такова, что она допускает – и стимулирует – чувство отчаяния и одновременно – рождение надежды.

Таинство может деградировать и в некоторой степени неизбежно деградирует до уровня проблемы. В отличие от философа, отношение недоверия к этому миру, причем ничем не ограниченного недоверия, свойственно позиции ученого, который выводит себя за границы наблюдаемой реальности и, полагая себя в нее невовлеченным, считает своим долгом составить о ней объективный протокол. Эти мысли французского мыслителя, высказанные в первой трети XX века, оказались очень точными, если вспомнить об антропном принципе, который, как оказалось, пронизывает любую картину мира. Достаточно поставить под вопрос ценность жизни, как становится понятным, что подобная позиция – фикция, поскольку иллюзия думать, что я могу мышлением, которое является частью бытия, воспарив в виде познающего субъекта картезианского типа, мыслить бытие целого. Это – величайшая иллюзия, которая возникает, например, когда с таких позиций задается вопрос, скажем, о ценности жизни: «паралогизм – думать, что я могу продолжать такое анкетирование, словно сам я не вовлечен в это. Поэтому между надеждой, реальностью надежды в сердце того, у кого она пребывает, и суждениями, которые выносит о ней разум, находящийся в плену объективности, существует та же стена, которая разделяет настоящую проблему и настоящее таинство» [2, с. 91].

Мир проблемного – это мир техники, принципы которой несовместимы с фундаментальными основами бытия, полагает Марсель. Но над техникой мы способны властвовать, хотя она может выходить из подчинения человеку, а вот бытие не дается нам по своей сути.

Реальность не есть совокупность проблем. Но человечество не отказалось рассматривать реальность именно таким образом, несмотря на глобальную несостоятельность техницистского подхода при его локальной состоятельности. Человек может то, что может его техника, как мы считаем до сих пор, но спасти человека от него самого техника не может, и это мало кто понимает. Попадая во все большую зависимость от техники и технического подхода к миру, человек все меньше способен эту технику укрощать.

Подобные опасения в отношении развития техники как тела цивилизации существуют давно, хотя и на разных основаниях, достаточно вспомнить Вавилонскую башню или Прометея, который вплоть до Нового времени считался воров и пройдохой. Порой техника напрямую связывалась с духами тьмы, а люди, изобретавшие технические новшества, облегчавшие труд, могли восприниматься как слуги дьявола. В моральном отношении применение технических изобретений могло видеться обманом: когда вместо меня работает машина, это нечестный труд, портящий людей, из-за чего им не видать помощи небес. Иллюстрацией этому может служить пример китайской притчи (хотя уж кто-кто, а древние китайцы изобрели очень много технических средств), приведенной М. Маклюэном. Цыгуан, путешествуя, увидел огородника, канавшего канавки для грядки и залезавшего в колодец с кувшином за водой, которой поливал эти грядки. Цыгуан удивился, что огородник не использует водочерпалку, машину, из которой за день можно полить сотню грядок. Но огородник ответил с гневом: «Я не применяю [ее] не оттого, что не знаю, [я] стыжусь [ее применять]. От своего учителя я слышал: “У того, кто применяет машину, дела идут механически, у того, чьи дела идут механически, сердце становится механическим. Тот, у кого в груди механическое сердце,

утрачивает целостность чистой простоты. Кто утратил целостность чистой простоты, тот не утвердился в жизни разума. Того, кто не утвердился в жизни разума, не станет поддерживать путь» [1, с. 75].

В превращенном виде такое отношение к технике было выражением интуитивных страхов, имеющих при этом основания.

В противовес просветителям и идеологам технического прогресса, создававших культ науки и техники, многие исследователи высказывают точку зрения, что с конца XIX века набирают силу антициентистские настроения интеллектуалов. Философы Г. Марсель и М. Хайдеггер [7] вводят тему техники в поле метафизики. Стоит отметить, что во всех обзорах, статьях и книгах основоположником философской постановки темы техники называется только Хайдеггер, меж тем как Марсель имеет на это не меньшее право. В своей поздней работе «Люди против человеческого» (1951) Габриэль Марсель уже прямо скажет, что главная опасность для человечества – самоубийство в ядерном апокалипсисе. Иными словами, чем больше человек лишен онтологического чувства и чем более массовым является этот феномен, тем ближе самоистребление всего человечества.

Собственно массовое общество, о котором Марсель пишет как о современном, возникает в период зрелого буржуазного социума. Мы не знаем, насколько, положим, средневековый человек или рабы в Древнем Риме были наделены онтологическим чувством, жадой бытия в отличие от простого существования и насколько масштабным могло быть это явление. Однако в те времена хоть и существовал технический подход к вещам, подход проблемный, если использовать выражение Марселя, но не было такой техники, которая была бы способна уничтожить жизнь на Земле, а теперь она есть.

При этом чем более угашается онтологическое чувство и развивается техницистский подход ко всем темам жизни и к людям в целом, тем больше человек претендует на статус хозяина мира, его властелина без всяких ограничений, ибо у него даже не возникает вопроса о том, кто ему выдал такой мандат. Человеческая жизнь включается как звено в технологический комплекс, и через различные приемы обезчеловечивания (*les techniques d'avilissement*), человек незаметно для себя обезличивается и превращается в объект [3, с. 153]. Марсель обращает наше внимание на противоречие между мощью техники и хрупкостью человеческого существа: «чем больше будет возрастать диспропорция между притязаниями техницистского интеллекта и от века данной хрупкостью, непрочностью его материального субстрата, остающегося его вместительцем, по крайней мере, видимым, – тем более будет расти в лоне этого интеллекта непрерывное побуждение к отчаянию» [2, с. 92].

Замечание точное, и можно предположить, что именно в связи с такой озабоченностью хрупкостью вещей, понимая ее широко – как случайные и непредсказуемые события, в которые все чаще попадают люди и, более того, которые, по мнению некоторых мыслителей, и являются главными событиями, как в истории, так и в повседневности и лишь ретроспективно обретают характер повторяющихся, находящихся в линейной причинно-следственной связи, и в этом смысле предсказуемых, – современный американский мыслитель ливанского происхождения Н.Н. Талеб обращается к вопросу о том, что противостоит таким событиям, посвящая этой теме свою работу «Антихрупкость» (2012) и ряд других [4, 5, 6]. Правда, у Талеба главный подход – именно функциональный, но с учетом ментальных и психологических особенностей людей, однако сама тема, поднятая Мар-

селем, сегодня кажется сверхактуальной. Так или иначе, сфера непредсказуемого ныне увеличилась в масштабах неимоверно, что мы можем наблюдать невооруженным глазом.

Надо отметить, что государственные структуры вступают с людьми в субъект-объектные отношения, где государственные структуры в виде армии, полиции, чиновничества и т.д. выступают субъектом, а люди – безличными объектами. Можно думать, что это в природе любого государства. Гораздо хуже, когда человек применяет этот техницистский и формально-бюрократический подход к другим людям и к самому себе, относится прагматически-функционально как к объектам, безличным статистическим единицам. Именно об этом и ведет речь Г. Марсель.

Впрочем, в классической философской модели общества существует социоцентристская ориентация, когда при всех оговорках тип человека видится производным от безличных социальных структур и социальных ролей, и антропоцентристская, при которой социальные структуры считаются объективациями природы человека. Кроме того, одни авторы ищут повторяющиеся связи, определяющие динамику социума и развитие человека, а другие настаивают на уникальности каждого социального события и каждой личности. При этом одни философы, занимающиеся темой «человек и общество», концентрируются на описании существующего, а другие – на описании должного. Г. Марсель, являясь переходной фигурой от неклассической философии к постмодерну, безусловно занят, прежде всего человеком, рискующим пострадать от техники – дела рук своих и уже страдающим от техницистского подхода к миру как глобального, и в этом смысле, огрубляя, можно сказать, что для него человек первичен, от человека зависит общественное развитие и в целом судьбы человечества. Философ ставит акцент именно на неповторимом и уникальном в человеке – на его экзистенции, бытии, творчестве – и в целом, оказываясь тонким наблюдателем реальности, говорит о должном.

Единственно подлинной надеждой философ считает упование на то, что от нас не зависит. А современный человек склонен впадать в гордыню и надеяться только на себя.

Этот, как может показаться, традиционный религиозный аргумент как будто лишает само человеческое действие его движущей силы.

Поставленной древними греками и развитой христианством философской проблемой гордости светская философия просто пренебрегает, но это один из главных вопросов, утверждает Марсель.

Гордость – черпает силу лишь в себе, игнорируя общество, это деструктивный принцип, ибо всякое подлинное Я интерсубъективно, существует в нераздельном и неслиянном отношении с Мы. При этом гордыня может сочетаться с ненавистью к себе, ведущей к отчаянию и суициду.

А надежда – не пассивное ожидание, не ослабление воли. Надежда – это то, что «под-держивает (*sous-tend*) действие или устремляет *над* ним свой полет, но что, безусловно, перерождается или исчезает при угасании самого действия» [2, с. 93]. Так, говорит мыслитель, у выдающихся святых надежда была выражена ярко, что как раз свидетельствует о том, что она не ослабляет волю к действию, а упрочивает ее. А вот когда творчество вырождается в имитацию, «когда оно замыкается на себе, загнипнотизировано собой, судорожно на себе сосредоточено» [2, с. 94], тут-то и начинается деградация.

Сосредоточенности и внутренней собранности требует и художественное творчество, указывает Марсель.

Высший смысл творчества – его укорененность в бытии. И далее философ вводит еще одно важное понятие – понятие «созидающей верности». Чтобы быть подлинно действующим субъектом, личностью, следует быть верным бытию, причем эта верность должна иметь характер созидания, а не разрушения, прибавлять нечто позитивное к бытию, со-бытийствовать с бытием.

Эту категорию, как и ранее упомянутые в качестве базовых, говорит Марсель, определить трудно, но она – в центре мета-проблемного. Верность – не рутина и не скучное служение как обслуживание. Напротив, «верность – антипод бездеятельного конформизма; она представляет собой активное признание некоего постоянства, не формального, подобно закону, а онтологического. В этом плане она постоянно соотносится с присутствием (*présence*) либо с чем-то еще, что может и должно поддерживаться в нас и перед нами в качестве присутствия, но что *ipso facto* может в то же время быть и абсолютно игнорируемым, забытым, стереться в памяти; и вот здесь-то и возникает эта тень предательства, которая... окутывает весь наш человеческий мир подобно зловещему облаку» [2, с. 95].

Таким образом, верность как ценность требует беспрерывного присутствия (в марселевском смысле слова). Психолог бы сказал, что всякая ценность, чтобы быть ценностью, должна быть интериоризирована. В некотором смысле присутствие зависит от нас, а потому, когда верность перестает быть присутствующей для нас, вот тут и случается измена бытию, его призыву, переход к отношению к человеку как к манипулируемому объекту.

Поэтому верность – это действительно воссоздаваемое присутствие.

Созидательная верность – «явление онтологическое, она продолжает некое присутствие, которое сродни власти бытия над нами; тем самым почти непостижимым образом множится и углубляется резонанс этого присутствия в течение нашей жизненной длительности» [2, с. 96]. Верность в таком присутствии – не память об объекте и его образе, ибо тогда это была бы верность чему-то меньшему, чем объект. Верность в таком присутствии – это больше, чем верность объекту, потому что любимое существо объектом для нас не является. Если речь идет о человеке, который мне дан был как присутствие, от моей воли зависит поддержание этого присутствия, препятствование превращению его в мертвый образ.

Наше поддержание такого присутствия нельзя сравнивать с поддержанием, положим, порядка в квартире. Присутствие – это некая сила, некая реальность, и наше дело – оставаться проницаемыми для этой реальности. Созидательная верность оказывается не искусственным стимулированием присутствия, но активным сохранением состояния доступности для этой реальности присутствия, и тут имеет место мистерия обмена между свободным действием и даром как ответом на него [2, с. 98].

Присутствие и бытие для человека оказывается тождественными, ибо для человека сущее есть лишь когда оно является присутствием. И когда некое существо дано человеку как присутствие, человек не может относиться к нему как к чему-то располагающемуся перед ним. Присутствующее в моем мире существо и передо мной, и во мне, иными словами, граница внутреннего и внешнего оказывается размытой, отсутствующей.

Первая рефлексия угрожает распадом этому со-бытийствованию – Марсель тут употребляет латинское слово *co-esse*, – однако вторая рефлексия, обращенная на первую, исправляет положение и восстанавливает описанную реальную близость.

Этот контакт между живым и умершим существует при условии диспонибельности (*disponibilité*), располо-

женности, абсолютной духовной доступности. Категории присутствия и расположенности связаны и обе важны. От чего же зависит эта расположенность, открытость, доступность – то, что Марсель называет в этом докладе диспонибельностью?

Философ констатирует как факт, что есть люди, которые оказываются присутствующими, т.е. те, в которых мы можем обрести понимание и поддержку в трудные (или радостные) минуты, и есть те, которыми мы таким образом располагать не можем. Причем это мало зависит от их конкретных намерений и реальных поступков, просто первые тратят себя без счета, без собственно убытков, но целиком, а вторые как бы перечисляют нуждающемуся какую-то часть того, чем обладают, калькулируют, достаточно ли они уделили своего внимания другому человеку, если вообще уделили, и, возможно, ожидают некоторого «возмещения убытков», «отдания долгов» со стороны ли объекта их внимания, который, как переживается «кредиторами», взял его займы, осуществляя нечто вроде финансовых займов и вложений, или информированных свидетелей, или собственной «спокойной совести», или общественности, или Господа Бога, наконец: «человек, которым можно располагать, это тот, кто способен быть со мной целиком и полностью в то время, как я в нем нуждаюсь; человек «нерасположенный» (*indisponible*), напротив, тот, кто из совокупности своих душевных ресурсов делает как бы временное «отчисление» в мою пользу. Первый воспринимает меня как присутствие, второй – как объект» [2, с. 100].

В сердцевине нерасположенности, закрытости, недиспонибельности лежит отчуждение. Недиспонибельный человек настолько судорожно занят собой и в такой степени, что не способен раскрыться другому навстречу, и тут Марсель в качестве причины видит тревогу о конечности как внутренний бессознательный мотив и даже не столько устремленность к смерти, сколько направляемость ею, а это является сущностью пессимизма.

Развитие человека обычно предполагает все более отчетливое определение и разграничение круга явлений, которые его касаются, и тех, к которым он отношения не имеет. В этом смысле, говорит Марсель, мы все находимся как бы в центре мысленного пространства в виде концентрических кругов: чем больше радиус, тем больше убывает наша ответственность и заинтересованность. Подлинным введением в онтологию, считает философ, могла бы стать история святости, поскольку святые представляют собой всю доступную людям открытость и расположенность.

Нерасположенность у обычных людей нарастает по мере взросления и старения: как склеп, давит опыт, замыкающий человека в проблемном поле. Старость делает обычных людей все более недиспонибельными.

«Душа наиболее расположенная... знает, что не принадлежит себе и что единственное подлинно законное использование ею собственной свободы заключается именно в признании, что она себе не принадлежит; отсюда, с этого признания, начинается для нее возможность действовать и творить...» [2, с. 103].

Этот путь, путь диспонибельности к подлинному бытию личности различим только для любви, и его, по мнению Марселя, узрел Платон.

Для самого же Марселя, по его словам, этот путь открылся примерно за тридцать лет до первого интереса, который в нем проснулся к христианству. Иными словами, этот путь необязательно предполагает религиозный исток.

Должно быть ясным, что диспонибельность является, по Марселю, одной из самых существенных характеристик человека. Диспонибельность как доступность, при-

этом не означает нечто полное внутри, по типу пустого пространства и времени, которые я могу потратить без потерь на болтовню с соседом, но напротив, означает способность идти навстречу тому, что представляется и «связывать себя с этим даром; или даже превращать обстоятельства в возможности» [9, с. 27].

Почему столь важна онтологическая потребность – потребность быть? Потому что угасание ее имеет следствием господство техницистского подхода к любым вопросам жизни, превращает людей в безличные функции, что ведет к личному самоубийству и коллективному суициду. И это главный философский вопрос, с точки зрения Марселя. Значение онтологического вопроса высвечивает как Откровение, так и высшие формы человеческого опыта, не имеющие отношения ни к какой конфессии. Тем не менее, констатирует философ в год прихода немецких нацистов к власти в Германии, кто-то – и многие – остаются в поле проблематизируемого и не узревают таинства бытия.

Развитые и только намеченные понятия, которые вводит Г. Марсель в докладе «Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему», будут потом дополняться и обогащаться во всех его последующих философских работах. Вопрос Гамлета «Быть или не быть?» наполняется новым содержанием.

Литература

1. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц., Кучково поле, 2003. – 212 с.
2. Марсель Габриэль. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // Марсель Габриэль. Трагическая мудрость философии. Избранные работы. – М., Издательство гуманитарной литературы, 1995. – 216 с.
3. Тавризян Гаянэ. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». – М.: РОССПЭН, 2009. – 216 с.
4. Талев Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. – М.: Изд. Колибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 279 с.
5. Талев Н.Н. Рискающая собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни / Пер. с англ. Н. Караева. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 384 с.
6. Талев Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова / Под ред. М. Тюнькиной. – М.: Колибри, 2009. – 736 с.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (дата обращения: 28.08.2022).
8. Gabriel Marcel. Coleridge et. Schelling. – Paris: Aubier, 1971. – 272 p.
9. Gabriel Marcel. Homo Viator. – Paris: Association Presence de Gabriel Marcel, 1998. – 431 p.

WHAT DOES «TO BE» MEAN? GABRIEL MARCEL ON THE ONTOLOGICAL SACRAMENT IN A 1933 TALK

Huseynov F.I.

Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics, Bauman Moscow State Technical University

The author explores the program report “The ontological mystery and a concrete approach to it” by the French existentialist philosopher Gabriel Marcel. The ontological point, the point of being, is declared the main question of philosophy, because it is the need to be, and not just to exist, that opposes the modern social trend of turning a person into a function, and the co-existence of being prevents humanity from falling into a technicist collapse and collective nuclear suicide. The problem of humanization of a person was the most urgent problem in 1933, when the philosopher made his report at the Philosophical Society of the city of Marseille, and is the most actual today. The author reconstructs the course of G. Marcel's reflections and explores the basic categories of his philosophy. Seemingly fragmentary and disordered at first glance, the reflections of the French thinker actually develop into a pronounced worldview, which turns out to be close to every thinking person who has acquired a certain experience of growing up, internal and external. Marcel fundamentally avoided a systematic presentation of his philosophical views, since he considered any system-building in philosophy to kill a living thought. Marcel's main philosophical categories also do not have complete definitions, and some, like “existencia”, do not have them at all. And this is also a principled position. There really are no precise definitions for categories of the greatest abstractness, for example, through genus and species differences, and this is a common problem for philosophy. But Marcel writes not so much about concepts as about an experience and feeling that, when trying to verbalize it, is often killed.

Keywords: being, problem, mystery, ontological need, love, death, presence, meta-problematic, object, subject, fidelity, concentration, first reflection, second reflection, hope, anxiety, despair, suicide, technique, creativity, pride, disponibility.

References

1. McLuhan M. Understanding media: External human extensions / Per. from English. V. Nikolaev; 3 acc. Art. M. Vavilov. – М.; Zhukovsky: KANON-press-Ts., Kuchkovo field, 2003. – 212 p.
2. Marcel Gabriel. Ontological Sacrament and Concrete Approach to It // Marcel Gabriel. The tragic wisdom of philosophy. Selected works. – М.: Publishing house of humanitarian literature, 1995. – 216 p.
3. Tavrizyan Gayane. Philosophers of the twentieth century about technology and “technical civilization”. – М.: ROSSPEN, 2009. – 216 p.
4. Taleb N.N. Antifragile. How to benefit from chaos / transl. from English. N. Karaeva. – М.: Ed. Hummingbird, Azbuka-Atticus, 2014. – 279 p.
5. Taleb N.N. Risking my own skin. Hidden asymmetry of everyday life / Per. from English. N. Karaeva. – М.: Hummingbird, Azbuka-Atticus, 2018. – 384 p.
6. Taleb N.N. Black Swan. Under the sign of unpredictability / Per. from English. V. Sonkin, A. Berdichevsky, M. Kostionova, O. Popov / Ed.M. Tyunkina. – М.: Kolibri, 2009. – 736 p.
7. Heidegger M. The question of technology [Electronic resource]. – Access mode: http://bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (date of access: 28.08.2022).
8. Gabriel Marcel. Coleridge et. Schelling. – Paris: Aubier, 1971. – 272 p.
9. Gabriel Marcel. Homo viator. – Paris: Association Presence de Gabriel Marcel, 1998. – 431 p.

Трансформация клинических исследований, вызванная COVID-19: биоэтические и методологические аспекты

Нартова Мария Андреевна,

аспирант, кафедра философии и методологии науки МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: m.nartova@mail.ru

Пандемия COVID-19 стала настоящим вызовом для медицинского сообщества, резко отделив привычную практику от принимаемых новых решений и буквально переписала методологическую и биоэтическую историю современной медицины. В статье предлагается проанализировать эту трансформацию и предпринять попытку постановки проблемных с биоэтической и методологической точек зрения вопросов на примере клинических исследований. Статья содержит хронологическое описание процесса становления клинических исследований как одного из методов доказательной медицины с древнейших времен и до COVID-19, а также включает в себя описание основных методологических решений индустрии клинических исследований в ответ на пандемию на примере России, США и ЕС. Показано, что предложенные модификации методологии проведения клинических исследований оказались унифицированы в разных странах, а сфера клинических исследований показала высокую степень адаптивности к форс-мажорным ситуациям. Основной трансформацией стал удаленный формат взаимодействия между участниками исследований, в том числе путем внедрения IT-решений. Однако, пандемия COVID-19 и внедренные модификации актуализировали ряд проблемных вопросов, требующих дальнейшей дискуссии в научном сообществе.

Ключевые слова: биоэтика, клинические исследования, пандемия, общественное здоровье и здравоохранение, история медицины.

Introduction

Since ancient times, health has been considered to be the most important value for both the individual person and humanity. On the contrary, an illness, especially a severe one, was a duel in which, due to historical and sociocultural aspects, the patient was often doomed to lose. Many diagnoses that became routine for a modern patient meant imminent death until the 20th century, and that is why the profession of a doctor seems to include more ethical, psychological, compassionate and supportive characteristics rather than a qualitative potential in matters of therapy. The idea that it is necessary to check if any medical drug is efficient and safe before its usage through clinical trials is obvious for modern society, but in fact this approach is relatively new. The first randomized controlled clinical trial was reported only in 1948 and for more than half a century clinical research was considered to be a stable area of evidence-based medicine, meeting most of the bioethical and methodological challenges of our time. The situation has dramatically changed due to the COVID-19 pandemic identified in China in the late 2019. Professional society all over the world had to decide whether it is possible to continue conducting clinical trials, and if so, how should we act to make it safe for those who take part in it. This became both an ethical and methodological dilemma with the need to make decisions in real time. Before examining the changes that led to a new step in clinical trials due to COVID-19, let us briefly review the history of pharmacology and clinical trials with an aim of better understanding causal relationships and logical basics in practice of medicine.

Ancient times

The ancient approach in medicine could be mostly described as a period of mythology and belief. Ancient Greek, India, China and other civilizations had a kind of pharmacological legacy with proposed treatment options, but this period could be hardly determined as an evidence-based stage of medicine because of a few reasons. First of all, it was a lack of knowledge in medicine and related disciplines such as biology and chemistry. During this period there has not been developed any knowledge base describing the real nature and mechanism of development of any disease (pathogenesis). Most explanations were based on guesswork and mythological foundations, which stays in line with explained the lack of scientifically based medical knowledge. Some civilizations prohibited dissection and more often it was only imagination that helped to suppose a structure of the human body. Chinese doctors have considered the yin and yang disbalance to be an origin of illness, ancient Indian concept among other things, noted adverse health effects of spoiled water, the effects of wind and unfavorable terrain with no details explaining such considerations from physiological or biochemical points of view [1]. It should be also borne in mind that the occurrence of disease was explained by mystical and religious principles very often. Despite that fact, ancient times saw an important step made for the development of medicine in this question by the ancient Greek philosopher and doctor Hippocrates, who doubted the divine cause of epilepsy in his work «On the sacred disease» [2]. To sum up, this period could be probably

described in the words of Hippocrates: “*The best doctor seems to me the one who has the gift of foresight*”. Indeed, with lack of a medical knowledge base, foresight could become a very important skill for ancient doctors.

Middle ages and Renaissance

The importance of empirical principles including the increase of knowledge base in medicine started to become more evident in the Renaissance. Particularly, Paracelsus (1493–1541) has offered the thesis “*experience is the theory of doctor*” as well as an explanation of how the same substance could be used as a medicine and as a poison depending on its dosage. It became an important thesis with the help of which one could describe the non-efficacy of some treatments exactly because of the incorrect dosage used. Nevertheless, this period knew lots of ineffective and even dangerous substances which were considered to have a certain pharmacological activity. Unfortunately, neither methodology nor the theoretical basics of medicine could resolve the problem of insufficient and other dangerous and painful treatments, which may rightly seem terrible and inhumane. Fortunately, sometimes medical findings occurred even without an evidence-based approach.

For example, it was only the lack of standard therapy (boiling oil) which obliged French surgeon Ambroise Paré (1510–1590) to develop a new mixture for wound cleaning. The newly developed therapy turned out to be less painful and more effective than the standard and well-known therapy of wound treatment with boiling oil. Nowadays, taking into account the bioethical principles of medical care it is extremely difficult even to imagine that such a painful therapy remains common for years with no attempts to find out the better way of treatment [3]. With Ambroise Paré’s forced experiment we could see one of the first comparative cases with two or more groups of patients divided by a different approach in treatment. Despite the modern methodology of clinical trials being markedly unlike what was done by Paré, this comparative principle remains a very important part of biomedical research.

The first planned comparative study was performed by the British Navy physician James Lind, who confirmed the therapeutic effect of lemon juice to prevent and to treat scurvy and laid down a foundation for future clinical trials [4]. He divided 12 sailors into 6 groups and prescribed one certain treatment to each group. Remarkably, he knew nothing about the scurvy pathogenesis as well as the vitamin C existence, but somehow was able to determine both the correct methodology of experiment and the substances (including lemon juice effective against scurvy) to be examined. Bioethical foundations of modern medicine are extremely strict about prescribing substances with unknown effects for experimental purposes, but just a few centuries ago it was often limited only by the imagination of a doctor. For example, along with lemon juice, Lind tested the effectiveness of sea water, vinegar, sulfuric acid and even cider.

The XX century: a turning point

Step by step, the importance of scientific research in medicine became more and more obvious, but the first serious progress in the development of clinical research methodology came only in the middle of the 20th century, when the British Medical Research Council conducted the first randomized placebo-controlled trial of streptomycin for the treatment of pulmonary tuberculosis with controlled and experimental groups of patients enrolled [5]. This was big progress made by British scientists in the field of clinical trials if compared with previous examinations of substances considered to have pharmacological activity. So it took almost two centuries from Lind’s

experiment to formulate and to put into practice the major principles of biomedical research of medical drugs. There have been 4 important methodological solutions implemented, which allows us to consider this UK streptomycin study as a very important step in evidence-based medicine. According to Sackett, the practice of evidence-based medicine means integrating individual clinical expertise with the best available external clinical evidence from systematic research [6]. The streptomycin study includes a special approach in randomization (to indicate whether a patient will take the study drug or the placebo), the careful patients’ enrollment into the study, a meticulous study documentation and methodological reflection carried out along with an ethical committee after the end of the study.

The middle of XX century became a turning point for clinical trials not only from methodological, but also from a bioethical point of view. The Nazi doctors’ inhumane and cruel actions during the Second World War became an occasion for deep reflection in matters relating to biomedical research in humans and caused development of one of the most important ethical documents – The Nuremberg Code [7]. The Code includes 10 basic bioethical rules of how to perform biomedical experiments in humans, including the necessity to obtain informed consent from a potential patient prior to any research and possibility to quit from the research any time upon the patient’s decision. It was also postulated that biomedical research should benefit the society with no alternative options to confirm the drug’s safety and efficacy except by human’s participation in it. Afterwards there have been other important documents implemented in order to describe the ethical and methodological basics of biomedical experiments, for example The Declaration of Helsinki (1964), The Belmont Report (1976), The Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine (1997).

Despite methodological and bioethical principles implemented, medical society faced serious challenges in attempts to achieve transparency of clinical trials and to maximize drug safety. The Thalidomide tragedy showed that preclinical studies conducted in animals cannot guarantee 100% safety for a human. One of the most famous cases confirming this thesis is the history of prescribing a sedative drug – thalidomide. Being efficient and safe for most people at first glance, thalidomide turned out to be extremely dangerous for pregnant women increasing infant mortality and leading to embryopathy [8]. It took years and thousands of victims to understand that the increasing number of disabled children is not an accident, but it is mostly considered as an accidental occurrence with no intentional prescriptions in order to harm women or a baby. Unfortunately, some inhumane methods were implemented intentionally. The Tuskegee Study of Untreated Syphilis in the Negro Male (1932–1972) became an example of ethnic discrimination, nontransparent and unfair behavior of doctors, who did not provide existing treatment to patients because of examining how the disease develops in their body [9]. This has confirmed the idea of necessity for constant rigorous ethical and regulatory supervision, which has been successfully implemented in most countries conducting clinical trials.

Following the development of clinical trials area implied some methodological and bioethical updates, but the basics remains constant. The design of trials should be logical and transparent, the use of placebo should be ethically justified, all involved patients should be legally and ethically protected by informed consent form approved by ethical committees. With all local and international requirements and guidelines, the established practice of clinical trials seemed to be well-regulated and properly realized. This has changed dramatically due to the COVID-19 pandemic, which laid bare many controversial and imperfect aspects of clinical trials

both from methodological and bioethical points of view [10]. It is proposed to consider the main ethical complexities that were made during the pandemic.

COVID-19: new challenges

With the aim to decrease the speed of COVID-19 virus spread, most countries decided to announce a lock-down. With face-to-face meetings, on-site drug delivery, patients' visits to hospitals, this affected clinical trials a lot. Specialists were faced with an ethical dilemma because of the necessity to choose whether it is possible to continue to conduct clinical trials with the risk of being infected by COVID-19 during visits to hospitals or whether there was a need to pause trials and keep patients safe with no access to study drugs and diagnostic procedures. Hospitals claimed the lack of human and non-human resources due to the load of intensive care units, patients were unable to visit hospitals in frames as expected by trial's schedule timeframes and the supply chain issues interfered with the delivery of biosamples and drugs. In order to prevent the total disruption of the clinical trials area, the regulatory authorities have issued recommendations on how to act within the pandemic in order to ensure patients' safety. In Russia the recommendations on how to conduct clinical trials during COVID-19 were announced by the Ministry of Healthcare at the end of March 2020 [11].

The main recommendations were:

- Usage of alternative methods of communication, preferably distant ones (e.g. telephone contact instead of a face-to-face visit to a medical center)
- Implementation of alternative ways of drug delivery and biosamples collection (e.g. delivery of investigational drug to patient at home, collection of biological material from patients at home)
- Ensuring the flexibility of ethics committees and other involved parties, if any;

The similar recommendations announced by the Food and Drug Administration (USA) [12] and European Medicines Agency (EU) [13] showed the unified international response of medical society to the pandemic. For sure, there have been some local requirements on how to act with COVID-19, but major implemented steps remain alike and demonstrate the unified approach of medical and scientific society.

At the same time, the COVID-19 pandemic not only showed a flexibility of clinical trials, but raised a number of questions to be discussed. Could this situation be predicted at least from a methodological aspect? Digital technologies were a very important part of our lives, but before COVID-19 we saw a very moderate digitizing of clinical trials [14]. Was it right? Are there any negative aspects of such digitizing? Can we somehow prioritize studies or patients in lack of resources [15]? Professional society is now aimed at discussing such controversial questions.

Conclusion

The COVID-19 has become a real challenge for the clinical trials area and caused fundamental modifications in its methodology. Obviously, the scientific community will be comprehending the experience of the pandemic for a long time to come. Time will tell how reasonable and justified these decisions were. It seems that despite the significant progress achieved, methodology of clinical trials as well as its bioethical basics still could be and most probably should be improved.

Литература

1. Zabludovskii P.E., Kriuchok G.R., Kuzmin M.K., Levit M.M. (1981) The history of medicine, Moscow, Medicine publishing house, 352 p.

2. Hippocrates. (1936). Selected books, Moscow, State Publishing House of Biological and Medical Literature. 736 p.
3. Skliarova E.K., Zharov L.V., Dergousova T.G., (2016) The history of pharmacia: Scientific magazine. Rostov-on-Don, Fenix, 238 p.
4. Jenkins, J., & Hubbard, S. (1991). History of clinical trials, In Seminars in oncology nursing. 228–234. DOI: 10.1016/0749-2081(91)90060-3
5. A Medical Research Council Investigation. (1950). Treatment of pulmonary tuberculosis with streptomycin and para-amino-salicylic acid, The British Medical Journal. 1073–1085.
6. Sackett D.L., Rosenberg W.C., Gray M.J., Haynes R.B., Richardson W.S.(1996). Evidence based medicine: what it is and what it isn't, Bmj,71–72. DOI: 10.1136/bmj.312.7023.71
7. Iudin, B.G. (1998). Ethics of biomedical experiment. In Bioethics: principles, rules, problems. Moscow, Editorial UPCC, 472 p.
8. Kim J.H., Scialli A.R. Thalidomide: the tragedy of birth defects and the effective treatment of disease //Toxicological sciences. – 2011. – T. 122. – № . 1. – С. 1–6. DOI: 10.1093/toxsci/kfr088
9. Alsan M., Wanamaker M., Hardeman R.R. The Tuskegee study of untreated syphilis: A case study in peripheral trauma with implications for health professionals // Journal of general internal medicine. – 2020. – T. 35. – С. 322–325. DOI: 10.1007/s11606-019-05309-8
10. Ledford, H. (2021). The COVID pandemic's lingering impact on clinical trials, Nature, 341–342.
11. Ministry of Healthcare of Russian Federation (2020). On the conduct of clinical trials of drugs in the context of the COVID-19 coronavirus pandemic. Available at: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/11/po-voprosam-provedeniya-klinicheskikh-issledovaniy-lekarstvennyh-preparatov-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa-covid-19> (accessed 16 February 2023).
12. Food and Drug Administration (2020). Conduct of Clinical Trials of Medical Products During the COVID-19 Public Health Emergency. Guidance for Industry, Investigators, and Institutional Review Boards. Available at: <https://www.fda.gov/media/136238/download> (accessed 16 February 2023).
13. European Medical Agency (2020). Guidance on how to manage clinical trials during the COVID-19 pandemic (v3, 28 April 2020). Available at: https://health.ec.europa.eu/system/files/2020-05/guidanceclinicaltrials_covid19_pres_en_0.pdf (accessed 16 February 2023).
14. van Dorn A. (2020). COVID-19 and readjusting clinical trials, The Lancet, T. 396. № .10250, 523–524. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)31787-6
15. Palazzani L. The pandemic and the ethical dilemma of limited resources: Who to treat? //Bioethics Update. – 2020. – T. 6. – № . 2. – С. 67–79. DOI: 10.1016/j.bioet.2020.09.003

TRANSFORMATION OF CLINICAL TRIALS CAUSED BY COVID-19: BIOETHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Nartova M.A.

Lomonosov Moscow State University

The COVID-19 pandemic being a real challenge for the medical society makes a sharp distinction between the usual practice and the newly implemented solutions and literally rewrites the methodological and bioethical history of modern medicine. The article proposes to analyze this transformation from bioethical and methodological points of view on the example of clinical trials. The article contains a chronological description of clinical trials becoming a part of the

evidence-based medicine starting from the ancient times and until COVID-19 pandemic, and also includes a description of the main methodological solutions in clinical trials in response to the pandemic in Russia, the USA and EU. It is shown that the proposed modifications of the methodology of clinical trials conduction turned out to be unified in different countries, and the clinical trials area has shown a high flexibility to force majeure cases. The main transformation was the remote way of interaction between participants including the implementation of IT solutions. The COVID-19 pandemic and implemented solutions actualized, however, a number of problematic issues from methodological and bioethical points of view that require further discussions in the scientific community.

Keywords: bioethics, clinical trials, pandemic, public health, history of medicine.

References

1. Zabludovskii P.E., Kriuchok G.R., Kuzmin M.K., Levit M.M. (1981) The history of medicine, Moscow, Medicine publishing house, 352 p.
2. Hippocrates. (1936). Selected books, Moscow, State Publishing House of Biological and Medical Literature. 736 p.
3. Skliarova E.K., Zharov L.V., Dergousova T.G., (2016) The history of pharmacia: Scientific magazine. Rostov-on-Don, Fenix, 238 p.
4. Jenkins, J., & Hubbard, S. (1991). History of clinical trials, In Seminars in oncology nursing. 228–234. DOI: 10.1016/0749–2081(91)90060–3
5. A Medical Research Council Investigation. (1950). Treatment of pulmonary tuberculosis with streptomycin and para-aminosalicylic acid, The British Medical Journal. 1073–1085.
6. Sackett D.L., Rosenberg W.C., Gray M.J., Haynes R.B., Richardson W.S.(1996). Evidence based medicine: what it is and what it isn't, Bmj.71–72. DOI: 10.1136/bmj.312.7023.71
7. Iudin, B.G. (1998). Ethics of biomedical experiment. In Bioethics: principles, rules, problems. Moscow, Editorial UPCC, 472 p.
8. Kim J. H., Scialli A.R. Thalidomide: the tragedy of birth defects and the effective treatment of disease //Toxicological sciences. – 2011. – T. 122. – № 1. – C. 1–6. DOI: 10.1093/toxsci/kfr088
9. Alsan M., Wanamaker M., Hardeman R.R. The Tuskegee study of untreated syphilis: A case study in peripheral trauma with implications for health professionals //Journal of general internal medicine. – 2020. – T. 35. – C. 322–325. DOI: 10.1007/s11606–019–05309–8
10. Ledford, H. (2021). The COVID pandemic's lingering impact on clinical trials, Nature, 341–342.
11. Ministry of Healthcare of Russian Federation (2020). On the conduct of clinical trials of drugs in the context of the COVID-19 coronavirus pandemic. Available at: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/11/po-voprosam-provedeniya-klinicheskikh-issledovaniy-lekarstvennyh-preparatov-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa-covid-19> (accessed 16 February 2023).
12. Food and Drug Administration (2020). Conduct of Clinical Trials of Medical Products During the COVID-19 Public Health Emergency. Guidance for Industry, Investigators, and Institutional Review Boards. Available at: <https://www.fda.gov/media/136238/download> (accessed 16 February 2023).
13. European Medical Agency (2020). Guidance on how to manage clinical trials during the COVID-19 pandemic (v3, 28 April 2020). Available at: https://health.ec.europa.eu/system/files/2020-05/guidanceclinicaltrials_covid19_pres_en_0.pdf (accessed 16 February 2023).
14. van Dorn A. (2020). COVID-19 and readjusting clinical trials, The Lancet, T. 396. № 10250, 523–524. DOI: 10.1016/S0140–6736(20)31787–6
15. Palazzani L. The pandemic and the ethical dilemma of limited resources: Who to treat? //Bioethics Update. – 2020. – T. 6. – № 2. – C. 67–79. DOI: 10.1016/j.bioet.2020.09.003

Возвращение «политической теологии»: старая или новая наука

Полозова Ирина Владимировна,

д.ф.н., проф. кафедры философии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

В статье рассматривается «политическая теология» как дисциплина, основывающаяся на идее освященного традицией родства богословских и политических понятий. Анализ основных проблем, стоящих в современном мире перед политической теологией, приводит к выводу о том, что современная политическая теология является в значительной степени новой политической наукой.

Ключевые слова: политическая теология, политическая теория, политическая власть, политические религии.

Актуальность политической теологии состоит в ее тесной связи с идеей государства и государственности, обоснованием которой она являлась на протяжении длительного исторического периода, начиная с возникновения монотеистических религий, в особенности, христианства, которая в последующем подверглась решительной критике со стороны либеральной идеологии, стремившейся к минимизации влияния политики на жизнь общества и пытающейся значительно потеснить политическую власть путем утверждения приоритета экономической сферы. Еще в большей степени идея государства, имеющая явное или неявное религиозное обоснование, была несовместима со взглядами левых радикалов. Не случайно введение выражения «политическая теология» в политический лексикон современности исследователями связывается с именем теоретика анархизма М. Бакунина, обнаружившего обусловленность идеи ненавистной ему государственной власти принципом христианского монотеизма [2, с. 33].

В современном академическом понимании понятие «политическая теология» связано, в первую очередь, с именем немецкого мыслителя К. Шмитта, провозгласившего мысль о том, что все понятия политической теории представляют собой секуляризированные понятия теологии [9, 57]. Данная идея, несмотря на критику, нашла своих сторонников и получила развитие в новейшей политической философии, будучи связанной с именами Э. Фегелина, Л. Штрауса и др.. В современной отечественной политической мысли недавно начавшееся освоение данного предметного поля представлено работами таких авторов, как например А. Шепелев [7], В. Кондров [4] и др.

Вместе с тем, можно утверждать, что К. Шмитт и его последователи восстановили в правах прерванную в Новое время длительную интеллектуальную традицию, связывающую политические представления с богословскими, восходящую еще к римскому идеологу Варрону и первым христианским мыслителям, например, Евсевию Кесарийскому, Иоанну Златоусту, Августину Аврелию, и дали ей новое осмысление с учетом современных реалий.

Попробуем разобраться в том, является ли политическая теология возрожденной старой или все-таки в значительной мере новой политической дисциплиной. Для решения данной задачи мы обозначим круг проблем, обозначающих сферу интересов политической теологии и определяющих ее смысловое ядро на современном этапе. Политическая теология может считаться новой политической дисциплиной, если она преимущественно обращена к проблемам, связанным с современной политической жизнью общества.

В качестве исходной обозначим проблему установления соотношения между политической теологией и политической теорией в целом, уяснение места политической теологии среди политических наук.

Как известно, в современной политологии господствует секулярная трактовка политического, согласно которой политическая теология может рассматриваться лишь в свете ее влияния на политическую мысль в исторической перспективе. С позиции современной трактовки политического, политическая теология претендовать на серьезное значение для политической науки не мо-

жет. Современная политическая наука предлагает множество трактовок сущности и природы власти, ни одна из которых не является общепризнанной. Как правило, власть полагается не имеющей трансцендентного источника, она обосновывается «снизу», ее источник видится, например, в волевом решении народа.

Напротив, с политико-теологической позиции, определяющим будет рассмотрение *политической теологии как парадигмы для политической науки вообще*. В пользу данного подхода свидетельствует центральная для политических наук проблема власти, обоснование которой традиционно давалось с использованием ссылки на Божественный источник. Как известно, указание на божественный, трансцендентный характер власти являлось неотъемлемой особенностью политических теорий вплоть до Нового времени. Политическая теология и сегодня видится способной оказывать значительное воздействие на политическую теорию, в первую очередь, через проблему обоснования сущности власти, и в силу центрального характера последней, занимать важное место среди политических наук.

Так, например, политическая теология способна прояснить, что за секулярной трактовкой власти всегда скрывается определенная теологическая позиция. Как убедительно показал, например, Э. Фегелин, обоснование происхождения государственной власти путем «общественного договора», предпринятое, например, в «Левиафане» Т. Гоббса, является порождением Реформации и отражает ситуацию, сложившуюся в результате действий пуритан во время Английской революции [7, с. 346]. Сходные выводы делает историк политических идей К. Скиннер [5]. Таким образом, современная политическая теология способна доказать, что доминирующие ныне трактовки власти, игнорирующие ее трансцендентный источник, являются прямым результатом секуляризации сознания общества.

В качестве следующей проблемы для политической теологии выступает определение характера соответствия между областями теологического и политического. Установленная К. Шмиттом идея соответствия между ключевыми терминами теологии, с одной стороны, и политической теории, с другой, имеет, как представляется, центральное значение для понимания нынешнего статуса политической теологии. Так, данное соответствие может трактоваться либо как обусловленное генетически, либо как основанное на структурной общности двух сфер – теологического и политического.

В пользу генетического понимания соответствия между теологией и политикой свидетельствует вся политическая история человечества, убедительно демонстрирующая, что идея единого правителя, как правило, была напрямую санкционирована единобожием. Применительно к реалиям Древних царств, Римской империи, а затем и Европы, идея единого Бога порождает идею правомочности исключительно одного правителя (монарха). Применительно, например, к Израилю, монархическое правление явилось прямым следствием теократии, то есть непосредственного управления народа Богом. И по сути, монархия пришла на смену теократии, являясь ее заменой. Процесс ослабления религии и упразднение теологической картины мира в Новое время соответственно приводит к краху монархических режимов в Европе, первоначально идейному, а затем и практическому. Упразднение монархий является, поэтому, следствием десакрализации данного политического института.

Генетическое понимание соответствия между теологией и политикой, таким образом, соответствует традиционной теологической идее, состоящей в обосновании

политической власти монарха через ее порождение Богом и организации земного порядка по образу небесного, и указывает на трансцендентный источник государственной власти.

Вместе с тем, для современной политической теологии, первичность одной из двух данных сфер может составлять проблему, а не является очевидной, как например, в традиционном теологическом понимании. Так, например, Я. Ассман, выдвинул идею генетической обусловленности понятий ветхозаветной теологии особенностями политического устройства Древнего Египта и их рождение связал с Исходом иудеев из Египта [2, с. 116]. По его мнению, идею Единого Бога израильтяне вынесли из политических реалий Египта, а именно, из единоначалия правления фараонов. Таким образом, можно увидеть, что для современной политической теологии проблема «первородства» теологии по отношению к политике не представляется окончательно решенной.

Вместе с тем, тот же Я. Ассман показывает, что и в Египте власть правителя покоилась, в первую очередь, на признании божественного порядка и была санкционирована властью небесной. «Фараон, хотя и сам был богом, имел над собой целый мир и на его вершине – высшего государственного бога» [2, с. 73]. Таким образом, если обозначить в качестве исходной какую-либо первичную организацию политического (например, Древний Египет), то можно увидеть, что в ее основе лежали именно теологические принципы. На следующем же историческом этапе происхождение и обоснование самого феномена власти основывалось преимущественно на Библейской традиции.

Другое понимание соответствия теологии и политики, как на уровне общих парадигм, так и наличия концептуального соотношения между ними, предполагает его трактовку с позиций структурной общности данных сфер. Несомненно, что между понятиями политической сферы и религии существует структурная аналогия, и она не является случайной. Можно увидеть, что концептуальное соотношение, то есть установление параллелей между ключевыми понятиями двух рассматриваемых сфер, не является самостоятельным, но представляет собой лишь следствие общего структурного соответствия. Основанием данного соотнесения может служить базисная метафора, восходящая к архетипическим структурам-парадигмам, позволяющая в дальнейшем интерпретировать структурное сходство религии и политики.

В картине мира, которая служила «политической теологией» христианской Церкви, структурное соответствие сфер теологии и политики обычно задавалось следующим образом: аналогом Царства Небесного служит Царство земное, Богу ставится в соответствие Верховный правитель – Суверен, отражением небесной иерархии ангельских чинов является сословная иерархия государства. Современная политическая теология нередко достраивает и уточняет данную модель. Как, например, показывает Дж. Агамбен, в земном правлении Императора в значительной мере воплощаются такие атрибуты Бога как Царство и Слава [1, с. 11].

Но современная политическая теология не ограничивается данной моделью, используя и другие ключевые структурные соответствия традиционной политической теологии, в частности, идею «катехона», «удерживания», восходящую к ветхозаветным книгам пророка Даниила, согласно которой государственный порядок, прежде всего, имперский, является препятствием на пути торжества мирового зла и в этом смысле выступает как часть общей теологической картины мира. Данная трактовка миссии государства разделяется и современными поли-

тическими теологами, в частности, К. Шмиттом, рассматривающим государство и фигуру земного правителя, в первую очередь, в качестве «катехона», удерживающего, но уже на фоне современных политических реалий [9, с. 46].

Вместе с тем, современная политическая теология имеет дело с ситуацией секулярного общества, когда постепенное разрушение традиционной теологической картины мира приводит и к соответствующей ситуации в политике. Политическая теология современности занимается осмыслением изменившейся ситуации, убедительно демонстрирующей структурное сходство в отношении теологической и политической сфер. Так, например, утвердившейся в Новое время позиции деизма, когда Бог мыслится лишь присутствующим в мире, но почти не вмешивающимся в земной порядок, соответствует либеральная идея государства, в котором участие верховного правителя должно умиляться и постепенно сводиться к минимуму. И, подобно тому, как мир представляется управляющимся преимущественно естественными законами, в политической сфере воцаряется торжество правовых законов, которые делают все более ненужной и незаметной роль монарха. Налицо структурное единство ситуации.

В этой связи особенный интерес приобретает идея основоположника современной политической теологии К. Шмитта о чрезвычайном положении как о прямом проявлении власти суверена, когда она не опосредована законами, но проявляется прямо и непосредственно. Теологическим аналогом такого вмешательства служит идея чуда [9, с. 57]. Таким образом, современная политическая теология способна осмыслить политические реалии нового и новейшего времени, такие как, например, диктатура [8].

Важной проблемой, стоящей перед политической теологией на современном этапе, является уяснение статуса так называемых политических религий. Возможность осмысления их природы и сущности. Политические религии, ставшие в недавнее время предметом изучения политической науки, потеснили, начиная с Нового времени, место традиционной религиозности, заимствуя, вместе с тем, ее основные атрибуты: наличие объекта поклонения, культ, мифологию, символы [3, с. 42]. Можно увидеть, что по своей форме политическая религия представляет структурное подобие традиционной религии, включая наличие избранника-Мессии, священных текстов, избранного народа. Таким образом, возникновение политических религий дополнительно демонстрирует родство политической и религиозной сфер.

Современная политическая теология, изучая политические религии, осуществляет рефлексию над идеей подобия или родства религиозного и политического в условиях секулярного общества. Политические религии могут рассматриваться, например, как феномен современного этапа религиозной жизни человечества, свидетельствующий о неустранимости религиозного чувства. Если говорить о сущности политических религий, то можно утверждать, что они являются современным идопоклонничеством. Секуляризация приводит столь к радикальной трансформации религиозного чувства, что оно переключается на политические объекты, утратившие связь с трансцендентным, относительно независимые и наделяемые религиозным статусом «снизу».

Вместе с тем, некоторые исследователи полагают, что можно говорить и о сущностной близости политиче-

ских религий традиционным, так как в своей наиболее радикальной форме политические религии претендуют на контроль за экзистенциальным, над душами и сердцами людей. В качестве доказательства данного положения приводится понимание религии, принадлежащее, например, Э. Дюргейму или Р. Отто, которое по своему характеру и происхождению является секулярным и расширительным [3, с. 78–81]. Вместе с тем, политическая теология способна установить, что политические религии по отношению к религиям Откровения лишены самого главного, а именно, трансцендентного источника, из которого они черпают свое содержание.

Исследуя круг проблем, стоящих сегодня перед политической теологией, можно сделать вывод, что данная дисциплина, имеющая в своем арсенале длительную традицию, на современном этапе секулярного общества, тем не менее, имеет свою собственную проблематику и значительные перспективы развития.

Литература

1. Агамбен Дж. Царство и слава. – М., 2019.
2. Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем. – СПб., 2021.
3. Джентиле Э. Политические религии. – СПб., 2021.
4. Кондуров В.Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 3. С. 49–78.
5. Скинер К. Истоки современной политической мысли: в 2. т. – М., 2018.
6. Фегелин Э. Новая наука политики. Введение. – СПб., 2021.
7. Шепелев А. Политическая теология. – М., 2022.
8. Шмитт К. Диктатура. – М., 2022.
9. Шмитт К. Политическая теология: Сборник. – М., 2000.

THE RETURN OF «POLITICAL THEOLOGY»: OLD OR NEW SCIENCE

Polozova I.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

The article considers «political theology» as a discipline based on the idea of the kinship of theological and political concepts consecrated by tradition. An analysis of the main problems facing political theology in the modern world leads to the conclusion that modern political theology is largely a new political science.

Keywords: political theology, political theory, political power, political religions.

References

1. Agamben J. Kingdom and glory. – M., 2019.
2. Assman Y. Political theology between Egypt and Israel. – SPb., 2021.
3. Gentile E. Politicheskije religii. – SPb., 2021.
4. Kondurov V.E. Political theology of Karl Schmitt: discourse and method // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 14, No. 3. S. 49–78.
5. Skinner K. Istoki sovremennoi politicheskoi mysl': v 2. t. – M., 2018.
6. Fegelin E. Novaya nauka politiki. Introduction. – SPb., 2021.
7. Shepelev A. Politicheskaya teologiya. – M., 2022.
8. Shmitt K. Dictatorship. – M., 2022.
9. Shmitt K. Politicheskaya teologiya: Sbornik. – M., 2000.

Онтологическое картографирование в объектно-ориентированной парадигме

Хандогин Руслан Викторович,

ассистент кафедры философии Новосибирского государственного технического университета,
E-mail: khandogin.ruslan@yandex.ru

Статья посвящена первичному приближению онтологического картографирования социального и несобственного пространства в плоских объектно-ориентированных схемах. Рассматриваются некоторые специфические аспекты картографирования не только как инструмента и метода, но и концептуального онтологического базиса. Отмечаются некоторые важные качества и свойства объектов и их отношений. Карта может быть обобщённым изображением определённой части реальности, отображением пространственного взаиморасположения, сочетания и взаимосвязи объектов и непосредственно объектом, замещающим реальность. Картографическая поверхность одновременно и барьер, и зона отчуждения, и пространство связи между несобственными и человекообразными объектами. В качестве примера предметного поля в контексте рассматриваемых концептов онтологизации и картографирования предлагается объектно-ориентированное программирование. Базируясь на собственных предметных, сущностных и идейных основаниях, парадигмальная рамка концептуализирует и онтологизирует данное пространство. В объектно-ориентированной парадигме карта объектов трансформируется в объект-карту, становясь самостоятельной целью и смыслом исследования.

Ключевые слова: объектно-ориентированная онтология, картографирование, онто-картография, объектно-ориентированное программирование, объективная реальность, плоские онтологии.

Видовое и сущностно-содержательное разнообразие современных социально-философских подходов в общественно- и человеко-ориентированной географии порождает воображение: критическая, когнитивная, марксистская, феминистская, психоаналитическая, нерепрезентативная, хроногеография. Одни ветви этого раскидистого многоуровневого древа появляются под влиянием актуальных течений в научной мысли, другие – как результат сильного взаимовлияния рядоположенных дисциплин, третьи – в процессе применения традиционного инструментария и классической методологии в новых областях в рамках постнеклассической парадигмы. Одним из таких методологических и инструментальных базисов, нашедших собственное пространство применения и распространившихся далеко за пределы собственно географического поля, является картография. Использование принципов, подходов, инструментов картографии для отображения и интерпретации социального, политического, гуманитарного пространства вкупе с привлечением лингвистических понятий и дискурсивных практик стало продуктивной формой социально-философской мысли, а включение междисциплинарных концептов позволило выйти за рамки изначальной ограниченности и локальности.

Таким образом, проявляется всё большая необходимость репрезентации исследуемых идей и вопросов в контексте создания и фундирования новых подходов, разработки и представления онтологии и топологии единого пространства социальных и несобственных объектов.

Одним из современных концептов рассмотрения, интерпретации и конструирования социальной реальности является объектно-ориентированная картография, расширяющая методологический аппарат социальной философии и в онтологическом, и в топологическом смысле. В рамках «демаркации системного и сетевого, системного и топологического подходов», условного разделения социальной топологии на топологию пространства и топологию формы [2] объектно-ориентированная картография рассматривается как макет, модель, схема, описывающая децентрализованный самоорганизующийся «объектный» мир, и в то же время сама является децентрализованной сетевой структурой, которая так же способна проявлять синергетические свойства, саморазворачиваться и саморазвиваться в соответствии с динамичным изменением отражаемой реальности и собственной рефлексивной спецификой.

Карта, как методологическое производное, творческое изображение или культурный объект, может быть многоаспектно рассмотрена с дискурсивной, критической, конструктивистской точек зрения, при этом во всех своих ипостасях демонстрируя значительное, принципиально различное разнообразие. С одной стороны, карта может быть обобщённым изображением (физическим или виртуальным) определённой зафиксированной части реальности, здесь она – слепок застывшей бытийности, вместилище знаков, образно-синтаксическая модель действительности. С другой, карта определяется как отображение пространственного взаиморасположения, сочетания и взаимосвязи объектов, раскрывающее

специфику их взаимодействий. В-третьих, карты сами являются действующими объектами и способны в определённом смысле (например, в видеоиграх или системах виртуальной реальности) замещать реальность. Карты больше не определяются как статичные, застывшие схематичные отображения реальности, но воспринимаются как «живые» объекты, непрерывно воспроизводящиеся и продуцирующие структурные элементы рефлектируемого пространства, которые, в свою очередь, сами могут быть отражены.

Объектно-ориентированная онтология отвергает привилегированность человеческого существования над существованием нечеловеческих, несоциальных объектов, уравнивает статус вещей разной природы. Объектом в данной онтологической системе является «любая единичная реальность ... поддерживающая множество представлений, оставаясь при этом той же» [5]. Для объектов характерна избыточность по отношению к наблюдателю, и недостаточность по отношению к взаимосвязям и взаимодействиям: они «больше своих частей, но меньше своих эффектов». По Грэмму Харману для объектов характерны пять типов отношений (содержательность, смежность, искренность, связь и отсутствие всякого отношения), три прилагательных, описывающих внутреннее состояние (замещающий, асимметричный, буферный) и три вида состояния (качества, случайные свойства, отношения) [4]. «Хорошая» карта фиксирует эти характеристики объектов и специфику их взаимодействий, динамично меняется вслед за изменением описываемого мира и, в конце концов, сама становится равноправным сложным объектом, своей истинной сущностью оторванной от полного понимания и описания. Вещи выходят за пределы восприятия и представления, часть из них существовали до человека и будут существовать после конечности социального, и картография в этом смысле должна помочь «схватить» их сущностную взаимосвязь и взаимоположение в бытийном поле. Объекты недоступны для непосредственного восприятия, их реальность скрыта от прямого постижения, но само пространство их существования определяет возможность их познания. Таким образом, карта может рассматриваться как объект, предоставляющий познающему субъекту определённое многомерное восприятие реальности. Картографическая поверхность одновременно и барьер, и зона отчуждения, и пространство связи между несоциальными и человекоразмерными объектами. В современной философской мысли объектно-ориентированная онтология является одним из достаточно новых, но при этом также одним из популярных и обретающих всё большее влияние концептов. При этом идеи, методы, принципы и исследовательская оптика объектно-ориентированной философии и спекулятивного реализма находят отражение и воплощение в современном искусстве, цифровых медиа, экологических концептах, архитектуре, эстетике, технологических проектах и социальном конструировании. Всё большее развитие, влияние и проникновение во все сферы бытия человека и общества цифровых конструкций, гибридных техносубъектов, систем ИИ и многих других не- или квази- социальных объектов предельно актуализирует вопрос сущности, существования, сосуществования и различия социального и несоциального, всё ярче проявляя оппозицию философий доступа и антикорреляционистских подходов. В представляемом отношении проводится попытка снятия и отказа от антропоцентрической позиции, понимаемой прежде всего в утверждении и предоставлении особых привилегий человеку и человеческому как специфическим «субъектам» над и перед нечеловеческими сущностями, рассматриваемыми как определённые своими данностью и восприятиями

«объекты». Модусы и проявления человеческого бытия, главенствующие над «прочим» миром, онтологически несправедливы и безосновательны; мир представляет собой совокупность равных объектов и их отношений, а человекоцентричность и человекоразмерность скорее наш возвышающий самообман и неявная уловка нашего мышления.

Объектно-ориентированная онтология применима также для описания и онтологизации сложных структурных образований, таких как Сложные Системы, в том числе объектно-ориентированную системную инженерию. Подобные комплексные конструкты, как правило, состоят из большого количества элементов, подсистем или иных выделяемых структурных единиц. Основными свойствами сложных систем являются изменчивость компонентов, элементов и параметров; уникальность и непредсказуемость поведения в конкретных условиях; способность изменять свою структуру и формировать варианты поведения; способность противостоять энтропийным тенденциям, адаптироваться к изменяющимся условиям среды и пространства существования; целеполагание и собственное целеобразование; принципиальная неравновесность. Каждый элемент системы находится в состоянии непрерывного информационного взаимодействия и обмена со связанными с ним элементами и объектами (как внутрисистемными, так и с доступными для воздействия акторами внешней среды). Все вышеперечисленные аспекты и приложения являются потенциальными возможностями практического воплощения и применения онтологизации пространства ООП. Данные онтологические карты объектов в пространстве программирования, с одной стороны, исходят от реальности – реально существующей, определённой и во многом детерминированной игры, с другой, от концептуальных идей и образов объектно-ориентированного программирования и с третьей, от общих онтологических оснований объектного бытия и восприятия. «Три кита» или «святая Троица» объектно-ориентированного программирования: инкапсуляция (сокрытие), полиморфизм (типизация), наследование (повторное воспроизводство), часто сопровождаемая «четвёртым всадником» – абстрагированием (отвлечённые сущностные основания) наглядно демонстрируют основные идейный базис онтологических конструктов.

Язык программирования определяется формальной грамматикой, однако для каждой конструкции языка должно существовать значение [6]. Смысл программ задается семантикой их конструкций, которая, как правило, должна сохраняться во всех программах. Без семантики конструкций было бы трудно проверить, представляет ли код то, для чего он был разработан. Обычно язык программирования представляется через его синтаксис, содержащий некоторое комплексное формальное и неформальное объяснение его семантики. Аксиоматизация языков программирования, демонстрирующая внутренние сущностные основания и содержание объектно-ориентированных конструкций языка, а также попытки принять согласованную концептуализацию объектно-ориентированных конструкций между различными языками находит воплощение, например, в общих паттернах программирования. Программирование как искусство невозможно без творчества; оно субъективно, лично нагружено, связано с восприятием, не всегда точно и однозначно транслируемо, создаёт собственные эстетические модусы и паттерны, идейно наполнено, обладает собственной философией языка, подхода и формирует определённую систему ценностных ориентаций. Одна из характеристик кода и программного продукта вообще – красота.

Одним из наиболее ярких примеров картографических концептов в сфере спекулятивного реализма и объектно-ориентированной онтологии можно считать онто-картографию Леви Брайанта. Онто-картография развивает идеи плоских онтологических схем, разработанных Мануэлем Деландом, в которых он, вдохновляясь Делёзом, исследует существование и развитие разнообразных ассамбляжей (сборок) в мире «уникальных, сингулярных индивидуальных сущих» [1, 39], различающихся прежде всего временным и пространственным масштабом, а не онтологическими правами. В онто-картографии утверждается «демократия объектов», то есть их равноправие, в том числе между физическими объектами, вещами, социальными и человекообразными единицами и ассамбляжами. В значительной степени стремление спекулятивных реалистов к «уплощению» мира также вдохновлено работами Бруно Латура, идеи которого оказали существенное влияние на становление представлений многих сторонников объектно-ориентированной онтологии и смежных направлений исследованной. «Приводя пример из картографии, – отмечает Латур. – Я мог бы сказать, что акторно-сетевая теория пытается изобразить социальный мир плоским, чтобы сделать отчетливо видимым установление всякой новой связи» [3, 31].

В своей работе «Object-Oriented Cartography. Maps as Things» Таня Розетти [7] описывает эволюцию представлений о картографии в рамках общественной географии и специфику своего подхода к объектно-ориентированному взгляду на мир вещей, его проблемах и перспективах. Рассматривая карты как сущности реального мира или материальные образования, она сталкивается с неоднозначностью определения их бытийных основ и описания материалистического способа их существования. Карта в физической, цифровой, виртуальной форме всегда больше, чем просто вещь, она скрывается от познания, стремится заместить исследуемую реальность или раствориться в ней. Картография при более близком рассмотрении стремится к гибридации и междисциплинарности, расширяя свой методологический аппарат и теоретические базисы, что в свою очередь связано со сложностью и неопределённостью её задач. Карта объектов трансформируется в объект-карту, становясь самостоятельной целью и смыслом исследования; она существует, взаимодействует, изменяется. Карты как объекты становятся вещами, которые существуют и взаимодействуют сами по себе, что порождает сложность их оценки и классификации; и карта становится таким же недоступным для прямого восприятия объектом, судить о ней возможно лишь опосредованно, однако и сама объектно-ориентированная онтология предпочитает строгости образность, а чёткому описанию реальности – намёки и отсылки, проходя путь от преодоления абстрактности к метафоричности и «эстетической концепции вещей».

Литература

1. Деланда М. Новая онтология для социальных наук //Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № . 3 (118). – С. 35–56.

2. Заякина Р., Марк Р. Сетевой подход: между топологиями пространства и формы //Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – № . 2. – С. 163–179.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
4. Харман Г. О замещающей причинности //Новое литературное обозрение. – 2012. – № . 114 (2). – С. 75–90.
5. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда //Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № . 3 (118). – С. 1–34.
6. Mattsson S. E., Andersson M., Åström K.J. Object-oriented modeling and simulation //CAD for control systems. – CRC Press, 2020. – С. 31–69.
7. Rossetto T. Object-oriented cartography: Maps as things. – Routledge, 2019.

ONTOLOGICAL MAPPING IN THE OBJECT-ORIENTED PARADIGM

Khandogin R.V.

Novosibirsk State Technical University

The article is devoted to the initial approximation of ontological mapping of social and non-social space in flat object-oriented schemes. Some specific aspects of mapping are considered not only as a tool and method, but also as a conceptual ontological basis. Some important qualities and properties of objects and their relations are noted. A map can be a generalized image of a certain part of reality, a depiction of the relative positions, combinations and relationship of objects, and object that immediately replaces reality. The cartographic surface is both a barrier and an exclusion zone, and a space of connection between non-social and human-dimensional objects. Object-oriented programming is offered as an example of the object field in the context of the considered concepts of ontologization and mapping. Based on its own subject, essence, and ideological foundations, the paradigmatic frame conceptualizes and ontologizes that space. In object-oriented paradigm map of objects is transformed into object-map, becoming an independent purpose and sense of research.

Keywords: object-oriented ontology, mapping, onto-cartography, object-oriented programming, objective reality, flat ontology.

References

1. Delanda M. New ontology for social sciences // Logos. 2017. – Vol. 27. – No. 3 (118). – P. 35–56.
2. Zayakina R.A., Romm M.V. (2017) Network Approach: Between Space and Form Topologies // Sociological Review. – Vol. 16. – No. 2. – P. 163–179
3. Latour B. Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Rebuilding the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow, HSE Publ.,– 2014. – 384 p.
4. Harman G. O zameshchayushchei prichinnosti [On Vicarious Causality]. Novoe liter-aturnoe obozrenie [New Literary Observer],– 2012. – No. 114 (2). – P. 75–90.
5. Harman G. Networks and Assemblages: the Rebirth of Things in Latour and DeLanda // Logos. 2017. – Vol. 27. – No. 3.
6. Mattsson S. E., Andersson M., Åström K.J. Object-oriented modeling and simulation //CAD for control systems. – CRC Press,– 2020. – P. 31–69.
7. Rossetto T. Object-oriented cartography: Maps as things. – Routledge,– 2019.

Разноформенные проявления политических отношений в сетевом обществе (материалы круглого стола)

Отдел исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с редакцией журнала «Социально-гуманитарные знания» в феврале 2023 г. провели «круглый стол» по теме «Разноформенные проявления политических отношений в сетевом обществе». Ниже мы публикуем выступления его участников в сокращении.

Михайленок О.М., д.п.н., проф., главный научный сотрудник, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН

Mikhaylenok O.M., doctor of political science, professor, chief researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Сегодня мы наблюдаем ускорение глобальных изменений во всех сферах жизни общества (чему немало способствуют и прорывы в технологических областях).

Безусловно, модели восприятия мира массами, способы познания объективной социально-политической реальности существенно изменяются на фоне глобальной цифровизации, медиатизации и виртуализации традиционного общественно-политического пространства массовых коммуникаций.

В то же время парадоксальность современного человеческого существования состоит в том, что мы постоянно твердим о необычайной текучести и изменчивости современного мира, о возрастании степени этой текучести и изменчивости, но при этом наше представление о том, что, собственно, течет и изменяется, остается, по сути, малоподвижным. Обращение к теме политики и политического также даёт тому большое количество примеров. Держась за отживающие представления, мы (бессознательно) наделяем их самостоятельным существованием, и они действительно начинают жить самостоятельной жизнью, увеличивая хаотичность нашего восприятия и закрывая перспективу понимания происходящего.

Как считают эксперты, перспективы исследования сложных взаимодействий и непредсказуемых моделей развития современных социально-политических отношений связаны со значительным аналитическим потенциалом сетевой теории.

Обсуждая тему круглого стола, следует отметить, что трактовки понятия «социальная сеть», развитые в рамках различных подходов и дисциплин, не всегда являются взаимодополняющими, но даже представляются противоречащими друг другу. Часто ученые, использующие идеи сетевой теории не критично используют идеи противоборствующих школ, поскольку нет достаточно проработанного материала по теории и разграничению всех понятий и подходов.

При наличии различных оценок собственно сетевой теории нельзя отрицать факта роста интереса политологов к сетевым проблемам политических отношений.

Существование множества сетей, «проявленных» или «скрытых», предполагает разнообразные взаимоотношения между ними. Выясняется, что сети могут возникать, исчезать, разъединяться, объединяться, конку-

рировать и даже воевать друг с другом. По убеждению сетевых теоретиков (прежде всего М. Кастельса и Б. Латура), сети в целом противостоят иерархическим структурам, в том числе и в политической сфере. Другие теоретики придерживаются мнения, что «миры иерархий и сетей встречаются и взаимодействуют». Во всяком случае, сегодня динамика взаимодействия сетей многими признается решающим источником доминирования и изменения в нашем обществе, а сетевой подход оценивается как продуктивный в отношении конкретных социальных институтов и сферы политических отношений.

Сегодня в ряде работ отечественных авторов затрагиваются некоторые аспекты использования концепта «сеть» в сфере политики. Социальные сети стали заметным фактором политики в мире и в России. Очевидно, что и на уровне политических отношений, особенно в глобальном контексте, происходит взаимодействие сетей и иерархических структур. Важный момент заключается также в том, что политические сети представляют сегодня реальную угрозу внутривнутриполитическим иерархиям, как об этом свидетельствуют события на Ближнем Востоке, в Британии, США и на Украине. Сетевые комбинации прослеживаются в таких регионах, как Китай, Казахстан, в странах Центральной Азии, причём это не только столкновения сетей и иерархий, но и конкуренция, порою даже война между сетями.

Мы наблюдаем тенденцию к проблематизации темы политического участия и мобилизации, соотношения государства и социальных сетей, трансформации функций государства в сетевом общественном формате.

В исследовательском поле политической науки весьма актуальны вопросы, связанные с выяснением эволюции феномена политического согласия в процессе сетевой трансформации российского социума, обновления спектра акторов политического согласия в условиях новой социальной реальности. Представляют интерес и поиски интерпретации концепта «согласие» в контексте сетевизации и цифровизации политических отношений. Во всяком случае, одним из драйверов продвижения в познании политических отношений и роли согласия в их трансформации является «имплементация» в политологию представлений сетевой парадигмы.

Безусловно, на политические отношения оказывает заметное влияние цифровизация. Она способствует существенной трансформации политической сферы общества. Цифровая среда рассматривается сегодня, по сути, как новое пространство общественно-политических отношений.

В целом, с достаточной долей уверенности можно предположить, что перспективы развития современно-

го общества связаны с результатами взаимодействия традиционной социальной структуры и её сетевого формата. Какой из этих факторов будет преобладать в длительной перспективе – вопрос проблематичный.

Мальшева Г.А., научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Malysheva G.A., research fellow, Institute of sociology, FCTAS RAS

Применительно к тематике «круглого стола» хотелось бы остановиться на вопросе о соотношении двух парадигм социально-политического развития – сетевизации и иерархизации общества – и на их проявлении в области политических отношений на данном историческом этапе.

Как уже неоднократно отмечалось, цифровая техносоциальная трансформация усиливает и мультиплицирует сетевые характеристики общества. Логика сетевого развития зачастую трактуется в свете эгалитаристских тенденций, в первую очередь, когда речь идет о классических интерпретациях сетевой теории. Тем не менее современное состояние цифросетевого общества, и в особенности виртуально-коммуникационной сферы, даёт основания для несколько иных подходов к оценке его социального и политического устройства.

Следует подчеркнуть, что, с позиции политической экономии, цифровые сети – зона (пост) капиталистической эксплуатации, основанной на производстве и распределении оцифрованных форм собственности. С точки зрения социальной теории – это пространство, где складывается многоуровневая система неравенства и социальной стратификации и где наряду с трендом на добровольную кооперацию действуют отношения господства и подчинения. Кроме того, является признанным фактом, что онлайн-сетевой мир как часть совокупной общественно-политической реальности органически вписан в существующие структуры и иерархии национального и наднационального политического управления.

Многие исследователи (Д. Дин, Н. Срничек и др.) рассматривают мир виртуальных коммуникаций как сети капиталистических производственных отношений, иерархичные по самой своей природе. Они типологизируют современную техносоциальную эпоху в соответствии с теорией развития капиталистической общественной формации, обозначая её такими терминами, как «цифровой капитализм», «коммуникативный капитализм», «капитализм платформ», «технокапитализм» и т.д. С другой стороны, анализ важнейшей для жизни цифрового общества области социальных медиа позволяет утверждать, что сети онлайн-коммуникации, которые на этапе своего зарождения воспринимались как «пространство свободы», выстраиваются по принципу иерархических неравноправных взаимодействий, формируя специфические каналы распределения социального капитала и дисбалансы влияния сетевых пользователей.

Наступление цифровой эпохи ведёт и к реструктуризации собственно политической сферы. Так, например, цифровые бизнес-гиганты нашего времени в лице крупнейших IT-корпораций выступают в роли международных и национальных политических акторов. В то же время организационно-инфраструктурные субъекты цифросетевой среды – технологические платформы, – согласно некоторым оценкам, начинают выполнять функции общественно-политических институтов нового типа, обязанных своим появлением глобальной цифровой трансформации. Являясь «надпространственным» институционально-сетевым феноменом, технологиче-

ские платформы подразделяются на универсальные (транснациональные), экзогенные по отношению ко всем регионам (кроме родительского) и локальные (эндогенные), т.е. платформы, обслуживающие внутригосударственное общественно-политическое пространство.

Ещё одно соображение, которое хотелось бы высказать, касается геополитических особенностей настоящего момента и их проекций на область внутренней политики российского государства.

Обострение глобального военно-политического конфликта привлекает внимание к ряду фундаментальных проблем, которые определяют сегодняшний облик национального государства – основной макроинституциональной единицы современного человеческого сообщества. В условиях цифрового перехода и на фоне неравномерного распределения центров и периферий мирового технологического развития понятие суверенитета детерриториализируется и утрачивает привязку к национальным границам, позволяя говорить о нём как о феномене сетевого характера. Основным источником трансграничности общественно-политических процессов выступает медиатизация социальной жизни.

Всё это заставляет рассматривать суверенитет не только с точки зрения его институциональных аспектов, но и с учётом иных релевантных факторов постсовременности, включая культурное отчуждение от местности и ряда других положений, принятых, в частности, в таком теоретическом направлении, как номадология.

В более широком смысле «надпространственное» измерение политических отношений – точнее, их измерение в пространстве «второй», нематериальной общественно-политической реальности – может быть охарактеризовано как цифросетевая логика власти, противопоставляемая логике территориальной, т.е. логике власти национального государства со свойственной ему системой иерархических структур.

Кроме того, нетрудно заметить, что приметой настоящего времени становится военно-политическая вертикализация общественного пространства, в том числе и в нашей стране. В данной связи можно обратиться к военно-налоговой теории государства Ч. Тилли, которая рассматривает государственно-институциональные аспекты войн в исторической перспективе. В соответствии с этой теорией рост вооружённых конфликтов и обусловленная ими милитаризация социально-политической жизни неизбежно ведут к консолидации и укреплению системы государственного принуждения, в том числе в форме внутреннего контроля над населением, что чревато кризисом гражданских институтов.

Главной целью легитимизированного насилия является мобилизация государственного потенциала для ведения военных действий, в силу чего война трактуется как один из ключевых факторов национальной политической жизни и внутриэлитного политического противоборства. На этом фоне в привычную иерархию политических отношений интегрируются новые акторы, к числу которых относятся, к примеру, частные военные компании, чьи функции уже не ограничиваются собственными боевыми задачами и постепенно распространяются на сферу общественно-политического дискурса и политической конкуренции.

Между акторами активизируется борьба за ресурсы – человеческие, технологические, финансово-экономические, материальные и нематериальные, – в рамках которой особую роль приобретает борьба за медийный ресурс как один из основных в информационно-цифровом обществе. Она ведётся не столько в традиционных СМИ, сколько на пространстве социальных медиа, т.е. в информационно-коммуникационных цифровых се-

тях, о чём, в частности, свидетельствует стремительное развитие «военизированной» блогосферы и популярность специализированных телеграм-каналов.

Показательно, что по актуальному состоянию российской блогосферы можно в известной степени судить и о смещении общих координат внутриполитической борьбы в стране по сравнению с «довоенным» периодом. Так, согласно данным ВЦИОМ (16.01.2023), если в 2020–2021 гг. наиболее популярным блогером Рунета был Ю. Дудь, то по итогам 2022 г. это место занял Ю. Подоляка. Последний позиционирует себя в качестве специалиста по военно-политическим конфликтам на постсоветском пространстве, в первую очередь по СВО на Украине.

Очевидно, что военно-политическая компонента усиливает вертикально-иерархические характеристики современного российского общества, с присущей ему системой социальных и политических отношений. Одновременно с этим возрастающая ценность онлайн-выходных социальных медиа в перераспределении влияния общественно-политических сил обуславливает высокий удельный вес горизонтально-ориентированных коммуникационных взаимодействий и способствует всё более выраженной сетевизации внутриполитического пространства нашей страны.

Таким образом, на нынешнем этапе социально-технологического и геополитического развития наряду с процессами интенсивной цифровой сетевизации вступают в действие факторы, подпитывающие тенденцию к иерархизации социально-политических отношений, которая во многом определяет координаты дальнейшего развития российского государства и общества.

Воронкова О.А., к.п.н., старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Voronkova O.A., candidate of political science, senior researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Исходным является тезис о том, что сетевизация и деиерархизация рассматривается как генеральная тенденция в социально-политических отношениях. Развитие сетевого общества в глобальном масштабе становится важным условием перехода социально-политических отношений на высший, цивилизационный этап эволюции.

Биологическая эволюция человека как адаптация к природной окружающей среде в целях выживания уступает место конвергентной социальной эволюции как адаптации к технократической среде. Процесс коэволюции связывается с качественными изменениями в образе жизни, разнообразием возможностей деятельности, перераспределением узловых точек формирования внешней и внутренней среды: с узлов концентрации власти к узлам, генерирующим энергетические стимулы социокультурного творчества, становящиеся точками опоры динамического равновесия обновляемых систем.

Интеграция технологических инноваций в социальную реальность неизбежно требует овладения новым когнитивным аппаратом через посредство постоянно обновляемых ресурсов коммуникационной системы. Эти ресурсы (семиотические конструкции, облегчающие развитие дискурсных практик) обеспечивают конвергенцию информационно-технологических и социально-политических кодов производства и воспроизводства жизни вопреки политически провоцируемым разрывам эволюционных процессов.

Цифросетевые коммуникационные и образовательные возможности XXI века объективно отрицают саму необходимость построения монолитных идеологиче-

ских фундаментов для ментально-манипулятивных конструкций. Новая цифросетевая реальность способствует сглаживанию различий социальных сред обитания: выравниванию возможностей, а вслед за этим и возникновению новых практических форм самореализации. Неизбежно происходит взаимопроникновение социального и политического по мере утверждающейся потребности участия активного общества в решении важных вопросов. Политико-бюрократическая структура сталкивается с социальным отторжением командно-административных методов принуждения, а социум политизируется, требуя учёта своего мнения в принятии значимых решений.

Общество в сетях объединяется в социальные сферы по принципу взаимоприращения схожих видений ситуаций, способов интерпретации. Эти сферы неустойчивые, быстро разрывающиеся и исчезающие в результате попыток их блокировки, но также быстро появляющиеся вновь и уже в большем количестве. Их пересечения с другими сферами спорны и конфликтны. Их коммуникативное наполнение далеко от идеально-типического; аргументы могут быть амбициозны и не безупречны. Они не свободны от «желтизны» – притягивания аудиторией «за уши» через намеренную скандальность реакции на события, привлечение внимания к пикантным фактам, изощрённой подаче фэйков и пр. Но их принципиальной характеристикой становится то, что они, по определению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, оппозиционны «единству», «единообразию», стержневым свойством которого является подверженность «сверхкодированию», заполняющему пустоту нерелексивной одномерности. Они определяемы лишь «циркуляцией состояний» как рефлексивных, динамичных, спонтанных, «необработанных» отражений событий.

Эти отражения складываются под влиянием ряда факторов: официальных презентаций, пропагандистских стрел воздействия на массовую аудиторию, репортажей очевидцев с мест событий, текстовых выступлений блогеров, видеороликов, обмена комментариями ближнего и более широкого социальных кругов и пр. Эти факторы на начальном этапе формируют *сферы неопределённого сознания*, которые на промежуточных этапах расслаиваются на поверхностные представления и более глубокие размышления о текущих реалиях.

Гибкие свойства сетевой сферической множественности – вариативность и разнонаправленность – позволяют социуму противодействовать монополитичности, тяготеющей к структурному окостенению. Столкновения и пересечения ментальных движений, часто доходящие до дискурсных конфликтов, требуют выработки новых принципов взаимодействия. Технологически облегченная возможность проявления и поиска контраргументов, проверки фактов на достоверность, опровержений фэйков определяет тенденцию приближения дискурсивно-публичной сферы к состоянию объективности, возрождая в новых условиях старую формулу – «в спорах рождается истина».

Реальная история европейской цивилизации – это долгий и сложный путь от кровопролитных столкновений и конфликтных разбирательств до выработки дискурсивно-договорных механизмов прояснения отношений общества и власти. Более или менее безболезненное разрешение современных противоречий с наибольшей вероятностью происходит в обществах, уже преодолевших болезнь закрытости и изоляционизма, с достаточно развитой автономизацией «системных блоков» и высоким уровнем развития дискурсных практик, в рамках которых развиваются институциональные ос-

нования для (нео) рациональных согласований решений возникающих проблем.

В монолитных закрытых структурах подрыв фундамента новыми идейными течениями ведёт не к гибкой модификации институтов, а к фатальному отрыву политических форм от социальных содержаний, сопровождаемому коммуникативными аномалиями на официальном уровне – смысловыми инверсиями и замыканием демагогических кругов.

На данном этапе в России *политические и социально-политические отношения сведены к нулю, или даже к минусовому соотношению*, т.е. полной блокировке обратных связей и, далее, репрессивно-силовой практике подавления оппонирующего дискурса. Обостряющийся кризис погружает политические отношения в фазу регресса и застоя, отбрасывая всю политическую систему на низшие ступени развития.

По законам развития Галактики коммуникации, согласно удачному определению М. Маклюэна, в новой сетевой галактике происходит заметное сжатие системно-политического ядра и расширение дискурсивно-публичной сферы. Однако этот процесс принимает неравновесный характер, при котором агоническая агрессивно-демагогическая декларативность сжимающегося ядра заполняет внешнее публично-политическое пространство, в то время как развитие дискурсивно-публичной сферы происходит в глубинном режиме расширения сетевого внутреннего обмена. При достижении критической степени сжатия системно-политического ядра оно обречено на внутренний взрыв и глубинную трансформацию консервативных установок в сторону снижения властных амбиций и институциональному преобразованию в сферу госуслуг для нужд социума.

Но и на начальном этапе развития в сетевом социальном дискурсе отчётливо проявляется осознание необходимости решения первостепенной цивилизационной задачи: отказа от силовых средств разрешения конфликтов и поиска договорно-консенсусных основ социального бытия. Очевидно, что первоочередным необходимым условием для системного трансформационного сдвига в России является преодоление политического кризиса, достигшего апогея во втором десятилетии XXI века. Разрешение этого кризиса, скорее всего, будет носить поэтапный характер.

На первом этапе главную роль играют силовые аргументы в пользу сохранения в неизменном виде политической системы, поддерживаемые теми массовыми слоями, которые либо совсем не вовлечены в процессы сетевого дискурса, либо лишь начинают в него вовлекаться, внедряя шаблоны консервативной диспозиционной матрицы. Но на следующих этапах неотвратимо перераспределение весов в пользу критического и аналитического социального сознания, которое развивается в направлении десакрализации института власти в массовом сознании и деиерархизации социальной конструкции. А этот процесс влечёт за собой значимое ослабление мобилизационных механизмов управления и, как следствие, укрепление объективной необходимости смены политических и управленческих стратегий через осознание этой необходимости влиятельными акторами в структурах правящей элиты.

Глобальный технологический сдвиг, запустивший необратимые тренды расширения социально-культурных и экономических взаимосвязей и взаимодействий, даёт надежду на восстановление баланса социетальной системы силами социума при условии усиления его влияния в политической сфере.

Бпера А.В., д.п.н., проф. Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Brega A.V., doctor of political science, professor of the Financial University under the Government of Russia; leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Как известно, политическая сеть – комплекс взаимосвязей между определенной группой акторов. В свою очередь, исследование любой политической сети предполагает описание её структуры и связей между участниками, а также норм и правил, на которые они опираются. Все эти аспекты, в целом, успешно решаются в рамках сетевого анализа.

В настоящее время методический инструментарий сетевого подхода проявил свои дескриптивные возможности, позволяющие формировать эмпирическую базу для дальнейших теоретических поисков, а также выявлять особенности взаимодействия и структуры, которые нередко остаются не учтенными при применении, например, институционального анализа.

Так или иначе, сетевой анализ способствует более эффективному описанию множественных влияний акторов на исследуемую ситуацию. Однако по мере использования сетевого подхода стала очевидна его некоторая прогностическая недостаточность.

Ввиду того, что сетевой анализ способствует оценке как всей системе отношений, так и её отдельных частей, можно получить целостное видение конгломерата различных горизонтальных и иерархически взаимодействий сети, а также зафиксировать ограничения структуры, влияющие на направленность и использование ресурсов.

Возможности сетевого анализа особенно интересны для исследователей, опирающихся в своих изысканиях на применение его в форсайт-исследованиях. В этом контексте интегрирование сетевого анализа и форсайта позволяет говорить о конвергенции эвристических возможностей данных методологий.

Известные характеристики сетевого анализа и форсайт-исследований позволяют констатировать, что теория сетей вполне может дополняться исследовательскими методами, которые используются в прогнозировании. Логика сетевого подхода, как и форсайта, выстроена на системном вычленении взаимосвязей в подвижной структуре. Вместе с тем на сегодняшний день комбинирование данных методологий, к сожалению, встречается не часто.

Как правило, в исследовательских практиках используются следующие способы интегрирования сетевого анализа и форсайта. Во-первых, это применение методологии сетевого анализа в процессе обработки исходных данных: статистики, экспертного оценивания, анкетирования и др. Во-вторых, включение «сетевого» взгляда применительно ко всем этапам организации и проведения прогнозных исследований – формулирование цели и постановка задач, взаимодействие с заинтересованными сторонами, выработка новых знаний, верификация и дальнейшее продвижение исследовательских программ, оценка результатов.

Возможности использования сетевого анализа на различных этапах форсайта в самом общем виде могут быть представлены следующим образом:

– форсайт-стадии формулирования цели и постановки задач сетевой анализ способствует обозначению границ исследования, определению наиболее существенных аспектов отношений и направленности взаимосвязей;

- на этапе взаимодействия с заинтересованными сторонами: визуализация и анализ основных акторов, их соединение в контексте идентичности, взаимозависимости, характеристики статуса в сети. При этом следует отметить, что сбор сведений должен соответствовать определённым темпоральным требованиям. В частности, разнесение по времени панельных или лонгитюдных исследований, где анализ динамики сети будет способствовать вычленению изменений активности и ролевых функций акторов;
- на этапе производства новых знаний: сетевой анализ способствует уточнению направленности форсайт-исследования, качественному моделированию, ресурсно-акторной характеристике взаимодействий;
- на этапе верификации и продвижения исследовательских программ: установление эффективного научно-практического партнёрства и междисциплинарных взаимодействий;
- на заключительном этапе: оценка результативности форсайт-исследования, прежде всего, в анализе взаимодействия между акторами.

Итоговым документом форсайт-исследования, как правило, выступает так называемое дорожное картирование, опирающееся на экспертную информацию, содержащую прогнозируемые варианты развития исследуемой области. Карта сетей вполне способна наглядно визуализировать статистические таблицы частотности, графы и удельные веса трендов. Кроме того, они иллюстрируют связи между различными тенденциями и категориями, будь то субъект политики, принадлежность к определённой группе или прогнозный горизонт. Другими словами, дорожная карта официально признанный документ, отражающий вероятные пути развития будущего.

На основе данных карт формируются приоритеты в различных областях жизнедеятельности и стратегического планирования. В результате использования сетевого анализа дорожные карты форсайт-исследования могут стать релевантными инструментами для принятия политических решений, особенно при формировании стратегии, предупреждении и разрешении конфликтов, назревших противоречиях, а также для соотнесения действий с другими акторами в политическом процессе.

Одним из вопросов, который требует в дальнейшем отдельного внимания, является то обстоятельство, что современный форсайт организуется также по сетевому принципу. Не случайно экспертное сообщество всё чаще называют экспертными сетями, которые представляют относительно устойчивые агломерации транслирования знания о будущем и тем самым сдвигают центры принятия политических решений к определённому видению мира и характеру действий. Наглядной иллюстрацией действенности таких сетей можно наблюдать на примере ежегодной оценки и выстраивания глобальных рисков экспертами в рамках Давосского форума или прогнозов корпорации RAND.

Таким образом, сетевой анализ способствует отражению структурных характеристик, которые могли быть не замечены при проведении форсайт-исследования. Вследствие этих качеств сетевого подхода эксперты становятся обладателями информации о нарождающихся или угасающих взаимосвязях, объединениях (кластерах), а также о социальной дифференциации изучаемых процессов и явлений.

Выявленные с помощью анализа сетей свойства и изменения позволяют содержательно улучшить интерпретацию полученных результатов. В свою очередь это будет способствовать повышению действенности

информационного сопровождения выработки решений, позволяя тем самым выстраивать более адекватные реальности сценарии. Сетевой анализ, фокусируясь на взаимодействиях между узлами активности и обмене ресурсами, а также выявлении ведущих детерминант и тенденций, обогащает форсайт комплексным видением ситуации при акцентуации в то же время внимания на значимых деталях.

Заглядывая в будущее потенциала возможностей сетевого подхода, нельзя не отметить его востребованность, т.к. структурная подвижность сетевого анализа обуславливает способность к диффузии, расширению точек соприкосновения и взаимной конструктивной ассимиляции различных научных методологий.

К примеру, совмещение сетевого и социокультурного (или ценностно-нормативного) подходов может быть весьма полезным. Поскольку если анализ сетей даёт информацию о направленности взаимодействий, узлах принятия решений и ресурсных возможностях акторов, то социокультурный подход способен объяснить мотивацию этих акторов исходя из ценностных оснований того или иного социума. Кроме того, исторически сложившийся культурный код во многом определяет и сам характер образования и функционирования сетей.

Назаренко А.В., к.п.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Nazarenko A.V., candidate of political science, leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Мы являемся свидетелями сетевой экспансии: торговые и промышленные сети; децентрализованные компании, чьи сотрудники разбросаны по всему миру; жители виртуального мира, цифровые кочевники, не связывающие себя ни с одной страной; невозможные сообщества, децентрализованные виртуальные деньги и ценности. Всё это не может не оказывать влияния на формирование политического сознания людей. В связи с этим возникает закономерный вопрос: возможен ли новый облик государства, которое остаётся на настоящий момент якорем всей мировой политической системы? Иначе говоря, возможно ли сетевое государство?

С одной стороны, наблюдается достаточно аргументированная критика этого нового политического концепта: роль информации как источника власти сильно преувеличена; пока утопично выглядит замена присущих классическому государству упорядоченных вертикальных иерархических связей горизонтальными случайными и неиерархическими; присущий любой социальной организации принцип иерархии, организованности и управляемости остаётся до сих пор универсальным принципом построения всех систем.

Серьёзным аргументом в дополнение ко всему вышесказанному становится и мнение юристов относительно конституционно закреплённой суверенной государственной власти, устанавливающей свои правила игры. В результате ей пока удаётся издавать любые обязательные акты, устанавливающие правовой статус всех субъектов политической деятельности, обязательные требования и процедуры, легитимирующие принуждение.

С другой стороны, ширится круг сторонников концепта сетевого государства. Пока это можно объяснить тем, что существующие в реальности организованные политические сообщества претерпевают существенные трансформации в виртуальном пространстве. Проще говоря, они «разрушаются» вследствие утраты своего доминирующего положения суверена. Конечно, существу-

ет серьёзное препятствие со стороны государственной власти, которая не оставляет попыток всё «регулировать», следуя проверенному веками запрету. Однако надо понимать, что действуя подобным образом по отношению к виртуальному пространству, оно ещё больше «раскалывает» реальность на сообщество привилегированных и всех остальных.

В результате наблюдается возврат к старой итальянской классической схеме: условных гвельфов, ратующих за уменьшение влияния суверена посредством создания однородной «благоприятной» среды возможностей, и гибеллинов, пытающихся её сохранить в неизменном виде. Фактически этот конфликт выходит на уровень среды, в которой разворачивается политический процесс, и способов осуществления власти, или о её типах. Заметим, что спор, посвященный этой дилемме, продолжается уже несколько столетий, став одной из нитей европейской истории.

Вместе с тем нарастающая во всё более сложном мире потребность в коммуникационной согласованности наряду со способностью к кооперативным действиям, что пока явно наблюдается лишь в виртуальном пространстве, постепенно начинает перетекать в реальность. Этот процесс способствует созданию метавселенной как некой перспективной экосистемы, осуществляющей краудфандинг территории по всему миру, и, так или иначе, начинает учитываться, а значит, и признаваться как вертикально интегрированными корпорациями, так и существующими классическими иерархическими государствами, что нетрудно увидеть, особенно в юридической законодательной сфере. В связи с этим возникает закономерный запрос на обновление понятий в контексте сети отношений между их участниками – работниками и гражданами.

Сохраняя интригу между современными гвельфами и гибеллинами и переведя её на уровень среды взаимодействия, попробуем заглянуть вглубь государства, в его суть, т.е. зачем оно возникает. С одной стороны, оно видится как аристотелевская «сеть общения» подобных друг другу людей ради возможностей лучшей жизни или же платоновская «неудовлетворенность собой» в отсутствии окружения, способного удовлетворить его «нужду». В этом можно увидеть черты древнегреческих полисов – городов-государств, связанных между собой сложной и часто противоречивой сетью отношений, создающих впечатление хаоса. Они гораздо более люди – «мы» как «гражданский коллектив», – чем стены и границы, создающие, пусть и ограниченную, но всё же не асоциальную вселенную замкнутых локальных властных образований, а сложную, часто противоречивую иерархию сетей отношений.

С другой стороны, смещение акцентов от людей к стенам и границам, более характерное для общепринятого облика государства, вызвала к жизни крайне негативные последствия. Всё это усугубилось ещё тем, что на фоне рассуждений и принадлежности, ограниченной стенами и границами земли, решения о рождении и смерти государства часто принимались в отрыве от неё – в церкви, у алтаря и в постели, т.е. не в географическом или экономическом пространстве, а следуя матрициально-семейной логике. Все «пространства» размечались и перекраивались благодаря ей или опять же отношениям, но уже на высшем иерархическом уровне.

Поскольку в этой земельно-властной версии государства легко можно увидеть как «поверхность», от которой легко отделяется его «корневая система» – система отношений, – так и пронизывающих общество, его «сознание» и «подсознание» клубок властных отношений без привязки к определенному пространству; легитимация

власти превращается в квест, в котором иногда иррационального гораздо больше рационального. В результате этого любая попытка свести понятие государства к какому-либо рациональному, а значит, декларативно обоснованному концепту обречено на провал. Оно чаще всего просто не способно рационально обосновать себя самое. Ярким примером этого является понятие социального государства. Всегда невольно возникает вопрос, в каких границах и для кого.

Заметим, что, несмотря на столь сложный и запутанный узор обстоятельств, на первый план явно или не явно выходят отношения: будь то гендер, семья, география, демография, социальность. Одним словом, «многопространственная» экология. Закономерным результатом этого является макиавеллевское государство всеобщего блага, основанное либо на гоббсовской концепции «машины», либо на локковской концепции «общей воли». Чем закончились подобные теоретические построения, хорошо известно: в одном случае государство воспринималось как марксово орудие классовой борьбы и инструмент насилия, а в другом – как нищенское «холодное чудовище», лгущее «я есть народ».

Подобные теоретические перипетии позволяют говорить о том, что само по себе понятие государства остаётся очень сложной, многогранной, многоаспектной и внутренне противоречивой общественно-политической дефиницией, основанной на отношениях. Это означает, что всегда соотносимый с государством иерархический принцип может, в зависимости от обстоятельств, оказаться весьма условным и несостоятельным.

Это хорошо коррелируется с сетевой парадигмой, предполагающей взгляд на социальность как на открытую, многоуровневую, децентрализованную систему рациональных и иррациональных кибернетических взаимодействий без предварительного плана. В результате не менее сложный и ещё более противоречивый вследствие «удвоения» неопределенностей концепт сетевого государства сводится к банальным дефинициям: децентрализации власти, приоритету горизонтальных связей над вертикальными и даже условно равноправным положениям «государственных» субъектов среди политически иных. Всё это легко можно увидеть в реальности, причём даже в государствах, явно тяготеющих к авторитарному способу осуществления власти.

Если рассматривать дефиницию сетевого государства исключительно в виртуальном контексте, то возникает соблазн представить его в виде некоей физически централизованной и неограниченной стенами и границами платформы. Вопрос лишь в том, каков её алгоритм? То есть, для чего она создана? Каковой в этом случае окажется очередная стадия детерриторизации государства, если оно превращается в виртуальную платформу, облик которой можно произвольно выбирать, подобно программному обеспечению, формирующему искомую среду и способы взаимодействия и ограничения в виртуальной сфере? Свободный выбор в виртуальном пространстве предполагает отсутствие негативных моментов, связанных с обликом «родины» и «пределами взаимодействия», явно или не явно относящихся к реальности.

Подобное предоставление виртуальным государством «услуг» поднимает вопрос о конкуренции платформ – иначе говоря, моделей исполнения власти. Фактически возникает иллюзия возможности «продажи» государства на рынке. Наблюдается конкуренция за влияние на людей, их идеи и возможности. Главная сложность – привязка подобной версии государства к определенному алгоритму, за которым просматривается утрата ответственности. Подобный разрыв связи между управ-

ляющей системой и управляемыми вследствие возможности избранной «авторизации» в системе нивелирует власть субъектов и передает её самой системе. Возникает эффект «византийских генералов», выигрыш которых зависит не от доверия друг к другу, а от доверия к системе коммуникации и кооперации. Это следует воспринимать как версию мира в формате WEB3.0.

Поскольку пока свободного «рынка государств» не наблюдается в силу ограничения сфер взаимодействия, в которых одни «государства» способны принять и признать решения других, процесс сетивизации государства остановился в настоящий момент на уровне больших корпораций, над которыми уже нет вышестоящей инстанции. Она оказалась выставлена на рынок, а значит, для любой версии сетевого государства будет характерно неравенство, всегда чреватое революционными «всполохами».

Заметим, что попытка обнаружить или создать вышестоящую инстанцию и закрепить её посредством имперского проекта приводит к аналогичному результату. Выход из тупика видится в сети отношений, которая должна стать столь «плотной», что будет удерживать стороны отношений вне зависимости от их положения в человеческих рамках. Возможно, именно сеть отношений, возникающая естественным образом на каждом этапе эволюции различных моделей государственности, станет тем ключом, который позволит каждому из нас создавать своё сетевое человеческое стартап-сообщество.

Никовская Л.И., д.с.н., главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Nikovskaya L.N., doctor of sociology, main researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Формирующееся сетевое общество всё больше актуализирует вызов на усиление процессов самоорганизации внутри управленческих систем, повышение значимости коммуникативной эффективности государственного/муниципального управления. Таким образом задаются новые форматы в современном публичном управлении, которое осваивает алфавит «направленного влияния», факторы «умного», «мягкого» регулирования и координации общественных процессов, снижающих негативный потенциал противоречия между монополизмом административно-бюрократических властных структур и растущим многообразием гражданских инициатив в публичной сфере, которая всё больше осваивает сетевой формат взаимодействия.

Это не могло не сказаться на особенностях проявления общественного участия. В нем вырос сегмент социально-активизма, связанного с практикой коллективной взаимопомощи и кооперации, прежде всего на горизонтальном и, чаще всего, на локальном уровне проявления. Одновременно произошло сокращение доли его политически ориентированной составляющей (ограниченное пространство для участия) и перенесение основной силы тяжести на социальную кооперацию и взаимопомощь (открытое пространство для участия).

Поэтому сегодня, как никогда, актуальны вопросы поиска новых механизмов управления, сочетающих иерархические и сетевые подходы, в том числе в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах. Согласно точному замечанию датского исследователя Э. Соренсена, «мы переходим от эры бюрократического правления к эре сетевого управления <...> Политические системы медленно, но верно трансформируются от иерархических форм организации, единой, централизованной системы управления посредством законов, правил

и регламентаций к горизонтально-организованной и отнесенной фрагментированной системе руководства, осуществляемого посредством саморегулирующихся сетей». Это стимулирует совершенствование механизмов прямой демократии, с опорой на возможности технологий «проектной идентификации», повышения кооперации и организованности в триаде «общество – бизнес – государство».

Однако в реальной практике, несмотря на рост и усиление значимости сетевого начала в публичной политике, её влияние представлено консультативным статусом. В современной исследовательской мысли отмечается традиционно высокая степень участия государства в общественных отношениях. В отличие от многих развитых демократий, где структуры общественного участия основывались на многообразии коммунальных структур, дела индивидов или их сообщества реальными акторами социально-политического действия, для России характерна интегрированность государства в структуры общественности, высокий проникающий характер его присутствия во всех сферах общественной жизни – от экономики, политики до социальной и культурной сфер. Государство не просто контролировало каналы общественного участия и процессы социально-политической самоорганизации, но часто выступало их заказчиком, инициатором и организатором.

Мобилизационно-принудительный характер государственного вмешательства не мог не сказаться на качестве социального капитала и особенностях формирования доверия в обществе. В общественно-политической жизни пока преобладает стремление интегрировать гражданскую активность в систему государственного управления, провести своего рода «огосударствление» гражданских отношений и организаций. Государственная политика пронизана инерционностью вертикальных зависимостей. Но не нужно заблуждаться по поводу продвинутости современных государств, даже в самых демократических политических системах. И они пока не социализированы в полной мере в системе сетевых связей; функционируют в сфере властных отношений в прежней логике доминирования над обществом.

Иными словами, российское общество находится в ситуации *переходности*, обусловленной сетевыми факторами трансформации, глубоко затрагивающими социально-структурные основы современного общества. Экспертная мысль характеризует это состояние гибридным, рассматривая последнее как модель развития в современных условиях. Новые сетевые процессы сосуществуют и накладываются на иные принципы общественного устройства, в том числе административные управленческие структуры, привыкшие жить согласно вертикально-интегрированной логике бытия. Это порождает существование различных гибридных форм институционализации социально-политических практик общественной жизни. Данное обстоятельство не может не вести к вызреванию конфликтных форм проявления сосуществования различных пластов социальной реальности (традиционной, постмодернистской и пр.). Однако они неминуемо будут взламываться под натиском сетевых структур и процессов, формирующих цифросетевую реальность современного общества.

Для конструктивного снятия глубинного противоречия между потребностью в монолитности и устойчивости политической власти и плюрализмом гражданских интересов и инициатив в целях формирования устойчивого социального порядка главной проблемой является выстраивание на принципиально иной основе отношений между государством и гражданами, их обществен-

ными объединениями. Эти отношения должны конструироваться через укрепление институтов межсекторного социального партнерства, публичной политики, государственного управления на основе публичных ценностей, позволяющих сформировать такую стратегию общественного развития, в которой начала *гражданской самоорганизации* дополнялись бы *системными усилиями государства*, взаимно усиливая друг друга.

Благодаря такому типу механизма формируется цивилизованная практика развития публичных и социальных отношений, основанных на солидарности и ответственности субъектов публичного управления.

Люблинский В.В., д.п.н., главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Lyublinsky V.V., doctor of political science, main researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Хотел бы затронуть вопрос, связанный с сетевым фактором в политических отношениях и собственно реальной политикой. По моему мнению, изначально замысел сетевого общества состоял в том, чтобы нацелить его на глобальный уровень и как альтернативу социально-классовой концепции. Тем более что эта идея, по сути, совпала с глобализацией. Рассматривались они как отрицание национальных государств и в контексте интересов новой мировой элиты, которая формирует цели и управляет развитием мира.

В таком прочтении это своего рода глобальный тоталитаризм, исходящий от политических кругов, претендующих на мировое господство. Им удалось многое, в частности, установить фактическое доминирование цивилизации Запада во главе с США в сферах, имеющих решающее значение как фактора развития и фактора силы.

Длительное время (фактически целую эпоху в несколько десятилетий) этой логике мало кто сопротивлялся. Именно в это время в России сформировался новый политический олигархический класс, мало сменяемый, с высокой степенью воспроизводства.

Однако полностью осуществить замысел подавления роли национальных государств и интересов его авторам не удалось. Россия как, впрочем, и многие другие государства, противодействуют такому подходу. Хотя пока нет достаточной степени консолидации стран-противников подобной глобальной модели сетевого государства, которое соответствует модели однополярного мира.

Иными словами, внедрение сетевого фактора в политические отношения направлено на определенные цели глобального переустройства современного мира. Вкупе с развитием цифровых технологий сетевой фактор отнюдь не гарантирует больше демократии, справедливости, выравнивания возможностей социального и национального развития. Причём сетевая модель политических отношений не приводит к снижению уровня конфликтности и не прибавляет возможностей согласия.

С другой стороны, если рассматривать сетевой фактор как отрицание иерархий, то такой подход вызывает вопросы, связанные с социальным переустройством общества и мира в целом на новых, справедливых началах как альтернативный капитализму путь. По сути, подобная логика социально-политического развития была обозначена в марксистско-ленинской концепции. Политические отношения в таком обществе, согласно этой теории, постепенно сойдут на нет, ибо государство утратит функции обеспечения порядка и управления в интересах господствующих классов. На смену ему придёт самоуправление граждан, которое, расширяясь, заме-

стит традиционные политические институты, основанные на иерархии.

Однако авторы (М. Кастельс и др.) концепции сетевого общества не затрагивают социальные проблемы, тем более вопросы социально-политического переустройства общества на принципах справедливости и благополучия в мировом масштабе. Там, в основном, речь идёт о том, что политические сети постепенно приходят на смену политическим иерархиям, что меняет характер формирования политики. Но меняет, скорее, формально и технологически.

Установлено, что новые цифровые технологии могут позволить гражданам принимать участие в принятии решений и расширять возможности участия, особенно для тех, кто не может лично присутствовать на собраниях из-за ограничений по времени или расстоянию. В частности, специалисты ОЭСР убеждены, что порталы участия в сети Интернет, на которых государственные учреждения публикуют информацию о возможностях для консультации и взаимодействия, могут способствовать обмену мнениями и сотрудничеству с гражданами и другими акторами при разработке государственной политики. Но обходя острые социальные проблемы развития современного мира. И, кроме того, как показывает практика, усиление сетевого фактора в политических отношениях не позволяет продвинуться на пути борьбы с чрезмерной бюрократизацией и коррупцией.

В то же время концепция сетевого общества была воспринята многими специалистами как новый шаг в развитии демократии. Формально для такого взгляда есть определённые основания, если сетевой фактор рассматривать объективно как производное новых информационно-коммуникационных технологий, появление и развитие Интернета. Хотя она содержит серьезные риски разрыва с традиционной демократией, системой гарантий социально-политических прав и «скатывания» к модели глобального тоталитаризма. Одна из причин этого состоит в том, что сетевой фактор ограничен, он больше проявляется на нижних и средних, локальных и региональных уровнях политических отношений. То есть, в основном, он может влиять на малую политику, которая ограничена текущими социальными вопросами. Что касается большой политики, которая затрагивает стратегические и глобальные аспекты и имеет определяющий характер, то эта сфера повсюду в мире в значительной степени остаётся закрытой для общества. Признаки негативного сценария мы можем наблюдать сейчас в трансформации политических отношений и политики коллективного Запада.

Система политического управления остаётся сферой с выраженной иерархичностью в отношениях, несмотря на развитие сетевых взаимодействий, ибо это заповедная зона бюрократии. Чтобы сделать эту сферу более открытой, необходимо трансформировать и демократизировать сети политических отношений на всех уровнях, но особенно на высшем уровне, а также уменьшить роль статусов и привилегий. Общество тогда смогло бы двигаться в сторону консенсусной формы отношений, согласующейся с декларированным принципом политического участия.

Таким образом, сетевой фактор, возможно, и оказывает влияние на реальную политику, но по большей части информационно-коммуникационное. Повсюду в мире, в том числе и в России, всё больше граждан используют возможности информационных технологий для участия в политике, обращения к структурам власти и взаимодействия с ними.

Мы наивно исходили из того, что все участники сетевых взаимодействий изначально равны, свободны, независимы. Формально это, может, так и выглядит. Но толь-

ко формально. Сетевизация не повышает эффективность политических отношений. Демократии не становится больше, а значит, модель политических отношений не становится более демократической. Кроме того, смею утверждать, что сетевое общество не панацея от обострения социальных проблем и роста социальной конфликтности. Граждане получают возможности только формального политического участия.

Однако для того, чтобы их голос оказался услышанным и учтённым, необходимо, чтобы эти голоса сливались в мощные потоки. Тогда они могли бы стать важным фактором, действительно влияющим на характер политики, и не могли бы игнорироваться властями преобладающими. А власть повсюду предпочитает не допускать широкого политического участия, в лучшем случае «замерять» общественное мнение. Обратная связь с обществом не обеспечивается в должной мере. Чем сильнее противоречия между интересами социальных, экономических и политических групп, тем сложнее сформировать модель политических отношений, способную эффективно решать проблемы развития.

Некоторое время назад создавалось впечатление, что сетевая теория захватила мир социально-политических наук. Как будто, наконец, открыли то, что позволяет объяснить многое в развитии современного общества. Но, с моей точки зрения, пока сетевой фактор не является преобладающим, в политике доминируют иерархии. И иначе вряд ли может быть, т.к. само общество остаётся устроенным иерархически.

Хотя имеет место долговременный процесс децентрализации политической власти. И политические отношения в условиях сетевого общества следовало бы рассматривать с учётом этого момента.

Можно согласиться с тем, на что обратил внимание в своё время профессор Р. Роудс (Великобритания), т.е. что в определённой степени происходит реструктуризация политических отношений, снижается роль традиционных центров власти и управления (центральных правительств), которая больше не является определяющей и доминирующей. Политическая система становится более дифференцированной и сбалансированной с учётом структурных изменений в обществе и развитием интегрированных сетей, которые разрабатывают свою автономную политику с опорой на собственную среду.

Таким образом, при всём том, что роль сетевого фактора в формировании политики возрастает, это не меняет сути политических отношений, которые не могут быть построены иначе как на основе вертикальных взаимодействий и подчинения. В противном случае они в значительной степени теряют функциональность и устойчивость.

Щенина О.Г., к.п.н., ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

Shchenina O.G., candidate of political science,
leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

В современных условиях глобальной турбулентности наряду с изменяющимися форматами социальных взаимодействий в целом существенным образом трансформируются и политические отношения. Происходит зарождение новых конфигураций политических отношений, изменяются их характер и модели, т.е. видоизменяется сама матрица взаимодействий субъектов политического процесса.

Как известно, к моделям политических отношений между субъектами политики относятся согласие и конфликт, властные отношения (господства и подчинения), консенсус и компромисс, соперничество и сотрудниче-

ство и др. Они обусловлены политической деятельностью субъектов, их политическим поведением и политическим участием. Кроме того, политические отношения детерминированы формой государства, а также политической культурой населения.

Какие же новые средства, формы, механизмы применяются в социально-политических отношениях между субъектами политики? Одной из таких форм, на наш взгляд, является «культура отмены», которая приобретает на фоне информатизации и цифровизации новые черты. Она получила развитие в сетевом обществе сравнительно недавно, сам термин появился в XXI веке.

Однако, по сути, это хорошо известная модель отношений в обществе, предполагающая бойкот (сегодня это, прежде всего, цифровой бойкот) человека или социальной группы, либо отказ от поддержки и даже их изоляцию, т.е. «отмену». Термин чаще всего используют для негативных характеристик или оценок действий, высказываний, мнений людей, социальных групп, организаций, фирм и даже политики государств в целом. Иногда cancel culture переводят с английского как «отмена культуры», т.е. отрицание культурного наследия какого-либо деятеля культуры или культуры целой страны, как это происходит сегодня в отношении России.

В начале XXI века термин «культура отмены» всё чаще звучит в политической повестке дня. Ускоряющаяся цифровизация преобразует и каналы коммуникаций между политическими субъектами. С переходом на «цифру» они приобретают иной формат. В этой связи возникает вопрос: изменяется ли при этом их сущность и если да, то насколько? На первый взгляд ответ очевиден: вероятно, нет, ведь технологии лишь детерминируют процессы социально-политических взаимодействий. Имеется в виду их ценностная, смысловая компонента.

В дискурсе о феномене «культуры отмены» представлена широкая палитра мнений. С одной стороны, некоторые специалисты считают, что «культура отмены» расширяет возможности реализации принципов демократии в области прав и свобод граждан в условиях информатизации и цифровизации, например, в медиа пространстве. Или при формировании общественного мнения по актуальным вопросам жизни общества. И в этом случае уместно вспомнить о «спирали умолчания» немецкого социолога Э. Нозель-Нойман, суть этого постулата состоит в том, что «страх перед социальной изоляцией приводит многих людей к отказу от некоторых своих изначальных представлений – с целью достичь компромисса с общественным мнением».

С другой стороны, высказывается мнение, что «культура отмены» превращается в элемент цензуры в обществе, потому что не допускает распространение мнений, точек зрения, которые отличаются от доминирующих, преобладающих в обществе (по аналогии с доминирующей культурой и контркультурой). Выдвигаются также идеи о том, что «культуру отмены» можно рассматривать как идеологию, основанную на отрицании. Её можно также считать одной из современных моделей или разновидностей социальной изоляции в обществе.

Кроме того, это понятие используется специалистами при характеристике так называемой «новой этики». Иногда «культура отмены» употребляется как синоним бескультурья, т.е. «культура отмены» как новое понятие имеет много определений и является дискуссионным.

Проявлением «культуры отмены» в отношении нашей страны в мировой политике является исключение России из ряда международных организаций, высылка дипломатов и т.д. Президент В.В. Путин четко сформулировал позицию России, заявив, что «жёстко изолировать в современном мире вообще невозможно никого,

такую огромную страну, как Россия, так точно невозможно. Поэтому мы будем работать с теми нашими партнерами, которые хотят взаимодействовать».

Некоторые специалисты справедливо рассматривают «культуру отмены» как инструмент политического давления. Например, в январе 2021 г. блокировка аккаунтов в социальных сетях Дональда Трампа (на тот период президента США) как одного из каналов коммуникации со своими сторонниками – одно из проявлений «культуры отмены».

К «культуре отмены» относится и демонтаж памятников в ряде государств на постсоветском пространстве. Например, в Эстонии, Латвии, Литве за последние несколько лет демонтированы памятники советским воинам, погибшим при освобождении этих территорий от немецко-фашистских захватчиков в годы Второй мировой войны. Этот пример свидетельствует о попытках «отмены» исторической памяти народа и пересмотра подходов к истории, что является проявлением, в том числе, информационной войны.

Примеров применения в отношении нашей страны «культуры отмены» в самых разных областях множество: в спорте (наши спортсмены не могут принимать участие в Международных федерациях и турнирах по многим видам спорта); в культуре (ряд западных кинокомпаний запретили выход своих фильмов в российский прокат); в сфере технологий (многие телекоммуникационные кампании прекратили поставки в нашу страну); в экономике (например, запрет работы ряда международных платежных систем на территории РФ).

В политической жизни мира последних двух десятилетий множится число примеров использования «культуры отмены» как модели политических отношений. Её также можно рассматривать и как политическую технологию, применяемую для ослабления государств в условиях кризиса. Соответственно важной проблемой её реализации на практике становятся вопросы информационной безопасности.

Современный этап развития общества в целом и ситуация в международных отношениях в частности предполагает поиск новых подходов к оценке происходящих перемен, а также к анализу складывающейся на наших глазах новой системы международных отношений. В этой связи в политическом пространстве новой реальности «культуре отмены» как одной из моделей социально-политических отношений отводится особое место.

Митрофанова А.В., д.п.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Mitrofanova A.V., doctor of political science, leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS; professor of the Financial University under the Government of Russia

Целесообразно обратить внимание на общие характеристики ряда относительно недавно возникших российских политических движений как правой, так и левой ориентации, в первую очередь на их прогрессирующую деидеологизацию. До середины 2000-х гг. верность идейным принципам и теоретические дискуссии были важнее массовости и практических действий. Политические движения не умели и не хотели работать с массой, не понимая даже, зачем это нужно. Оторванные от потребностей общества теоретические споры способствовали дискредитации большинства политических движений и их постепенному упадку.

Современные активные движения сохраняют минимальное число твердых идеологических постулатов,

ориентируясь на конкретные социальные проблемы, не связанные с идеологией. Даже то, что внешне выглядит как элемент идеологии (например, враждебность к мигрантам у правых) фактически является эксплуатацией текущей социальной повестки.

Описанный процесс привел к широкому использованию в научном дискурсе термина «популизм» (правый или левый), к чему автор относится скептически, рассматривая популизм исключительно как термин, отражающий способ формирования политической Повестки при отсутствии идеологии.

Соответственно изменились исследовательские задачи: от изучения доктрин, которые утратили значимость и превратились в набор лозунгов, фокус переместился на анализ внутреннего устройства организаций, методов рекрутинга, жизненных траекторий участников и т.д. Для современных политических движений характерна сосредоточенность на микрополитическом уровне; у них отсутствует стремление участвовать в национальной политике и формировать партии. Большинство сознательно остаётся на уровне слабо структурированных движений, которые не возражают против сотрудничества с органами власти. Однако на низовом уровне могут привлекать также радикальные элементы с соответствующими методами и имиджем. Используется всё, что может укрепить влияние и привлечь новых сторонников.

Значительная доля активности на микроуровне не носит собственно политического характера (т.е. не связана с вопросами власти), решая общие социальные и культурные задачи, в частности, досуг (например, организация уборки улиц или помощь приютам для животных), а также подчеркивая социальную полезность движения (вместо настаивания на его идейной правильности). В данных условиях заметно углубление контркультурных трендов, расширение представлений о «политическом» и повышенное внимание участников движений к вопросам круга чтения, одежды, причёски, образа жизни.

Деидеологизация сопровождается постепенной цифровизацией политических движений, уходом их основной активности на виртуальные площадки. Автор полагает, что дело не только в случайном совпадении двух процессов во времени, но и в их взаимно усиливающемся влиянии. Доцифровые форматы политической коммуникации как непосредственной (например, митинги, демонстрации), так и опосредованной средствами массовой информации (газеты, журналы, телепрограммы, ранние формы блогинга – живой журнал и т.д.) соответствовали задачам распространения и обсуждения идеологии. Предыдущий период также характеризовался слабой коммерциализацией политического дискурса, что на практике выливалось в нежелание и неумение идеологов предлагать привлекательный контент.

Современные интерактивные и высоко коммерциализированные цифровые форматы способствуют дальнейшему размыванию границ между политикой и контркультурой, а также доминированию в политическом дискурсе внеидеологического контента – образовательного и/или развлекательного.

Наиболее простыми средствами привлечения аудитории, помимо высококачественного образовательного контента, остаются сатирическая пародия и ирония, построенные главным образом на высмеивании господствующего политического дискурса через преувеличенную идентификацию с ним и доведение его до абсурда. Научные исследования иронии в политическом дискурсе пересекаются с изучением периода так называемых «исторических русских авангардов» (общеизвестного первого – 1920-х годов, и менее известного второго – 1970-х годов).

Современные политико-культурные движения в России, как и на Западе, часто выбирают своей целью формализованный язык «политической корректности», а также используют обценную лексику или демонстрируют приверженность одиозным политическим течениям прошлого. Эти средства призваны заменить прямое политическое высказывание и замаскировать идеологические ориентации или же их отсутствие.

Результатом идеологической размытости современных политических движений является преимущественно негативная идентификация участников. Она позволяет успешно уходить от дихотомии левых и правых через отрицание господствующего дискурса целиком, во всех его аспектах. Неполитическая в строгом смысле направленность деятельности и специфические техники выражения обеспечивают возможность амбивалентного политического поведения и мнений. Амбивалентность позволяет, с одной стороны, разметить границы собственного политического поля через формирование культурной категории «своих». С другой стороны, она даёт возможность отказаться от любого высказывания и солидаризироваться с любой политической платформой или даже несколькими платформами.

Эволюция политических движений от собственно политики в сторону контркультуры, и особенно использование иронии как базового инструмента высказывания, заставляет сделать вывод, что затронутые данным процессом политические движения представляют миноритарные силы в российской политике. Более сильные группы имеют возможность прямого участия в политической борьбе и не нуждаются в амбивалентности как защитном инструменте. Можно предположить, что *контркультурная составляющая будет сокращаться в случае относительного успеха в традиционной политической деятельности*, например, достижения значимых результатов на выборах.

Шиманская Э.С., старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

Shimanskaya E.S., senior research fellow, Institute of
sociology, FCTAS RAS

Волонтерство, какой бы характер и направленность оно не носило, являет собой будущее глобального общества. Глобализация мыслится как процесс объединения мира для установления нового мирового порядка, который строится на сетевом устройстве и на сетевых связях. Сеть является не только организующей основой, но и средством глобализации. В настоящее время сеть проникает во все пространство жизнедеятельности человека и человечества, включая его ментальное (политическое) и духовное пространства. Добровольчество объединило в себе оба этих пространств, дополнив их ещё и физической ипостасью.

Волонтерская деятельность направлена на построение социально ответственного общества, путём оказания необходимых гражданам социальных услуг. В основе её лежит альтруизм, бескорыстие, благородство, гласность, гуманизм, добровольность, законность, милосердие, отзывчивость, самоотверженность, сострадание и человечность.

Основой волонтерского движения во всём мире считается принцип: «Хочешь почувствовать себя человеком – помоги другому». С каждым годом труд добровольцев становится всё более значимым для экономики стран мира и для полноценного духовного развития каждого человека. Состояние и тенденции развития волонтерского движения являются важным резервом развития активности людей, совершенствования социальных

отношений в любом цивилизованном обществе и государстве.

В последние десятилетия в России, по данным Росстата, в 2021 г. официально зарегистрированных волонтеров в стране насчитывалось 3 млн человек, а количество добровольцев, работающих на базе НКО или образовательных организаций превысило 7,5 млн человек. История добровольчества показывает, что в волонтерской работе всегда участвовали широкие слои населения независимо от профессии, доходов и уровня образования, территориального нахождения. Членство в волонтерских движениях не имеет ни религиозных, ни возрастных, ни расовых, ни гендерных ограничений. Именно эти факторы, возможно, и являются тем триггером, который способствует росту с каждым годом популярности волонтерства в мире.

Как и любая деятельность, оно может носить организованный и неорганизованный характер, осуществляться в группе или индивидуально, в частных организациях или общественных. Новым, необычным вариантом добровольческого участия является виртуальное волонтерство (или иначе: онлайн-волонтерство, киберволонтерство, цифровое волонтерство), которое осуществляется дистанционно и с помощью Интернета. Оно становится отражением современных реалий информационного века, поэтому предполагает многообразную область сетевой деятельности. В качестве инструментария используется устройство, подключенное к Интернету, которое играет ключевую роль в выборе волонтеров, передачи и завершения добровольной работы, оказывая, в том числе, существенное влияние на масштаб и достижение результатов.

Люди собираются в онлайн-группы для совместной работы по тому или иному направлению. Это даёт возможность проявить социальную активность тем, кто не может пожертвовать своим временем и особенно близко тем, чей профессиональный опыт или стиль жизни связан с интернет-средой, а также тем, у кого есть проблемы с передвижением (людям с ограниченными физическими возможностями).

В рамках такой деятельности возможна работа по созданию интернет-приложений, сайтов и их модерированию; широко практикуется онлайн-общение с различными группами людей, в том числе психологическая помощь, группы поддержки и т.д. И, тем не менее, виртуальное волонтерство, как и штатное (офлайн-деятельность), основано на человеческом сочувствии, на желании подать руку помощи или на стремлении сделать собственный взнос, или готовность поделиться своим временем и навыками.

В этой связи хотелось бы акцентировать внимание на таком направлении, как нетворкинг. Волонтеры, вовлеченные в этот тип деятельности, заметно наращивают активность по построению социальных и профессиональных связей, которые помогут максимально быстро и эффективно решить обширный круг вопросов.

Зачастую нетворкинг может быть неосознанным, т.е. вы просто общаетесь с теми людьми, которые вам приятны, иногда обращаетесь к ним за помощью или помогаете им сами. А может быть и целенаправленным; в этом случае люди специально ищут в сети контакты и способы познакомиться с теми, кто может быть полезен. Возникла даже теория так называемых «шести рукопожатий», которая гласит, что все люди связаны друг с другом цепочкой из шести звеньев. Вы знаете кого-то, этот кто-то знает третьего и так далее. Естественно, до каких-то людей потребуются больше «шагов», до каких-то меньше, где-то знакомство будет близкое, где-то шапочное, но, в целом, чем больше людей вы знаете, тем больше

ниточек от вас тянется, а значит, и помощь может оказаться более действенной. В этом есть, кроме плюсов, определенные смыслы.

Если попытаться типологизировать киберволонтерские организации, то картина представляется следующей. В основном на базе образовательных учреждений формируются так называемые кибердружины и киберотряды. Со своей стороны, НКО и общественные движения, помимо мониторинга в сети, проводят встречи, участвуют в профилактических мероприятиях с различными аудиториями. В качестве вспомогательной работы кибердобровольцы могут осуществлять самостоятельные проекты. Особо значимыми проектами являются те, которые связаны с повышением информационной грамотности населения. Противодействие деструктивному информационному контенту, как правило, осуществляется совместно силами нескольких структур.

Укоренение в формирующемся сетевом обществе киберволонтерства оказалось возможным в результате наступившего кульминационного способа общения – Сети. Как пишут Александр Бард и Яна Зодерквист, авторы популярной книги «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма», «Сеть – это факт, с которым нельзя не считаться. Сеть изменяет практически всё в нашей жизни». С наступлением новой реальности приходит и осознание, что с сетевизацией происходит и изменение парадигмы самого существования человечества, а это, в свою очередь, приводит к трансформации общества, движущей силой которой в конечном итоге является развитие информационно-коммуникационных технологий.

Однако бытует мнение среди части научного сообщества, согласно которому, если сеть из инструмента превращается в метатехнологию организации, проникая в ментальное (политическое, психологическое) и духовное пространство. Она из средства коммуникации превращается в средство, обладающее колоссальным разрушительным потенциалом, ведущим к деиерархизации, денационализации и потери национальной идентичности. В этом случае неизбежным становится противоборство сети и иерархии, что является главной конфронтационной парадигмой современной эпохи.

Реальность такова, что исторически иерархии предназначена роль стержня государственного устройства и государственности. Этим иерархия отличается от простой вертикали власти, которая строится на формальном соподчинении и которая держится во многом благодаря сильному репрессивному аппарату и внедренным в массовое сознание политическим идеологиям. Поэтому якобы России нужно будет сделать выбор: либо в сторону иерархии, либо в сторону сети.

На наш взгляд, современное состояние добровольчества, его предназначение и ежедневный, ежечасный функционал со всей очевидностью доказывают бессмысленность подобного выбора для России. Нет конфликта интересов, нет амбивалентности в служении Отечеству.

Макушина Л.В., к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Makushina L.V., candidate of history, associate professor, senior researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

В обществе всё явственнее прослеживается запрос на социальную ответственность бизнеса. «Неолиберальная модель глобализации выдохлась», констатируют многие политики (в их числе советник премьер-министра Венгрии по политическим вопросам Балаж Орбан). До недавнего времени главной целью существования большинства ком-

паний было получение максимальной прибыли, но за последние десятилетия ситуация изменилась. Приходит понимание того, что достижение максимальных экономических показателей не может быть драйвером общественного прогресса.

Стейкхолдеры хотят быть уверенными, что бизнес готов предложить обществу не только материальные ценности: 77% инвесторов намерены вкладывать средства в те активы, которые не противоречат их морально-нравственным ориентирам, в том числе в компании, которые обеспечивают достойные условия труда, искореняют коррупцию, развивают бизнес-этику, предоставляют прозрачную отчетность и т.п. Подобные процессы получили название «сознательный капитализм», как это обозначили предприниматель и основатель Whole Foods Market Джон Макки и профессор маркетинга Раджендра Сисодиа в своей одноименной книге.

На смену неолиберальной парадигме приходит идея устойчивого развития на основах ESG (environmental, social, governance – окружающая среда, социум, корпоративное управление). Это основные принципы, на которые власть и бизнес опираются при разработке стратегий развития. Такая повестка предполагает, что компании уделяют особое внимание проблемам экологии; отношениям с сотрудниками, клиентами, обществом; делают прозрачным корпоративное управление. А это, в свою очередь, открывает им возможности для устойчивого развития.

В контексте ESG предполагается, что компания социально ответственна перед своими сотрудниками, и в этом случае она осуществляет программы добровольного медицинского страхования работников в рамках социального пакета; создаются корпоративные пенсионные фонды, корпоративные университеты и т.п. В то же время она реализует внешние социальные проекты, которые по своей сути *трансформируются из благотворительности в активную социальную политику.*

Компании, следующие этим принципам, занимаются некой социальной общностью, а структуры, занимающиеся внешними социальными проектами – своего рода внутрикорпоративными НКО. Речь уже можно вести не о простом увеличении количества реализуемых социальных проектов, а, скорее, о повышении их эффективности, о разработке и реализации целых программ с вовлечением в этот процесс сотрудников и местных сообществ. При этом *взаимодействие бизнеса с властями разного уровня происходит не на основах иерархических связей, а на принципах социального партнерства.*

Особое место в повестке устойчивого развития занимает категория «человеческий капитал». В этом контексте корпоративная культура фокусируется на потребностях каждого сотрудника как личности. И здесь отметим новый тренд – DEI (разнообразие – diversity, равенство – equity и инклюзивность – inclusion), следование которому позволяет, в числе прочего, привлекать на работу тех, для кого раньше она была практически недоступна. Например, даёт людям с ограниченными возможностями надежду на полноценную самореализацию. Согласно исследованиям MOT, в мире живет 1 млрд людей с инвалидностью, 80% из них находятся в трудоспособном возрасте. Лучший формат работы для этой группы – удаленный. Он стал для них отличной возможностью реализовать себя, особенно во время коронакризиса.

Особое место в реализации парадигмы устойчивого развития занимают практики и перспективы совместных ответственных инициатив корпораций и регионов. Так, одна из задач российского бизнеса в этом контексте – всемерно содействовать тому, чтобы малые и большие города Дальнего Востока, Урала и Сибири становились

привлекательнее и удобнее для молодежи, а рабочие места, которые предлагаются на предприятиях, отвечали ожиданиям нового поколения и давали ему возможность раскрыть свой потенциал. Эта задача напрямую отвечает одной из Глобальных Целей ООН – «Устойчивые города и населённые пункты». Для того, чтобы стимулировать деловую активность и помочь реализации потенциала восточных регионов страны, компании активно взаимодействуют с профсоюзами и властью в рамках соглашений о социальном партнёрстве.

Михайленок О.М.

Подводя итог работы «круглого стола», хотелось особый акцент сделать на том, что изучение вышеизложенных процессов требует расширения поля исследований политических отношений на всех уровнях, поисков креативных подходов, преодоления привычных стереотипов и шаблонов политического анализа, изобретения адекватных способов и методов познания меняющейся политической реальности, поскольку пока не совсем ясны все перспективы и не до конца проявились тенденции, связанные с трансформацией политики под влиянием политических сетей, сетевого сознания и образа жизни.

Политико-экономические особенности эксплуатации северного морского пути в условиях геополитического противостояния

Палилов Денис Евгеньевич,

старший преподаватель Департамент политологии,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: dpalilov@fa.ru

В научной статье представлены результаты анализа политических и экономических факторов, формирующих предпосылки эксплуатации инфраструктурных объектов и мощностей Северного морского пути в современных условиях геополитического противостояния и нестабильности глобализационных процессов мировой экономики. Актуальность исследования на выбранную проблематику обусловлена, в первую очередь, тем, что Северный морской путь – это крупнейшая инициатива морской транспортной инфраструктуры международных рынков, способствующая реализации максимально быстрых глобальных цепей поставок между рынками Азии и Европы. Во-вторых, современный период геополитического противостояния приводит к нарушению прежних глобальных цепей поставок и международных экономических и торговых связей, которые формируют вокруг эксплуатации Северного морского пути политическую дискуссию, препятствующую его развитию как транспортного коридора. Есть угрозы того, что товаропоток в морской транспортной логистике замедлится, сформировав убыточность отдельных цепей поставок по Северному морскому пути. В рамках статьи рассмотрено значение Северного морского пути в развитии мировой морской транспортной логистики. Определены основные факторы, которые способствуют формированию и развитию транспортного коридора Северный морской путь. Проанализированы ключевые проблемы, создающие барьеры при эксплуатации Северного морского пути. Рассмотрено влияние современной характеристики судостроительной промышленности России на развитие транспортного коридора глобальных цепей поставок Северного морского пути. Проанализированы аспекты влияния геополитического противостояния и политических факторов на особенности эксплуатации Северного морского пути. Предложены мероприятия, которые способны обеспечить развитие Северного морского пути в современных геополитических и экономических условиях.

Ключевые слова: Северный морской путь, геополитическое противостояние, морские транспортные перевозки, глобальные цепи поставок, морская транспортная логистика.

Современные политико-экономические аспекты международных морских транспортных перевозок в условиях геополитического противостояния характеризуются трансформацией глобальных цепей поставок, что приводит к определенным трудностям и сложностям в реализации прежних установок. В то же время практическая роль логистики морских грузоперевозок может увеличиваться, а одну из первых позиций драйверов возможного роста занимает инициатива Северного морского пути (СМП).

Северный морской путь – это крупнейший инфраструктурный проект мировой морской логистики, основной актор которого – Россия. При этом в российских интересах Северный морской путь обеспечивает национальную безопасность государства, способствуя формированию надежных цепей поставок, транспортно-логистических связей и бесперебойному процессу хозяйственной деятельности в Арктической зоне, где добывается свыше 75% всего объема природного газа [4].

На рисунке 1 изображена схема Северного морского пути, основные транспортные пункты морской логистики в Арктической зоне проходят через порты России [2].

На развитие Северного морского пути изначально влияли следующие факторы [1]:

- удачное географическое расположение, СМП связывает Китай и Европу;
- рост экономической и деловой активности субъектов китайского и российского предпринимательства, заинтересованных в экспорте и импорте продукции, товаров и ресурсов;
- разнообразие морских портов, обеспечивающих бесперебойный процесс логистики морских грузоперевозок;
- наличие в России соответствующего персонала для обеспечения кадрами экипажей морских судов, передвигающихся по транспортному коридору;
- высокоразвитая сеть железнодорожных путей и станций, прилегающих к основным портам Северного морского пути;
- развитый парк ледоколов России (более 40), способных прокладывать транспортные маршруты для грузовых судов в транспортном коридоре Арктической зоны.

Однако Северный морской путь не является главным транспортным коридором в международной логистике морских грузоперевозок. На первом месте Суэцкий канал, объемы глобальных цепей поставок через который более, чем в 9 раз превышают максимальную загруженность транспортного коридора в Арктической зоне.

Ключевым барьером в увеличении масштабов морских перевозок грузов по Северному морскому пути является парк ледоколов, из-за нехватки которых невозможно увеличить объемы морской логистики. Даже с учетом того, что из-за глобального потепления количе-

ство дней в году, когда путь свободен ото льда, вырастет до 200, все равно это не позволит выйти на объемы перевозок морским транспортом через Суэцкий канал.

Кроме того, морские порты Северного морского пути в регионах России простаивают из-за того, что стоимость ледокольного сопровождения растет. В отсутствии такового, стоимость логистики через Суэцкий канал в 4 раза меньше, что делает использование Северного морского пути гораздо менее конкурентоспособным.

Для увеличения парка ледоколов необходимо активное строительство новых судов в России, однако судостроительная промышленность в 2023 г. характеризуется следующими особенностями:

1. Большим количеством различных предприятий и научно-исследовательских учреждений, формирующих национальную систему судостроения, иногда избыточно большим.

2. Высоким уровнем разобщенностью судостроительных предприятий по организационными, правовым и экономическим формам.
3. Отсутствием значительного количества судостроительных предприятий для постройки крупных судов, с увеличенным водоизмещением и грузоподъемностью.
4. Наличие крайне разнообразного, не унифицированного комплекса машиностроительных и производственных организаций, которые выступают поставщиками оборудования судостроительным предприятиям.
5. Высоким уровнем износа основных фондов судостроительных предприятий, оборудование которых устарело морально и физически изношено
6. Учетом процессов, вызванных санкционными ограничениями развития российской экономики.

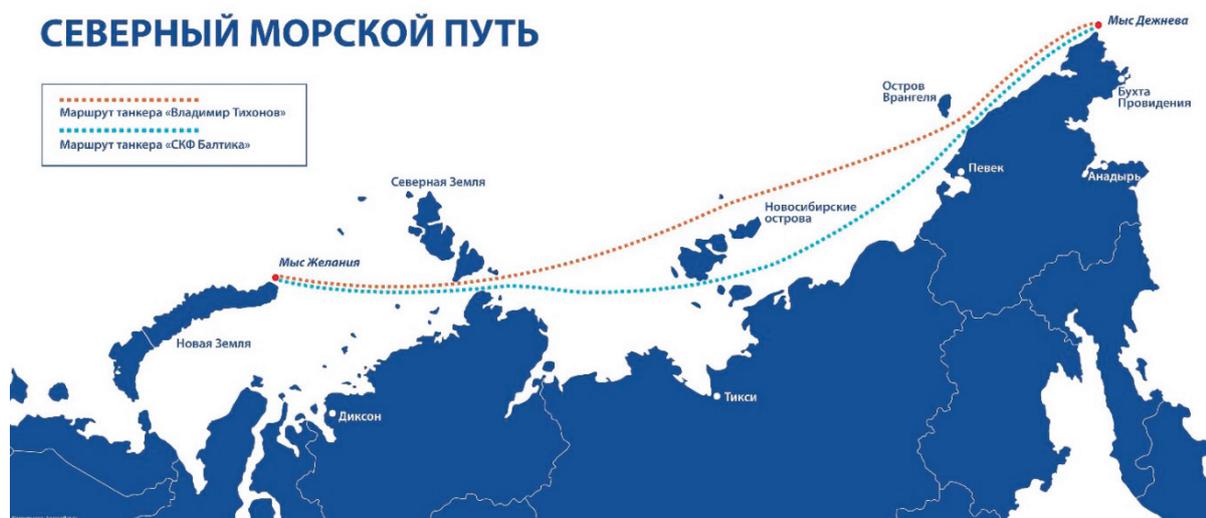

Рис. 1. Северный морской путь [3]

В последние годы развитие судостроительной отрасли в экономике России характеризуется наличием следующих проблем [6]:

- низкая эффективность существующих моделей и систем управления судостроительными предприятиями;
- застой производства из-за недостаточного объема инвестиций в основной капитал судостроительных предприятий;
- доля судостроительных предприятий, которые прошли этап обновления оборудования и технологического комплекса, составляет не более 16% от общего числа организаций;
- дефицит высококвалифицированных кадров в инженерии и управлении судостроительным производством;
- использование отдельными судостроительными предприятиями административных рычагов для получения заказов государства на производство и строительство судов;
- в структуре продукции судостроительной отрасли преобладает в большей части не гражданская, а военная продукция;
- задержка сроков реализации проектов по строительству крупнотоннажных судов.

Важным показателем развития судостроительной отрасли в экономике России является объем строительства гражданских судов. Тенденция уменьшения заказов и соответственно выпуска продукции отрасли отражена на рисунке 2.

Еще одной проблемой развития и эксплуатации Северного морского пути является ограниченность существующей инфраструктуры данной транспортной цепочки поставок, невозможность в полной мере обеспечить полноценный набор услуг для транзитеров. Дело в том, что большая часть морских портов в арктическом регионе была построена в 1960-х гг. Возможности приема морских грузов ограничены весом до 20 000 тонн. Сегодня такие цифры крайне недостаточны.

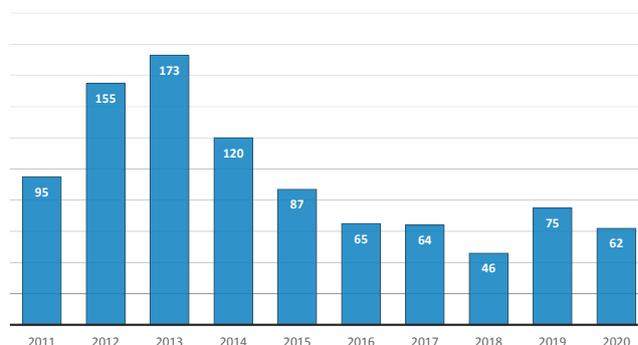

Рис. 2. Динамика строительства гражданских судов в России, в ед. [7]

При этом следующим барьером в эксплуатации Северного морского пути становится недостаточная глубина вод в пределах самой трассы. Отдельные маршруты недостаточно глубоководны для прохода крупнотоннажных судов, в т.ч. нефтяных танкеров и газовозов [4].

Дополнительная группа барьеров связана с политическими факторами периода геополитического противостояния России и Запада. Применяемые экономические и политические санкции приводят к ослаблению позиций российских морских портов на международных транспортно-логистических коридорах и маршрутах.

Еще одной угрозой является и эмбарго на перевозки нефти морским путем. Снижение поставок углеводородов на европейские рынки снизили грузопоток морских портов Арктической зоны России, где нефть и газ являются основными товарами. Однако увеличение внешне-торгового оборота между Россией и Китаем стимулирует перевозку груза морским транспортом по Северному морскому пути.

Серьезной политической угрозой для развития эксплуатации Северного морского пути является борьба США за доминирование на международном рынке морских транспортных перевозок. Удобным прикрытием для реализации данных интересов является вменяемый экологический ущерб, который получает Арктика от активного использования ледоколов в данном регионе.

В связи с этим в Арктическом регионе не исключен «новый театр конфликта», согласно мнению госсекретаря США Энтони Блинкена, который напомнил, что Арктика становится теплее вдвое быстрее среднемировых показателей. Цитируя госсекретаря: «Россия эксплуатирует эти изменения, чтобы попытаться установить контроль над новыми пространствами, модернизирует свои базы в Арктике и строит новые, в том числе одну – в 300 милях от Аляски» [8].

Министр обороны России также отмечал, что «США наращивают присутствие боевых кораблей в Арктике». По его словам, военно-политическая обстановка в регионе усложняется из-за конкуренции ведущих стран за доступ к ресурсам и коммуникациям.

Ключевым словом в данном высказывании является слово «ресурсы». Именно ресурсы привлекают другие страны в Арктический регион. Что же касается коммуникаций, то они являются производными от ресурсов. Когда доберутся до ресурсов, тогда и потребуются коммуникации [8].

Складывающаяся расстановка сил в Арктике не устраивает США, в связи с чем Счетная палата заявила о необходимости усилить военное присутствие в регионе. Специалисты ведомства усмотрели факторы риска российских инвестиций в энергетику, логистику и инфраструктуру вдоль Северного морского пути.

В 2022–2023 годах ситуация обостряется, имеющийся конфликт согласно политическим и военным интересам противостоящих сторон приводит к уменьшению перспектив усиленной эксплуатации Северного морского пути в условиях современного геополитического противостояния. Препятствием ускоренного развития становятся уже не только технологические или климатические особенности ситуации в Арктике, а политико-экономические и военные особенности развития ситуации в Евразии.

Согласно официальным данным по результатам транзита грузов с использованием логистики морских грузоперевозок через коридор Северного морского пути, в 2022 г. объем перевозок иностранных товаров составил лишь 200 тыс. тонн груза. Это в 10 раз меньше, чем в 2021 г., тогда объем перевозок иностранных заказчиков и поставщиков по Северному морскому пути составлял 2 млн тонн.

При этом общие показатели перевозок грузов по Северному морскому пути за 2022 г. продемонстрировали увеличение до 34 млн тонн. Это на 2 млн тонн больше, чем в 2021 г. Таким образом, произошло за-

мещение части объема иностранных перевозок отечественными заказами. В то же время следует иметь в виду, что плановый показатель на 2024 г. по объему перевозок грузов через Северный морской путь составляет 80 млн тонн. Сомнения в его достижении видятся крайне обоснованными, поскольку драйвером его роста должны были выступать заказы со стороны иностранных заказчиков.

Ведущий эксперт УК «Финам Менеджмент» Дмитрий Баранов объясняет, что международная ситуация – не главный фактор, влияющий на объем перевозок по СМП. Чтобы завоевать долю рынка в условиях конкуренции с традиционными мировыми коридорами, требуется продолжительное время [9].

Введение политических санкций снижает потенциал роста перевозок по Северному морскому пути в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Но несмотря на возникшие разногласия и современную ситуацию, в долгосрочной перспективе российские эксперты считают, что объем перевозок иностранных грузов по данному транспортному коридору будет увеличиваться. В особенности это будет связано с ростом объемов внешней торговли Китая и стран Европы и использованием для этого морской логистики и инфраструктуры России.

Для того чтобы обеспечить развитие Северного морского пути в современных геополитических и экономических условиях, возможно проведение следующих мероприятий:

1. Оценка изменений климата и прогнозирование нового плана развития морского транспорта в Арктическом регионе с учетом увеличения количества дней, когда можно проводить перевозки без участия ледоколов.
2. Создание условий благоприятствования логистике морских грузоперевозок при помощи организации свободных экономических зон на базе существующих крупнейших портов Северного морского пути.
3. Создание для перевозчиков и клиентов привлекательных условий в вопросах тарифов и ценообразования.

Таким образом, современные условия геополитического противостояния формируют политические и экономические барьеры, препятствующие полномасштабному развитию и усилению возможной эксплуатации Северного морского пути. Хотя роль этого транспортного коридора в реализации международных цепей поставок и морских перевозок грузов между Азией и Европой крайне важна, достигнутые показатели все еще далеки от таковых Суэцкого канала.

Литература

1. Фомичев А.А. Политический вектор развития Северного морского пути // Вестник МГИМО. 2015. № 3 (42).
2. Тодоров А.А. Международный транзитный потенциал Северного морского пути: экономический и правовой аспекты. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/3/11.pdf> (дата обращения: 06.03.2023).
3. Северный морской путь. URL: <https://regnum.ru/pictures/2322191/2.html> (дата обращения: 06.03.2022).
4. Журавель В.П., Назаров В.П. Северный морской путь: настоящее и будущее // Вестник МГОУ. 2020. № 2.
5. Елисеев Д.О., Наумова Ю.В. Проблемы и перспективы развития международного транзита по Северному морскому пути // Федерализм. 2019. № 3. С. 35–50.

6. Лапочкина Л.В. Проблемы и перспективы развития судостроительной отрасли в Арктической зоне // Технологические тренды и наукоемкая экономика: бизнес, отрасли, регионы. 2021. С. 605–613.
7. Сергеева К.И. Стратегия повышения конкурентоспособности судостроительной отрасли // Вектор экономики. 2022. № 2 (68).
8. Северный морской путь: транзитное плавание. URL: <http://www.morvesti.ru/themes/1698/93937/> (дата обращения: 16.03.2023).
9. Непроходимые льды: СМП теряет шансы превратиться в новый Суэцкий канал. URL: https://www.dp.ru/a/2023/03/15/Pokazatel_stabilnosti (дата обращения: 16.03.2023).

POLITICAL AND ECONOMIC FEATURES OF OPERATION OF THE NORTHERN SEA ROUTE UNDER THE CONDITIONS OF GEOPOLITICAL STANDOFF

Palilov D.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The scientific article presents the results of the analysis of political and economic factors that form the prerequisites for the operation of infrastructure facilities and capacities of the Northern Sea Route in the current conditions of geopolitical confrontation and instability of the globalization processes of the world economy. The relevance of the study on the selected issue is due, first of all, to the fact that the Northern Sea Route is the largest initiative of the maritime transport infrastructure of international markets, contributing to the implementation of the fastest possible global supply chains between the markets of Asia and Europe. Secondly, the modern period of geopolitical confrontation leads to the disruption of the former global supply chains and international economic and trade relations, which form a political discussion around the operation of the Northern Sea Route, hindering its development as a transport corridor. There are threats that the flow of goods in maritime transport logistics will slow down, causing unprofitability of individual supply chains along the Northern Sea Route. Within the framework of the article, the significance of the Northern Sea Route in the development of world mari-

time transport logistics is considered. The main factors that contribute to the formation and development of the Northern Sea Route transport corridor are identified. The key problems that create barriers in the operation of the Northern Sea Route are analyzed. The influence of the modern characteristics of the shipbuilding industry of the Russian economy on the development of the transport corridor of the global supply chains of the Northern Sea Route is considered. The aspects of the influence of geopolitical confrontation and political factors on the features of the operation of the Northern Sea Route are analyzed. Measures to ensure the development of the Northern Sea Route in the conditions of modern geopolitical and economic problems are proposed.

Keywords: Northern Sea Route, geopolitical standoff, maritime transportation, global supply chains, maritime transport logistics.

References

1. Fomichev A.A. Political vector of development of the Northern Sea Route // MGIMO Bulletin. 2015. № 3 (42).
2. Todorov A.A. International transit potential of the Northern Sea Route: economic and legal aspects. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/3/11.pdf> (date of application: 06.03.2023).
3. The Northern Sea Route. URL: <https://regnum.ru/pictures/2322191/2.html> (date of reference: 06.03.2022).
4. Zhuravel V.P., Nazarov V.P. Northern Sea Route: present and future // Bulletin of Moscow State University. 2020. № 2.
5. Eliseev D.O., Naumova Yu.V. Problems and prospects of development of international transit along the Northern Sea Route // Federalism. 2019. No. 3. pp. 35–50.
6. Lapochkina L.V. Problems and prospects of development of the shipbuilding industry in the Arctic zone // Technological trends and high-tech economy: business, industries, regions. 2021. pp. 605–613.
7. Sergeeva K.I. Strategy of increasing the competitiveness of the shipbuilding industry // Vector of Economics. 2022. № 2 (68).
8. The Northern Sea Route: transit navigation. URL: <http://www.morvesti.ru/themes/1698/93937/> (accessed: 03/16/2023).
9. Impassable ice: the NSR loses its chances to turn into a new Suez Canal. URL: https://www.dp.ru/a/2023/03/15/Pokazatel_stabilnosti (accessed: 03/16/2023).

О роли Таджикистана в создании и функционировании институтов Шанхайской организации сотрудничества

Хадыров Равшан Юнусович,

руководитель развития агентского кабинета ООО Сравни ру Лабс
E-mail: khadyrov.r.u@mail.ru

Статья продолжает дискуссию о возрастании влияния Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на архитектуру региональной безопасности и основы нового миропорядка. Рассмотрены два аспекта этого феномена – генезис и динамика институционального строительства и вклад Таджикистана как одного из учредителей организации и в создание концепции и механизмов развития ШОС. Приводятся хронология событий и базовые документы, определившие принципы, векторы деятельности ШОС. Отмечается личный вклад и влияние президента Таджикистана Э. Рахмона на процессы трансформации организации. Обосновывается вывод о благоприятных перспективах численного расширения ШОС и масштабов деятельности в сфере международной безопасности, экономического и гуманитарного развития.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, институциональное строительство, региональная безопасность, Таджикистан.

Введение

Евразийское пространство – огромная территория, на которой сталкиваются и гармонизируются геополитические интересы, стратегии влияния и развития разновеликих мировых и региональных держав. Это пространство колоссального интеграционного потенциала и формирования нового многополярного миропорядка, центром которого становится ШОС. ШОС предъявил миру особую форму международных отношений между Россией, Китаем, Индией, Пакистаном и странами Центральной Азии, которые изначально являются первичным ядром ШОС [2].

История отвела 10-ти миллионному Таджикистану важную и почетную роль одного из инициаторов и учредителей этой гигантской интеграционной структуры. Не случайно 20-й юбилейный саммит ШОС прошел в Душанбе [15]. К настоящему моменту ШОС стала полноценной международной организацией со своей институциональной структурой, правовыми нормами и высоким региональным авторитетом. Основными целями ШОС являются «укрепление между государствами взаимного доверия, дружбы, добрососедства; расширение сотрудничества в политической, социально-экономической, гуманитарной областях, а также обеспечение мира, безопасности в регионе, борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [16; 60].

Цель статьи – раскрыть политический, организационный вклад Таджикистана в институциональное оформление и развитие ШОС в рамках 22-х летней истории организации.

Основная часть

Контент-анализ официальных документов, научных работ и публикаций позволил выделить генезис, политическую и организационную динамику институционального строительства ШОС и роль Таджикистана в развитии этой организации. Монографии, научные статьи известных таджикских ученых Р. Алиевой [10], Р. Алимова [11; 12], Ш. Бобоева [13], Н. Мирзоева [17], М. Олимова [18; 19], Х. Саидова [23], З. Сайидзода [23], Ф. Салимов [25], С. Солиходжаевой [26], Р. Хайдарова [27], Х. Холиқназара [28; 29; 30; 31] оценивают вклад Таджикистана, президента Э. Рахмона в становление и развитие ШОС, анализируют роль организации в системе безопасности Центральной Азии с позиций таджикских национальных интересов.

Р. Алимов аргументирует тезисы о ШОС как международной организации нового типа и универсального характера, основанной на фундаментальных принципах равноправия членов, раскрывает механизмы взаимодействия ШОС при формировании Евразийского пространства региональной безопасности, приводит последовательную хронику основных событий в деятельности ШОС [12]. Политические и экономические цели Таджикистана в ШОС формулирует Ф.Н. Салимов: участие

в процессе создания региональной архитектуры безопасности; в международной борьбе с терроризмом и экстремизмом; решение приграничных проблем; урегулирование внутреннего конфликта (гражданской войны); ускоренное поствоенное восстановление; вывод страны из коммуникационного тупика; достижение продовольственной и энергетической безопасности; повышение международного авторитета страны [25].

Х. Холикназар в своих работах всесторонне анализирует историю и процесс трансформации «Шанхайской пятёрки», вклад Таджикистана в институциональное строительство ШОС. Р. Хайдаров особо выделяет созидательную роль президента Э. Рахмона как архитектора ШОС, внесшего большой политический и организационный вклад в налаживание эффективной работы таких институтов как Совет глав государств (СГГ) и Совет глав правительств (СГП). Н.М. Мирзоев рассматривает структуру и принципы функционирования институтов ШОС, прослеживает эволюционную динамику формирования и становления ШОС как полноценной региональной организации сотрудничества в реалиях глобализации, совместного противодействия вызовам и угрозам терроризма, экстремизма, сепаратизма. Ш.Д. Бобоев фокусирует внимание на международно-правовых аспектах развития ШОС, механизмах взаимодействия Таджикистана, других участников и государств-наблюдателей в реализации экономических, гуманитарных проектов.

Обобщая подходы ученых к периодизации и содержанию институционального строительства ШОС, приведем значимые вехи периодов и краткое содержание этапов. Содержание этапов позволяет определить основные аспекты участия и роль Таджикистана в развитии институтов и механизмов взаимодействия ШОС. Большинство ученых выделяют три этапа: предварительный этап, в ходе которого на основе деятельности «Шанхайской пятёрки» формировались политические и организационные предпосылки создания ШОС; этап институционального и организационного оформления ШОС; этап развития, расширения географии и направлений деятельности ШОС.

1. Этап деятельности «Шанхайской пятёрки» (1991–2000), формирование предпосылок создания ШОС, институциональных механизмов современной структуры ШОС. В этот период проведены переговоры по вопросам сокращения численности войск в приграничных районах, укрепления мер доверия в военной сфере, подписано Соглашение об укреплении мер военного доверия (Шанхай, апрель 1996 года) [6], Соглашение между РФ, КНР, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границ (Москва, апрель 1997 г.) [7]. Причиной создания ШОС явилась серьезная активизация действий экстремистских и сепаратистских сил на территориях Узбекистана, Киргизстана и Таджикистана, а также в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

Душанбинский саммит в июле 2000 г. сыграл ключевую роль в процессе трансформации «Шанхайской пятёрки» в ШОС из совещательного регионального форума в международную организацию, перенесения акцентов деятельности с безопасности границ на борьбу с терроризмом и расширение форм экономического сотрудничества. В Душанбинской декларации глав государств была отражена позиция Таджикистана о преобразовании «Шанхайской пятёрки» в международную организацию нового типа – не в оборонный союз или военно-политический блок, а в организацию многостороннего евразийского сотрудничества [9].

2. Этап институционализации ШОС (2001–2004). Политические и организационные предпосылки к инсти-

туциональному оформлению ШОС были реализованы в 2001 г. на саммите в Душанбе после приема Узбекистана и утверждения основополагающих документов, запустивших процесс институционализации: Совместное заявление о подключении Узбекистана к механизму «Шанхайской пятёрки»; Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества [1]; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Саммит глав государств в июне 2002 г. в Санкт-Петербурге продолжил институциональное оформление ШОС: утвержден базовый концептуальный и организационный документ – Хартия ШОС, инициировано создание Региональной антитеррористической структуры (РАТС ШОС), учрежден институт Миссии наблюдателей от ШОС и механизмы международного наблюдения за выборами и референдумами, проходящими на пространстве ШОС. Организационный период институционального оформления ШОС завершился по итогам Московского саммита, на котором был принят бюджет ШОС, утверждены основные институты, Секретариат ШОС, другие рабочие органы, которые с января 2004 г. начали функционировать. Это обозначило завершение этапа институционализации.

3. Этап развития и расширения ШОС (2005–настоящее время). Период характеризуется созданием новых институтов, органов ШОС, увеличением числа и расширением географии членов организации [32]. Особенностью институционального развития ШОС является отказ от перспектив образования наднациональных институтов управления, что могло вызвать противодействие действующих и потенциальных участников организации [8].

Членами ШОС в это период стали Индия, Пакистан и Иран, странами-наблюдателями Беларусь, Монголия, Афганистан, странами-партнерами – Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция, Шри-Ланка, наблюдателями – Бангладеш, Сирия, Египет, Израиль, Мальдивы, Украина, Ирак, Вьетнам, Бахрейн, Катар. Это расширило региональное сотрудничество и повысило геополитическую значимость ШОС. Саммиты СГГ (2006–2013) открыли путь для расширения ШОС без утверждения формальной процедуры приема. Только в сентябре 2014 г. в Душанбе на заседании СГГ был утвержден Порядок предоставления статуса государства-члена ШОС, который оформил институт членов, наблюдателей и партнеров Организации [3].

Новые члены кардинально изменили геостратегический баланс, усилили экономический и политический потенциал ШОС на евразийском континенте, геополитически связав европейские пространства с Центральной и Южной Азией. После саммита в Астане в 2017 г. члены ШОС приступили к совершенствованию механизмов дальнейшего расширения организации. На саммите СГГ в Душанбе 17 сентября 2021 г. приняты решения о приеме Ирана в члены ШОС, предоставлении статуса партнера по диалогу ШОС Египту, Саудовской Аравии и Катару.

В Самаркандской декларации 2022 г. государства-члены подчеркнули, что «расширение ШОС и дальнейшее углубление сотрудничества с государствами-наблюдателями, партнерами ШОС по диалогу и международными объединениями расширит потенциал Организации и поспособствует дальнейшему повышению ее роли на международной арене в качестве многостороннего механизма по решению актуальных проблем современности, обеспечению безопасности» [5].

К 2023 г. функционируют 2 постоянных органа ШОС: Секретариат (Пекин) и Исполнительный комитет РАТС

(Ташкент). Ежегодно проводятся заседания СГГ, высшего органа ШОС, а также СГП и СМИД – Совета министров иностранных дел, координацию работы в рамках ШОС обеспечивает Совет национальных координаторов. Всего учреждены 29 функциональных институтов-органов ШОС, более 40 рабочих механизмов взаимодействия в разных сферах. Функционируют институты постоянных представителей государств-членов при Секретариате ШОС и РАТС ШОС. Представители Таджикистана занимали должности Генерального секретаря ШОС (Р.К. Алимов в 2016–2018), Директора Исполнительного комитета РАТС ШОС (Д.Ф. Гиёсов в 2019–2021).

Теперь рассмотрим роль и вклад Таджикистана в развитие ШОС. Главным итогом пятилетней деятельности Таджикистана в «Шанхайской пятёрке» (1996–2000) стало завершение процесса мирного урегулирования и установление национального согласия, развитие демократических институтов и проведение экономических и социальных преобразований. Главы государств «Шанхайской пятёрки» в августе 1999 г. констатировали, что мирный процесс в Таджикистане приобрел необратимый характер, и позитивный опыт межтаджикского урегулирования имеет большую ценность как пример разумного компромисса. В июле 2000 г. в Душанбе на 5-м саммите лидеров «Шанхайской пятёрки», президент Э. Рахмон представил концептуальное предложение в текст Душанбинской декларации: «Стороны будут прилагать усилия по превращению «Шанхайской пятёрки» в региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах» [23; 28]. Так Таджикистан стал одним из основателей ШОС и не случайно, что 20-й юбилейный саммит ШОС прошел в именно Душанбе [15].

Таджикистан рассматривает ШОС как уникальный механизм, позволяющий решать сложные региональные проблемы обеспечения региональной безопасности и экономического развития, достижения энергетической независимости, выхода страны из коммуникационной изоляции и обеспечения продовольственной безопасности [20]. В июне 2006 г. позиция Таджикистана по противодействию терроризму была озвучена Э. Рахмоном на саммите ШОС в Шанхае, предупредившего участников о возрастании новых угроз и опасности политического экстремизма и международного терроризма.

В 2007 г. для координации направлений деятельности Таджикистана в ШОС, изучения интеграционных процессов и укрепления организации был образован Центр дружбы и сотрудничества ШОС при Академии государственного управления Таджикистана [33]. Кроме того, 11 ВУЗов Таджикистана присоединились к деятельности созданного по инициативе России Университета ШОС, объединившего более 70 университетов и институтов стран-участников.

Таджикистан председательствовал в СГГ (2008, 2014 и 2020–2021), в СГП (в 2006, 2010, 2018) и активно участвовал в подготовке основополагающих документов, определявших векторы развития и внутренние механизмы взаимодействия в рамках ШОС. В периоды председательства Таджикистан прикладывал значительные организационные, дипломатические усилия для обеспечения безопасности и стабильности, укрепления торгово-экономических, культурных и гуманитарных связей между странами ШОС. Президент Э. Рахмон на всех заседаниях выступал по насущным проблемам межрегионального и международного масштаба, коллективного противодействия современным вызовам и угрозам, по актуальным вопросам укрепления политического диалога, развитию и расширению отношений в сфере экономики и гуманитарных связей между государствами-

членами, наблюдателями при ШОС, партнерами по диалогу.

Таджикистан активно участвовал в подготовке документов к саммиту глав государств в Душанбе по механизмам расширения ШОС (сентябрь 2014 г.) в ходе которого был оформлен институт членов, наблюдателей и партнеров Организации. Саммит отметил возрастание геополитической роли Таджикистана на перспективах включения в ШОС Индии и Пакистана, а геополитическое расширение Организации позволит существенно увеличить ее международный вес. Последовательно развивался институт политического диалога и механизм консультаций на всех уровнях ШОС, определяющих сотрудничество Таджикистана, государств-членов для создания справедливого миропорядка, эффективной глобальной и региональной архитектуры безопасности, экономики и культурно-гуманитарных связей.

Динамику влияния Таджикистана на принятие политических решений можно проследить по вопросу приема новых членов ШОС. В июле 2005 г. саммит ШОС в Астане одобрил заявку Ирана, предоставив статус наблюдателя наряду с Индией и Пакистаном, а в 2008 г. Иран подал заявку на полноправное членство [34; 35]. Изначально (до 2015 г.) Таджикистан поддерживал прием Ирана в ШОС, был заинтересован в снятии санкционных барьеров на пути принятия Ирана в число членов ШОС, полагая, что фарси-таджикский язык станет одним из трех официальных рабочих языков заседаний саммитов ШОС [18]. Однако в 2015 году власти Ирана пригласили на конференцию Организации исламского единства лидера запрещенной в Таджикистане Партии исламского возрождения М. Кабири и Таджикистан выступил резко против членства Ирана в ШОС. Только после захвата власти в Афганистане «Талибаном» (террористическая группировка, запрещена в РФ), Таджикистан снял свои возражения. В 2021 г. рамках саммита ШОС в Душанбе президенты двух стран Э. Рахмон и Э. Раиси всесторонне обсудили аспекты влияния Ирана на решение проблем и угроз, исходящих из Афганистана и сотрудничество в проектах ШОС [22]. Иран был принят в организацию уже в сентябре 2022 г.

В своей статье по случаю 20-летия ШОС президент Э. Рахмон подчеркнул, что в сфере многосторонней дипломатии Таджикистана «особое внимание уделяется развитию плодотворных связей в рамках ШОС», которая является «авторитетным международным институтом не только в регионе, но и на мировом уровне». Он предложил, «чтобы в сфере борьбы с вызовами и угрозами современности в рамках ШОС были привлечены и государства-наблюдатели» [21].

Э. Рахмон принимал личное активное участие в разработке таких важных документов, как Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001), Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013–2015, Конвенция ШОС по противодействию экстремизму (2017). За 20-летний период существования ШОС конструктивные инициативы президента Таджикистана по вопросам борьбы с международным терроризмом определяли векторы и критерии деятельности различных структур ШОС. Особо высоко государства-члены оценивают председательство в ШОС Таджикистана и его итоги в 2020–2021 годы, которые «в юбилейный год способствовали дальнейшему укреплению взаимного доверия и взаимопонимания, конструктивного и эффективного сотрудничества, добрососедских отношений и дружбы между их народами» [2].

Заключение

Сегодня Шанхайская организация сотрудничества является одним из важнейших мировых центров геополитики, безопасности и экономического развития. В странах-членах ШОС проживают более 3,342 млрд человек, производится 55% мирового валового национального продукта. Привлекательность ШОС для стран мира – внеблоковый характер, отсутствие наднациональных институтов, механизмов вмешательства во внутренние дела государств-участников и третьих стран. Это подводит к выводу, что открытость ШОС к равноправному сотрудничеству создает перспективу для расширения числа участников организации, географических и проектных масштабов ее деятельности.

Политические, экономические, гуманитарные институты и структуры безопасности ШОС организационно оформлены, авторитетны и эффективно функционируют. Лидеры и локомотивы ШОС – Россия, Китай, Индия образуют ядро системы, в которую вовлечены в разных статусах участия 28 государств Европы, Азии, Африки и Ближнего Востока.

Таджикистан – активный участник инициации институциональной трансформации «Шанхайской пятерки», концептуального и организационного развития ШОС как открытой мультифункциональной платформы международного сотрудничества. Президент Таджикистана Э. Рахмон – убежденный приверженец полицентричной системы мироустройства. Участвуя в принятии исторического решения о создании ШОС, он стал одним из творцов современной архитектуры региональной безопасности в Центральной Азии и устойчивого развития своей страны.

Литература

1. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества от 14 июня 2001 года: официальный текст. Сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 02.03.2023).
2. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС от 17 сентября 2021 года: официальный текст. Сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5699> (дата обращения: 03.03.2023).
3. Решение Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 12 сентября 2014 года № 2 «Об утверждении Порядка предоставления статуса государства-члена Шанхайской организации сотрудничества». Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=81549&ysclid=lfr4ausbw4856974602 (дата обращения: 03.03.2023).
4. Рахмон Э. 20 лет ШОС: Сотрудничество во имя стабильности и процветания: статья Президента Республики Таджикистан, Председателя Совета глав государств-членов ШОС в 2021 году. Официальный сайт СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/92793/> (дата обращения: 02.03.2023).
5. Самаркандская декларация совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/09/16/samarkandskaia-deklaraciia-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shanhajskoj-organizacii-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 07.03.2023).
6. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы 26 апреля 1996 года. Официальный сайт Минобороны России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10947126%40egNPA (дата обращения: 05.03.2023).
7. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 24 апреля 1997 года. Официальный сайт Минобороны России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doc.mil.ru/files/SoglasheniesKNR1997.pdf> (дата обращения: 05.03.2023).
8. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. Сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPpGqLvQL-4uaMX43IMkrMbFNewVneO.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).
9. 20 лет Шанхайской организации сотрудничества: сводный доклад от 30.11.2021. Официальный сайт ШОС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/publications/20211130/810791.html> (дата обращения: 02.03.2023).
10. Алиева Р.К. Из истории развития внешних связей Республики Таджикистан с Шанхайской организацией сотрудничества // Ученые записки Худжандского гос. университета им. ак. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2011 – С. 155–167.
11. Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы: монография. – М.: Весь Мир, 2017. – 336 с.
12. Алимов Р.К. Республика Таджикистан в системе ШОС. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://msu.tj/ru/news?id=117> (дата обращения: 06.03.2023).
13. Бобоев Ш. Шанхайская организация сотрудничества в геополитической структуре Среднего Востока: монография. – Душанбе: Контраст, 2011. – 266 с.
14. Бровцев В. Шанхайская организация сотрудничества. Состояние и перспективы развития / Независимая газета. 14.09.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2021-09-14/100_2109141600.html (дата обращения: 03.03.2023).
15. Вклад Таджикистана в основание и развитие Шанхайской организации сотрудничества. Сайт Центра стратегических исследований при Президенте РТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mts.tj/ru/2564/news/> (дата обращения: 06.03.2023).
16. Кулинцев Ю.В. Большое евразийское партнерство: проблемы сопряжения с международными интеграционными проектами (на примере Шанхайской организации сотрудничества и китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути»): дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04. – М.: ИАФР РАН, 2020. – 226 с.
17. Мирзоев Н.М. Таджикистан-ШОС: магистраль сотрудничества: монография. – Душанбе, 2014. – 178 с.
18. Муратбекова А. Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 138–160.

19. Олимов М.А. Проблемы безопасности в Центральной Азии: взгляд на ШОС из Республики Таджикистан // ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии. – 2005. – С. 66–71.
20. Олимов М.А. Внешнеполитические векторы Таджикистана: Таджикистан и ШОС: выступление на 8-м заседании Экспертного клуба «Сибирь-Евразия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibir-eurasia.ru/publications/vneshnepolitichieskiie-viektory-tadzhikistana-tadzhikistan-i-shos> (дата обращения: 06.03.2023).
21. Рахмон Э. Интервью Национальному информационному агентству «Ховар» по случаю 20-летия Шанхайской организации сотрудничества // НИАТ Ховар, 15.06.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2021/10/intervyu-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona/> (дата обращения: 07.03.2023).
22. Сажин В. XX юбилейный саммит ШОС: про Иран и не только, 21.09.2021 // Международная жизнь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/31773> (дата обращения: 06.03.2023).
23. Саидов Х., Майтдинова Г. Шанхайская организация сотрудничества – стабильность, доверие и сотрудничество на основе «шанхайского духа» // Внешняя политика. – 2014. – № 2. – С. 42–56.
24. Сайидзода З. Внешняя политика Таджикистана в условиях глобализации: монография. – Душанбе: Авасто, 2004. – 590 с.
25. Салимов Ф.Н. Анализ участия и политики Таджикистана в международных организациях // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2020. – № 8. – С. 315–326.
26. Солиходжаева С.А. Историография сотрудничества Республики Таджикистан с Шанхайской организацией сотрудничества // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2016. – С. 5–17.
27. Хайдаров Р. Эмомали Рахмон – один из архитекторов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2021/04/rustam-hajdarov-emomali-rahmon-odin-iz-arhitektorov-shanhajskoj-organizatsii-sotrudnichestva/> (дата обращения: 02.03.2023).
28. Холикназар Х. Вклад Республики Таджикистан в становление и развитие Шанхайской Организации Сотрудничества (1996–2014 гг.): монография. Душанбе: Ирфон, 2016. – 531 с.
29. Холикназар Х. Деятельность Республики Таджикистан в процессе становления и развития ШОС: монография. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 384 с.
30. Холикназар Х. Деятельность Республики Таджикистан в процессе становления и развития ШОС: монография. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 381 с.
31. Холикназар Х. Таджикистан-ШОС: стабильность и процветание: монография. – Душанбе: ЦСИ при Правительстве РТ, 2013. – 248 с.
32. Хроника главных событий в рамках «Шанхайской пятерки» и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Сайт Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sectSCO.org/html/00029.html> (дата обращения: 09.03.2023).
33. Центр дружбы и сотрудничества ШОС в Таджикистане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ara.tj/ru/центр-дружбы-и-сотрудничества-шос-в-та/> (дата обращения: 09.03.2023).
34. Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // *Russia in Global Affairs*. – 2021. – No. 19 (3). – Pp. 25–49.
35. Sanaei M., Karami J. Ravand-e chandjanebegaraai-e beinolmelali va raahbord-e sharghi-e Iran / пер. с фарси: Санаи М., Карамии Дж. Курс на многовекторность в международных отношениях и взгляд Ирана на Восток // *Ежеквартальный журнал внешней политики*. Лето. – 2019. – № 2 (33). – С. 25–56.

ON THE ROLE OF TAJIKISTAN IN THE CREATION AND FUNCTIONING OF THE INSTITUTIONS OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Khadyrov R. Yu.

Head of Agency Office Development LLC Savni ru Labs

The article continues the discussion about the growing influence of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) on the architecture of regional security and the foundations of the new world order. Two aspects of this phenomenon are considered – the genesis and dynamics of institutional building and the contribution of Tajikistan as one of the founders of the organization and to the creation of the concept and mechanisms for the development of the SCO. The chronology of events and basic documents that determined the principles and vectors of the SCO activity are given. The personal contribution and influence of the President of Tajikistan E. Rahmon on the processes of transformation of the organization is noted. The conclusion about the favorable prospects for the numerical expansion of the SCO and the scope of activities in the field of international security, economic and humanitarian development is substantiated.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, institution building, regional security, Tajikistan.

References

1. Declaration on the Establishment of the Shanghai Cooperation Organization of June 14, 2001: official text. Website of the President of Russia. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (Accessed: 02.03.2023). (In Russ.).
2. Dushanbe Declaration of the 20th Anniversary of the SCO of September 17, 2021: official text. Website of the President of Russia. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.kremlin.ru/supplement/5699> (Accessed: 03.03.2023). (In Russ.).
3. Decision of the Council of Heads of State of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization dated September 12, 2014 No. 2 “On Approval of the Procedure for Granting the Status of a Member State of the Shanghai Cooperation Organization”. Legislation of the CIS countries. [Electronic resource]. – Access mode: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=81549&ysclid=lf4ausbw4856974602 (Accessed: 03.03.2023). (In Russ.).
4. Rahmon E. 20 years of the SCO: Cooperation for stability and prosperity: article by the President of the Republic of Tajikistan, Chairman of the Council of Heads of State of the SCO Member States in 2021. Official website of the CIS. [Electronic resource]. – Access mode: <https://e-cis.info/news/566/92793/> (Accessed: 02.03.2023). (In Russ.).
5. Samarkand Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization // *Rossiyskaya Gazeta*. [Electronic resource]. – Access mode: <https://rg.ru/2022/09/16/samarkandskaia-deklaraciia-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shanhajskoj-organizacii-sotrudnichestva.html> (Accessed: 07.03.2023). (In Russ.).
6. Agreement between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and the People's Republic of China on confidence-building in the military field in the border area on April 26, 1996. Official website of the Russian Ministry of Defense. [Electronic resource]. – Access mode: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10947126%40egNPA (Accessed: 05.03.2023). (In Russ.).
7. Agreement between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and the People's Republic of China on the mutual reduction of

- armed forces in the border area of April 24, 1997. Official website of the Russian Ministry of Defense. [Electronic resource]. – Access mode: <https://doc.mil.ru/files/SoglasheniesKNR1997.pdf> (Accessed: 05.03.2023). (In Russ.).
8. Development Strategy of the Shanghai Cooperation Organization until 2025. Website of the President of Russia. [Electronic resource]. – Access mode: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPPgGqLvQl4uaMX43IMkrMbFNewBneO.pdf> (Accessed: 09.03.2023). (In Russ.).
 9. 20 years of the Shanghai Cooperation Organization: summary report of 30.11.2021. Official website of the SCO. [Electronic resource]. – Access mode: <http://rus.sectsc.org/publications/20211130/810791.html> (Accessed: 02.03.2023). (In Russ.).
 10. Alieva R.K. From the history of the development of external relations of the Republic of Tajikistan with the Shanghai Cooperation Organization // Uchenye zapiski of the Gafurov Khujand State University. Humanitarian sciences. 2011. Pp. 155–167. (In Russ.).
 11. Alimov R.K. Shanghai Cooperation Organization: formation, development, prospects: monograph. – M.: Ves Mir, 2017. – 336 p. (In Russ.).
 12. Alimov R.K. The Republic of Tajikistan in the SCO system. 2021. [Electronic resource]. – Access mode: <https://msu.tj/ru/news?id=117> (Accessed: 06.03.2023). (In Russ.).
 13. Boboev Sh. Shanghai Cooperation Organization in the geopolitical structure of the Middle East: monograph. – Dushanbe: Contrast, 2011. – 266 p. (In Russ.).
 14. Brovtsev V. Shanghai Cooperation Organization. State and development prospects / Nezavisimaya Gazeta. 14.09.2021. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ng.ru/cis/2021-09-14/100_2109141600.html (Accessed: 03.03.2023). (In Russ.).
 15. Tajikistan's contribution to the founding and development of the Shanghai Cooperation Organization. Website of the Center for Strategic Studies under the President of the Republic of Tatarstan. [Electronic resource]. – Access mode: <https://mts.tj/ru/2564/news/> (Accessed: 06.03.2023). (In Russ.).
 16. Kulintsev Yu.V. The Great Eurasian Partnership: Problems of Interfacing with International Integration Projects (on the Example of the Shanghai Cooperation Organization and the Chinese Initiative of the Silk Road Economic Belt): dis. ... candidate of political sciences: 23.00.04. – M.: InAfr RAN, 2020. – 226 p. (In Russ.).
 17. Mirzoev N.M. Tajikistan-SCO: highway of cooperation: monograph. – Dushanbe, 2014. – 178 p. (In Russ.).
 18. Muratbekova A. The identity crisis of the Shanghai Cooperation Organization: what will happen next? // Bulletin of international organizations. 2019. Vol. 14. No. 4. Pp. 138–160. (In Russ.).
 19. Olimov M.A. Security Issues in Central Asia: A View of the SCO from the Republic of Tajikistan // SCO and Security Issues in Central Asia. 2005. Pp. 66–71. (In Russ.).
 20. Olimov M.A. Foreign policy vectors of Tajikistan: Tajikistan and the SCO: speech at the 8th meeting of the Siberia-Eurasia Expert Club. [Electronic resource]. – Access mode: <http://sibir-eurasia.ru/publications/vnieshniepoliticheskie-viektory-tadzhikistana-tadzhikistan-i-shos> (Accessed: 06.03.2023). (In Russ.).
 21. Rahmon E. Interview to the Khovar National News Agency on the occasion of the 20th anniversary of the Shanghai Cooperation Organization // NIAT Khovar, 15.06.2021. [Electronic resource]. – Access mode: <https://khovar.tj/rus/2021/10/intervyu-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona/> (Accessed: 07.03.2023). (In Russ.).
 22. Sazhin V. XX Anniversary Summit of the SCO: about Iran and not only, 09/21/2021 // International Affairs. [Electronic resource]. – Access mode: <https://interaffairs.ru/news/show/31773> (Accessed: 06.03.2023). (In Russ.).
 23. Saidov H., Maitdinova G. Shanghai Cooperation Organization – Stability, Trust and Cooperation Based on the “Shanghai Spirit” // Foreign Policy. 2014. No. 2. Pp. 42–56. (In Russ.).
 24. Sayidzoda Z. Foreign policy of Tajikistan in the context of globalization: monograph. – Dushanbe: Avasto, 2004. – 590 p. (In Russ.).
 25. Salimov F.N. Analysis of participation and policy of Tajikistan in international organizations // Bulletin of the Tajik National University. Series of socio-economic and social sciences. 2020. No. 8. Pp. 315–326. (In Russ.).
 26. Solikhodzhaeva S.A. Historiography of cooperation between the Republic of Tajikistan and the Shanghai Cooperation Organization // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Humanities Series. 2016. Pp. 5–17. (In Russ.).
 27. Khaidarov R. Emomali Rahmon is one of the architects of the Shanghai Cooperation Organization. [Electronic resource]. – Access mode: <https://khovar.tj/rus/2021/04/rustam-hajdarov-emomali-rahmon-odin-iz-arhitektorov-shanhajskoj-organizatsii-sotrudnichestva/> (Accessed: 02.03.2023). (In Russ.).
 28. Kholiknazar H. The contribution of the Republic of Tajikistan to the formation and development of the Shanghai Cooperation Organization (1996–2014): monograph. – Dushanbe: Irfon, 2016. – 531 p. (In Russ.).
 29. Kholiknazar H. Activities of the Republic of Tajikistan in the process of formation and development of the SCO: monograph. – Dushanbe: Irfon, 2014. – 384 p. (In Russ.).
 30. Kholiknazar H. Activities of the Republic of Tajikistan in the process of formation and development of the SCO: monograph. – Dushanbe: Irfon, 2014. – 381 p. (In Russ.).
 31. Kholiknazar H. Tajikistan-SCO: stability and prosperity: monograph. – Dushanbe: Center for Contemporary Art under the Government of the Republic of Tajikistan, 2013. – 248 p. (In Russ.).
 32. Chronicle of the main events within the “Shanghai Five” and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Website of the Shanghai Cooperation Organization. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.sectsc.org/html/00029.html> (Accessed: 09.03.2023). (In Russ.).
 33. SCO Friendship and Cooperation Center in Tajikistan. [Electronic resource]. – Access mode: <https://apa.tj/ru/center-of-friendship-and-cooperation-shos-v-ta/> (Accessed: 09.03.2023). (In Russ.).
 34. Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // Russia in Global Affairs. 2021. No. 19(3). Pp. 25–49.
 35. Sanaei M., Karami J. Ravand-e chandjanebegaarai-e beinolmelali va raahbord-e sharghi-e Iran / transl. from Farsi: Sanai M., Karami J. A multi-vector course in international relations and Iran's view of the East // Foreign Policy Quarterly Journal. Summer. 2019. No. 2 (33). Pp. 25–56. (In Russ.).

Стратегические направления внешней политики России в многополярном мире: геополитический подход

Гребнев Руслан Дмитриевич,

к.ю.н., советник при ректорате по правовым вопросам
Российского университета дружбы народов, проф. Академии
военных наук Российской Федерации
E-mail: grebnev-rd@rudn.ru

В статье рассмотрены некоторые стратегические направления внешней политики Российской Федерации в контексте геополитических интересов России в многополярном мире. Сделан общий вывод о том, что геополитические интересы Российской Федерации в Евразии связаны с институционализацией региональных систем многополярного мира: русский мир, предположительно, в формате «Россия плюс Восточная Европа и Средняя Азия», глобальный Китай, исламский мир, индо-тихоокеанский союз и западноевропейский союз.

В статье обоснованы предпосылки и предложен переход к новому типу обеспечения региональной безопасности: от концепции обороны государства к концепции стратегической военной безопасности, основанной на принципах упреждающего сдерживания. Переход к новому типу обеспечения региональной безопасности открывает перспективу концентрации государственных управленческих ресурсов на развитие стратегических внешнеэкономических связей России в области трансфера технологий, энергетического сотрудничества и экспорта сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: многополярность, геополитика, евразийство, региональная безопасность, экономическая безопасность, упреждающее сдерживание.

Актуальность

В своем послании Федеральному собранию 21 февраля 2023 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил о приостановке участия России в Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений. Тогда же, 21 октября 2023 г., был подписан Указ Президента Российской Федерации № 111, в соответствии с которым «в связи с глубокими изменениями, происходящими в международных отношениях» были отменены меры по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации, утвержденные в 2012 г. [11].

Указанные политико-правовые преобразования происходят в условиях столкновения концепции многополярности с тенденциями формирования иерархической структуры однополярного мира. Процессы формирования полюсов многополярного мира находятся в различных стадиях, «так как разные регионы мира имеют разные скорости развития... и подходы к решению наиболее важных мировых проблем существенно трансформируются для разных групп стран» [4, с. 232]. Актуальными эпицентрами борьбы за установление полицентрической модели мироустройства или продление однополярного момента являются Азия, Восточная Европа и Латинская Америка.

Геополитические интересы Российской Федерации в контексте концепций многополярности, евразийства и русского мира связаны, в первую очередь, с установлением политического, военного, экономического и культурного влияния в Средней Азии и Восточной Европе. Во-вторых, перспективы становления России полюсом формирующегося многополярного мира в формате «Россия плюс Средняя Азия и Восточная Европа» зависят от установления взаимовыгодных международных связей Российской Федерации с новыми центрами геополитического влияния.

В контексте теории многополярности заявленные цели Специальной военной операции на территории Украины содействуют усилению комплексного влияния и контроля в регионе, соотносимом с геополитическими интересами Российской Федерации в Восточной Европе, и, следовательно, формированию русского мира как полюса полицентрической глобальной политической системы. Поворот на Восток, изменение внешнеполитической стратегии России, имеет своей целью организацию взаимовыгодного международного сотрудничества в Азии, в первую очередь, с Китаем, Индией, КНДР, Ираном и установление статуса России как одного из ключевых полюсов многополярного мира, обладающего экономическим и политическим влиянием в Средней Азии.

Контурсы глобального управления в многополярном мире

Идеологической основой концепции многополярности является право на создание экономически и политически независимых блоков государств, валютных зон и таможенных союзов с целью организации сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес. Цивилизационные и геоэкономические факторы многополярности

предопределяют нелиберальный характер экономической повестки. Концепции многополярности соответствует идеология консервативного толка. Формирующиеся полюсы многополярного мира имеют экономический и/или военный характер.

Концепции однополярного мира соответствует идеология либерализма, которая подразумевает расширение и создание новых региональных военно-политических и экономических блоков государств, способных обеспечить продление однополярного момента и гегемонию США.

Институционализация модели многополярного мира во многом связана с совместной внешнеполитической деятельностью России с государствами Азии в рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, АТЭС, ИТЭС и Ассоциации стран бассейна Индийского океана с опорой на методы сетевой дипломатии. Указанные методы содействуют формированию сетевой региональной архитектуры с разветвленной партнерской сетью региональных организаций в многополярном мире [1, с. 22]. В противовес деятельности международных институтов полицентрической модели мироустройства США проводят свою политику по формированию иерархической структуры однополярного мира на Востоке, опираясь на АСЕАН, АУКУС, ООН и НАТО.

В этой связи, необходимо подчеркнуть, что «стратегия национальной безопасности РФ 2021 и Временное стратегическое руководство по национальной безопасности США 2021 демонстрируют диаметрально противоположное видение современной международной ситуации» [8, с. 29]. В этой связи возникает необходимость формирования евразийского военно-политического блока России, Китая, Ирана, КНДР и других государств, претендующих на статус региональных держав и военных полюсов многополярного мира.

Тенденция расширения международных блоков государств без участия США и их спутников возникает вследствие заинтересованности государств в укреплении своего внешнеполитического статуса в многополярном мире в составе новых дружественных альянсов, основанных на геополитических интересах государств и смежности их геополитической идентичности. Российское Евразийство в целом находится в оппозиции современным западным ценностям и геополитическим проектам [2, с. 41].

Формированию полицентрической модели мироустройства содействуют не только международные публичные отношения, но и внутригосударственные процессы, возникающие вследствие глобализации. Дополнительным фактором децентрализации глобальной политической системы являются процессы инокультурной иммиграции. Иммиграция народов из незападных стран, этногенетически соотносимых с формирующимися полюсами многополярного мира, способны оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику западных государств [7].

Геополитические предпосылки предопределяют возможность интеграции человеческих сообществ на принципах новой социальной реальности [5, с. 152], возникающей вследствие смежности или совместности геополитической идентичности некоторых народов, чем, например, объясняются актуальные процессы консолидации исламского мира. Указанные предпосылки вместе с геоэкономическими факторами, выражающимися, в частности, в историческом максимуме показателей глобальной конкурентоспособности Китая и Индии, содействуют формированию новых полюсов многополярного мира в Евразии: русский мир, глобальный Китай, исламский мир, индо-тихоокеанский союз и западноевропейский союз.

Стратегические направления внешней политики России в многополярном мире

Современные многосторонние и многоуровневые системы глобального политического управления включают в себя подсистемы локального, национального, регионального, межрегионального, международного и глобального управления. Глобализация политических процессов оказывает влияние на формирование статуса государств как субъектов стратегического управления интеграционными процессами, так и объектов стратегического управления других политических образований [6, с. 255].

Геополитические интересы Российской Федерации связаны с институционализацией региональных систем в многополярном мире и подразумевают:

- консолидацию государств и политических ресурсов, направленных на «демонтаж» однополярной системы глобального мира, по модели временной биполярности «Запад – Антизапад»;
- признание статуса России как одного из полюсов полицентрической модели глобализации политических процессов;
- формирование иерархической структуры полюсов многополярного мира, обеспеченной: а) геополитической идентичностью центров геополитического влияния и периферии, б) смежностью политических систем (в т.ч. государственных идеологий), в) разнообразными формами десуверенизации государств.

Россия – это качественное социокультурное пространство, географически сопоставимое с обширной территорией, большая часть которой расположена на литосферной Евразийской плите. За исключением озера Байкал, представляющего собой глубинный разлом земной коры, заполненный водой, и дальневосточных территорий, расположенных вблизи Тихоокеанского вулканического кольца, в России нет других зон повышенной опасности, связанной с землетрясениями и другими природными катастрофами, угрожающими объектам инфраструктуры и населению. Низкая численность народонаселения России не сопоставима с ее обширной территорией. При этом многонациональность российского народа предопределило совместное проживание сообществ традиционного типа культурной идентичности, соответствующего геополитическому концепту «Цивилизации Суши», и сообществ переходного типа геополитической идентичности, чьи политические, правовые, нравственные и другие установки характеризуются переменчивостью в зависимости от международного политического климата. Указанные характеристики качественного пространства России являются объективными предпосылками перехода к новому типу обеспечения региональной безопасности.

Новый тип обеспечения региональной безопасности России подразумевает:

- переход от концепции обороны государства, предполагающей возможность военного ответа на агрессию других государств, к концепции стратегической военной безопасности, основанной на принципах упрещающего сдерживания;
- системную нейтрализацию политических и экономических факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность РФ [3, с. 11];
- применение технологических средств для опережающей нейтрализации возможных военных угроз, в том числе переброски и размещения вооружений и проведения учебных военных маневров вблизи границ Российской Федерации и территорий, представляющих геополитические интересы России;

- инновационное обеспечение пограничной службы России техническими средствами разведки, предполагающими возможность автоматизации принятия решений о нейтрализации возможных военных угроз;
- размещение баз стратегической военной безопасности и ракетных вооружений на незаселенных территориях России;
- изменение политики государства в области военных наук и технологий.

Переход к новому типу обеспечения региональной безопасности открывает перспективу концентрации государственных управленческих ресурсов на развитие стратегических внешнеэкономических связей России. Очевидным конкурентным преимуществом России в мире являются энергетические ресурсы, в т.ч. топливные полезные ископаемые, энергия радиоактивных химических элементов, а также технологии в области энергетики.

Прагматичная внешняя политика России в области международной торговли энергоресурсами, трансфера российских технологий атомной энергетики и переработки энергоресурсов может быть основана на принципе создания преференций при условии официального признания государствами концепции многополярности и реализации совместных с Россией проектов в области региональной безопасности.

Для реализации новых подходов внешней политики России в области энергетики потребуется создать региональную площадку, координирующую взаимодействие государств по вопросам энергетического партнерства. Ключевые риски стратегического управления в области международной торговли энергоресурсами возникают вследствие возможности США контролировать эмиссию доллара [12, с. 8]. Положительные перспективы формирования российской региональной площадки, способной эффективно координировать международную торговлю энергоресурсами, связаны с переходом к системе ценообразования с учетом добавленной стоимости и переходом на взаиморасчеты в национальных или альтернативных валютах [13]. Первостепенной задачей по развитию торговой энергетической инфраструктуры России является усовершенствование Регионального энергетического кольца Северо-Восточной Азии, подразумевающее строительство нефтяных и газовых хабов с целью обеспечения оптимальной логистики экспорта российских энергоресурсов в Азию.

Наряду с экспортом энергоресурсов приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации могут стать: а) трансфер российских космических технологий, в т.ч. технологий удаленного мониторинга типа ГЛОНАСС и других навигационных систем, б) поставки оружия, требующего регулярного технического обслуживания производителем, в) экспорт зерна и других сельскохозяйственных культур.

Российская Федерация в составе БРИКС и ЕАЭС идет по пути создания экономически и политически независимых союзов государств (автархий). Этот процесс сопровождается политикой, направленной на снижение и поэтапную отмену таможенных пошлин, обмен списками товаров для беспошлинной торговли в двустороннем порядке и отработку системы совместного управления территориями, организованными на принципах таможенного союза.

Россия и Средняя Азия

Развитие сотрудничества России со странами Средней Азии предполагается посредством реализации совмест-

ных проектов в формате «Центральная Азия плюс Россия» в области культурного, научного и образовательного обмена, обладающего «мягкой силой». Экспорт образования содействует формированию привлекательного образа государства за рубежом, за счёт чего государства получают широкие возможности предлагать собственную политическую и экономическую повестку [10, с. 112]. Для успешной реализации совместных проектов Российской Федерации и стран Средней Азии потребуется осуществлять профессиональную подготовку человеческих ресурсов на базе российских образовательных организаций, в том числе специалистов в области экономики, юриспруденции, государственного и муниципального управления.

Для обеспечения единообразия правоприменительной практики при реализации совместных проектов в Средней Азии Российской Федерации предстоит создать благоприятные условия для повышения квалификации судей, прокуроров, сотрудников полиции и других правоохранительных органов государств Средней Азии.

Россия и Глобальный Китай

Удовлетворение производственных потребностей западной цивилизации за счет развивающихся экономик Азии привело к опережающему экономическому развитию Китая и ряда других азиатских государств, ликвидации технологического отставания и росту валового внутреннего продукта.

После распада СССР политическая система Китая осталась единственным политическим образованием с социалистической идеологией, которая успешно противостоит идеологии либерализма. От стратегии участия Китая в глобализации политических процессов во многом зависит модель будущего глобального мира, который может стать биполярным, где Китай станет одним из двух полюсов глобальной политической системы, или многополярным.

Вероятность формирования новой биполярности «Китай-США», противоречащей концепции многополярности, снижается при условии развития военнотехнического и социально-экономического сотрудничества России и Китая в связи с наличием прямой зависимости результатов совместной деятельности национальных государств от их восприятия современной глобализации [14]. При обеспечении соблюдения принципа «один Китай – одна система» военные, экономические, политические и прочие ресурсы США и их спутников будут вынужденно распределены на Тайвань и, очевидно, Польшу. Перспективы вывода военного контингента НАТО с территорий, соотносимых с геополитическими интересами США, связаны с формированием военнополитического блока России, Китая, Ирана, КНДР и других государств.

Стратегическое партнерство России и Китая требует де бюрократизации таможенных правил и создания преференций в рамках трансграничного сотрудничества. Для обеспечения дальнейшего роста международного товарообмена между Россией и Китаем требуется создание трансграничной инфраструктуры нового поколения, подразумевающей строительство новых пропускных приграничных пунктов, модернизацию Транссибирской магистрали, строительство связующих автомагистралей и мостов через реку Амур.

Россия и Исламский мир

Геополитические перспективы исламского мира связаны, в первую очередь, с Ираном, обладающим потенциалом для ядерного сдерживания и геополитической идентичностью, отвергающей ценности западной цивилизации [9].

В 2023 г. Иран увеличивает военное присутствие вблизи Панамского пролива, а США, в свою очередь, форсируют развитие военного конфликта Израиля с Ираном и усиливают свое влияние в Армении, имеющей сухопутную границу с Ираном.

Геополитические предпосылки Турции, контролирующей ключевые морские проливы между Европой и Азией, связаны с формированием тюркского мира, а политические амбиции Турции – с претензией на статус одного из лидеров исламского мира. Геополитическая идентичность Турции характеризуется приверженностью торговым ценностям карфагенского типа, что предопределяет возможность ее сближения с США и их сателлитами.

Стратегической целью развития совместной внешнеполитической деятельности России и Ирана является создание Организации по безопасности и сотрудничеству в зоне Персидского залива. На пути к указанной цели, являясь сторонником присоединения Ирана к БРИКС и посредником в разрешении конфликта Ирана и Израиля, Россия может поэтапно решать задачи по развитию военно-технического сотрудничества и двусторонней беспешлинной торговли с Ираном.

Россия и индо-тихоокеанский союз

Уровень экономического развития Индии, членство в БРИКС, наличие ядерного потенциала, численность населения и срединное положение в индо-тихоокеанском регионе позволяют рассматривать ее как геополитический центр индо-тихоокеанского союза.

В условиях формирования полюсов многополярного мира Япония будет стремиться заимствовать геополитическую концепцию США для доминирования в индо-тихоокеанском регионе в противовес Индии. Наличие территориальных споров между Индией и Китаем затрудняет развитие БРИКС по пути военного блока и системы международной безопасности.

Становление индо-тихоокеанского союза с геополитическим центром в Индии во многом связано с развитием стратегического сотрудничества с Россией и реализацией совместных российско-индийских проектов, в том числе на Дальнем Востоке и Курильских островах.

Развитие международных отношений России и Индии, являющейся центром мировой торговли¹, имеет положительную перспективу в связи с общим видением евразийского пути развития России и формирования индо-тихоокеанского союза государств вокруг Индии. Приоритетным направлением сотрудничества России и Индии является развитие оборонного партнерства, в том числе в контексте рисков, связанных с политикой Японии.

Проблемы, возникающие вследствие санкционной политики Запада, в том числе ограничение поставок запасных частей в Россию, могут быть решены посредством укрепления экономических связей с Индией. При условии присоединения России к Индо-Тихоокеанской экономической структуре (ИТЭС), будет обеспечена прямая логистика согласованных сторонами товаров из Индии в Россию на принципах свободной торговли.

Россия и КНДР

Помимо очевидного приоритетного направления развития международных отношений между Россией и КНДР в области военно-технического сотрудничества, высокий уровень исполнительской культуры и правовые традиции

¹ В Индии проживает 65 процентов населения мира, на его долю приходится 63 процента мирового ВВП и 46 процентов мировой торговли.

КНДР в области борьбы с коррупцией предопределяют положительную перспективу сотрудничества России и КНДР в области строительства инфраструктурных объектов в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях Российской Федерации.

Для обеспечения безопасности инфраструктурных объектов в указанных субъектах Российской Федерации по соглашению России и КНДР на указанных территориях может быть размещен военный и правоохранительный контингент КНДР.

Заключение

Геополитические интересы Российской Федерации в Евразии связаны с институционализацией региональных систем многополярного мира: русский мир, глобальный Китай, исламский мир, индо-тихоокеанский союз и западноевропейский союз.

Характеристики качественного пространства России являются объективными предпосылками перехода к новому типу обеспечения региональной безопасности, подразумевающей переход от концепции обороны государства к концепции стратегической военной безопасности, основанной на принципах упреждающего сдерживания.

Переход к новому типу обеспечения региональной безопасности открывает перспективу концентрации государственных управленческих ресурсов на развитие стратегических внешнеэкономических связей России в области трансфера технологий, энергетического сотрудничества, экспорта сельскохозяйственных культур.

Литература

1. Алексеенко О.А., Ильин И.В. Роль и место БРИКС в процессе формирования полицентричной модели современного мироустройства. Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества / Сборник научных трудов участников конференции IV международной научной конференции «Актуальные проблемы глобальных исследований: формирование полицентричной модели современного мироустройства» под редакцией И.В. Ильина / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2016.
2. Базавлук С.В., Курьлев К.П., Савин Л.В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2022. Т. 22, № 1. С. 30–42.
3. Гареев М.А., Дербин Е.А., Турко Н.И. Дискурс: методология и практика совершенствования стратегического руководства обороной страны с учетом характера будущих войн и вооруженных конфликтов // Вестник Академии военных наук, 2019. № 1(66). С. 4–13.
4. Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Развитие и развивающиеся страны: к общей цели на разных скоростях // Russian Journal of Economics and Law, 2022. V. 16. № 2. С. 229–244.
5. Миронов А.В. Новая социальная реальность и кризис социально-гуманитарного образования // Общество и право, 2005. № 1(7). С. 151–159.
6. Михайленок О.М. Стратегия политического управления в глобальном мире. Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы / Материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием / Московский пе-

дагогический государственный университет. – М.: МПГУ, 2019.

7. Капицын В.М., Шапаров А.Е. Инокультурные иммигранты в политической повестке Дании // Вестник Института социологии, 2021. Т. 12. № 4. С. 42–66.
8. Кореньков И.О., Иванов А.В. Сравнительный анализ стратегий национальной безопасности России и США // Дельта науки. – 2022. – № 1. – С. 25–30.
9. Модестов С.А. Геополитика ислама. М.: Молодая гвардия, 2003.
10. Панин Е.В., Матюхин А.В. Образование – фактор «мягкой силы». Проблемы обучения иностранцев в СССР/России // Обозреватель, 2021. № 2(373). С. 107–115.
11. Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2023 № 111 «О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302210001?ysclid=lei5rl787x331103806> (дата обращения: 24.02.2023).
12. Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С. Социально-экономические предпосылки и последствия «цветных революций» // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2017. № 1. С. 7–21.
13. Хазин назвал условие, при котором попытки Запада ограничить цены на нефть будут лишены смысла [Электронный ресурс] URL: <https://www.belta.by/world/view/hazin-nazval-uslovie-pri-kotorom-popytki-zapada-ogranichit-tseny-na-neft-budut-lisheny-smysla-540628-2022/> (дата обращения: 17.02.2023).
14. Чумаков А.Н. Глобальный мир в аспекте российского и китайского восприятия // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика, 2020, № 2. С. 35–48.

STRATEGIC DIRECTIONS OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN A MULTIPOLAR WORLD: GEOPOLITICAL APPROACH

Grebnev R.D.

Peoples' Friendship University of Russia, The Russian Federation Academy of Military Sciences

The article considers strategic directions of the foreign policy of the Russian Federation in the context of Russia's geopolitical interests in a multipolar world. A general conclusion is made that the geopolitical interests of the Russian Federation in Eurasia are associated with the institutionalization of regional systems of the multipolar world: the Russian world in the format "Russia plus Eastern Europe and Central Asia", global China, the Islamic world, the Indo-Pacific Union and the Western European Union.

The article substantiates the prerequisites and proposes a transition to a new type of regional security: from the concept of state defense to the concept of strategic military security based on the principles of preemptive deterrence. The transition to a new type of ensuring regional security opens the prospect of concentrating state management resources on the development of Russia's strategic foreign

economic relations in the field of technology transfer, energy cooperation, export of agricultural crops, etc.

Keywords: multipolarity, geopolitics, Eurasianism, regional security, economic security, preemptive containment.

References

1. Alekseenko O.A., Ilyin I.V. The role and place of BRICS in the process of forming a polycentric model of the modern world order. Global processes and new formats of multilateral cooperation / Collection of research papers of the IV international scientific conference "Actual problems of global studies: the formation of a polycentric model of the modern world order" edited by I.V. Ilyin / M.V. Lomonosov Moscow State University. – М.: Interregional public organization for the promotion of the study, promotion of the scientific heritage of N.D. Kondratieva, 2016.
2. Bazavluk S.V., Kurylev K.P., Savin L.V. Eurasianism, the EAEU and multipolarity: assessments of foreign experts // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations. – 2022. – Т. 22. – No. 1. – pp. 30–42.
3. Gareev M.A., Derbin E.A., Turko N.I. Discourse: methodology and practice of improving the strategic leadership of the country's defense, considering the nature of future wars and armed conflicts // Bulletin of the Academy of Military Sciences. – 2019. – No. 1 (66). – pp. 4–13.
4. Grinin L.E., Korotaev A.V., Malkov S. Yu. Developed and developing countries: towards a common goal at different speeds // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – V. 16. – No. 2. – pp. 229–244.
5. Mironov A.V. New social reality and the crisis of social and humanitarian education // Society and Law. – 2005. – No. 1 (7). – pp. 151–159.
6. Mikhailenok O.M. Strategy of political management in the global world. Trajectories of Russia's Political Development: Institutions, Projects, Actors / Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of RAPN with International Participation / Moscow State Pedagogical University. – М.: MSPU, 2019.
7. Kapitsyn V.M., Shaparov A.E. Foreign cultural immigrants in the political agenda of Denmark // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2021. – Т. 12. No. 4. pp. 42–66.
8. Korenkov I.O., Ivanov A.V. Comparative Analysis of National Security Strategies of Russia and the USA // Delta of Science. – 2022. – No. 1. – pp. 25–30.
9. Modestov S.A. Geopolitics of Islam. – М.: Young Guard, 2003.
10. Panin E.V., Matyukhin A.V. Education is a soft power factor. Problems of teaching foreigners in the USSR/Russia // Obzrevatel. – 2021. – No. 2 (373). – pp. 107–115.
11. Decree of the President of the Russian Federation of February 21, 2023 No. 111 «On recognizing as invalid the Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 605 «On measures to implement the foreign policy of the Russian Federation» [Electronic resource], URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302210001?ysclid=lei5rl787x331103806> (accessed: 24.02.2023).
12. Filimonov G. Yu., Danyuk N.S. Socio-economic prerequisites and consequences of «color revolutions» // Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science. – 2017. – No. 1. – pp. 7–21.
13. Khazin called the condition under which the West's attempts to limit oil prices would be meaningless [Electronic resource]. URL: <https://www.belta.by/world/view/hazin-nazval-uslovie-pri-kotorom-popytki-zapada-ogranichit-tseny-na-neft-budut-lisheny-smysla-540628-2022/> (accessed: 17.02.2023).
14. Chumakov A.N. Global world in the aspect of Russian and Chinese perception // Bulletin of Moscow University. Series 27: Global studies and geopolitics. – 2020. – No. 2. – pp. 35–48.

Роль лингвистической компетентности в реализации международных коммуникаций

Игнатъева Ирина Валентиновна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры журналистики и маркетинговых технологий, Байкальский государственный университет (ФГБОУ ВО БГУ)
E-mail: irina.090@mail.ru

Трансформация и модернизация международных и общественных отношений, глобализация жизни общества, приоритет внешней политики в продвижении государственных интересов как России, так и других стран мира, обновление инструментов международных коммуникаций демонстрируют актуальность роли лингвистических знаний, умений и навыков иноязычной внешнеполитической коммуникации специалистов в сфере международных отношений, направленных на реализацию международных коммуникаций и создание продолжительных связей между государственными институтами, дипломатическим корпусом, лидерами государств и иными международными акторами с целью реализации различных международных инициатив, а также повышения имиджа стран.

Цель статьи состоит в анализе роли лингвистики в иноязычной международной коммуникации, направленной на осуществление внешнеполитической деятельности на современном этапе. В исследовании сделан вывод, что деятельность специалистов-международников представляет собой область международной коммуникации, а языковое разнообразие требует лингвистических решений, чтобы преодолеть лингвистический разрыв, проявляющийся при реализации международных отношений.

Ключевые слова: международные коммуникации, международные отношения, внешнеполитическая деятельность, лингвистическое сопровождение, официальный язык, рабочий язык.

Введение

Механизмы глобализации и ее последствия стали объектом тщательных исследований, дискуссий и споров среди ученых. Однако современные международные отношения все больше охватывают новые сферы общения, в том числе в тех отраслях, которые традиционно считались внутренне национальными, поэтому традиционные подходы и предметная модель подготовки будущих специалистов по международным отношениям не полностью отражают потребности реальной практики их профессиональной деятельности.

Язык является основным посредником в международном коммуникационном процессе. Знание иностранных языков становится важной предпосылкой для успешной профессиональной деятельности в мультикультурном социуме. Качество подготовки специалистов-международников является в значительной степени вопросом безопасности, эффективности политико-экономического и социокультурного развития страны.

Одним из препятствий при осуществлении их профессиональной деятельности в мультикультурном пространстве становится недостаточная языково-профессиональная подготовка, что приводит, по меньшей мере, к недоразумениям, возникновению конфликтных ситуаций, а в крайнем случае – к снижению темпов сотрудничества, увеличению срока выполнения контрактов, срыву договоров и тому подобное.

Анализ исследований и публикаций

Нет такого социального и в целом жизненного процесса, который не содержал бы многочисленных актов коммуникации и не зависел бы от них. Жизнь человека определяется его способностью к сложным актам общения, опосредованным языком и разнообразными технологиями, от ранних форм письма до теперешней электронной «цифры». Распространение международных контактов и изучение иностранных языков обуславливают интерес к международной коммуникации как научной и практической области, проблемы которой уже несколько десятилетий находятся в кругу исследовательских интересов.

Анализ литературы по вопросу, связанному с иноязычной коммуникацией специалистов-международников, показывает, что она всегда находится в стадии активного обсуждения: вопросы теоретических положений международной коммуникации и роли языка в ней [1, 2], роль текста как источника информации о культуре страны изучаемого языка в системе подготовки специалистов-международников и работников дипломатической службы [3] и т.д. В свою очередь, в последнее время активизировались исследования по иноязычным коммуникациям и переводу, их роли в истории и принципах использования в мировых международных отношениях, роли лингвистического сопровождения и перевода в осуществлении современной дипломатической практики [4].

Целью исследования является анализ роли лингвистики в иноязычной международной коммуникации, направленной на осуществление внешнеполитической деятельности на современном этапе. Ведь способность

специалистов-международников к общению и сотрудничеству с людьми разных культур при реализации международной деятельности, а также как в двусторонних и/или многосторонних дипломатических отношениях приобретает чрезвычайное значение. И это является одной из главных задач, поскольку именно достаточный уровень иноязычной коммуникативной компетенции позволит специалисту-международнику надлежащим образом выполнять свои профессиональные обязанности и решать ситуации, возникающие при исполнении профессиональных обязанностей в иностранной стране.

Изложение основного материала исследования

Человечество решает проблемы коммуникации уже на протяжении многих тысячелетий. Эти проблемы сопровождают человека с его первых шагов, и решаются им быстрее или медленнее на разных этапах развития человеческой культуры и взаимоотношений между людьми. Исторически сложилось так, что человечество не имеет одного общего языка. Но человек не может существовать изолированно. С древнейших времен, люди пытались устанавливать контакты между собой. Так, первые посланники египетских фараонов, римские легаты, средневековые послы и т.д. должны были быть хорошо образованными и профессионально подготовленными людьми, владеть искусством красноречия и быть полиглотами [5].

Явление международных отношений и коммуникаций возникло на ранних этапах истории человечества и на протяжении исторического развития человеческой цивилизации претерпело значительную эволюцию. На рубеже XX и XXI веков, вследствие глобализации мирового сообщества, когда современные страны находятся в состоянии разнообразных и многогранных взаимодействий, значение международных отношений существенно возросло, в результате чего международные коммуникации приобрели статус важнейшего инструмента формирования и поддержания международных отношений. Сейчас одна из ведущих ролей в современном мире отводится таким процессам человеческой деятельности, которые связаны с определенными контактами между социальными группами разных стран, то есть с международными отношениями в широком смысле слова.

В реализации таких контактов – общении на международном уровне – в первую очередь принимают участие чиновники и специалисты по устному и письменному переводу, тем самым формируя команду для организации и поддержания плодотворных международных отношений.

Помимо понятия «международные отношения» широко употребляется и такое понятие как «внешняя политика». Каждая политическая единица, то есть государство, в пределах своих возможностей, экономических, социальных и этнических особенностей определяет для себя тактические и стратегические внешнеполитические цели. Деятельность, направленная на реализацию этих целей, и представляет собой суть «внешней политики». Таким образом, внешняя политика – это система действий международного актора, направленная на обеспечение влияния на поведение других субъектов международных отношений и приспособление к последствиям процессов международной системы [6]. Также можно отметить, что внешняя политика – это деятельность государства на международной арене, которая регулирует отношения с другими субъектами внешнеполитической деятельности: государствами, зарубежными партиями и другими общественными, общемировыми и региональными международными организациями.

В свою очередь, дипломатия как искусство осуществления международных отношений путем переговоров; совокупность средств, которые используют послы и посланцы с целью обеспечения переговорного процесса; труд или искусство дипломата является формальным способом общения между государствами [7]. Поскольку в большинстве случаев разные государства даже в пределах одной страны используют несколько языков, то обеспечение международных коммуникаций обычно требует использования общего языка, во избежание любых недоразумений на межгосударственном уровне. Такой общий язык, используемый в дипломатических целях, иногда называют «дипломатическим языком». В настоящее время термин «дипломатический язык» используют для обозначения трех различных понятий. В своем первом значении оно означает фактический язык (испанский, французский и английский), которым пользуются дипломаты в переписке или переговорах. Второе значение этого термина относится к набору слов и выражений, которые являются ядром дипломатического вокабуляра. В третьем и наиболее распространенном смысле этот термин используется для описания языка, который позволяет дипломатам выражать сложные или потенциально противоречивые идеи в вежливой форме [8].

Вопрос выбора языка для обеспечения и осуществления межгосударственных коммуникаций всегда беспокоил дипломатов, и в разные исторические времена официальные языки были разными, что объясняется ослаблением или усилением влияния того или иного государства на международной арене. Однако, английский язык всегда оставался приоритетным в мировой дипломатии, по использованию занимая первое место как среди народонаселения различных государств в целом, так и представителей элитных слоев общества. Помимо 375 миллионов носителей английского языка, около 1,1 миллиарда человек в мире владеют английским как вторым или иностранным языком. 51% населения Европы говорит на английском как на родном или иностранном языке. Поэтому, будучи гибким в отношении языковых вариаций, английский язык в глобальном смысле стал международным. Современное господство английского как мирового языка является бесспорным, ведь он имеет статус официального или рабочего в большинстве международных организаций [9].

Очевидно, что растущее разнообразие международных коммуникаций приводит, среди прочего, к постоянному увеличению количества языков, используемых в сфере многосторонней дипломатии, что иногда еще больше затрудняет общение, не всегда происходит адекватно, и иногда становится довольно дорогим явлением. Пытаясь собственным способом решить лингвистическую проблему, различные международные организации и организаторы многочисленных дипломатических конференций прибегают к услугам переводчиков (услуги синхронного перевода на конференциях и перевода огромного количества письменных материалов для международных организаций), впрочем, пытаясь сузить их работу до относительно небольшого количества языков – официальных или рабочих.

Конечно, помимо английского и французского, в наши дни в дипломатических целях используется ряд других языков, особенно в качестве рабочих, например, в международных организациях, которые берут на себя функции реализации многосторонней дипломатической деятельности, поскольку эти международные организации включают ряд государств-членов. В качестве примера такого многостороннего сотрудничества можно упомянуть Дунайскую комиссию, рабочими языками которой являются французский, немецкий и русский язы-

ки. Другим примером может быть Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК), которая использует арабский, английский и испанский языки в качестве рабочих языков. На встречах высокого уровня внеблоковых стран используются арабский, английский, французский и испанский языки [10]. В ООН, помимо двух ранее упомянутых языков, также официальными языками считаются арабский, китайский, русский и испанский; однако на пленарных заседаниях участники могут даже использовать свой родной язык. В этом случае, конечно, перевод выступления должен быть обеспечен хотя бы одним из рабочих языков ООН.

Доминирующая роль того или иного языка в дипломатии и международной деятельности обусловлена политическим, стратегическим, экономическим, культурным или иным доминированием того или иного государства на международной арене. Так, если дипломат хочет свободно общаться с другими полномочными представителями других государств, ему, в первую очередь, понадобится английский, а, возможно, пригодится и владение немецким и русским языками (в зависимости от подразделений дипломатического корпуса).

В свою очередь, использование языка в письменном дипломатическом общении обычно четко определено (чаще всего по двустороннему соглашению стран). В общем, выбор языка международного общения базируется на одном из фундаментальных принципов современного международного права – принципе суверенного равенства государств. В настоящее время существует несколько формул в применении этого принципа к лингвистическому вопросу, каждая из которых реализуется симметрично [7]:

а) каждая сторона выполняет корреспонденцию (ноты, письма и т.д.) на своем языке (например, министерство иностранных дел страны А, а также посольство страны А в столице страны Б пишут на языке страны А, в то время как министерство страны Б и их посольство в стране А проводят письменные сообщения на языке страны Б);

б) каждая сторона переписывается на языке другой стороны (противоположно практике а.);

в) переписка в каждой стране ведется на местном языке (например, обе стороны в стране А ведут переписку на языке страны А, а в стране Б – на языке страны Б);

г) обе стороны используют третий, взаимосогласованный язык – например, русский, французский и т.п.

Другим проблемным явлением, хорошо известным всем дипломатам и/или специалистам-международникам, имеющим опыт работы в международных организациях или участвовавшим в различных многосторонних конференциях, являются делегаты, которые не владеют ни одним из официальных или рабочих языков, иногда вообще стесняются брать слово, таким образом, значительно уменьшая вклад собственной делегации и тем самым теряя потенциальную ценность достигнутого результата встречи.

Конечно, любой дипломат и/или специалист по международным отношениям имеет свободный выбор использовать любой из языков, на которых он может свободно общаться, особенно если он хорошо осведомлен о том, какой языковой подготовкой обладает его собеседник. В некоторых случаях для принятия правильного решения по использованию языка нужно прибегать к дипломатическому подходу – иногда целесообразным является сделать выбор в пользу того языка, уровень владения которым значительно ниже. Например, специалисту по международным отношениям и/или дипломатической службе, который очень хорошо общается на иврите, лучше не использовать этот язык в коммуникациях

с арабским дипломатом. В то же время знаком доброй воли, вежливости или особого уважения будет поздравление собеседника на его родном языке. К этому приему прибегают многие государственные деятели и руководители дипломатических делегаций, которые совершают рабочие визиты в другие страны или участвуют в международных конференциях, тем самым выражая свое уважение председателю мероприятия или стране, в которой проходит конференция [8].

Другой способ достижения взаимопонимания в сфере международных коммуникаций заключается в желании одной из сторон-международных акторов использовать родной язык своего партнера, что тем самым означает, что последний соглашается и готов к некоторым недостаткам во время общения, поскольку степень иноязычной коммуникационной компетенции не всегда равна уровню носителя языка. Как носитель языка человек может гораздо лучше осознавать «скрытые» коннотативные значения и определенные значения выражений, а в случае использования неродного/иностранного языка они могут легко выходить из поля зрения [7].

Способом преодоления языковых барьеров в международных коммуникациях является взаимное согласование по использованию третьего языка, то есть языка-посредника, которым никто из участников не владеет на уровне носителя языка. Это, в свою очередь, приводит к ситуации, когда теоретически ни одна из сторон-участниц международного взаимодействия не имеет несправедливого преимущества в отношении языковой компетенции. Конечно, в случае, если одна из сторон (или обе) не владеют языком-посредником на достаточном уровне, это, в свою очередь, может привести к ряду недоразумений. Тем не менее, в настоящее время это один из распространенных методов в практике как международного, так и дипломатического общения, особенно в менее формальных случаях [10].

Особым способом решения вопроса использования разных языков является применение переводчиков, людей, которые являются посредниками между коммуникаторами. Это может происходить в тех случаях, когда либо участники коммуникативной ситуации не владеют общим для обеих сторон языком, либо они намеренно не хотят напрямую общаться, используя общий язык. Согласно дипломатическому протоколу, высокопоставленные государственные деятели, главы государств должны использовать свой родной язык в определенных официальных случаях, а применение переводчиков является распространенной тактической практикой дипломатических переговоров.

Выводы

Таким образом, важным направлением профессиональной подготовки специалистов в сфере международных отношений является их подготовка к профессиональной карьере. Речь идет не только о «классических» характеристиках международного специалиста высокого класса, который в совершенстве разбирается во всех особенностях внешней политики своего государства и других стран, владеет родным, английским, языком страны пребывания, ораторским искусством, дипломатическим красноречием, искусством эристики, диалогической речью; имеет хорошо сформированные риторические умения, умеет анализировать информацию; всегда действует в правовом поле; глубоко понимает цели, задачи и особенности внешнеполитического курса своей страны, умеет предвидеть последствия действий, прогнозировать тенденцию развития ситуации, использовать их в повседневной дипломатической работе и тому подобное.

Деятельность специалистов-международников представляет собой также область международной коммуникации. Выполнение ими своих профессиональных обязанностей требует сформированности знаний о специфике общения с международными партнерами, в частности сформированном комплексе компетенций (лингвистической, коммуникативной, аналитической и лингвострановедческой), что делает возможным адекватное понимание зарубежных партнеров, пользуясь как вербальными, так и невербальными средствами общения, характерными для другой культуры.

Следовательно, специалисты по международным отношениям и работники дипломатической службы должны отличаться умениями и навыками конструировать профессиональный диалог с представителями других культур и презентовать результаты собственной деятельности на международном уровне, в частности, посредством владения иностранными языками на уровне, что дает возможность осуществлять профессиональную деятельность, участвовать в международных дискуссиях по профессиональной проблематике с учетом контекстуальной значимости ситуации, особенностей языковой картины мира страны пребывания, лингвистических и экстралингвистических факторов, которые определяют ведение переговоров.

Литература

1. Большунова С.А., Воеводина Е.В., Дягилев В.В., Зеленков М.Ю., Кушнир Д.Ю., Озеров А.А., Проскурина А.С., Тен Ю.П., Тюриков А.Г. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: МОДЕЛИРОВАНИЕ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ДОВЕРИЕ / Монография. Сер. Научная мысль. 2023.
2. Исакжанова И.П., Заббарова М.Г. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2023. № 1. С. 53–58.
3. BUTSKAYA O.N., PAKHOMOVA I.N., BRICHENKOVA E.S. Modern Trends in Changing the Communicative Norms of Diplomatic Discourse // Revista Entrelenguas. 2021. V.7. № S4. URL: <https://periodicos.fclar.unesp.br/entrelenguas/article/view/15654/11710> (Дата обращения 12.03.2023)
4. Кожетева А.С. Языковая объективация адресата и адресанта в дипломатическом дискурсе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 255–258.
5. Faizullaev A. Diplomatic Interactions and Negotiations// Negotiation Journal. 2014. Vol. 30(3). pp. 275–299.
6. Ismailov F., Rayeva G., Koblanova A., Yelikbayev B., Yessenova K. Analysis of political and diplomatic language in linguistic, cognitive and pragmatic aspects// Opción. 2020. Vol. 91. pp. 803–819
7. Шорохова И.В. А. Н. ТИМОНЕН: ОТ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ДИАЛОГУ КАРЕЛИИ И ФИНЛЯНДИИ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 54–61.
8. Терентий Л.М. Специфика дипломатического дискурса как формы коммуникации// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 10. Т. 54. С. 7–11.

9. Crystal D. English as a global language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
10. Coleman K. Locating Norm Diplomacy: Venue Change in International Norm ‘Negotiations’// European Journal of International Relations. 2013. Vol. 19(1). pp. 163–186.

THE ROLE OF LINGUISTIC COMPETENCE IN THE IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL COMMUNICATIONS

Ignatyeva I.V.

Baikal State University (BSU)

The transformation and modernization of international and public relations, the globalization of society, the priority of foreign policy in promoting the state interests of both Russia and other countries of the world, the renewal of international communication tools demonstrate the relevance of the role of linguistic knowledge, skills and skills of foreign-language foreign policy communication specialists in the field of international relations, aimed at the implementation of international communications and the creation of long-term ties between state institutions, the diplomatic corps, state leaders and other international actors in order to implement various international initiatives, as well as improve the image of countries. The purpose of the article is to analyze the role of linguistics in foreign-language international communication aimed at the implementation of foreign policy activities at the present stage. The study concludes that the activities of international specialists are an area of international communication, and linguistic diversity requires linguistic solutions to overcome the linguistic gap that manifests itself in the implementation of international relations.

Keywords: international communications, international relations, foreign policy, linguistic support, official language, working language.

References

1. Bolshunova S.A., Voevodina E.V., Diaghilev V.V., Zelenkov M. Yu., Kushnir D. Yu., Ozerov A.A., Proskurina A.S., Ten Yu.P., Tyurikov A.G. INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE GLOBAL WORLD: MODELING, EFFICIENCY, TRUST / Monograph. Ser. Scientific thought. 2023.
2. Isakzhanova I.P., Zabbarova M.G. INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE PROCESS OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE // Economic and humanitarian studies of regions. 2023. No. 1. pp. 53–58.
3. BUTSKAYA O.N., PAKHOMOVA I.N., BRICHENKOVA E.S. Modern Trends in Changing the Communicative Norms of Diplomatic Discourse // Revista Entrelenguas. 2021. V.7. № S4. URL: <https://periodicos.fclar.unesp.br/entrelenguas/article/view/15654/11710> (accessed 12.03.2023)
4. Kozheteva A.S. Linguistic objectification of the addressee and addressee in diplomatic discourse // Theory and practice of social development. 2014. No. 1. pp. 255–258.
5. Faizullaev A. Diplomatic Interactions and Negotiations// Negotiation Journal. 2014. Vol. 30(3). pp. 275–299.
6. Ismailov F., Rayeva G., Koblanova A., Yelikbayev B., Yessenova K. Analysis of political and diplomatic language in linguistic, cognitive and pragmatic aspects// Opción. 2020. Vol. 91. pp. 803–819
7. Shorokhova I.V. A. N. TIMONEN: FROM SOVIET CULTURAL DIPLOMACY TO INTERCULTURAL DIALOGUE OF KARELIA AND FINLAND // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. 2023. Vol. 45. No. 1. pp. 54–61.
8. Terenty L.M. The specifics of diplomatic discourse as a form of communication// Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2010. Issue 10. Vol. 54. pp. 7–11.
9. Crystal D. English as a global language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
10. Coleman K. Locating Norm Diplomacy: Venue Change in International Norm ‘Negotiations’// European Journal of International Relations. 2013. Vol. 19(1). pp. 163–186.

Манукян Артак Ростомович,

старший преподаватель кафедры государственного управления МГИМО МИД России
E-mail: a.manukyan@inno.mgimo.ru

Образование играет важную роль в современном обществе, так как по традиции выступает в качестве института передачи знаний. Однако в многополярном мире его роль в значительной степени расширяется. Образование стало неотъемлемым элементом и формой внешнеполитической стратегии, прочно вошедшей во внешнеполитический арсенал многих государств. В данной статье была рассмотрена роль образования как одной из ведущих сфер общества, активно применяющих политику «мягкой силы» в современном мире. В отечественных исследованиях по вопросам политологии данный вопрос пока не получил должного освещения. Это связано с некоторой задержкой признания Россией концепции «мягкой силы» как серьезного инструмента, влияющего на международную политику.

В статье также подчеркивается тот факт, что система образования сегодня тесно переплетается как с внутренней, так и с внешней политикой страны. Выдвинуто предположение, что современное образование все больше выполняет политико-образующую функцию, тем самым привлекая специалистов в области международных отношений и мировой политики.

Ключевые слова: образование, «мягкая сила», международные отношения, мировая политика, университет, модель глобального научно-исследовательского университета, Болонский процесс, сетевой университет.

Введение

На протяжении всей истории любое государство, стремящееся к саморазвитию, сталкивалось с новыми вызовами. Так, наблюдая за становлением Римской империи можно сказать, что без появления науки, которая не сразу была воспринята как некий инструмент, открывающий новые горизонты развития общества, а вследствие и государства в целом, данное государство не достигло бы таких масштабов развития. Современное же сознание прочно связало достижения науки с изобретениями в области техники, а технический процесс – с прогрессом общественно-историческим. В современном мире наука не только определяет прогресс страны в различных отраслях, но и само развитие техники, технологий, в свою очередь, обуславливает направление научного поиска и служит развитию науки. Рассуждая на тему образования и науки в целом, а в частности рассматривая Россию, с уверенностью можно сказать, что образование сыграло важнейшую стратегическую роль в двадцатом веке. Так, после запуска Советским Союзом первого в мире спутника, а затем и космонавта в космос, в США отметили, что СССР угрожает Штатам не оружием, а системой образования. Уже тогда образование заняло устойчивую позицию на пути развития в качестве инструмента «мягкой силы».

Объекты и методы исследования

В настоящее время растет число стран, которые считают, что образование является наилучшим способом продвижения своих национальных интересов на мировой арене. Кроме того, успешная национальная система образования может способствовать созданию более благоприятного и прочного имиджа среди международной аудитории, что еще больше укрепит «мягкую силу» страны. Любое государство стремится укрепить свои позиции и престиж на международной арене, а также создать благоприятные условия для своего долгосрочного социально-экономического развития. Для достижения этих целей государство использует разнообразные внешнеполитические инструменты как «жесткой», так и «мягкой силы». Тема «силы» и влияния всегда являлась одной из самых актуальных в теории международных отношений. В своих работах к ней обращались представители всех теоретических школ: реализма, либеральной традиции, геополитики, структурализма. О природе силы международных акторов писали: Г. Моргентау [20], К. Кнорр [17], Дж. Миршаймер [19], Р. Клайн [10], К. Уолтц [25], Г. Киссинджер [16], У. Фулбрайт [12] и др. Нюансы феномена «силы», который может выражаться также в форме власти, влияния, мощи, получили теоретическое развитие в работах А. Уолферса [26], Дж. Харта [14], Р. Арона [8]. Значительный вклад в осмысление трансформаций, произошедших с феноменом «силы» в международных отношениях, с наступлением эпохи глобализации внесли исследования Р. Кохейна и Дж. Ная [15], Д. Болдуина [9], С. Стрендж [23]. Среди российских теоретиков, изучавших феномен «силы» в международных отношениях, особо следует выделить П.А. Цыганкова, который вел систематическую работу по обобщению зарубежных и отечественных теоретических исследований феномена силы [7].

Образование как инструмент «мягкой силы»

Следует сказать, что культура и образование в современном мире становятся одним из самых эффективных инструментов «мягкой силы». Лидерство на мировой арене все больше определяется не только наличием ядерного потенциала или большой численностью живой силы, но и способностью государства представить миру новые достижения в области науки, затрагивающей все сферы деятельности. С уверенностью можно сказать, что исключительно развитая система образования, отвечающая новым вызовам современности, а также требованиям инновационной высокотехнологичной экономики, интегрированная в международное образовательное и научное пространство, может стать одним из важнейших конкурентных преимуществ современного государства в так называемой «глобальной гонке умов», тем самым привлекая наиболее талантливую молодежь, стремящуюся к совершенствованию различных отраслей науки. Все это может привести исключительно к положительным тенденциям развития различных процессов как внутри страны, так и на международной арене. В этой связи необходимо помнить, что развитие системы образования не должна замыкаться на «внутреннем» пользователе. Если говорить об образовании как инструменте «мягкой силы», то следует продвигать образовательные продукты, привлекая больше иностранных государств-партнеров. Ведь успешные иностранные студенты, которые вместе с изучением языка будут постепенно знакомиться с достижениями науки и культуры принимающей страны, вернувшись с приобретенными знаниями и личными отношениями, должны стать эффективными передатчиками языка и культуры той страны, где они учились. В результате, эффективность воздействия на внешний мир с помощью национального образования, как инструмента «мягкой силы» значительно выше, чем с помощью военной силы или других средств. Следует также подчеркнуть, что система образования сегодня тесно переплетается как с внутренней, так и с внешней политикой страны. Предполагается, что современное образование все больше выполняет политико-образующую функцию, тем самым привлекая специалистов в области международных отношений, мировой политики, а если говорить об организационно-правовых нормах, то и специалистов в области международного права. Также известно, что система образования благоприятно влияет на экономическое и политическое положение страны, в то время как «деградация» образовательной сферы может привести, в конечном счете, к деградации общества в целом, а страны в частности. Рассматривая образование, как инструмент «мягкой силы» стоит отметить, что «мягкая сила – это способность государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, политического курса и эффективности политических институтов» [21]. Исходя из этой стратегии можно сказать, что она включает в себя такие инструменты позиционирования страны на международной арене, как экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей.

Роль и место экспорта образовательных услуг во внешней политике стран

Сегодня, лидерство стран в подобном контексте невозможно без опережающего развития человеческого потенциала. Конкуренция ценностей и моделей общественного, государственного и социально-экономического разви-

тия – один из ключевых трендов современности. Большинство быстро развивающихся стран (Россия, Китай, Индия) в процессе перехода к инновационной модели экономики, особое внимание уделяют модернизации и интернационализации национальных систем образования [1]. Согласно указу Президента от 05 сентября 2022 года № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», задачами гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом являются: популяризация отечественных достижений в области культуры, науки, образования, спорта, информационно-коммуникационных технологий», «повышение конкурентоспособности отечественного образования и использование его потенциала для расширения российского гуманитарного влияния в мире», «развитие международного сотрудничества в области культуры, науки, образования, спорта и туризма» [6]. В том числе «одним из приоритетов России в международных отношениях является отстаивание в рамках международных универсальных и региональных организаций значимости общечеловеческих ценностей и международного гуманитарного сотрудничества» [6].

Не стоит забывать о том, что сегодня значительно повысилась конкуренция между национальными университетами, так как практически все вузы учувствуют в «гонке» за лучшими абитуриентами. И, конечно же, в России конкуренция уже вышла за границы страны. С уверенностью можно сказать, что конкуренция не только с учебными заведениями США и Великобритании, где образование гораздо дороже, но и с вузами Центральной и Восточной Европы, где оно дешевое. Безусловно, российская высшая школа, с ее традициями и опытом, находится сегодня в системе координат общемирового образовательного пространства. Это означает, что необходимо развивать многоплановые связи с зарубежными вузами, создавать новые сетевые программы, привлекать зарубежных преподавателей и продвигать опыт обмена профессуры [3]. В результате процессов глобализации и интернационализации образовательных продуктов за последние десятилетия возросла политическая, экономическая и социальная роль университетов. Практически во всем мире получила широкую популярность модель глобального научно-исследовательского университета (global research university), в рамках которой университеты становятся игроками не только в контексте производства новых знаний, но и в их распространении и использовании через инновационную деятельность [2]. Своевременное осознание влияния образования на мировые политические процессы, североамериканские университеты стали мировыми лидерами по привлечению иностранных студентов, тем самым образовав студенческую мобильность. По данным ЮНЕСКО, в 2007 г. вузы США приняли наибольшее количество иностранных студентов – 595 900 человек, 21,3% от общего числа иностранных студентов в мире. Значительное количество иностранных студентов обучалось в Великобритании – 351 500 человек (соответственно 12%). Третье место принадлежит Франции – 246 600 человек (9%), за тройкой лидеров следуют Австралия – 211 500 человек, Германия – 206 900 человек, Япония – 125 900 человек, Канада – 68 500 человек, Южная Африка – 60 600 человек, Россия – 60 300 человек и Италия – 57 300 человек [13].

Не маловажным является тот факт, что распределение иностранных студентов по мировым образовательным центрам происходит не только за счет привлекательности той или иной образовательной программы. В данном случае речь идет о неакадемических факторах, таких как стоимость проживания, условия получе-

ния студенческих виз, уровень толерантности общества в принимающей стране и условий интеграции в него [24]. Нельзя не упомянуть и политику ЕС, направленную на создание Европейского пространства высшего образования (Болонский процесс). Изначально Болонский процесс имел два трека: внутренний и внешний. Его задача заключалась в повышении качества высшего образования в Европе, в повышении эффективности образовательной деятельности университетов для нужд экономики, основанной на знаниях, и создания новой идентичности «европейского студента». В контексте «мягкой силы», Болонский процесс отражает роль и социально-политические функции университетов. Иными словами, университеты стали некой отправной точкой при формировании процессов современного высшего образования. Согласно основополагающим документам («*Magna Charta Universitatum*» [18], «Сорбонская декларация» [22] и «Болонской декларации»), выделялись некоторые критерии к университетам: автономность, означающая независимость от политических догм, единый курс образовательной и исследовательской деятельности и другие. Внешнее же измерение Болонского процесса направлено на некую борьбу за лучших студентов и преподавателей на международном образовательном рынке посредством повышения привлекательности европейской системы образования, а также к «интернационализации образования в Европе» [11].

Образовательный потенциал и ресурс «умов» в России, традиционно ставится во главу развития страны в целом, каждой её отрасли в частности, как отмечается неоднократно Президентом России В.В. Путиным: «Главная надежда России – это высокий уровень образования населения, и прежде всего – нашей молодёжи. Это именно так – даже при всех известных проблемах и нареканиях к качеству отечественной образовательной системы. Среди наших граждан в возрасте 25–35 лет высшее образование имеют 57 процентов – такой уровень кроме России отмечают всего в трех странах мира: Японии, Южной Корее и Канаде. Взрывной рост образовательных потребностей продолжается: в следующем поколении (15–25 лет) в пору говорить всеобщем высшем образовании – его получает или стремится получить более 80 процентов юношей и девушек» [5]. Конкурентоспособность российской системы образования может быть повышена за счет реализации эффективной стратегии экспорта образовательных услуг. В первую очередь можно говорить о пространстве СНГ, где Россия обладает существенным преимуществом для привлечения иностранных учащихся. Развитие двусторонних и многосторонних отношений с Бразилией, Индией и Китаем, в том числе в рамках БРИКС, создаст дополнительные возможности для укрепления экспорта российских образовательных продуктов на мировом рынке образования и интеграции российского образования в мировое образовательное пространство [4]. Необходимо отметить, что задачи и основные направления гуманитарной политики России за рубежом утверждено Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», от 05 сентября 2022 года [6]. В частности, в разделе «Продвижение российской науки и образования за рубежом» обусловлены основные цели и задачи: «основным направлением гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом в области науки и образования является повышение конкурентоспособности российского образования, научных исследований и разработок, продвижение их на мировом рынке»; «важно добиваться признания российских научно-образовательных проектов в международном образо-

вательном пространстве, способствовать продвижению российских образовательных услуг на мировом рынке, расширению сети русских школ за рубежом, увеличению объемов подготовки иностранных специалистов в российских образовательных организациях высшего образования, в том числе на некоммерческой основе, повышая привлекательность российского образования. Особого внимания требует усиление роли российских образовательных организаций высшего образования в рамках сетевых образовательных проектов (Сетевого университета СНГ, Сетевого университета БРИКС, Университета ШОС и других) [6]. В том числе в документе упоминается о том, что необходимо взаимодействовать с выпускниками российских образовательных организаций высшего образования гражданами иностранных государств, которые составляют политическую, интеллектуальную элиту данных государств. Именно выпускники, в частности, могут послужить инструментом не только продвижения российских образовательных продуктов, но и благоприятно влиять на взаимное гуманитарное сотрудничество двух и более стран, если рассматривать многосторонние межгосударственные отношения.

Стоит отметить, что у России есть положительный опыт в области создания сетевого университета стран СНГ. Целью его создания являлась разработка и внедрение единого образовательного пространства государств-участников СНГ. Так, в 2008 году, инициатором проекта выступил РУДН и в консорциум Сетевого университета вошли 16 ведущих вузов из 8 стран: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Украины. На данный момент в состав Консорциума входят **38** ведущих университетов из девяти государств-участников СНГ: Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Украины. Существует, в том числе и Университет ШОС, где на паритетных началах ведется совместная работа между университетами стран участниц. С учетом данного положительного опыта, в качестве перспективного проекта, видится необходимость создать Евразийского университета, который готовил бы специалистов разного профиля, в том числе в области интеграции для стран Евразийского союза. Данный проект будет особенно важен для России, так как речь идет о соседних государствах, объединенных общим историческим прошлым, подавляющее население которых говорит на русском языке.

Заключение

Делая некоторые выводы, можно с уверенностью сказать, что роль и место экспорта образовательных услуг, а также высшего образования и науки в качестве инструмента «мягкой силы» во внешней политике разных стран, а в частности России, достаточно велика. Современная политическая картина мира является сложной и противоречивой, учитывая тот факт, что постоянно претерпевает изменение социально-политическая организация человечества, появляются новые механизмы, которые позволяют развивать и совершенствовать взаимоотношения между странами и народами. Так же можно проследить, как хронологически изменялась жизнь общества, исходя из разных подходов к международным отношениям, к примеру. После изучения всех вышеуказанных понятий и теорий становится понятно, что в контексте мировой политики, международных отношений в каждый временной период возникали новые механизмы, которые позволяют совершенствовать взаимодействие между государствами. Так,

наряду с остальными, выделяется экспорт образования, образовательных продуктов. На сегодняшний день, участие Российской Федерации в контексте международного сотрудничества в сфере образования достаточно велика. Реализовывается ряд федеральных и национальных проектов, в том числе «Экспорт образования», «Образование», в котором также содержатся задачи по продвижению и повышению рентабельности российских образовательных продуктов и привлечению иностранных студентов. В данном параграфе работы также отражены некоторые аспекты правового обеспечения и регулирования процесса экспорта образовательных продуктов. Так же затронуты вопросы административных барьеров, которые препятствуют реализации поставленных целей. Делая выводы, можно с уверенностью сказать, что роль экспорта образования во внешней политике России достаточно велика, но при этом сохраняется необходимость совершенствовать как саму систему образования в целом, так и механизмы реализации поставленных целей.

Стоит также отметить, что в настоящее время все чаще государство рассматривает образование как некое долгосрочное инвестирование в развитие страны. Учитывая тот факт, что конкурентоспособность страны, в том числе, определяет ее место в мировой экономике. Так, затраты государства на образование следует рассматривать как инвестиции, ибо текущие издержки осуществляются с тем расчетом, что эти затраты будут многократно компенсированы возросшим потоком доходов в будущем, несмотря на двойственный характер инвестирования в образование. Двойственность заключается в том, что с одной стороны это потребление, с другой инвестиция. Необходимо понимать, что хоть образование и является неким инструментом для развития страны в целом, и рассматривается как услуга, ключевым показателем является то, что услуга исчезает в момент потребления, тогда как инвестиция дает результат.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Правительство РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/aa00FKSheDLiM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).
2. Концепция развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации на период до 2015 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902282881?ysclid=lant0of99b746936650> (дата обращения: 01.11.2022).
3. Пресс-конференция ректора МГИМО, академика РАН, доктора политических наук Анатолия Васильевича Торкунова. Тема: Как университетам России добиться признания на глобальном рынке высшего образования. Новости дня в России и мире // РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/photoreport/23/05/2012/5703f7ec9a7947a-c81a683c0?ysclid=lansuqxy61107184562> (дата обращения: 01.11.2022).
4. Приглашение к дискуссии: Проект Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2010. № 1 (27). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iorj.hse.ru/da-ta/2011/01/18/1208078939/Concept_for_Exporting.pdf?ysclid=lantt0gb9f67399443 (дата обращения: 01.11.2022).
5. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/01/16/statya.html?ysclid=lantmadz-rv306989670> (дата обращения: 01.11.2022).
6. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019> (дата обращения: 01.11.2022).
7. Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. – М.: Радикс, 1994. – 318 с.
8. Aron R. Paix et Guerre entre les nations. Avec une presentation inedite de l'auteur. – Paris: Calmann-Levy, 1984. – 832 p.
9. Baldwin D. Power Analysis and World Politics: New Trends versus Old Tendencies // World Politics. 1979. Vol. 31. No. 2. Pp. 161–194.
10. Cline R.S. World power assessment: A calculus of strategic drift. – Washington: Center for Strategic and International Studies, Georgetown University, 1975. – 173 p.
11. Corbett A. Universities and the Europe of Knowledge. Ideas, Institutions and Policy Entrepreneurship in European Union Higher Education Policy, 1955–2005. – London: Palgrave Macmillan, 2005. – 268 p.
12. Fulbright W. Arrogance of power. – NY: Random House, 1966. – 296 p.
13. Global Education Digest 2009: Comparing Education Statistics Across the World: UNESCO Reference Works. – Paris: UNESCO, 2009. – 262 p.
14. Hart J. Three approaches to the measurement of Power in international relations // International Organization. 1976. Vol. 30. No. 2. Pp. 289–305.
15. Keohane R.O., Nye J.S. (Jr.). Transnational Relations and World Politics. – Cambridge: Harvard University Press, 1972. – 428 p.
16. Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed. – NY: W.W. Norton & Co., 1977. – 448 p.
17. Knorr K. The Power of Nations. – NY: Basic Books, 1975. – 353 p.
18. Magna Charta Universitatum // Observatory Magna Charta Universitatum: website. URL: <https://www.magna-charta.org/magna-charta-universitatum> (дата обращения: 01.11.2022).
19. Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. – NY: W.W. Norton, 2001. – 555 p.
20. Morgenthau H. Politics among Nations. 4th ed. – NY: Alfred A. Knopf, 1967. – 532 p.
21. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – NY: Public Affairs, 2009. – 208 p.
22. Sorbonne Declaration 1998 // European Higher Education Area and Bologna Process: website. URL: <http://eha.info/page-sorbonne-declaration-1998> (дата обращения: 01.11.2022).
23. Strange S. Toward a Theory of Transnational Empire // E.O. Czempiel, J.N. Rosenau (eds.). Approaches to World Politics for the 1990s. – Massachusetts: Lexington, 1989. – Pp. 161–176.
24. The Experiences of International Students in New Zealand: Report on the results of the National Survey. Research Gate website. URL: https://www.researchgate.net/publication/305683135_Research_Report_The_experiences_of_international_students_in_New_Zea-

land_The_results_of_the_national_survey (дата обращения: 01.11.2022).

25. Waltz K.N. Theory of International Politics. – London: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.
26. Wolfers A.A. Discord and Collaboration. Essay of International Politics. – Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.

THE ROLE OF EDUCATION IN THE «SOFT POWER» OF THE MODERN STATE

Manukyan A.R.

MGIMO-University

In the modern world, education plays an important role, traditionally acting as an institution for the transfer of knowledge. At the same time, in a multipolar world, the role of education has expanded significantly. It is firmly included in the foreign policy arsenal of a number of states, being an integral part and form of their foreign policy strategy. The article discusses the role of education as one of the tools of the “soft power” policy in modern realities. This issue still does not occupy a sufficient place in domestic political science research. This is due to the fact that Russia, with some delay, accepted the concept of “soft power” as a real instrument of political influence in the international arena.

The article also emphasizes the fact that the education system today is closely intertwined with both domestic and foreign policy of the country. It has been suggested that modern education is increasingly fulfilling a policy-forming function, thereby attracting specialists in the field of international relations and world politics.

Keywords: education, “soft power”, international relations, world politics, university, global research university, Bologna process, network university.

References

1. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 // Government of the Russian Federation. [Electronic resource]. – Access mode: <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLIM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf> (accessed: 01.11.2022). (In Russ.).
2. The concept of development of research and innovation activities in institutions of higher professional education of the Russian Federation for the period up to 2015 // Electronic fund of legal and normative-technical documents. [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/902282881?ysclid=lant0of99b746936650> (accessed: 01.11.2022). (In Russ.).
3. Press conference of MGIMO Rector, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences Anatoly Vasilyevich Torkunov. Topic: How Russian Universities Achieve Recognition in the Global Higher Education Market. News of the day in Russia and the world // RBC. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.rbc.ru/photoreport/23/05/2012/5703f7ec9a7947ac81a683c0?ysclid=lansuqxy61107184562> (accessed: 01.11.2022). (In Russ.).
4. Invitation to Discussion: Draft Concept for the Export of Educational Services of the Russian Federation for the period 2011–2020. // Bulletin of international organizations: education, science, new economy. 2010. No. 1 (27). [Electronic resource]. – Access mode: https://iorj.hse.ru/data/2011/01/18/1208078939/Concept_for_Exporting.pdf?ysclid=lantt0gb9f67399443 (accessed: 01.11.2022). (In Russ.).
5. Putin V.V. Russia is concentrating – the challenges we must meet // Rossiyskaya Gazeta. [Electronic resource]. – Access

- mode: <https://rg.ru/2012/01/16/statya.html?ysclid=lantmadzrv306989670> (accessed: 01.11.2022). (In Russ.).
6. Decree of the President of the Russian Federation of 05.09.2022 No. 611 “On Approval of the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad” // Official Internet Portal of Legal Information. [Electronic resource]. – Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019> (accessed: 01.11.2022). (In Russ.).
7. Tsygankov P.A. Political sociology of international relations. – Moscow: Radiks, 1994. – 318 p. (In Russ.).
8. Aron R. Paix et Guerre entre les nations. Avec une presentation inedite de l’auteur. – Paris: Calmann-Levy, 1984. – 832 p.
9. Baldwin D. Power Analysis and World Politics: New Trends versus Old Tendencies // World Politics. 1979. Vol. 31. No. 2. Pp. 161–194.
10. Cline R.S. World power assessment: A calculus of strategic drift. – Washington: Center for Strategic and International Studies, Georgetown University, 1975. – 173 p.
11. Corbett A. Universities and the Europe of Knowledge. Ideas, Institutions and Policy Entrepreneurship in European Union Higher Education Policy, 1955–2005. – London: Palgrave Macmillan, 2005. – 268 p.
12. Fulbright W. Arrogance of power. – NY: Random House, 1966. – 296 p.
13. Global Education Digest 2009: Comparing Education Statistics Across the World: UNESCO Reference Works. – Paris: UNESCO, 2009. – 262 p.
14. Hart J. Three approaches to the measurement of Power in international relations // International Organization. 1976. Vol. 30. No. 2. Pp. 289–305.
15. Keohane R.O., Nye J.S. (Jr.). Transnational Relations and World Politics. – Cambridge: Harvard University Press, 1972. – 428 p.
16. Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed. – NY: W.W. Norton & Co., 1977. – 448 p.
17. Knorr K. The Power of Nations. – NY: Basic Books, 1975. – 353 p.
18. Magna Charta Universitatum // Observatory Magna Charta Universitatum. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.magna-charta.org/magna-charta-universitatum> (accessed: 01.11.2022).
19. Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. – NY: W.W. Norton, 2001. – 555 p.
20. Morgenthau H. Politics among Nations. 4th ed. – NY: Alfred A. Knopf, 1967. – 532 p.
21. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – NY: Public Affairs, 2009. – 208 p.
22. Sorbonne Declaration 1998 // European Higher Education Area and Bologna Process. [Electronic resource]. – Access mode: <http://ehea.info/page/sorbonne-declaration-1998> (accessed: 01.11.2022).
23. Strange S. Toward a Theory of Transnational Empire // E.O. Czempiel, J.N. Rosenau (eds.). Approaches to World Politics for the 1990s. – Massachusetts: Lexington, 1989. – Pp. 161–176.
24. The Experiences of International Students in New Zealand: Report on the results of the National Survey. ResearchGate. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/305683135_Research_Report_The_experiences_of_international_students_in_New_Zealand_The_results_of_the_national_survey (accessed: 01.11.2022).
25. Waltz K.N. Theory of International Politics. – London: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.
26. Wolfers A.A. Discord and Collaboration. Essay of International Politics. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.

Внешнеэкономическая политика России и основные этапы ее развития

Раджабова Залпа Камаловна,

д.э.н., проф. кафедры мировой и региональной экономики
Дагестанского государственного университета
E-mail: filek08@rambler.ru

Хидирова Саида Закировна,

старший преподаватель кафедры мировой и региональной
экономики Дагестанского государственного университета

Гюльмагомедова Гюльзар Ахмедулаховна,

к.э.н., доцент кафедры финансы и кредит Дагестанского
государственного университета

Статья посвящена внешнеэкономической политике – политика государства по регулированию всех форм внешнеэкономических связей, определяющая режим их осуществления, включая экспорт и импорт товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, движение валюты и др. Основой внешнеэкономической политики страны является ее законодательная база. Основопологающие документы по этому вопросу в России были приняты в 90-е годы XX столетия. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности России занимает одно из главных мест во внешнеэкономической политике России.

Ключевые слова: Внешнеэкономическая политика, внешнеэкономические связи, геополитическое положение, законодательная база, фритредерство и протекционизм, таможенный тариф, импортные, экспортные пошлины.

Современное мировое хозяйство представляет собой динамический мир, где взаимосвязи ассиметричны. Внешнеэкономические связи представляют собой целый комплекс различных направлений, форм, методов и средств перемещения материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов между странами. Отсюда вытекает традиционно активное государственное регулирование внешнеэкономических связей. Оно определяется государственной внешнеэкономической политикой. Важнейшими направлениями государственного регулирования внешнеэкономических связей страны является экспортно-импортное регулирование, а также правовые формы осуществления внешнеэкономических операций.

Кардинальное изменение геополитического положения России после распада СССР существенно повысили роль внешнеэкономического фактора в развитии страны. Внешнеэкономическими стали для России хозяйственные и торговые связи не только с дальним, но и с ближним зарубежьем. В результате зависимость России от внешних рынков более чем удвоилась. России необходима была четкая законодательная база, которая смогла бы регулировать все экономическую деятельность страны. И спустя десятилетия она появилась в Российской Федерации. Это и федеральные законы, и кодексы, и соглашения, и сформулированная налоговая база и др.

В настоящее время реформирование системы государственного управления Российской Федерации охватывает все сферы, в том числе и внешнеэкономические связи. Регулирование ВЭС позволяет обеспечить условия для нормального функционирования общества, живущего по нормативно-правовым актам, а также интеграцию России в мировое экономическое пространство. Внешнеэкономическая политика (ВЭП) – это целенаправленные действия государства и его органов по определению режима регулирования внешнеэкономических связей (ВЭС) и оптимизации участия страны в международном разделении труда. Основными составляющими ВЭП являются внешнеторговая политика (включающая экспортную и импортную политику), политика в области привлечения иностранных инвестиций и регулирования национальных капиталовложений за рубежом, валютная политика. Кроме того, ВЭП решает и задачи географической сбалансированности внешнеэкономических операций с отдельными государствами и регионами, что связано с обеспечением экономической безопасности страны. Внешнеэкономическая политика – один из основных макроэкономических инструментов, применяемый для ускорения либо замедления экономического роста внутри страны.

Макроэкономическая политика – действия государства, направленные на регулирование экономики с целью поддержания ее темпов экономического роста, полной занятости и ограничения инфляции. Основной задачей макроэкономической политики является баланс между безработицей и инфляцией. Макроэкономическая политика подразделяется на: фискальную политику; монетарную политику; политику зарплата – цены и внешнеэкономическую политику.

Основная цель внешнеэкономической политики – обеспечить благосостояние людей, жизнеспособное развитие личности, общества, государства в контек-

сте разнообразности и единства внутренних и внешних условий, которые выдвигают параметры адаптации построения внешнеэкономической политики к изменяющимся закономерностям системы международных отношений.

Внешнеэкономическая политика вырабатывается государствами и их интеграционными союзами, и объединениями, и в соответствии с ее целями используют те или иные рычаги контроля за торговлей и воздействия на ее развитие. Хотя под влиянием процессов либерализации и глобализации компетенция государств в регулировании внешнеэкономических связей ограничивается, тем не менее в их руках еще сохраняются важные властные функции, способные стимулировать или ограничивать экспорт и импорт как товаров и услуг, так и капиталов, направлять их потоки и менять товарную структуру в соответствии с национальными интересами [3].

В промышленно развитых странах сложился механизм государственного регулирования внешнеэкономической политики, который осуществляется с помощью ряда средств, контролируемых и стимулирующих внешнюю торговлю. К ним в первую очередь относятся таможенные пошлины, ограничения ввоза и вывоза определенных товаров путем установления соответствующих количественных или стоимостных лимитов (контингентов), валютные ограничения, меры по регулированию валютного курса и различного рода обязательные правила совершения торговых и других сделок с зарубежными партнерами [5].

Во внешнеэкономической политике идет постоянное взаимодействие двух противоположных тенденций: политика свободной торговли – **фритредерство и протекционизм**, т.е. политика, ограничивающая объем торговли в целях защиты местных производителей от экспансии иностранных конкурентов [2].

В наши дни фритредерство выступает в новом облике – либерализации торговли, предполагающие устранение таможенных и всех других препятствий перемещения между странами товаров, и капиталов. Это отвечает интересам промышленно развитых государств, обладающих конкурентными преимуществами, а также стран, ориентирующихся на экспортную экспансию как главный источник своего экономического роста.

С другой стороны, политика импортозамещающего индустриального развития, проводимая сегодня рядом государств, стремящихся преодолеть экономическое отставание, обычно предполагает протекционистские меры в отношении импорта и поощрительные – в отношении экспорта. Например, Аргентина и Австралия проводили индустриализацию, придерживаясь этого курса и ставя преграды на пути ввоза промышленных товаров.

Протекционистские ограничения могут существовать в виде [2]:

- импортных пошлин (тарифов) – акцизных налогов на импортируемый товар. Таможенный тариф – это систематизированный перечень таможенных пошлин, которыми облагаются товары при импорте. Таможенный тариф применяется на национальном уровне.

Импортные пошлины являются примером экономических ограничений, когда ввоз товаров не запрещается, но за каждую единицу ввозимого товара нужно платить. Иногда пошлина может превышать стоимость ввозимого товара;

- нетарифных барьеров, которые являются более ограничивающими методами, чем тарифы. Это уже пример административных ограничений – прямых мер воздействия, предусматривающих запреты.

Виды нетарифных барьеров:

- экспортно-импортные квоты – установление количественных ограничений на объемы экспорта и импорта;
- лицензирование экспорта и импорта, подразумевающее специальное разрешение от государственных органов на ввоз или вывоз товаров, свободный ввоз или вывоз которых не допускается.

Государство, через специально уполномоченное ведомство выдает разрешение на внешнюю торговлю определенным товарам, которые включены в списки лицензируемых по экспорту и импорту:

- автоматическая лицензия – разрешение на беспрепятственный вывоз (ввоз) товара в течение определенного периода времени;
- неавтоматическая лицензия – разовый ввоз(вывоз) товара.

Западные страны активно используют такой нетарифный механизм регулирования импорта:

- антидемпинговые пошлины – при импорте товаров по ценам ниже предполагаемых издержек на их производство;
- компенсационные пошлины – когда установлено, что экспортер товара получил государственную субсидию на его производство.

Понятно, что оба названных подхода нередко уживаются друг с другом. Как либерализация, так и протекционизм несут избирательный характер, и можно говорить лишь о преобладании первого или второго.

В XX веке, особенно в его второй половине, происходило неуклонное снижение общего уровня таможенного обложения. Начиная с 1947 года, когда основные индустриальные государства Запада подписали Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), тарифные барьеры между ними поэтапно снижались в результате нескольких раундов многосторонних переговоров. Если в 1940 году средний уровень взимаемых пошлин в группе индустриальных государств составлял 40% от стоимости облагаемого импорта, то к концу века он опустился до 3% [1].

В странах, где проблемой является не переизобилие, а дефицит, государство проводит протекционистскую политику «с обратным знаком», когда с помощью тех же пошлин и квот ограничивается не импорт, а экспорт. Политика же свободной торговли будет представлять собой комплекс соглашений (обязательно двусторонних) по смягчению ограничений внешнеэкономической деятельности между договаривающимися странами. К примеру, международные соглашения, регулирующие эту сферу отношений, не разрешают применять количественные ограничения экспорта – импорта, т.е. квотирование и лицензирование.

Каждая страна решает внешнеэкономические задачи в соответствии с конкретно-историческими условиями своего развития. Например, США, на протяжении нескольких десятков лет занимавшие ведущее положение в мировом хозяйстве, сейчас ведут борьбу за сохранение своих позиций: поощряется ввоз наукоемких товаров производственного назначения; стимулируется приток иностранных капиталов, которые используются главным образом для оплаты технической модернизации экономики. Решающую роль во внешнеэкономических связях страны играют транснациональные корпорации, имеющие во всем мире сеть предприятий, объединенных кооперационными связями. Американское правительство в последние годы очень интенсивно поддерживает внешнеэкономическую деятельность малых и средних предприятий [2].

Япония, в силу крайней бедности природными ресурсами, традиционно ориентируется на импорт необ-

ходимых топливных и сырьевых материалов. Ее успехи в экономии всех видов ресурсов позволили сократить традиционный импорт, а «сэкономленные» платежи экспортировать как капитал для увеличения производства готовой продукции за рубежом. Конкурентоспособность Японии возросла, и в последние годы она занимает по этому показателю одно из ведущих мест в мире.

В Российской Федерации внешнеэкономическая политика отождествляется с инвестиционной и торговой политикой. В соответствии с ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности в Российской Федерации» торговая политика определяется как составная часть экономической политики государства. Основная цель торговой политики РФ – создание благоприятных условий для российских экспортеров, импортеров, производителей и потребителей товаров и услуг, что во внешней торговле невозможно без либерализации валютного законодательства, но при этом необходимо учитывать государственные интересы. Ограничение внешней торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью возможно в целях поддержания равновесия платежного баланса страны и защиты внешнего финансового положения. Правительство РФ может применять меры ограничения внешней торговли в случаях серьезного сокращения валютных резервов, а также для достижения разумного темпа увеличения валютных резервов.

Валютная политика – составная часть экономической и внешнеэкономической политики государства, представляющая линию действий государства внутри и вне страны, проводимую посредством воздействия на валюту, валютный курс, валютные операции. Валютная политика страны проводится ее правительством, центральным банком, центральными финансовыми органами.

Важнейшей задачей государственного регулирования становится усиление международной конкурентоспособности «своих» предпринимателей; с этой целью национальное государство не только проводит мероприятия в области внешнеэкономических связей, но и принимает меры по форсированию накопления капитала, стимулированию технического совершенствования производства, формированию новых отраслей и видов производств. В эпоху НТР огромную роль в повышении национальной конкурентоспособности играет финансирование государством научных исследований, мероприятий по их внедрению в производство [5].

Основой внешнеэкономической политики (ВЭП) страны является ее законодательная база, т.е. система законодательных актов, определяющих правила осуществления внешнеэкономической деятельности. основополагающие документы по этому вопросу в России были приняты в 90-е годы XX столетия.

Распад Советского Союза (1991) и образование на его территории большой группы суверенных государств поставили перед Россией актуальную задачу создания современной системы регулирования внешнеэкономических связей. Дело в том, что в течение более чем 70 лет все экономические контакты СССР с зарубежными странами осуществлялись на основе государственной монополии, т.е. на основе административных, внеэкономических методов, которые не подразумевали использование рыночных рычагов регулирования внешнеэкономической деятельности [3].

В существовавших в то время условиях число участников ВЭС не превышало нескольких десятков (экспортно-импортные объединения Министерства внешней торговли и Государственного комитета по внешнеэкономическим связям), а управление ими осуществлялось из единого центра на базе государственного экспортно-

импортного плана. Это обуславливало незаинтересованность непосредственных производителей в экспорте, а выделявшиеся на импорт валютные средства часто расходовались нерационально.

Первым этапом и серьезным шагом на пути создания новой системы регулирования внешнеэкономической деятельности в России стал Указ Президента России «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» (ноябрь 1991 г.). В соответствии с этим правовым актом всем предприятиям независимо от форм собственности было предоставлено право участия во внешнеэкономических связях.

На втором этапе в течение 1991–1999 гг. был принят целый ряд законодательных актов, призванных создать систему регулирования внешнеэкономических связей России. Федеральным Собранием РФ были приняты Таможенный кодекс РФ (1993), законы «О таможенном тарифе» (1993), «О валютном регулировании и валютном контроле» (1992), «Об иностранных инвестициях в РСФСР» (1991); «О налоге на добавленную стоимость» (1991), «Об акцизах» (1991); федеральные законы «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (1995), «О мерах по защите интересов Российской Федерации при осуществлении торговли товарами» (1998), «Об экспортном контроле» (1999) и ряд других [4].

На третьем этапе в результате проведенной Правительством РФ и Федеральным Собранием РФ работы в течение 2003 г. были приняты новая редакция Таможенного кодекса Российской Федерации, федеральные законы «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров», «О валютном регулировании и валютном контроле». До этого (в 1999 г.) была принята новая редакция Закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [4].

Характеризуя сегодняшнее состояние внешнеэкономической политики Российской Федерации, необходимо отметить, что важнейшей составной частью ВЭС современной России является внешнеторговая деятельность (ВТД). В этой связи особо важную роль играет Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (вступил в силу в полном объеме с февраля 2004 г.), в котором изложены правила осуществления внешнеторговой деятельности, основные цели и принципы государственного регулирования внешнеторговой деятельности в России [6].

К важнейшим целям государственного регулирования относят обеспечение благоприятных условий для внешнеторговой деятельности, а также защиту экономических и политических интересов Российской Федерации.

Значительную роль в развитии внешнеэкономических связей и ее регулировании играет проведение четко скоординированной, согласованной внешнеэкономической политики государства:

- защита государством прав и законных интересов участников внешнеторговой деятельности, а также прав и законных интересов российских производителей и потребителей товаров, и услуг;
- равенство и недискриминация участников внешнеторговой деятельности, если иное не предусмотрено федеральным законом;
- единство таможенной территории Российской Федерации;
- взаимность в отношении другого государства (группы государств);

- обеспечение выполнения обязательств Российской Федерации по международным договорам Российской Федерации и осуществление возникающих из этих договоров прав Российской Федерации;
- выбор мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности, являющихся не более обременительными для участников внешнеторговой деятельности, чем необходимо для обеспечения эффективного достижения целей, для осуществления которых предполагается применить меры государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
- гласность в разработке, принятии и применении мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
- обоснованность и объективность применения мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
- исключение неоправданного вмешательства государства или его органов во внешнеторговую деятельность и нанесения ущерба участникам внешнеторговой деятельности и экономике Российской Федерации;
- обеспечение обороны страны и безопасности государства;
- обеспечение права на обжалование в судебном или ином установленном законом порядке незаконных действий (бездействия) государственных органов и их должностных лиц, а также права на оспаривание нормативных правовых актов Российской Федерации, ущемляющих право участника внешнеторговой деятельности на осуществление внешнеторговой деятельности;
- единство системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
- единство применения методов государственного регулирования внешнеторговой деятельности на всей территории Российской Федерации.

Внешнеэкономическая политика – политика государства по регулированию всех форм внешнеэкономических связей, определяющая режим их осуществления, включая экспорт и импорт товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, движение валюты и др. Основой внешнеэкономической политики страны является ее законодательная база. основополагающие документы по этому вопросу в России были приняты в 90-е годы XX столетия. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности России занимает одно из главных мест во внешнеэкономической политике России. Оно осуществляется двумя методами регулирования: таможенно-тарифное и нетарифное регулирование. Эти методы очень важны, т.к. они обеспечивают наиболее благоприятные условия для развития экономики страны.

Экономика открытого типа в России дает ей хорошие возможности для интеграции в мировую. Однако, Россия не всегда «правильно и точно» выбирает себе партнеров ВЭС для развития. До спецоперации февраль 2022 г. наша страна концентрировалась в основном на Европе. Это, на наш взгляд, не совсем правильно, т.к. плотное сотрудничество с другими направлениями может благоприятно способствовать развитию отдаленных от центра России регионов, и тем самым, в целом, улучшая экономику страны.

На сегодняшний день Россия ценится как партнер на мировой арене. Для самой России значение внешнеэкономической сферы очень существенно. Сфера внешней торговли дает огромные возможности для становления и развития экономики, формирования бюджета страны и поддержания благосостояния народа.

Литература

1. Авдокушкин Е.Ф. Международные экономические отношения. – М., 2009. – 210 с.
2. Бабин Э.П., Исаченко Т.М. Внешнеэкономическая политика: учебное пособие. – М.: Экономика, 2010. – 463 с.
3. Винод Т., Нэш Д. Внешнеторговая политика: опыт реформ. – М., 2009. – С. 108.
4. Жилыев К.В. Основные тенденции развития международной торговли в 90-е годы // Проблемы прогнозирования. 2010. № 6.
5. Государственное регулирование рыночной экономики: Учебник для вузов / Под общей ред. В.И. Кушлина, Н.А. Волгина. – М.: «Экономика», 2008. – 345 с.
6. ФЗ № 164 «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 8.12.2003 (ред. от 02.02.2006).
7. Вологдин, А.А. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности: учебник и практикум для вузов / А.А. Вологдин. 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 387 с.

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF RUSSIA AND THE MAIN STAGES OF ITS DEVELOPMENT

Radzhabova Z.K., Hidirova S.Z., Gulmagomedova G.A.
Dagestan State University

The article is devoted to foreign economic policy – the policy of the state to regulate all forms of foreign economic relations, which determines the mode of their implementation, including the export and import of goods, services, capital, labor, currency movement, etc. The basis of the country's foreign economic policy is its legislative framework. The fundamental documents on this issue in Russia were adopted in the 90s of the twentieth century. State regulation of Russia's foreign economic activity occupies one of the main places in Russia's foreign economic policy.

Keywords: Foreign economic policy, foreign economic relations, geopolitical situation, legislative framework, free trade and protectionism, customs tariff, import and export duties.

References

1. Avdokushkin E.F. International economic relations. – М., 2009. – 210 p.
2. Babin E.P., Isachenko T.M. Foreign economic policy: textbook. – М.: Economics, 2010. – 463 p.
3. Vinod T., Nash D. Foreign trade policy: the experience of reforms. – М., 2009. – S. 108.
4. Zhilyaev K.V. The main trends in the development of international trade in the 90s // Problems of Forecasting. 2010. No. 6.
5. State regulation of the market economy: Textbook for universities / Ed. IN AND. Kushlina, N.A. Volgin. – М.: «Economics», 2008. – 345 p.
6. Federal Law No. 164 «On the Fundamentals of State Regulation of Foreign Trade Activities» dated December 8, 2003 (as amended on February 2, 2006).
7. Vologdin, A.A. Legal regulation of foreign economic activity: textbook and workshop for universities / A.A. Vologdin. 6th ed., revised. and additional. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. – 387 p.

Роль китайско-российских дипломатических отношений в мировой политике в XXI веке

Чжан Лэй,

студент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: leilei98520@gmail.com

В статье анализируется опыт развития дипломатических отношений между Россией и Китаем в 21 веке. Рассмотрены ключевые этапы развития партнерства двух стран, которые проявляются в регулярных высокоуровневых встречах, заключении соглашений в области экономики, инфраструктуры и энергетики, а также сотрудничестве по решению региональных и глобальных проблем. Особое внимание уделено сотрудничеству в области безопасности и обороны, которое проявляется в проведении совместных военных учений и координации в международных вопросах. Китайско-российские отношения играют все более важную роль в мировой политике, в XXI веке две страны продолжают углублять свое сотрудничество, а их отношения приобретают все большее значение на мировой арене.

Ключевые слова: Китайско-российские отношения, интересы двух стран, прагматическая дипломатия, Один пояс, один путь.

Китайско-российские отношения не существуют изолированно, они ограничены их соответствующими стратегиями развития и международной средой, а также оказывают определенное влияние на международную ситуацию. В настоящее время мир находится в процессе серьезных изменений: глобализация вступила в «перерыв», международный ландшафт ускоряет свою консолидацию, мировая экономика все еще находится в периоде глубокой корректировки, тенденции и политические ориентации крупнейших экономик продолжают расходиться, геополитические факторы становятся все более заметными, локальные беспорядки возникают один за другим, а международный мир и региональная безопасность сталкиваются с новыми вызовами. На фоне этих серьезных международных изменений после 18-го съезда партии китайско-российские отношения, являющиеся приоритетным направлением развития китайской дипломатии, продолжают всесторонне углубляться в экономической, политической областях, в сфере безопасности, гуманитарных наук и международного сотрудничества, а китайско-российское всеобъемлющее стратегическое партнерство поддерживается на стабильном, устойчивом и высоком уровне развития, являясь примером нового типа отношений великих держав и добавляя новые черты к первоначальным, становясь важным воплощением успешной практики дипломатии великих держав с китайской спецификой. Он стал важным микрокосмом успешной дипломатической практики с китайской спецификой.

Во-первых, стратегическая руководящая роль дипломатии в развитии китайско-российских отношений получила дальнейшее развитие. В 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин выбрал Россию в качестве первой страны для посещения после вступления в должность председателя КНР, открыв новую главу в развитии китайско-российских отношений. В 2015 году по случаю 70-й годовщины победы Китайской народной войны сопротивления японской агрессии и Всемирной антифашистской войны главы двух государств посетили страны друг друга для участия в торжествах. В 2016 году по случаю 15-й годовщины подписания китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве Китай и Россия опубликовали Совместную декларацию Китайской Народной Республики и Российской Федерации, а главы двух государств подписали Совместную декларацию Председателя КНР и РФ. Совместная декларация Председателя КНР и Президента РФ об укреплении глобальной стратегической стабильности», «Совместная декларация Председателя КНР и Президента РФ о сотрудничестве в продвижении развития информационного киберпространства», а министры иностранных дел двух стран подписали «Декларацию КНР и РФ о продвижении международного права». В 2017 году была подписана «Совместная декларация КНР и РФ о дальнейшем углублении сотрудничества». Совместное заявление о дальнейшем углублении всеобъемлющего стратегического партнерства в целях сотрудничества» и ратифицирован план реализации «Китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» на 2017–2020 годы. С 2013 года главы

России и Китая встречались более 30 раз, поддерживая высокую частоту – 5–6 встреч в год по различным международным поводам. Именно благодаря тесным контактам, взаимному доверию и откровенному общению между главами двух государств, а также различным многоуровневым и многопрофильным механизмам встреч и обменов, созданным между двумя странами, политическое взаимное доверие между двумя странами достигло беспрецедентно высокого уровня.

Во-вторых, в развитии китайско-российских отношений усиливается присущий им динамизм. После 18-го съезда партии, по мере того как китайско-российские государственно-политические отношения достигли новых высот, коннотации сотрудничества между двумя странами обогатились, а сферы расширились. Сегодня китайско-российские отношения имеют широкий спектр политических, экономических, культурных аспектов и аспектов безопасности, а также множество стержней, в то время как две страны также создали механизмы для регулярных встреч на высоком уровне и других уровней сотрудничества на основе трех столпов – политического взаимного доверия, экономического и торгового сотрудничества и гуманитарного сотрудничества. Таким образом, очевидно, что общие интересы и отношения сотрудничества между Китаем и Россией носят весьма высокий стратегический, взаимодоверительный и последовательный характер, а эндогенная динамика двусторонних отношений начинает зарождаться и укрепляться.

Во-первых, политическая сфера. И история, и нынешняя ситуация диктуют совпадение интересов России и Китая, что является важной основой для формирования политического и стратегического взаимного доверия между двумя странами. Прочное политическое взаимное доверие, над которым постоянно ведется работа, является важнейшей чертой отношений между двумя странами. В Совместной декларации Китайской Народной Республики и Российской Федерации, подписанной в 2016 году, говорится, что основой китайско-российских отношений является отсутствие идеологии, равенство, взаимное доверие, взаимное признание территориальной целостности, уважение интересов друг друга, уважение суверенного права друг друга на выбор общественного строя и путей развития, невмешательство во внутренние дела друг друга, взаимная поддержка по основным вопросам, касающимся суверенитета, безопасности и развития, и развития, поддерживать друг друга по основным вопросам, таким как суверенитет, безопасность и развитие, всесторонне и взаимовыгодно сотрудничать и отказываться от конфронтации.

Во-вторых, экономическая сфера. Китай и Россия осуществляют широкое практическое сотрудничество, охватывающее такие сферы, как торговля и экономика, финансы, энергетика, наука и техника, сельское хозяйство. В настоящее время Китай уже восемь лет подряд является главным торговым партнером России, а объем китайско-российской торговли в 2018 году впервые превысил 100 млрд долларов США; Россия три года подряд с 2016 по 2018 год становилась главным импортером сырой нефти в Китае; в последние годы Китай также стал главным экспортером сельскохозяйственной продукции в России; обе стороны подписали «Китайско-российский план сотрудничества и развития на Дальнем Востоке России (2018–2024 годы)». В последние годы Китай также стал крупнейшим экспортером сельскохозяйственной продукции в Россию; стороны подписали «Китайско-российский план развития сотрудничества на Дальнем Востоке России (2018–2024 гг.)», «План развития сельского хозяйства Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России и Байкальского региона»

и создали Китайско-российский инвестиционный фонд регионального сотрудничества и развития; расчеты в национальной валюте в двусторонней торговле выросли с 8% до более 15% в настоящее время. Степень экономической взаимозависимости между двумя сторонами достигла достаточно высокого уровня.

В-третьих, в области безопасности. Оборонная безопасность и военное сотрудничество между Китаем и Россией продолжают развиваться. Поскольку в стратегических интересах и интересах безопасности двух сторон есть много областей, в которых они совпадают, контакты на высоком уровне между китайскими и российскими военными, сотрудничество в области военных технологий и совместные военные учения в настоящее время достигли достаточно высокого уровня. Исходя из того, что интересы национальной безопасности двух стран сближаются, сотрудничество между двумя сторонами в традиционных и нетрадиционных областях безопасности также расширяется и углубляется.

В-четвертых, уровень международного сотрудничества. Позиции Китая и России по целому ряду международных и региональных горячих точек постепенно сближаются и взаимно поддерживаются.

В-пятых, гуманитарные науки. Китай и Россия имеют многовековую историю, великолепную культуру и схожие общественно-политические культуры, и их долгосрочные контакты – это также процесс взаимного обучения и познания, поиска точек соприкосновения и разрешения разногласий. В последние годы благодаря совместным усилиям правительств и обществ обеих стран продолжают развиваться обмены в области гуманитарных наук, углубляется взаимопонимание между двумя народами, происходят значительные прорывы в форме, масштабах, механизме и воздействии обменов.

И вновь инициатива «Один пояс, один путь» предоставила новое пространство для развития китайско-российских отношений. Россия первой из крупных стран Совета Безопасности поддержала инициативу Китая «Пояс и путь», создав благоприятные международные условия для беспрепятственного продвижения «Пояса и пути». В 2015 году Россия и Китай подписали Совместную декларацию о стыковочном сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией по строительству Экономического пояса Шелкового пути и созданию Евразийского экономического союза, а в 2018 году Россия и Китай подписали Совместную декларацию об экономическом и торговом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Евразийским экономическим союзом. В 2018 году Китай и Россия подписали Соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Евразийским экономическим союзом, заложив важную основу для будущих экономических и торговых договоренностей высокого уровня между двумя странами в Евразийском регионе.

Россия является крупнейшим рынком вдоль «Пояса и пути» и играет важную роль в строительстве «Пояса и пути», обладая огромным потенциалом и возможностями для сотрудничества в области экономики и торговли, энергетике, инфраструктуры, связи, сотрудничества в области потенциала и финансового сотрудничества. Китай и Россия все больше ценят незаменимую роль друг друга в экономическом развитии и рассматривают друг друга в качестве приоритетных партнеров в модернизации своих экономик. Нынешнее экономическое сотрудничество между Россией и Китаем постепенно выходит из-под влияния вялого мирового экономического роста, нестабильных мировых цен на сырьевые товары и реструктуризации собственных экономик двух стран

и начинает открывать новые возможности для развития и новый период развития в рамках инициативы «Пояс и путь». Инициатива «Пояс и путь», предлагающая пять приоритетных направлений и существующую структуру сотрудничества между Китаем и Россией, стала важной мерой по повышению уровня сотрудничества между двумя странами, открывая новое пространство для развития китайско-российских отношений.

Литература

1. Маргелов М. Российско-китайские отношения на высшей точке развития // *Международная жизнь*. – 2019. – № 9 – С. 24–42.
2. Нагорный, А. Глобальный треугольник. Россия – США – Китай. От разрушения СССР до Евромайдана. Хроники будущего / Александр Нагорный, Владимир Винников. – М.: Книжный мир, 2017. – 352 с.
3. Воробьева Е.В. Сотрудничество в экономической сфере между Россией и Китаем: проблемы и перспективы // *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра*. – 2019. № 15. – С. 63–69.
4. Полетаев В.Э. Бизнес в России: инновации и модернизационный проект / В.Э. Полетаев. – М.: НИЦ Инфра-М, 2019. – С. 624.
5. Цыганков П.А., Грачиков Е.Н. Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // *Журнал «Политическая наука»*. – 2019. – № 4. – С. 22–39.
6. Лузянин С.Г. «Возвышение» Китая как фактор мировой политики // *Baikal Research Journal*. – 2019. – № 5. – С. 17.
7. Коржубаев А.Г. Сотрудничество России и Китая: практика, перспективы, риски // *Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. / Красноярск СФУ – М.: НИЦ ИНФРА-М; 2019. – С. 168–180.*
8. Ли Цзяньмин. Великодержавная дипломатия с китайской спецификой и китайско-российские отношения // *Массы – Популярная академия* – 2019. – № 3.

THE ROLE OF SINO-RUSSIAN DIPLOMATIC RELATIONS IN WORLD POLITICS IN THE 21ST CENTURY

Zhang Lei

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes the experience of diplomatic relations between Russia and China in the 21st century. The key stages in the development of the partnership between the two countries, which are manifested in regular high-level meetings, conclusion of agreements in the field of economy, infrastructure and energy, as well as cooperation in solving regional and global problems, are considered. Particular attention is paid to security and defense cooperation, which is manifested in joint military exercises and coordination in international issues. China-Russia relations play an increasingly important role in world politics, the two countries continue to deepen their cooperation in the twenty-first century, and their relations are becoming increasingly important on the world stage.

Keywords: China-Russia relations, interests of the two countries, Pragmatic Diplomacy, One Belt, One Road.

References

1. Margelov M. Russian-Chinese Relations at the Highest Point of Development // *International Life*. – 2019. – No. 9 – p. 24–42.
2. Nagorny, A. Global triangle. Russia – USA – China. From the destruction of the USSR to Euromaidan. Chronicles of the future / Alexander Nagorny, Vladimir Vinnikov. – Moscow: Book World, 2017. – p.352.
3. Vorobyeva E.V. Cooperation in the economic sphere between Russia and China: problems and prospects // *Russia and China: problems of strategic interaction: collection of the Eastern Center*. – 2019. No. 15. – p. 63–69.
4. Poletaev V.E. Business in Russia: innovations and modernization project / V.E. Poletaev. – M.: NIC Infra-M, 2019. – p. 624.
5. Tsygankov P.A., Grachikov E.N. The problem of the world order in Chinese and Russian political science: common and special // *Journal of Political Science*. – 2019. – No. 4. – p. 22–39.
6. Luzyanin S.G. China's "Rise" as a Factor in World Politics // *Baikal Research Journal*. – 2019. – No. 5. – p. 17.
7. Korzhubaev A.G. Cooperation between Russia and China: practice, prospects, risks // *Macroregion Siberia: problems and prospects of development: collection of scientific works / Krasnoyarsk SFU – Moscow: NIC INFRA-M; 2019. – p. 168–180.*
8. Li Jianmin. Great-power diplomacy with Chinese specificity and Sino-Russian relations // *Masses – Popular Academy* – 2019. – No 3.

Вызовы современных технологий (на примере концепции «метавселенной»)

Аторин Роман Юрьевич,
к.ф.н., доцент кафедры философии ГУУ
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Бесчастнов Николай Николаевич,
аспирант кафедры философии ГУУ

В последние десятилетия активно развиваются различные методики обучения, связанного с использованием электронных средств. В статье рассматриваются некоторые аспекты эволюции электронного обучения, как одного из столпов формирования виртуальной социокультурной среды в целом и концепции метавселенной в частности.

Ключевые слова: электронное обучение, метавселенная, цифровизация образования.

В последние десятилетия активно развиваются различные методики обучения, связанного с использованием электронных средств. Их распространение приводит к коренному перерождению системы образования.

Два десятка лет назад виртуальная реальность являлась уделом фантастов. Было примерно понятно, как это будет выглядеть, однако отсутствовали технологии, способные её реализовать.

В первую очередь это относится к развитию сетевых технологий. Если в 2010 году нормальной для персонального компьютера считалась пропускная способность модема в 100 Мбит, то на данный момент данный показатель вырос в 10 раз. То же и со средней скоростью подключения. В 2010 году в среднем это 512–1024 Кбит/с, тогда как сейчас более 100 Гбит. Данный показатель вырос в 200–100 раз.

За счёт усложнения архитектуры увеличилась мощность самих персональных компьютеров. Более того, массовыми стали планшеты и смартфоны, которые по своим показателям мощности превосходят устройства середины 2000-х гг.

Это привело к увеличению объёмов передаваемой информации, её технических характеристик. Значительная её часть получила использование в сфере развлечений (онлайн-игры, социальные сети). Кроме того, увеличение возможностей по передаче информации оказало существенное развитие на развитие различных потребительских сервисов, среди которых важное место приобрели виртуальные банкинг и доставка.

Не стало исключением и образование. Здесь развитие компьютерных технологий стало базой для формирования явления электронного обучения (e-learning).

Электронное обучение

Электронное обучение напрямую связано с развитием дистанционных технологий, которые имеют длительную историю. При этом сильный толчок обсуждению вопросов электронного обучения был дан специалистами ЮНЕСКО. Стратегия организации на 1996–2001 годы предусматривала особое внимание применению коммуникационных и информационных технологий в интересах развития, демократии и мира. В докладе Международной комиссии ЮНЕСКО по образованию для XXI века «Образование: скрытое сокровище» указывалось, что наиболее перспективной областью для использования коммуникационных технологий является развитие дистанционного образования. Специалисты ЮНЕСКО провозглашали необходимость использования инноваций для стирания границ и преодоления неравномерности развития образования в мире [1]. В октябре 2000 года вышел отчёт ЮНЕСКО о новых возможностях применения информационных технологий в обучении с описанием процессов и успешных примеров.

Развитие этих идей привело к появлению понятия «электронное обучение». На сегодняшний день оно имеет множество трактовок. В своей статье об интерпретации данного понятия А.А. Занкова приводит во-

семь определений, которые имеют хождение в научно-правовой базе РФ [6. С. 29–30]. Самое раннее из них относится к 1999 году. Согласно нему, электронное обучение (e-learning) – это любое обучение, при котором преподавание или учение, передача учебной информации или обмен ею осуществляется с использованием телекоммуникационной техники или каналов связи (телефон, радио, телевидение, кино, факсимильная связь, Интернет и др.) [6. С. 30].

В России формат электронного обучения активно обсуждался в 2000–2010-е гг. В 2012 году данное понятие попало в Федеральный закон об образовании. Согласно нормативно-правовому акту, под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников [10].

Согласно закону электронное обучение может применяться в организациях, осуществляющих образовательную деятельность [10]. Нормативно-правовой акт предусматривает, что возможна реализация образовательных программ с применением исключительно электронного обучения, но с соблюдением условия функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся [10].

Стоит отметить, что в момент принятия данный закон активно критиковался общественностью за профориентацию школьного образования, его коммерциализацию, появление понятия «образовательная услуга» и т.п. [9]. Кроме того, в данный период происходит активное снижение количества школ на территории страны за счёт их оптимизации. Решение предполагалось с помощью автобусного парка, но в некоторых случаях могло использоваться и образование в электронном формате.

Помимо образовательных учреждений e-learning внедрялся в крупных компаниях.

Для этого существовали объективные предпосылки. Активное развитие технологий и спрос на них у населения, вызывает необходимость оперативного внедрения. Данный процесс подразумевает проведение обучения работников использованию технологий для их последующего использования или продажи. На это накладываются определённые требования корпоративной культуры, когда все учреждения крупной корпорации должны выглядеть и действовать одинаково для обеспечения единообразия производства или обслуживания.

Ярким примером такой корпорации является компания Toyota [7]. Её дилерские центры, сотрудники, внутренняя обстановка выглядят практически одинаково вне зависимости от географической локализации. Единными являются правила этикета, а также технологические процессы. Ежегодно происходит обновление модельного ряда, вводятся новые услуги. В компании налажена система обучения персонала, строящаяся на единых принципах, основополагающим из которых является Kaizen (постоянное усовершенствование) [8].

В данных условиях электронное обучение играет неограниченную роль. Оно позволяет экономить финансовые

ресурсы компании, так как процесс построен на дистанционных технологиях. На них же основана и процедура проведения соревнований между сотрудниками разных дилерских центров. В качестве критериев качества обучения служат повышение эффективности производства и снижение затрат.

В то же время, не менее важная роль принадлежит институту наставничества внутри отдельно взятого дилерского центра или целого завода. Кроме того, заключительные части соревнований между сотрудниками проводятся в очном формате.

Совмещение технологий дистанционного и очного обучения вплоть до февраля 2022 года занимать высокие позиции на российском рынке.

По тому же принципу основана система крупнейшей в России сети ресторанов «Вкусно и точно», которую она унаследовала у McDonalds. Для обучения сотрудников разработана система электронных курсов, включающая такие элементы, как мультимедийные презентации и тесты, диалоговые и Drag-and-Drop тренажёры, симуляторы и видеоролики [11].

Таким образом, технологии электронного обучения активно развивались и внедрялись в жизнь общества до 2020 года. К примеру, в 2019 году инвестиции в онлайн-образование достигли 18,6 млрд долларов США [2].

Пандемия стала катализатором процесса. По подсчётам экспертов за март 2020-го число онлайн-учащихся во всем мире взлетело с 300 млн до 1,5 млрд человек [12].

Образование и концепция «метавселенных»

Концепция «метавселенной» непосредственно связана с виртуальной реальностью. Так же, как и в случае с электронным обучением единого научного объяснения понятия не существует. На сегодняшний день явление на этапе становления.

Активное обсуждение явления началось в 2021 году, когда состоялся саммит «Гравитационная сингулярность. Метавселенная (Metaverse)», на котором исполнительный вице-председатель и генеральный секретарь Китайской ассоциации аудиовизуальных, цифровых изданий Ao Жан в своей вступительной речи сказал: «Оглядываясь в историю игр – это способ понять Метавселенную/Metaverse и будущее. Игры – это составная часть человеческой цивилизации. Игры, как человеческое развлечение, существуют с нами уже тысячи лет и имеют долгую историю». Он подчеркнул, что в последние годы границы индустрии игр непрерывно расширяются, а также постоянно меняются границы Интернета. Эти изменения обусловлены новейшими технологиями. Он отметил, что в виртуальном пространстве у каждого человека есть свой виртуальный прототип (включающий в себя весь аудиовизуальный комплекс), с помощью которого люди могут общаться между собой. Метавселенная постепенно соединяется в реальность по мере того, как пользовательские вычислительные устройства становятся ещё более мощными, а также появляются облачные вычисления и сети с высокой пропускной способностью [3].

В апреле-мае 2022 года состоялась конференция «Global Metaverse». Целью конференции являлось расширение инновационной практики в глобальной метавселенной, а также помощь правительству и традиционным отраслям промышленности в модернизации. Выступая на конференции президент крупнейшего оператора сотовой связи в КНР «China Mobile» и председатель Генеральной Ассамблеи глобальной метавселенной

Ни Цзяньчжун сказал: «Метавселенная – это не только научно-техническая революция, но и значительные изменения способа производства, образа жизни и способа мышления. Также это большой общественный прогресс, который требует использования идеологии господина Цянь Сюэсяня для познания мира и его преобразования» [4].

Согласно отчёта Международной конференции IEEE по Метавселенной 2022, метавселенная (Metaverse) – это расширение Интернета, которое собирается соединить реальный мир с виртуальным с помощью информационных технологий. Используя технологии оцифровки и виртуализации, метавселенная будет действовать как цифровое жизненное пространство в новых социальных системах. Это цифровое жизненное пространство вызывает интеграцию таких технологий, как VR/AR/MR, связь 5G/6G, ИИ (Искусственный интеллект), блокчейн. Она также предполагает удовлетворение потребностей людей, выходящих за рамки существующих технологий [2].

Необходимость внедрения концепции метавселенной обосновывается тем, что после начала пандемии (COVID-19) резко возросла необходимость проведения онлайн-конференций и онлайн-встреч. Стали очевидными недостатки таких встреч: нехватка взаимодействия с другими участниками, отсутствие погруженности в беседу и внимания. Благодаря использованию метавселенной перед участниками появилась возможность управлять своими персонажами, передвигаться по виртуальному пространству, а также взаимодействовать с другими участниками.

Первая апробация технологий состоялась в рамках выставки цифровых развлечений ChinaJoy 2022, которая проводилась на базе метавселенной MetaCJ. Она представляла собой виртуальный город, по которому пользователи передвигались с помощью своих виртуальных прототипов. Здесь они посещали различные площадки, слушали спикеров и участвовали в развлекательных мероприятиях.

В рамках выставки проводилась конференция «China Game Developers Conference (CGDC)». Так же, как и основное событие, она стала первым в мире научным мероприятием, проводившемся в рамках метавселенной. Здесь разработчики делились опытом и идеями в области технологий разработки игр.

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем концепции электронного обучения, основанного на дистанционных технологиях, и развивающую их концепцию метавселенной. При наметившейся тенденции часть образования уйдёт в плоскость виртуальной реальности.

Важнейшим достижением e-learning стала возможность быстро доставлять информацию на большие расстояния большому количеству людей при снижении стоимости получения знаний. Благодаря этому учащийся из Владивостока получил возможность посетить лекцию, семинар или конференцию в Москве.

Ежегодно Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании публикует отчёты о внедрении электронного обучения в образовательные процессы, в которых описываются успешные кейсы. Однако в данных отчётах отсутствуют качественные показатели результативности обучения.

Специалистов ЮНЕСКО можно понять. Их цель – принести знание туда, где образовательные учреждения неразвиты и население имеет к ним слабый доступ. В данном случае возможно использование формальных

критериев оценки. К примеру, жители провинции А смогли получить знания об основах арифметики.

Для стран, обладающих развитой сетью образовательных учреждений данный подход неприменим. Знания, полученные при использовании электронного обучения, должны сравниваться с результатами очного. При этом критерии оценки должны быть качественными, а не количественными.

Осторожно заметим, что мы не обладаем достаточным уровнем знаний об универсальных критериях эффективности процесса получения знаний. В связи с этим на сегодняшний день невозможно разработать статистические модели изучения качественных показателей. Существующие отчёты Министерства образования должной информации не дают.

В связи с этим, мы не можем достаточно точно оценить результативность электронного обучения. Адекватная оценка возможна лишь при анализе востребованности специалистов на рынке труда, однако здесь присутствует множество подводных камней. Главные из них – отсутствие объективных статистических данных со стороны работодателей, нивелирование данных со стороны самих образовательных учреждений, а также личностные характеристики обучавшихся.

В случае со сферой производства ситуация выглядит проще, т.к. здесь имеются объективные показатели, связанные со снижением брака и увеличением прибыльности. В то же время стоит отметить, что значительные успехи электронного обучения наблюдаются там, где оно является лишь частью образовательного процесса, а также важнейшую роль играет институт производственного наставничества (Toyota, McDonalds и т.п.). С другой стороны, часть показателей может быть нивелирована внешними факторами. К примеру, в случае с автомобильным бизнесом рост количества брака может быть вызван снижением качества материалов, используемых при производстве запасных частей, физическими перегрузками отдельно взятого сотрудника, нарушением функциональных цепочек на предприятии и т.п.

Стоит учесть, что участники конференций по метавселенным для объяснения необходимости существования объекта их обсуждения указывают, что при использовании дистанционных технологиях были выявлены проблемы с недостатком взаимодействия и погруженности в процесс между его участниками. Как данную проблему решат метавселенные, на данный момент мы ответить не можем.

В то же время, стоит учитывать, что явление метавселенных своими корнями уходит в сферу компьютерных игр. Здесь стоит обратить внимание на причины систематических действий руководства КНР в направлении борьбы с игровой зависимостью у несовершеннолетних и ограничении их пребывания в виртуальной среде. Богатый материал может дать изучение влияния компьютерных игр на развивающуюся личность, а также вызываемых ими психических расстройств. Опыт КНР в особенности полезен тем, что около 50% жителей Поднебесной в разной степени использует игровые приложения.

Само внедрение метавселенных ставит перед человеком ряд мировоззренческих проблем. Главная из них – это бегство от реальности в мир иллюзий, и вызванная этим деградация человеческой личности.

Есть представление, что постепенно она начнёт превращаться в живой механизм, лишённый человеческих чувств и эмоций.

В будущем подобное бегство приведёт человека к равнодушию по отношению к окружающей действительности, что откроет путь к созданию новых социал-дарвинистических концепций и их воплощению на практике.

Литература

1. Analytical survey Distance Education for the Information Society: Policies, Pedagogy and Professional Development. Moscow 2000, 86 pp., UNESCO Institute for Information Technologies in Education. URL: <https://iite.unesco.org/ru/publications/3214594-ru/>
2. The COVID-19 pandemic has changed education forever. This is how. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/coronavirus-education-global-covid19-online-digital-learning/> (дата обращения: 08.11.2022).
3. 十二位行业大咖, 7000字实录共话Metaverse现状及未来 (Двенадцать лидеров отрасли, 7000 слов реальных записей, чтобы рассказать о текущей ситуации и будущем Метавселенной). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1706956400684787877&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 08.11.2022).
4. 全球元宇宙大会 (Глобальная конференция по Метавселенной). URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%85%A8%E7%90%83%E5%85%83%E5%AE%87%E5%AE%99%E5%A4%A7%E4%BC%9A/60477177?-fr=aladdin> (дата обращения: 08.11.2022).
5. The 2022 IEEE International Conference on Metaverse (Metaverse 2022). URL: <http://dcbcl.haut.edu.cn/show/455> (дата обращения: 08.11.2022).
6. Занкова А.А. Интерпретация понятия «электронное обучение» в российских и зарубежных публикациях // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2018. № 2. С. 29–30.
7. Роберт Маурер. Шаг за шагом к достижению цели: Метод кайдзен. – М.: «Альпина Паблишер», 2014.
8. Масааки Имаи. Кайдзен. Ключ к успеху японских компаний. – М.: «Альпина Паблишер», 2011.
9. Реформа образования в России: реальность и перспективы. URL: <https://www.hse.ru/news/34167660/36620576.html> (дата обращения: 08.11.2022).
10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.10.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (дата обращения: 08.11.2022).
11. Электронные курсы. URL: <https://content.logrusit.com/ru> (дата обращения: 08.11.2022).
12. Электронное обучение в эпоху пандемии: новые возможности. URL: <https://www.logrusit.com/ru/blog/elektronnoe-obuchenie-v-epohu-pandemii/> (дата обращения: 08.11.2022).

CHALLENGES OF MODERN TECHNOLOGIES (ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT OF THE «METAVERSE»)

Atorin R. Yu., Beschastnov N.N.
State University of Management

In recent decades, various teaching methods related to the use of electronic means have been actively developing. The article discusses some aspects of the evolution of e-learning as one of the pillars of the formation of a virtual socio-cultural environment in general and the concept of the metaverse in particular.

Keywords: e-learning, metaverse, digitalization of education.

References

1. Analytical survey Distance Education for the Information Society: Policies, Pedagogy and Professional Development. Moscow 2000, 86 pp., UNESCO Institute for Information Technologies in Education. URL: <https://iite.unesco.org/ru/publications/3214594-ru/>
2. The COVID-19 pandemic has changed education forever. This is how. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/coronavirus-education-global-covid19-online-digital-learning/> (accessed: 08.11.2022).
3. 十二位行业大咖, 7000字实录共话metaverse现状及未来 (Twelve industry leaders, 7000 words of real records to tell about the current situation and the future of the Metaverse). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1706956400684787877&wfr=spider&for=pc> (accessed: 08.11.2022).
4. Global Conference on the Metaverse. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%85%A8%E7%90%83%E5%85%83%E5%AE%87%E5%AE%99%E5%A4%A7%E4%BC%9A/60477177?-fr=aladdin> (accessed: 08.11.2022).
5. The 2022 IEEE International Conference on Metaverse (Metaverse 2022). URL: <http://dcbcl.haut.edu.cn/show/455> (accessed: 08.11.2022).
6. Zankova A.A. Interpretation of the concept of «e-learning» in Russian and foreign publications // Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. 2018. No.2. pp. 29–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-ponyatiya-elektronnoe-obuchenie-v-rossijskih-i-zarubezhnyh-publikatsiyah> (accessed: 08.11.2022).
7. Robert Maurer. Step by step to achieve the goal: The Kaizen method. M.: «Alpina Publisher», 2014.
8. Masaaki Imai. Kaizen. The key to the success of Japanese companies. Moscow: Alpina Publisher, 2011.
9. Education reform in Russia: Reality and Prospects. URL: <https://www.hse.ru/news/34167660/36620576.html> (date of appeal: 08.11.2022).
10. Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 (as amended on 07.10.2022) «On Education in the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from 13.10.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (accessed: 08.11.2022).
11. Electronic courses. URL: <https://content.logrusit.com/ru> (accessed: 08.11.2022).
12. E-learning in the era of the pandemic: new opportunities. URL: <https://www.logrusit.com/ru/blog/elektronnoe-obuchenie-v-epohu-pandemii/> (accessed: 08.11.2022).

Вклад деятелей искусства Дагестана в борьбе против фашизма

Маммаева Мадинат Абдурахмановна,

к.и.н., доцент кафедры философии и истории ДагГАУ
им. М.М. Джамбулатова

Бигаева Зарема Саидовна,

к.и.н., доцент кафедры философии и истории ДагГАУ
им. М.М. Джамбулатова

Лобачева Зоя Николаевна,

к.ф.н., доцент кафедры философии и истории ДагГАУ
им. М.М. Джамбулатова

В статье рассматривается деятельность дагестанской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Авторы попытались воссоздать события военных лет, борьбу народов Дагестана против фашистских захватчиков. Несмотря на все трудности военного времени, деятельность деятелей искусства Дагестана представляет собой пример высокого патриотического служения своей многонациональной Родине и всему народу.

Военная тематика и сегодня, оставаясь актуальной, вдохновляет деятелей дагестанской культуры на создание произведений, передающих атмосферу того времени, и позволяющих видеть в прошлом проблемы, созвучные современным, которые стали значимыми на нынешнем этапе противостояния Востока и Запада.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дагестан, искусство, фашизм, народ, театр, культура, поэзия.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз и начавшаяся Великая Отечественная война потребовали величайшего напряжения сил всего народа и мобилизации всех ресурсов страны на отпор врагу. За короткий промежуток времени, страна превратилась в сплочённый боевой лагерь. В соответствии с военным положением, объявленным в первые дни войны, правительством была разработана программа военной перестройки культурной жизни страны.

Значительную роль в достижении Великой Победы сыграли деятели искусств страны. На протяжении четырёх лет войны произведения искусства, литературы, музыки стали мощнейшим идейным и духовным оружием в борьбе с фашизмом. Развитие получает военная тематика и все произведения того времени были пронизаны патриотическим духом. В годы войны практически в каждом жанре так или иначе были отражены переживания или события военных лет.

Учреждения культуры и искусства, вся творческая интеллигенция направили свою деятельность на мобилизацию всех сил на борьбу с врагом и на осуществление основного лозунга военного времени: «Всё для фронта, всё для победы!».

Долгих 1418 дней и ночей продолжалась беспрецедентная героическая борьба, которую вели народы Советского Союза с фашистской Германией и её сателлитами, защищая свободу и независимость своей Родины. Главным фактором победы в этой войне стали единение и боевое содружество всех народов СССР.

Великая Отечественная война потребовала наивысшего напряжения всех сил страны, массового героизма солдат, офицеров Красной Армии, партизан, участников подполья, самопожертвования и стойкости тружеников тыла.

С первых же дней войны раскрылись лучшие нравственные черты интеллигенции страны: высокая гражданственность и полная готовность посвятить себя служению Родине. Стихами и прозой, песней и музыкой, средствами изобразительного и театрального искусства творческая интеллигенция страны поднимала народ на защиту Родины, воспитывала патриотизм и ненависть к врагу, самоотверженность и героизм на фронте и в тылу.

Словно могучий набат, зазвучал гимн В. Лебедева-Кумача и А. Александрова «Священная война». На страницах печати появились стихи К. Симонова, А. Суркова публицистика А. Фадеева, М. Шолохова, Н. Тихонова, М. Исаковского и др., призывающие народ к отпору врагу. Боевым оружием стала сатира: огромной популярностью пользовались «Окна ТАСС», которые поднимали дух народа, большими тиражами распространялись по всей стране плакаты «Родина–мать зовёт!» И. Тоидзе, «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» Курьиников, «Воин Красной Армии, спаси!» В. Корецкого, «Ты чем помог фронту?» Д. Моора.

Центральное место в работе творческих коллективов театров страны, деятелей кино в годы войны занимала героико-историческая и военно-патриотическая тема. По горячим следам выпускались хроникально-документальные фильмы и ленты «Боевого киноальманаха». Деятели советского кино приступили к созданию полнометражных художественных фильмов, посвящённых военно-патриотической теме.

Ход войны, победы Красной Армии развеяли надежды идеологов фашизма на развал и поражение многонационального Советского Союза.

Кавказ занимал одно из главных мест в захватнических планах Гитлера из-за выгодного стратегического положения и богатейших месторождений нефти и других полезных ископаемых.

В частности, немецкое командование придавало большое значение Дагестану, намереваясь превратить столицу республики Махачкалу в военно-морскую базу на Каспийском море, очистив дагестанские земли от местного населения и заселив их немцами. Также, в октябре 1942 г. в фашистской пропагандистской листовке говорилось: «Дагестан богат рыбой, скотом и фруктами. Развито виноделие. Дагестан может стать серьёзным источником снабжения продовольствием великой Германии» [1].

Как и по всей стране, в обстановке высокого патриотического подъёма шла мобилизация по всему Дагестану. Воины страны гор на полях сражений с честью оправдали высокое доверие своего народа и Родины.

Лучшие черты воина-дагестанца воплотились в подвигах легендарного подводника Героя Советского Союза Магомеда Гаджиева, выдающегося лётчика дважды Героя Советского Союза Аметхана Султана, в мужестве Героев Советского Союза Валентина Эмирова, Юсупа Акаева и Николая Гальченко. В первые же дни войны А. Твардовский писал в газете «Красная звезда» об отважном поединке с превосходящими силами противника Саида Ибрагимова. Беспримерную стойкость при защите Брестской крепости проявили Максуд-Гирей Шихалиев и Арслан Сурхайханов. 920 немецких солдат и офицеров истребил пулемётчик Ханпаша Нурадилов. На крымской земле Магомед-Загид Абдулманапов, попав в плен и не боясь смерти, гордо заявил: «У всех у нас, советских людей, одна Родина». Дагестан дал стране более пятидесяти Героев Советского Союза, и более ста тысяч дагестанских воинов было награждено орденами и медалями.

Многие известные деятели дагестанской культуры сражались на фронтах Отечественной войны: писатели Х. Авшалумов, К. Меджидов, Б. Митаров, композиторы – Н. Дагиров, М. Плоткин, драматурги А-П. Салаватов, М. Курбанов, художник Б. Смирнов и многие другие.

Активно участвовали в различных рода оборонительных мероприятиях деятели культуры, которые не подлежали мобилизации.

Из-за болезни Эффенди Капиева не взяли в армию, но ему удалось попасть на фронт в качестве военного корреспондента. В годы войны он жил в Пятигорске, где выступал на антифашистских митингах, в агитпунктах, создал окно сатиры и сочинял патриотические песни. «Фронтные очерки» и «Записные книжки», написанные им в годы войны, рассказывают о подвигах советских воинов и об отдельных эпизодах на фронте.

«Идёт жестокая, беспощадная самая справедливая из всех войн, – отмечал Э. Капиев в своих «Записных книжках». – Здесь выбора нет. Здесь нельзя оставаться в стороне. Профессия писателя, считалось, мирная профессия... Теперь писатели в бою» [2].

Народный поэт Гамзат Цадаза был инициатором поэтических обращений для поднятия боевого духа воинов-дагестанцев и создания письма-газеты «Дагестан – своим фронтовикам», пользовавшейся большой популярностью. В это тяжёлое время он обратился с призывом к своим землякам: «Вставайте на защиту родных гор и ущелий!», а его патриотические стихи придавали народу силы и уверенности в победе.

Художники Дагестана – М. Джамал, Ю. Моллаев, М. Юнисилау и другие с первых же дней войны занима-

лись оформлением общественных зданий, военкоматов, агитационных и призывных пунктов, а также выпуском боевых листовок. Республиканским краеведческим музеем были организованы передвижные выставки, посвящённые Советской Армии и флоту.

Первый дагестанский композитор Г. Гасанов в самом начале войны находился в Ленинграде и активно участвовал в сооружении оборонительных объектов на подступах к городу.

В годы войны, в связи с уходом в действующую армию значительной части творческих работников, временно была прекращена деятельность отдельных учреждений искусства, в частности, Русского, Лакского, Дербентского театров, было закрыто музыкальное училище.

Плодотворным было пребывание в Дагестане творческих коллективов, эвакуированных в Махачкалу из Москвы, Ростова и Харькова. Помимо постановки спектаклей они вели активную военно-шефскую работу.

В годы войны важную роль в политическом просвещении народных масс, их организации и мобилизации на решение военных, хозяйственных, культурных и идеологических задач играли печатные издания, в частности газеты. Значительно возросла роль радио как средства оперативного информирования населения о событиях на фронтах и трудовых подвигах советских людей. Также через периодическую печать и радиовещание шла информация о важнейших событиях международной жизни, значительных фактах из жизни науки, культуры и искусства.

Представители дагестанской интеллигенции трудились на оборонительных сооружениях. Несмотря на шестидесятилетний возраст, поэт А. Гафуров вдвойне перевыполнял дневные задания и был награждён орденом Трудового Красного Знамени [3].

Специальные бригады от коллективов радиокомитета, театров, ансамбля песни и танцев и других учреждений культуры регулярно выезжали на рытьё окопов и сооружение оборонительных объектов. Особое внимание уделялось проведению массово-агитационной работе, развёртыванию социалистического соревнования, проведению стахановских дней, декадников и двухнедельников на основных стройках военных лет, создавалась многотиражная газета, выпускались боевые листовки и «Окна ТАСС».

В первые же месяцы войны, к 01 сентября 1941 г. трудящиеся Дагестана внесли в фонд обороны несколько миллионов денежных сбережений и облигаций Госздайма, большое количество сельскохозяйственной продукции, ценных изделий из драгоценных металлов [4]. Эти взносы направлялись на строительство танковых колонн и эскадрилий самолётов. Творческие коллективы, представители художественной интеллигенции отчисляли в фонд обороны страны средства от спектаклей и концертов, личные гонорары, отправляли посылки на фронт, входили в состав делегаций, направляемых в части действующей армии.

В годы войны особое значение приобрело патриотическое воспитание дагестанского народа на героических традициях многовековой истории республики. Этой теме было посвящено творчество многих дагестанских писателей, драматургов, художников, композиторов, театральных коллективов и концертных организаций.

Так, в 1942 г. в театре прошла пьеса по мотивам рассказов М. Хуршилова «Андаляльцы» о персидско-дагестанской битве, которая произошла двести лет назад.

О героических эпизодах истории горских народов также слагали музыкальные произведения композитора Г. Гасанов, П. Проскурин и другие. В начале 1944 г.

была создана Дагестанская филармония, которая активно способствовала развитию музыкального творчества в республике.

В 1943 г. вышел первый поэтический сборник Р. Гамзатова- видного поэта 20 века, определившего дальнейшую судьбу всей поэзии Дагестана. Поэма «Слава, краснодонские сыны!» рассказывала о подвиге молодогвардейцев, погибших в борьбе с фашизмом, а стихи «Однофамильцу моего брата», «Песни Сааду» и другие были посвящены подвигам горцев на полях сражений [5].

Благодаря богатому литературному и музыкальному наследию военных лет в настоящее время можно почувствовать душевное состояние героев книг, их патриотический настрой, понять насколько губительной была эта война и какие тяжёлые были её последствия.

Несмотря на все трудности, деятельность деятелей искусства Дагестана представляет собой пример высокого патриотического служения своей многонациональной Родине и всему народу. Героические традиции творчества военных лет, боевой и гражданский дух того времени, представленные в поэзии и прозе, театральном и изобразительном искусстве, а также в музыке являются образцом великого служения Отчизне, ярким проявлением патриотизма интеллигенции Дагестана и её крепкой связи с народом в борьбе с фашизмом.

Многие не вернулись с войны: это драматурги: А-П. Салаватов, имя которого носит Кумыкский государственный театр, М. Курбанов, автор единственной пьесы «Молла Насредин», прозаики Ю. Гереев, Р. Дин-Магомаев, поэты Б. Митаров, М. Стальский, актёры Аварского, Лезгинского, Кумыкского, Лакского театров – С. Алибеков, Г. Гимбатов, И. Менафов, Д. Бекбулатов, З. Султанов и многие другие.

Искусство военных лет является важнейшей частью современной культуры, которая оказывает активное воздействие на формирование духовного мира современного человека. Многие произведения, созданные в военное время, не потеряли своего значения и в последующие годы.

Несмотря на то, что прошло уже почти семьдесят восемь лет и Великая Отечественная война становится всё более далёкой историей для современного поколения, тема войны не исчерпала себя в искусстве и остаётся актуальной. Военная тематика вдохновляет деятелей дагестанской культуры на создание произведений, передающих атмосферу того времени, и позволяющих видеть в прошлом проблемы, созвучные современным гражданским проблемам.

Литература

1. Асваров Н.А., Амирова З.М., Гасанов М.Р. и др. История Дагестана с древнейших времён до наших дней. – Махачкала, АЛЕФ, 2012. – С. 351.
2. Искусство Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Очерки истории. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1984. – С. 20.
3. Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. – Махачкала, 1962. – С. 428–429.
4. История Дагестана. – Москва, 1968, Т. 3. – С. 348–349.
5. Шигабуудинов М.Ш., Магомедов А.А., Гасанов М.Р. и др. История Дагестана с древнейших времён до наших дней. – Махачкала, изд-во Юпитер, 1997. – С. 321.

CONTRIBUTION OF DAGESTAN ARTISTS IN THE FIGHT AGAINST FASCISM

Mamayeva M.A., Bigaeva Z.S., Lobacheva Z.N.
DagGAU named after M.M. Dzhambulatov

The article examines the activities of the Dagestan intelligentsia during the Great Patriotic War. The authors tried to recreate the events of the war years, the struggle of the peoples of Dagestan against the Fascist invaders. Despite all the difficulties of wartime, the activities of artists of Dagestan are an example of high patriotic service to their multinational Homeland and the whole people.

Even today, the military theme, while remaining relevant, inspires figures of Dagestan culture to create works that convey the atmosphere of that time and allow them to see in the past problems consonant with modern ones, which have become significant at the current stage of the confrontation between East and West.

Keywords: the Great Patriotic War, Dagestan, art, fascism, people, theater, culture, poetry.

References

1. The history of Dagestan from ancient times to the present day., Asvarov N.A., Amirova Z.M., Hasanov M.R. et al. – Makhachkala, ALEF, 2012. – P. 351.
2. The Art of Dagestan during the Great Patriotic War 1941–1945: Essays on History – Makhachkala: Dagestan Publishing House, 1984. – P. 20.
3. Dagestan during the Great Patriotic War. Memories of the participants of the events. – Makhachkala, 1962. – pp. 428–429.
4. History of Dagestan. Vol.3. – Moscow, 1968. – pp. 348–349.
5. The history of Dagestan from ancient times to the present day. Shigabudinov M. Sh., Magomedov A. A., Hasanov M.R. and others. – Makhachkala, Jupiter Publishing House, 1997. – p. 321.

Оценка эффективности мер Российской Федерации по нейтрализации угроз транснациональной преступности

Тетюхин Виталий Викторович,

аспирант, Департамент международной безопасности и внешней политики России, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: Mrvitalyvi@yandex.ru

В России, как и в других странах, транснациональная преступность остается серьезной проблемой, с которой необходимо бороться. Существует ряд факторов, которые могут затруднять борьбу с транснациональной преступностью в России: коррупция в правоохранительных и правительственных структурах; отсутствие эффективной сотрудничества с некоторыми странами; низкий уровень осведомленности и сознательности населения.

В статье рассмотрена специфика отечественной системы противодействия транснациональной преступности. Отмечается, что по ряду направлений государству удается относительно успешно нейтрализовывать угрозы международной преступности, тогда как по другим направлениям наблюдаются некоторые препятствия и неразрешенные проблемы. В структуре транснациональной преступности все большую долю начинает занимать киберпреступность. Основной мерой противодействия киберпреступности на государственном и межгосударственном уровне является правовое регулирование. Отмечается высокий уровень работы системы нейтрализации угроз, связанных с производством, контрабандой и сбытом наркотических веществ. Выделена проблема недостаточной осведомленности общественности и деловых кругов об опасностях транснациональной преступности и недостаток информационных кампаний.

Ключевые слова: транснациональная преступность, борьба с преступностью, органы внутренних дел, киберпреступность, контрабанда, наркотические вещества.

Организованная преступность, как правило, редко фиксируется в пространстве одного государства; по мере развития и укрупнения деятельность преступных групп неизбежно принимает транснациональный характер. Транснациональная преступность – достаточно сложный феномен, сопряженный с различными экономическими, политическими и миграционными факторами. Кроме того, транснациональная преступная деятельность в каждом из своих проявлений – киберпреступность, терроризм, коррупция и проч. – выступает индикатором вторжения одного государства на территорию и в различные сферы суверенитета других стран [4, с. 71].

Политические меры играют важную роль в борьбе с транснациональной преступностью по ряду причин. Во-первых, укрепление международного сотрудничества: для борьбы с транснациональной преступностью необходимо с целью координации действий: необходимо координировать действия правоохранительных органов разных стран, чтобы эффективнее раскрыть и пресечь преступную деятельность. Политические меры могут способствовать координации действий, например, путем создания международных организаций и координационных центров. Во-вторых, политические усилия требуются в целях создания правовых основ для борьбы с транснациональной преступностью: нормативные акты позволяют обмениваться информацией, задерживать и экстрадировать преступников. В-третьих, имеют важность политические меры финансового характера: финансовые средства являются основным источником дохода для многих транснациональных преступных группировок. Политические меры могут способствовать пресечению финансирования преступной деятельности путем создания соответствующих законодательных и правовых механизмов.

Оценить масштабы международной транснациональной преступности и ее точный ущерб национальным экономикам достаточно сложно: международная статистика по преступности и интерпретация конкретных фактов могут обнаруживать существенные различия в зависимости от используемых источников и точки зрения. Тем не менее, можно привести некоторые общие тенденции и факты, характеризующие транснациональную преступность как глобальную проблему. Известно, к примеру, что организованные преступные группировки действуют практически во всех странах мира, а их глобальный годовой доход оценивается примерно в 1,5 триллиона долл. США. «Цена» такой преступности, указывает А.А. Грибков, составляет около 3,6% от мировой экономики. Согласно докладу ООН, объем средств, полученных в результате легализации денежных средств, заработанных преступным путем, составляет около 2% глобального ВВП [6, с. 82].

Среди последних тенденций в развитии транснациональной преступности – рост объема киберпреступлений. По данным Интерпола, среди новейших тенденций киберпреступности – «программы-вымогатели», фишинг, онлайн-мошенничество и взлом. Кроме того, сексуальная эксплуатация и насилие над детьми в Интернете (OCSEA) вошла в десятку основных тенденций в об-

ласти киберпреступности в 62% стран, входящих в сеть Интерпола [14]. Инструментарий, применяемый киберпреступниками, становится все более изощренным; сама же киберпреступность направлена как на частных лиц, так и на корпоративные структуры, а также, что особенно важно, – на правительства. Глобальная и тотальная цифровизация обусловили распространение новых видов мошенничества и финансовых махинаций, которые за счет возможностей Сети беспрепятственно преодолевают государственные границы.

Проблема торговли людьми как отдельного вида транснациональной преступности также не утратила своей остроты. По приблизительным оценкам, миллионы людей ежегодно становятся жертвами принудительного труда, сексуальной эксплуатации и других форм торговли людьми. Данная проблема тесно взаимосвязана с незаконным оборотом наркотических веществ и контрабанды. Незаконный оборот наркотиков и контрабанда являются ключевым источником доходов транснациональных преступных группировок. Коррупционные преступления, ранее считавшиеся внутренней проблемой государства, сегодня, в связи с формированием международных политических, торговых финансовых институтов, получают развитие на глобальном уровне. Следует отметить, что в последние годы наблюдался спад по показателям торговли людьми, обусловленный пандемией. По данным отчета ООН Global Report on Trafficking in Persons 2022, число выявленных жертв торговли людьми сократилось впервые за 20 лет: пандемия ограничивает возможности трансграничного перемещения людей с одной стороны, а с другой – сократились правоприменительные возможности для выявления престу-

плений такого рода. В целом по миру в 2022 г. наблюдалось 11%-ное снижение числа жертв по сравнению с 2019 г. На 59% упали объемы работоторговли в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе, на 40% – в Северной Африке и на Ближнем Востоке, на 36% – в Центральной Америке и Карибском бассейне [15].

Транснациональный аспект коррупции – широко распространённая проблема многих развитых и развивающихся стран, подрывающая демократические основы общества и замедляющая темпы экономического развития. Безусловно, терроризм также сохраняет свой статус одной из наиболее серьезных угроз глобальной безопасности.

Важно отметить, что все вышеперечисленные проблемы крайне сложны и, как правило, взаимообусловлены, поэтому их решение требует скоординированных усилий правительств, правоохранительных органов, организаций гражданского общества и транснациональных институтов.

Специалисты, которые обращаются к анализу форм и методов противодействия преступности, определяют, как правило, два ключевых вектора в деятельности государственных органов по обеспечению безопасности в контексте угроз со стороны транснациональной преступности: законодательно-правовые рычаги (законодательные положения и нормы, модернизация законодательного массива) [1, с. 107].

Российская Федерация принимает различные меры для борьбы с транснациональной преступностью и нейтрализации ее угроз. Представим основные направления принятия мер в рассматриваемой области (Таблица 1):

Таблица 1. Система мер, направленных на противостояние транснациональной преступности (Российская Федерация)

Тип мер	Содержание мер
Законодательные меры	Принятие законодательных актов, направленных на борьбу с транснациональной преступностью, в том числе региональных актов, актов федерального значения, международных договоров и соглашений. К примеру, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, Рекомендации Финансовой действующей группы по борьбе с отмыванием денег (FATF), Федеральный закон от 8 января 1998 года № 1-ФЗ «О борьбе с организованной преступностью» и Федеральный закон от 21 ноября 1996 года № 150-ФЗ «О борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем» и проч.
Международное сотрудничество	Россия сотрудничает с другими странами в рамках международных организаций и интеграционных объединений, таких как Организация Объединенных Наций (ООН), Интерпол, ЕАЭС [3, с. 164], Союзное государство и проч. Сотрудничество включает обмен информацией, проведение совместных расследований и преследование международных преступников.
Повышение квалификации правоохранителей	Правоохранительные органы организуют обучение и подготовку сотрудников правоохранительных органов для более эффективной борьбы с транснациональной преступностью.
Технические меры	Разработка и имплементация инновационных технологий для борьбы с транснациональной преступностью, специализированного программного обеспечения, средств видеонаблюдения и систем идентификации и аутентификации личности.
Финансовые меры	Правительством создана комплексная система финансового мониторинга для выявления и предотвращения финансовых преступлений. Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) отвечает за мониторинг финансовых операций и выявление подозрительной деятельности. Центральный банк России ввел более строгие правила в отношении деятельности банков (в частности, в плане требований к проверке клиентов и обязательств по сообщению о подозрительной деятельности).
	Россия является участником Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), межправительственной организации, которая устанавливает международные стандарты борьбы с легализацией доходов и финансированием терроризма. Принимают меры по конфискации активов, полученных незаконным путем (к примеру, замораживание банковских счетов и конфискацию имущества, полученного в результате преступной деятельности).

Примечание: собственная разработка автора

Как видно из представленных выше данных, в России развернута комплексная система противодействия транснациональной преступности. Тем не менее, уровни

достижений в каждой из обозначенных выше областей вариативны; в ряде направлений государству удается относительно успешно нейтрализовать угрозы меж-

дународной преступности, тогда как по другим направлениям наблюдаются некоторые препятствия и неразрешенные проблемы. В данной связи обратимся к анализу и оценке существующих мер в рамках предметных областей, выделенных нами в Таблице 1.

В контексте международного сотрудничества российскими дипломатами, представителями органов власти и правоохранителями уже были достигнуты существенные успехи. Особую значимость обретают усилия трех ведомств – Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности и Следственного комитета. Именно данные структуры наиболее тесно и систематично взаимодействуют с иностранными органами обеспечения безопасности. В ведении МВД, в частности, находится взаимодействие с Интерполом; посредством 80 региональных отделений осуществляется прямое взаимодействие с иностранной полицией [6, с. 83]. Следует отметить, что вследствие геополитических противоречий уровень интенсивности сотрудничества России с Интерполом существенно снизился, в особенно на фоне недавних призывов мировой общественности исключить Россию из Интерпола в принципе. Тем не менее, исключение такого важного геополитического звена, как Россия, из глобальной правоохранительной сети, приведет к возникновению существенных проблем и пробелов в обеспечении международной безопасности.

Приоритетным направлением деятельности МВД выступает заключение межведомственных соглашений. В числе наиболее значимых направлений договорной работы – развитие отношений с партнерами из СНГ. В контексте деятельности СНГ странами-участницами было сформировано Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории СНГ (БКБОП) [2]. Данная институциональная структура, как показывает обзор аналитических и статистических данных, является одной из наиболее результативных как в контексте деятельности СНГ по нейтрализации угроз транснациональной преступности, так и в контексте обеспечения национальной безопасности России. Приведем ряд наиболее показательных примеров, доказывающих эффективность функционирования Бюро. Усилиями ведомства за 2022 г. были предприняты меры по экспертно-правовой проработке ряда важнейших документов: проект Соглашения о взаимодействии государств-участников СНГ по вопросам документирования лиц, подлежащих принудительной высылке; проект Программы сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 гг.; проекты решений Совета министров иностранных дел СНГ и Совета глав государств СНГ «О предоставлении Содружеству Независимых Государств статуса Наблюдателя при Организации Договора о коллективной безопасности» и проч. [12, с. 4].

На текущем этапе МВД России в рамках участия в деятельности Бюро принимает меры согласно целевым установкам Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 гг., а также согласно Плану-графику проведения комплексных согласованных и/или совместных оперативно-профилактических мероприятий на 2019–2023 гг. Как указано в официальном отчете о результатах деятельности за 2022 г., в ходе мероприятий было выявлено 81612 преступлений, 24555 лиц было привлечено к уголовной ответственности; удалось пресечь деятельность 1352 организованных преступных группировок, идентифицировать 40285 административных правонарушений, привлечь к административной ответственности 38701 лицо [12, с. 13]. В ходе проведения оперативно-

профилактических мероприятий розыскного характера было обнаружено местоположение 7677 обвиняемых и подозреваемых; разыскано пропавших без вести – 3277, в т.ч. несовершеннолетних – 457; раскрыто преступлений – 2253 [12, с.15]. В общей сложности за 2022 г. исполнено 6458 материалов по вопросам межгосударственного розыска [12, с. 17].

МВД в лице подотчетных ему структур выступает ядром системы противодействия транснациональной преступности в стране. Среди недостатков существующей системы организации работы в рамках структур внутренних дел исследователи называют дублирование функций функциональных и региональных подразделений, «отсутствие показателей, позволяющих адекватно оценивать данное направление правоохранительной деятельности» и невозможность достоверно оценить динамику работы [9, с. 64].

В полномочия Следственного комитета входит международное сотрудничество по различным направлениям борьбы с преступностью. Благодаря ряду двусторонних соглашений с правоохранителями иностранных государств, а также расширению норм уголовно-процессуального законодательства российские органы следствия и суды получили возможность действовать за пределами государства: применять задержание и другие меры принуждения в отношении иностранцев, и лиц без гражданства. Речь идет о зафиксированных в ч. 5 УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» механизмах и принципах [8, с. 90].

Данные меры мы считаем достаточно эффективными – они неоднократно демонстрировали свое действие в реальной практике. Тем не менее, как указывает А.А. Грибков, существует ряд проблем, связанных с необходимостью получения согласия принимающей страны в случае отсутствия двусторонних договоров [6, с. 83]. Следует предположить, что усиление дипломатических усилий в сторону заключения большего числа международных соглашений в области содействия работе Следственного комитета за рубежом поможет устранить проблемы такого рода.

ФСБ России также делает ощутимый вклад в международном сотрудничестве, обладая связями со множеством иностранных ведомств. Оценить эффективность принимаемых ФСБ мер не представляется возможным в силу самой специфики деятельности ведомства, не предполагающей публичное раскрытие данных. Помимо прочих ведомств, можно также отметить деятельность Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ (СМВД) и объединенной коллегии МВД государств-участников Союза Белоруссии и России.

Международное сотрудничество как компонент системы нейтрализации угроз международной преступности реализуется за счет участия России во множестве конвенций, договоров и соглашений, перечислить которые в рамках одной статьи невозможно из-за их количества. Отметим, к примеру, Международную конвенцию по борьбе с подделкой денежных знаков от 1929 г., Конвенцию Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 1988 г., Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 2001 г., Договор между РФ и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 2014 г. и проч.

Как показывает реальная практика и динамика развития транснациональной преступности, все большую долю в ней начинает занимать **киберпреступность**. Киберпреступность – это глобальная проблема, затра-

гивающая отдельных лиц, предприятия и правительства во всем мире. По оценкам Cybersecurity Ventures, к 2025 году глобальный ущерб от киберпреступлений достигнет 10,5 триллионов долларов ежегодно¹. Статистические данные подчеркивают масштаб и влияние киберпреступности на глобальном уровне и подчеркивают необходимость дальнейших усилий по борьбе с этой растущей угрозой.

Основной мерой противодействия киберпреступности на государственном и межгосударственном уровне является правовое регулирование, модернизация правовых норм, криминализация новых деяний, ужесточение ответственности за существующие преступления, совершенные в цифровом пространстве. Борьба с международной киберпреступностью в России – сложный вопрос, требующий сотрудничества между различными заинтересованными сторонами, включая правоохранительные органы, государственные органы, экспертов по кибербезопасности, бизнес и общественность.

Для борьбы с международной киберпреступностью в России важно укрепить правовую базу страны в области кибербезопасности и разработать эффективные правоохранительные механизмы. Кроме того, важно расширить возможности правоохранительных органов в России, таких как Федеральная служба безопасности (ФСБ) и Министерство внутренних дел (МВД), по расследованию и уголовному преследованию киберпреступников. Это может включать специализированное обучение сотрудников правоохранительных органов, инвестиции в передовые технологии и инструменты для расследования киберпреступлений, а также сотрудничество с международными правоохранительными органами в целях обмена информацией и ресурсами.

К сожалению, качество и эффективность механизмов борьбы с киберпреступлениями в России не всегда соответствуют их фактическим масштабам. Некоторые авторы говорят о чрезмерной мягкости санкций за «хакерские» преступления в России: большая часть осужденных за киберпреступления получает условные сроки лишения свободы, в отношении многих лиц уголовные дела были прекращены с назначением судебного штрафа. Кроме того, простор для киберпреступлений создает также неограниченный оборот sim-карт [5]. Борьба с киберпреступлениями осложняется неопределенностью в правовом статусе криптовалюты и иных цифровых активов. Уголовное законодательство, кроме того, не содержит дефиниции категории «киберпреступность» [10, с. 900].

В связи с ростом числа киберпреступлений – внутренних и транснациональных – МВД и Следственный комитет сформировали специализированные подразделения по борьбе с киберпреступностью; созданы также автоматизированные системы для выявления преступлений в киберпространстве. По данным Генеральной прокуратуры, слабым местом в системе мер является отсутствие налаженной взаимосвязи органов внутренних дел и иных компетентных органов, прежде всего Росфинмониторинга, Роскомнадзора и Банка России; тем не менее, за последние два года, раскрываемость киберпреступлений выросла в 1,5 раза [5].

Говоря о таком типе транснациональной преступности, как **производство, контрабанда и сбыт наркотических веществ**, следует сказать, что Россия накопила огромный опыт в плане противодействия угрозам такого рода. Текущая структура мер представляет собой мно-

гоуровневые матрицы, глубоко дифференцированные и имеющие характерную иерархию [7, с. 93]. Активно принимаются меры, направленные на противодействие незаконному обороту наркотических средств. К примеру, в целях противодействия наркоугрозе, участники СНГ приняли Модельный закон о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах; в контексте деятельности Шанхайской организации сотрудничества Россия заключила Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; Российская Федерация и приграничные государства действуют также в рамках межведомственных Соглашений. Безусловно, это далеко не полный перечень международных актов, регламентирующих вопросы нейтрализации наркопреступности. Ключевую роль в данном сегменте играет Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, усилиями которой ежегодно ликвидируется более 80% организованной инфраструктуры наркосбыта и перехватывается 90% оптовых поставок [7, с. 94].

В заключение следует отметить, что многие отечественные авторы [11, 13 и др.] говорят о наличии пробела в рассматриваемой нами системе мер. Речь идет о недостаточной осведомленности общественности и деловых кругов об опасностях транснациональной преступности. Налицо недостаток информационных кампаний по повышению осведомленности общественности. А.Л. Берестовенко справедливо отмечает: «достижение единства народа по существенным вопросам совместного бытия возможно при наличии гражданского общества» [1, с. 107]. В ситуациях, когда официальные меры не в силах в полной мере гарантировать нейтрализацию угроз международной преступности, возрастает значимость гражданского общества. Слаженная информационно-коммуникативная система способна стать мощной мобилизующей силой в борьбе с преступностью.

Таким образом, в России, как и в других странах, транснациональная преступность остается серьезной проблемой, с которой необходимо бороться. Существует ряд факторов, которые могут затруднять борьбу с транснациональной преступностью в России: коррупция в правоохранительных и правительственных структурах; отсутствие эффективной сотрудничества с некоторыми странами; низкий уровень осведомленности и сознательности населения.

Литература

1. Берестовенко, А.Л. Институциональные факторы политики России по противодействию международной трансграничной транснациональной преступности / А.Л. Берестовенко // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – № 5. – С. 104–116.
2. Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (БКБОП). – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/2829/77467/>. – Дата доступа: 23.03.2023.
3. Войников, В.В. Перспектива развития в рамках Евразийского экономического Союза сотрудничества в области трансграничного передвижения лиц и борьбы с преступностью / В.В. Войников // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 159–171.
4. Галиев, Б.Б. Принципиальность и компромиссность в вопросах борьбы с организованной преступностью / Б.Б. Галиев // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 29 (283). – С. 71–74.

¹ Cybercrime To Cost The World \$10.5 Trillion Annually By 2025. – 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damages-6-trillion-by-2021/>. – Дата доступа: 23.03.2023.

5. Генпрокуратура подготовила меры по борьбе с киберпреступностью в России– 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/9032391>. – Дата доступа: 23.03.2023.
6. Грибков, А.А. Проблемы международного сотрудничества правоохранительных органов России в борьбе с трансграничными преступлениями / А.А. Грибков // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 2 (14). – С. 82–84.
7. Гутиева, И.Г. Транснациональная организованная преступность как угроза национальной безопасности / И.Г. Гутиева // ИСОМ. – 2016. – № 5–1. – С. 93–95.
8. Забавка, В.И. Основные направления взаимодействия государств в противодействии международной преступности: правовой аспект / В.И. Забавка // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 6. – С. 89–95.
9. Захватов, И.Ю. Противодействие преступности транснационального и межрегионального характера – актуальная задача органов внутренних дел / И.Ю. Захватов, Е.В. Соколов // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 1 (57). – С. 58–65.
10. Кириленко, В.П. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы / В.П. Кириленко Виктор Петрович, Алексеев Георгий Валерьевич // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – № 6. – С. 898–913.
11. Никитина, И.Э. Некоторые аспекты научного обеспечения международного сотрудничества в борьбе с преступностью / И.Э. Никитина // Научный портал МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 132–135.
12. О результатах деятельности бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ за 2022 год. – М., 2023. – 57 с.
13. Санташов, А.Л. Уголовная политика в сфере противодействия терроризму / А.Л. Санташов, А.В. Мионов, А.Н. Рубищев // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 1. – С. 49–54.
14. 2022 INTERPOL Global Crime Trend Summary Report. – Lyon: INTERPOL General Secretariat, 2022. – 22 p.
15. Global Report on Trafficking in Persons 2022. UNITED NATIONS OFFICE ON DRUGS AND CRIME. – New York, 2022. – 186 p.

EVALUATION OF THE EFFICIENCY OF MEASURES OF THE RUSSIAN FEDERATION TO NEUTRALIZE THE THREATS OF TRANSNATIONAL CRIME

Tetyukhin V.V.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

In Russia, as in other countries, transnational crime remains a serious problem that needs to be combated. There are a number of factors that may complicate the fight against transnational crime in Russia: corruption in law enforcement and government structures; lack of effective cooperation with some countries; low level of awareness and consciousness of the population.

The specifics of the domestic system of combating transnational crime are considered. It is noted that in a number of areas the state

manages to relatively successfully neutralize the threats of international crime, while in other areas there are some obstacles and unresolved problems. In the structure of transnational crime, cybercrime is beginning to occupy an increasing share. The main measure to counteract cybercrime at the state and interstate level is legal regulation. A high level of work of the system for neutralizing threats associated with the production, smuggling and sale of narcotic substances is noted. The problem of insufficient awareness of the public and business circles about the dangers of transnational crime and the lack of information campaigns are highlighted.

Keywords: transnational crime, fighting crime, internal affairs, cybercrime, smuggling, narcotic substances.

References

1. Berestovenko, A.L. Institutional factors of Russia's policy on combating international cross-border transnational crime / A.L. Berestovenko // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2018. – No. 5. – S. 104–116.
2. Bureau for Coordinating the Fight against Organized Crime and Other Dangerous Types of Crime on the Territory of the CIS Member States (BCBOP). – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://e-cis.info/cooperation/2829/77467/>. – Access date: 03/23/2023.
3. Voinikov, V.V. Prospects for development within the framework of the Eurasian Economic Union of cooperation in the field of cross-border movement of persons and the fight against crime / V.V. Voinikov // Journal of Russian Law. – 2019. – No. 9. – S. 159–171.
4. Galiev, B.B. Principle and compromise in the fight against organized crime / B.B. Galiev // Bulletin of ChelGU. – 2012. – No. 29 (283). – S. 71–74.
5. The Prosecutor General's Office has prepared measures to combat cybercrime in Russia – 2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://tass.ru/obschestvo/9032391>. – Access date: 03/23/2023.
6. Gribkov, A.A. Problems of international cooperation of law enforcement agencies of Russia in the fight against cross-border crimes / A.A. Gribkov // Problems of science and education. – 2018. – No. 2 (14). – S. 82–84.
7. Gutieva, I.G. Transnational organized crime as a threat to national security / I.G. Gutieva // ISOM. – 2016. – No. 5–1. – S. 93–95.
8. Zabavka, V.I. The main directions of interaction between states in counteracting international crime: legal aspect / V.I. Zabavka // Bulletin of economic security. – 2022. – No. 6. – S. 89–95.
9. Zakhvatov, I. Yu. Countering transnational and interregional crime is an urgent task of the internal affairs bodies / I. Yu. Zakhvatov, E.V. Sokolov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 1 (57). – S. 58–65.
10. Kirilenko, V.P. Harmonization of the Russian criminal legislation on combating cybercrime with the legal standards of the Council of Europe / V.P. Kirilenko Viktor Petrovich, Alekseev Georgy Valerievich // All-Russian Criminological Journal. – 2020. – No. 6. – S. 898–913.
11. Nikitina, I.E. Some aspects of the scientific support of international cooperation in the fight against crime / I.E. Nikitina // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – No. 3 (27). – S. 132–135.
12. On the results of the activities of the bureau for coordinating the fight against organized crime and other dangerous types of crimes on the territory of the CIS member states for 2022. – М., 2023. – 57 p.
13. Santashov, A.L. Criminal policy in the field of countering terrorism / A.L. Santashov, A.V. Mironov, A.N. Rubishchev // Journal of Applied Research. – 2021. – No. 1. – S. 49–54.
14. 2022 INTERPOL Global Crime Trend Summary Report. – Lyon: INTERPOL General Secretariat, 2022. – 22 p.
15. Global Report on Trafficking in Persons 2022. UNITED NATIONS OFFICE ON DRUGS AND CRIME. – New York, 2022. – 186 p.